А.С. Марзей

Черкесское наездничество ЗекIуэ

П. И. Грузинский.
Черкесы в горах.

Из истории военного быта черкесов в XVIII - первой половине XIX века

Оглавление:

Адыг (черкес) означает воин

Когда молодой талантливый ученый, один из моих учеников, Асланбек Марзей положил на стол рукопись книги об адыгском наездничестве, назвав его черкесским, меня это нисколько не удивило. Поскольку понятие «нарты», «адыге» и «черкесы» — звенья одной цепи и дословно переводятся как «военные люди, воины». Накопившиеся за последние годы материалы по древней этнической истории народов Северного Кавказа, Малой Азии и сопредельных регионов позволят в скором времени пересмотреть многие устоявшиеся и сегодня еще кажущиеся незыблемыми постулаты в этой довольно-таки щекотливой области этнологической науки.

Историю, культуру этноса формируют многие составляющие, которые определяют его неповторимый облик и позволяют ему занять свое, особое место в гамме культуры человечества. Игнорирование тех или иных сторон исторического наследия этноса обедняет и искажает сам его феномен. Наука знает много примеров, когда в угоду политической конъюнктуре или по другим причинам замалчивались либо тенденциозно характеризовались народы.

В ряде «сложных» проблем отечественной историко-этнологической науки темы, связанные с прошлым и настоящим народов Кавказа, занимали и занимают специальное место. Избавление от груза идеологических клише происходит постепенно, в том числе благодаря восполнению пробелов в изучении культурного наследия этносов, проживающих в этом регионе. Народы Северного Кавказа с раннего средневековья, т. е. со времени появления первых более или менее обстоятельных письменных свидетельств о них, были известны как отважные, славные воины. Эти их качества, сложившиеся в силу конкретных объективных причин, во многом определили их судьбу и облик. Однако специальных исследований, посвященных анализу подобных недостаточно изученных и часто предвзято интерпретируемых черт историко-культурного «облика» «кавказцев», тем более исследований солидных, до обидного мало.

Представленная работа как раз и призвана восполнить один из существующих в данном направлении пробелов. Этим определяется ее новизна и актуальность.

Информационные материалы монографического исследования кандидата исторических наук А. С. Марзея «Черкесское наездничество (Из истории военного быта черкесов в XVIII - первой половины XIX в.)» позволяют увидеть корни института наездничества северокавказского региона и Малой Азии, в прошлых (до н. э.) тысячелетиях связать его с мифологией и нартским эпосом, известиями греческих, византийских, сирийских и арабских авторов. Уже в те далекие времена военной демократии шло формирование устного народного творчества и архаической формы нартского эпоса, а также процесс обособления и этнической консолидации адыгов. И хотя в эпосе события и действия облечены в мифологическую форму, а его герои представлены богатырями, богами, духами и чудовищами, они отражают конкретные исторические отношения людей и указывают на специфику северокавказской цивилизации.

Если общепринятой является истина о том, что в основе всех войн и столкновений лежал прибавочный продукт, борьба за средства существования и сферы влияния, то А. С. Марзей абсолютно прав, видя в существе института наездничества не столько экономические интересы складывавшегося этноса, сколько политические события, сложности исторической судьбы, специфику быта и образа жизни. Как ни парадоксально, при всем негативном отношении человека к войнам нельзя отрицать того факта, что именно они наравне с хозяйственно-трудовой деятельностью сыграли определяющую роль в социально-культурном развитии многих регионов земного шара, начиная со Скандинавии, кончая Японией и Северным Кавказом. Поэтому не случайно обычное право, а затем и свод норм поведения и, в частности, черкесский кодекс «Уэркъ хабзэ» взаимосвязывались с понятиями военного образа жизни, рыцарской чести, достоинства и многих других составляющих критериев нравственности.

В статье «Историко-этнологические взгляды Лонгворта», касаясь проблем войны и мира в народном представлении адыгов, мне приходилось писать о том, что весь уклад жизни адыгов, начиная с воспитания, традиционных праздников, заканчивая безболезненной сменой места жительства, был пронизан военным бытом. Такое состояние их жизни в постоянной готовности к защите и бою, выбор менее уязвимого места для поселений и временных стоянок, мобильность в сборах и передвижении, умеренность и неприхотливость в пище, развитое чувство солидарности и долга, вели, конечно, к милитаризации. То есть налицо, с одной стороны, специфические комплексы духовных представлений, способствующих воинственности. С другой стороны, их воспитание строилось на

взаимопонимании, привитии молодежи открытости, дружелюбия, уважения к людям, особенно к старшим по возрасту.

Экономические потребности общества также не определяли институт наездничества в первые века нашей эры, средневековье и новое время, характеризовавшееся крайней политической напряженностью на просторах Северного Кавказа: он по-прежнему оставался средством и необходимым условием сохранения боевой готовности. А позднее - стремлением к славе, а для некоторых сословий - рычагом повышения своей престижности.

Ряд исследователей психологии черкесского наездничества замечали, что последние (черкесы) относились к нему, как к некоему торжеству, сопровождаемому показательными праздничными выступлениями джигитов. В день битвы воины одевались в новые черкески, обвешивались дорогим оружием, нередко изготовленным у известных кавказских мастеров, а народные барды - джегуако, подобно представителям средств массовой информации, фиксировали наиболее впечатляющие эпизоды схваток. Экипировка наездника (оружие, одежда, походное снаряжение), по характеристике А. С. Марзея, была четко продумана и максимально соответствовала целям выживания и существования в экстремальных условиях военного быта.

Престиж, опирающийся на реальность успеха предпринимаемого похода, лежал и в основе почитания черкесами лошадей, ценность которых нередко определялась целым состоянием. Будучи одним из древних земледельческих и скотоводческих народов, еще задолго до нашей эры, в период хеттского царства, они создали особую породу выносливых и надежных, но, без преувеличения сказать, умных и боевых лошадей.

Изучая правила ведения войн, особенности военных обычаев черкесов, А. С. Марзей совершенно обоснованно, на наш взгляд, оперирует таким понятием, как «культура войны». Во всей дореволюционной русской и европейской литературе трудно найти факты, где черкес характеризовался бы варваром, разрушающим материальные ценности: сжигал бы посевы, уничтожал сады, осквернял пищу, предательски убивал, проявлял жестокость, нападал на безоружных, убивал человека в собственном жилище, мародерствовал, издевался бы над ранеными и трупами противников, даже кровников.

Не исключался, конечно, захват скота, имущества и даже пленение людей. Но именно захваченные трофеи вместе со сложенными о героях песнями и рассказами определяли степень категории сложности похода, мужества и

удали наездника, воинскую славу и популярность в обществе, а для крестьян и потомков от неравных браков «тума» — компенсацию социального происхождения. Не было большего позора и оскорбления для черкеса, если по пути домой кто-то в новой схватке отбивал приобретенную в бою добычу, так как это означало сведение к нулю всех его военных заслуг.

Не ставившее целью обогащение наездничество завершалось раздачей захваченной добычи всем участникам похода, старшим князьям общины, родственникам, друзьям, бедным односельчанам. В самой процедуре раздачи и одаривания, которые на основе материалов обычного права анализирует А. С. Марзей, имело место много нюансов социального и возрастного порядка, статуса выполняемых обязанностей в данной кампании, а также касающихся семей погибших или выкупа попавших в плен.

Начало нашей эры вплоть до середины XIX в. было временем не просто миграционных процессов различных этносов, а военно-экспансионистских устремлении, начиная со скифо-сарматов и гуннов, заканчивая татаро-монголами, крымскими ханами и европейскими державами. Постоянная нестабильная обстановка при отсутствии централизованной власти и единой армии ориентировали психологический склад народа и ментальность на сохранение специфических этнических качеств, стремление к самосохранению, выживанию и независимости.

Нам думается, что автор не случайно определяет хронологические рамки исследования XVIII - XIX вв., исходя из того, что это особый период в истории адыгов и народов Северного Кавказа, примечательный не просто обострением политических отношений и противостояний в регионе, но и резким проявлением и затем поэтапной, последовательной трансформацией классической традиционной культуры. Не случайно к этому рубежному времени многовековой истории адыгов стали обращаться авторы, используя все предшествующие известия и источники, начиная с античного времени вплоть до новой истории. В поле зрения специалистов и просто наблюдателей оказались различные аспекты общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни адыгов, в том числе и традиционный институт наездничества.

Естественно, что отсюда особый интерес вызывают страницы комплексного и обстоятельного исследования А. С. Марзея, в котором

образно и красочно рассказывается о генетических основах института наездничества во взаимосвязи с сопутствующими элементами традиционной культуры, причинах его сохранения в адыгском обществе в разных социальных системах, о целевой мотивации и разновидностях походов (политических, связанных с междоусобицами, национально-освободительной борьбой; умыканием невест и других естественно-жизненных проблем), мужских союзах, тайных языках наездников, формах отработки тактики сражений.

В отличие от своих предшественников, А. С. Марзей шире и глубже рассматривает понятие «зек I уэ», видя в нем не просто средство самоутверждения и далеко не цель захвата добычи, а совершение путешествий, стремление к острым ощущениям в познании неведомого, завязывание новых контактов и связей с соседними народами. А посему термин «зек I уэ» он возводит к понятию «зекIуэн» - «ходить». Действительно, к примеру, фамильные предания нередко повествуют о походах адыгов далеко за пределы северокавказского региона.

Автор приводит интересный факт из этикета наездников, указывающий на генетическую предрасположенность адыгов к походной жизни, о котором мне приходилось слышать еще в 70-е гг. от старейшего жителя Нижнего Черека Абражида Бакеевича Шокумова, I888 г. рождения. Суть состояла в том, что при встрече возвращающегося из набега и отправляющегося в набег воина последний обязательно должен был пригласить первого в новый поход. Иное поведение воспринималось как оскорбление возвращающегося из похода.

Скрупулезен и обстоятелен ученый и в вопросах тактики, особенностей действий адыгов разных этнических групп, отличающихся общественными отношениями и административным устройством. Им воспроизводится военная техника конных и пеших, больших и малых отрядов, в предгорных и лесных природно-географических условиях, открытых сражениях внутри своего этноса и вне его; показывается роль и место предводителя в сельской общине, войске и отряде, последствия для него неудачного похода. Ответственность, возлагавшаяся на руководителя похода, по мнению А. С. Марзея, связывалась не только с качеством «гъуазы» - полководца и путеводителя, разведчика, обладателя обостренной интуиции, но и умением создать психологический настрой участников отряда, проверить надежность их обмундирования, предусмотреть массу и других тонкостей и хитростей. Со временем у адыгов сложилась целая система знаковых понятий и ориентиров, связанных с походами, таких, скажем, как определение пути передвиже-

ния по Полярной звезде, Млечному пути, расположению звезд, направлению ветров, многочисленным приметам. Развевавшиеся над отрядами, партиями и дружинами флаги, степень их наклона и направления не только были сигналами к определенным действиям их команд, но и информацией к действию, просьбой о помощи к союзникам, представителям соседних этнических групп, оказавшихся в зоне происходящих сражений и событий.

Примечателен также данный в книге широкий спектр вопросов, касающихся быта, военного воспитания молодежи, песенного фольклора джегуако, института аталычества, философского взгляда на проблемы земного существования, обрядов, связанных с наездничеством и т. д.

А. С. Марзей далек от идеализации традиционных общественных институтов адыгов, объективно представляя их такими на фоне исторического развития, какими они были в жизни, в реальности. С выходом этого глубоко профессионального труда кавказоведение сделало плодотворный шаг в сторону осмысления слабоизученных страниц отечественной истории.
А. И. Мусукаев, д-р ист. наук, проф.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение традиционных институтов у разных этносов - одно из приоритетных направлений отечественной этнологии. Исследование традиционных институтов народов Кавказа, начатое до революции, было продолжено в советское время. Были проведены крупные разработки, как общетеоретического характера, так и по отдельным народам. Рассматриваемый нами институт наездничества входил в число основных и важных аспектов истории народов Кавказа. В интересующее нас время наибольшего развития он достиг у адыгов (черкесов) и дагестанцев, но был в большей или меньшей степени развит и у других народов Северного Кавказа (абхазов, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, осетин). Исследование данной темы имеет, на наш взгляд, большое значение для понимания историко-политических и социально-экономических процессов, происходивших в период XVIII - сер. XIX в. на Северном и Северо-Западном Кавказе. Несомненно, специфические комплексы духовных представлений, способствовавшие развитию характерной для северокавказских этносов воинственности, продолжают сохраняться и ныне в психологии этих народов. Анализ этнических концепций и систем воспитания, способствующих или препятствующих развитию воинственности, может дать много для понимания не только

исторического прошлого северокавказских народов, но и современных социально-политических проблем, имеющих место на Северном Кавказе.

Несмотря на то, что наездничество входило в систему основных и наиболее характерных традиционных институтов адыгов, как в дореволюционной, так и в советской этнографической науке оно не стало объектом специального, комплексного исследования. Между тем этот институт на протяжении длительного времени играл значительную роль в жизни адыгского общества, и его изучение имеет не только научно-познавательное, но и практическое значение. Традиционная воинственность и предрасположенность к военной деятельности кавказцев вообще, и адыгов, в частности, сыграли и продолжали играть до недавнего времени значительную роль в жизни черкесской зарубежной диаспоры.

«Проникновение значительных групп черкесов в страны Ближнего Востока и Северной Африки началось еще в IX - X вв. и было обусловлено,- отмечает А. Кушхабиев,- двумя главными факторами - налаженной черкесами эффективной системы военной подготовки и феодальной раздробленностью Северного Кавказа. Основными формами этого проникновения были работорговля и наем отдельных групп на военную службу [73, 20]. Скопление значительного количества черкесов в Египте привело к захвату ими в 1382 г. власти, которую они удерживали до 1517 г. После включения Египта в состав Турецкой империи значительное число черкесов пополнило ряды османской элиты как в государственной, так и в военной сфере. По данным Н. Бэрзэджа, «с 1530 г. по последние годы черкесского изгнания звания османских пашей получили около 250 черкесов... около 115 человек стали маршалами, генералами, командирами воинских частей...» [30, 111].

После окончания Русско-Кавказской войны в 1864 г. и изгнания черкесов с Кавказа в османскую империю большое их число влилось в ряды турецкой армии, а само черкесское население использовалось как военно-служилое сословие. По данным того же Н. Бэрзэджа, с 1864-го по 1910 гг. более 150 черкесов стали маршалами, генералами, командирами крупных воинских частей [30, 111]. Среди известных военных деятелей в истории Турции можно назвать следующие имена: маршал Зеки-паша - командующий четвертым корпусом, инициатор создания спецподразделения иррегулярной кавалерии «Хамидие», генерал Казим-паша - командующий 6-й Кавдивизией, Эдхэм-паша - командующий первым «летучим» конным корпусом, Али Фуад Джебесой - командующий войсками Западного фронта в период войны против держав

Антанты, маршал Февзи Чакмак - начальник Генштаба турецкой армии с 1924-го по 1944 г., генерал Исуф Изет-паша и многие другие.

По сведениям У. Мьюира, в период с 1824 г. до конца XIX столетия преобладающую часть командных постов египетской армии занимали офицеры иностранного происхождения, около половины из которых были черкесы [73, 64-64].

Немало имен черкесских офицеров вошло в историю независимой Сирии. Среди них отличившиеся в арабо-израильских войнах и получившие правительственные награды: Мемдух Абаза, возглавлявший в звании генерал-майора военно-воздушные силы САР в 1980-1982 гг., Ауад Баг – генерал -лейтенант, в прошлом министр обороны, в настоящее время заместитель министра обороны; генерал Бадруддин Бажнук Тахир - организатор одной из сирийских армий; генерал Гиса Апиш - директор военного (танкового) училища в Хомсе; генерал бронетанковых войск Рияд Халид Цей; командующий контингентом сирийских войск в Ливане генерал Сайд Баратар; генералы Джемалдин Озде-мир, Сами Баг, Омар Шапсуг, Мухамед Шеркас и другие. В настоящее время, по данным А. Кушхабиева, в армии и полиции САР служат 35 генералов-черкесов [73, 155-156].

Заметный вклад внесли черкесы в историю становления Хашимитского Иорданского королевства и его вооруженных сил. В военной истории Иордании известны многие имена черкесских офицеров, такие, как генерал Фоаз Махер Бирмамит - начальник Генштаба вооруженных сил в 1961-1963 гг.; генерал Мухамед Идрис - начальник Генштаба в 1976-1978 гг.; генерал Анвар Мухамед Исмаил - командующий королевской гвардией в 1971-1976 гг.; генерал Исмаил Осман - командующий военно-воздушными силами страны в 1956 -1962 гг.; генерал Тахсин Шурдум - командующий пограничными войсками в настоящее время и другие. По сложившейся традиции, только черкесы служат в отряде внутренней дворцовой стражи короля. Особой популярностью среди черкесов пользуется служба в военно-воздушных силах [73, 171].

Военная служба является традиционно основным занятием израильских черкесов-мужчин, проживающих компактно на территории Израиля в двух деревнях - Кефар-Кама и Рихание.

Причины, корни такого явления, как традиционная предрасположенность адыгов к военной деятельности, которая наблюдается до настоящего времени среди черкесской диаспоры в странах Ближнего и Среднего Востока, можно найти при изучении вышеуказанного института.

Хронологические рамки исследования данной темы: XVII - сер. XIX вв. Выбор этого отрезка времени был обусловлен следующими соображениями:

- наездничество - традиционный институт, существовавший у адыгов с очень древних времен, о чем свидетельствует нартский эпос;

- для истории адыгов был характерен замедленный темп развития социально-экономических отношений и консервативность основных форм общественной жизни;

- исходя из сказанного, можно утверждать, что этот институт бытовал у адыгов без существенных изменений столетиями; между тем для его комплексного исследования основная источниковая база приходится именно на XVIII — XIX вв;

- верхняя граница хронологических рамок определена тем, что с середины XIX в. на Кавказе были установлены российские военно-административные порядки. В результате основные традиционные институты адыгского общества были запрещены. С этого времени наездничество утратило характер самостоятельного общественного института, но продолжало существовать еще долгое время в пережи-точной, трансформированной форме под названием «абречества».

Наездничество, как справедливо отмечает Б. Х . Бгажноков, «по своей значимости в социальной жизни, в духовной атмосфере феодальной Черкесии - одна из самых примечательных страниц ее истории» [21, 79]. Это явление было столь специфично и характерно для черкесов, что почти все авторы и источники, начиная с античных, упоминают о нем. Поэтому для изучения данной темы существует достаточное количество исторических источников.

В исследовании института наездничества у адыгов мы основывались в первую очередь на богатейшем литературном материале XVIII - первой половины XIX в., собранном и систематизированном в сборнике «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX вв.»; составление и редакция переводов В. К. Гарданова [7]. Среди опубликованных в этом сборнике следует отметить таких авторов, как Дж. Белл [25] и Дж. Лонгворт [77].

Их свидетельства отличаются большой информативностью и объективностью в связи с тем, что оба автора долгое время жили среди западных черкесов и имели возможность непосредственно наблюдать их

гражданский и политический быт. Среди литературных источников большое значение имеют труды первых адыгских просветителей: Ш. Б. Ногмова, Хан-Гирея, Адыль-Гирея, К. Атажукина, А. Г. Кешева, С. Сиюхова, С. Крым-Гирея и других. Значимость этих работ определяется тем, что их авторы, будучи черкесами, являлись носителями черкесского языка и черкесской культуры и, следовательно, как никто другой, знали особенности тех или иных обычаев, явлений общественной жизни. Кроме того, они жили непосредственно в интересующую нас эпоху или же вскоре после нее, когда исследуемый нами институт был еще действующим, самостоятельным и функционально значимым для жизни адыгского общества. В связи с этим следует особо отметить труды Хан-Гирея, которые содержат богатый этнографический и исторический материал. Будучи природным адыгом (из бжедугов), Хан-Гирей был хорошо знаком с жизнью черкесов и поэтому многие ее стороны отражены в его трудах с большой достоверностью. Что же касается его главной работы - «Записки о Черкесии»,- то этот труд можно назвать этнографической энциклопедией адыгов» [I36].

Из работ зарубежных авторов следует отметить опубликованные в последнее время на русском языке книги Эд. Спенсера [I2I] и Т. Лапинского [75]. Ценность этих исторических источников заключается в том, что оба автора, живя подолгу среди западных черкесов, имели возможность близко, так сказать, изнутри, ознакомиться с их жизнью и бытом. Что касается нашей темы, особенный интерес представляет описание военной организации западных черкесов, сделанное Т. Лапинским.

Большое значение имеет исследование фольклорного материала, исторических преданий, песен, тем более, что большая часть песенного фольклора адыгов посвящена главной фигуре нашего исследования - адыгскому наезднику, воину, его образу жизни. Колоссальная работа по собиранию и систематизации народного песенного фольклора завершена выпуском трехтомного издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов»; составители В. Х . Барагунов и З. П. Кардангушев [94, 95]. Кроме того, нами были использованы фольклорные материалы, подготовленные и изданные Кабардино-Балкарским институтом истории, филологии и экономики (ныне КБИГИ) в 1979 и 1988 гг. [130, 131].

Важным комплексом источников, легших в основу нашего исследования, являются архивные материалы. Часть из них - это документы, опубликованные в 1957 г. в двухтомном сборнике «Кабардино-русские отношения» [54].

Разнообразный и ценный материал по нашей теме сосредоточен в фондах Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики и Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) Российской Федерации.

В ЦГА КБР нами исследованы материалы 6, 16, 22, 23 фондов, содержащие дела о разбойных нападениях, конокрадстве, так называемых «передержательстве» и «пристанодательстве» абреков и другие. Представляют интерес сведения о системе штрафов за раскрытое воровство скота и лошадей устанавливаемых кабардинскими адатами (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 521, л. 50), а также нормы обычного права, не допускающие обращения в рабство похищенных людей свободных сословий (ф. 23, оп. 1, ед. хр. 986, л. 145). Интересные сведения, касающиеся особенностей отношений между похитителями и пострадавшей стороной, обнаружены в ЦГВИА, ф. 13454, оп. 6, д. 1126, л. 2. Большой фактический материал по военной организации черкесов и отработанной ими системе набегов содержится в ф. 13454, оп. 6, д. 26, 134, 73, 1130, 1137. Богатый полевой материал по наездничеству хранится в архиве КБИГИ (ф. 10, оп. 1, ед. хр. 11,12).

При изучении истории и этнографии адыгов важное значение имеют записи обычного права. Из них нами были использованы «Материалы Я. М. Шарданова по обычному праву кабардинцев перв. пол. XIX в.» [81], а также «Постановления о сословиях в Кабарде» - запись обычного права, опубликованная в качестве приложения в книге Ш. Б. Ногмова «История адыхейского народа» [101].

В работе использован полевой этнографический материал, собранный автором в различных населенных пунктах КБР, а также у представителей зарубежной адыгской (черкесской) диаспоры. Ввиду того, что наездничество как самостоятельный институт перестал бытовать у черкесов с сер. XIX в., а в начале XX в. прекратило существование уже и в трансформированной форме, полевой материал по данной теме не мог быть большим. Тем не менее следует отметить ценность полученной информации об адыгских терминах, связанных с наездничеством. Многие из них вышли из обихода и могут бесследно исчезнуть, если их не зафиксировать.

Сведения, касающиеся адыгской терминологии, связанной с оружием, экипировкой и военной организацией, были получены от сотрудников Национального музея КБР Х . Х . Яхтанигова и Ф. Я. Дугужа, за что автор выражает им свою признательность.

Необходимо указать еще на один вид источников, который использовался нами - это музейные экспонаты из фондов Национального музея КБР и Государственного исторического музея Российской Федерации. Фотоматериал, включенный в книгу в качестве приложения, призван наглядно проиллюстрировать наше исследование при освещении таких вопросов, как-то: конь и конское снаряжение, экипировка воина (оружие, одежда, походное снаряжение).

Что касается историографии данной темы, то надо заметить, что ни в дореволюционной этнографической литературе, ни позже наездничество не стало объектом специального исследования. Тем не менее, дореволюционные авторы в своих работах не могли не коснуться такого яркого и специфического в жизни черкесов явления, как наездничество. Труды этих исследователей (С. Броневский, И. Бларамберг, К. О. Сталь, Н. Дубровин, В. А. Потто, Л. Я. Люлье, Н. Ф. Грабовский и другие) представляют большую ценность не только в качестве научных работ, но и как важные исторические источники. С одной стороны, они современники интересующей нас исторической эпохи, с другой - многие из них, находясь на службе в Кавказской армии, по служебной необходимости должны были изучать адыгские традиции и обычаи, в том числе военные. Именно эти авторы обозначили интересующее нас явление термином «наездничество». И. Бларамберг, В. А. Потто, К. Сталь, Н. Дубровин связывали его с военными походами, беря за основу термина слово «наезд», означающее нападение, набег. Наездничество можно интерпретировать по-разному. Если, например, брать за основу слово «наездник», т.е. всадник, оно будет означать искусство конной езды, кавалерийское искусство. Этот аспект в изучаемом нами явлении имеет важное значение, но он не является определяющим. Поэтому употребление термина и его трактовка, введенная вышеуказанными авторами, является, на наш взгляд, более правомерной. Основные суждения и выводы, касающиеся интересующей нас проблемы, отличались достаточной объективностью. Так, например, при рассмотрении причин и мотивов черкесских набегов они старались не упрощать этого явления, сводя все к голому материальному интересу. В частности, В. А. Потто отмечал, что у черкесов, совершавших набеги, «желание добычи стояло далеко не на первом плане; чаще увлекала их жажда известности, желание прославить свое имя каким-либо подвигом» [111. Т. 2. 333]. Кроме этой особенности черкесского наездничества, русские дореволюционные авторы (К. О. Сталь и другие) совершенно справедливо замечали, что наездничество сознательно культивировалось и поощрялось в черкесском обществе как средство поддержания военной мобильности и сохранения политической независимости [122, 100]. В то

же время они не смогли в своих трудах избежать определенной политической конъюнктуры, что, впрочем, вполне естественно. В большинстве своем это были официальные военные историки, призванные исторически обосновать колониальную политику царизма на Кавказе. Их работы писались во время Русско-Кавказской войны или непосредственно вскоре после ее окончания, когда еще не прошло достаточно времени для объективных оценок, свободных от влияния официальных политических установок. Отсюда часто употребляемые в отношении кавказских горцев, в том числе и черкесов, некорректные и не научные термины «хищники», «хищничество», которыми они пользуются как синонимами термина «наездничество».

Как уже отмечалось выше, институт наездничества специально не рассматривался как в дореволюционной, так и в современной этнографической литературе. Среди современных исследователей, в большей или меньшей степени затрагивавших эту проблему можно назвать таких ученых, как М. В. Покровский, В. К. Гарданов, Б. Х . Бгажноков, А. Керашев. Из них следует отметить труды Б. Х . Бгажнокова, прежде всего «Очерки этнографии общения адыгов» [21]. В указанной работе есть одна глава - «Образ жизни адыгской феодальной знати», в которой данная проблема поднимается и анализируется, правда, в узком аспекте, заданном тематикой данной работы.

Проблема черкесского наездничества в рамках газетной статьи затрагивается А. Керашевым. Не отрицая бесспорного факта существования в Черкесии в XVIII - середине XIX вв. практики «военной экспансии» (наездничества), суть и природу его, автор видит в следующем:

- набеговая система у черкесов возникла во время зарождения классовых отношений и была связана с естественной потребностью общества в захвате новых территорий, имущества и пленных, т. е. она была порождена экономическими факторами, обусловленными, в свою очередь, изменениями в базисе общества;

- как и другие общественные явления, имеющие свойство перерастать архаические рамки базиса, в котором они родились, наездничество преодолело переходный характер своей сущности. В эпоху феодализма наездничество, значительно трансформировавшееся, становится у черкесов неотъемлемым атрибутом нового способа производства, приобретая черты классового явления;

- представление о всеобщей воинственности черкесов лишено оснований. Наездничество, как правило, выступало прерогативой княжеско-дворянской верхушки и для других слоев общества (крестьянства) было характерно в значительно меньшей степени;

- учитывая достаточно высокий уровень развития основных отраслей экономики Черкесии (земледелие и скотоводство), а также особенности национальных традиций и этикета (порицание роскоши, стяжательства, поощрение щедрости, скромности в быту и др.), ключ к пониманию сущности наездничества надо искать не в экономической сфере, а в области политики и этикета;

- черкесское наездничество XVII - первой половины XIX вв. - это не способ существования народа, а особый, феодальный, по сути, механизм поддержания военной мобильности общества в условиях стабильной внешнеполитической напряженности в регионе [60].

В целом соглашаясь с основными тезисами автора, нельзя считать приемлемой формулировку только одного из них, утверждающего, что «в эпоху феодализма наездничество... становится у черкесов неотъемлемым атрибутом нового способа производства...». В данном случае оно входит в противоречие с другим, самим же автором, выдвинутым тезисом, что наездничество переросло архаические рамки базиса, в котором оно родилось, преодолело переходный характер своей сущности, и поэтому ключ к его пониманию надо искать не в экономической сфере, а в области политики и этикета.

Во-первых, способ производства, как известно, это составная базиса любого общественного строя, а политика и этикет относятся к сфере надстройки общества. Во-вторых, войны и захват добычи не являются сами по себе атрибутами способа производства, в данном случае феодального. Они появляются в истории в связи с изменениями в базисе (развитие средств производства, появление прибавочного продукта, имущественной и социальной дифференциации, зарождение нового способа производства и классообразование). В свою очередь, зародившись, они сами становятся фактором, ускоряющим процесс классообразования и становления нового способа производства. Но если появление этого института связано с изменениями в базисе общества в период классообразования, то его дальнейшее существование или исчезновение в эпоху феодализма необходимо искать в области надстройки общества. В данном случае сюда можно отнести как раз те

факторы, о которых говорит автор: внешнеполитическая напряженность, особенности традиционных этикетных ценностей и т. д.

В работах М. В. Покровского и В. К. Гарданова наездничество рассматривается в аспекте его социального содержания, особенностей общественно-экономического развития и классовых взаимоотношений в адыгском феодальном обществе. Так, например, М. В. Покровский в одной из своих работ делает вывод о том, что одной из причин бегства в пределы России в первой половине XIX в. адыгских крепостных крестьян и рабов, были грабительские набеги адыгской аристократии, сопровождавшиеся захватом имущества и членов их семей с последующей продажей в рабство. Даже свободные крестьяне (тфокотли) вынуждены были по этой причине искать убежища в России [108, 182]. М. В. Покровский отмечает, что в подавляющем своем большинстве переселенцы были представителями низших сословий (крепостные крестьяне и рабы) и в меньшей степени — представители свободного крестьянства. Но здесь, надо заметить, что автор интерпретирует отдельные факты, не связывая их с конкретной исторической и политической ситуацией. Так, например, говоря о разбойных набегах дворян на жилища тфокотлей в прикубанских аулах, автор не уточняет, что это происходило во время Русско-Кавказской войны. В ходе национально-освободительной войны, так называемые «непокорные черкесские племена» часто, в качестве репрессивных мер, использовали набеги на своих сородичей из числа «покорных», т. е. перешедших под контроль русской военной администрации. Правовые обычаи адыгов (черкесов) предусматривали определенные механизмы и правила, ограничивающие и регулирующие функционирование института наездничества. Так, например, не допускалось обращение в рабство и продажа людей свободных сословий, запрещалось совершать набеги на общества, с которыми заключены союзные обязательства и некоторые другие ограничения. В данном случае автор не учитывает конкретные политические факторы и историческую обстановку: во время Русско-Кавказской войны не только отдельные люди, но и целые общества считались «предателями» ввиду того, что они объявляли покорность русскому правительству и не принимали участия в национально-освободительной борьбе. Поэтому на них многие положения и нормы правовых обычаев не распространялись.

В известной монографии В. К. Гарданова «Общественный строй адыгских народов» (XVIII - перв. пол. XIX в.) [37] наездничество также рассматривается с точки зрения его социального содержания. Автор справедливо отмечает, что занятие наездничеством было в основном

прерогативой высших сословий (князей и дворян) и для других слоев (свободное и зависимое крестьянство) не было столь характерно.

Набеги настолько были неотъемлемой чертой образа жизни адыгской феодальной знати, что русская администрация была вынуждена долгое время закрывать глаза на то, что этим продолжали заниматься офицеры из числа адыгской аристократии, находящиеся на русской службе. При этом, они занимались этим промыслом и у «чужих», и у «своих» (т. е. на территории непокорных адыгов и на территории, контролируемой русской администрацией) [37, 174-175].

Среди выводов, содержащихся в указанной работе, есть такие, которые носят спорный характер. Так, например, наездничество, широко распространенное в адыгском обществе, рассматривается как признак характеризующий степень развитости общественных (феодальных) отношений. В своем труде В. К. Гарданов, в частности, пишет: «Огромная роль феодальных набегов в общественной жизни адыгов XVIII - перв. пол. XIX в. является одним из самых ярких и убедительных свидетельств того, что феодальные отношения у адыгов находились еще на сравнительно ранней, примитивной стадии развития» [37, 177]. Очевидно, что для определения уровня развитости феодальных отношений, данный признак не является определяющим, по нему нельзя судить об уровне развитости общественных отношений. Несомненно, что набеги были порождены эпохой так называемой «военной демократии» и их сохранение в эпоху феодализма характерно именно на ранних его стадиях. Но, как считают многие отечественные ученые (А. И. Першиц и др.), институты и обычаи родоплеменного строя могут сохраняться в качестве реститутов и дериватов и в развитых классовых обществах, не только феодальных, но даже капиталистических. К примеру, в некоторых областях Италии до наших дней сохраняется обычай кровной мести. Но вряд ли на основании этого мы позволим себе делать выводы об уровне развития там капиталистических отношений [53, 501].

Без понимания тех особенностей, исторических закономерностей, действовавших при переходе от первобытнообщинного строя к классовому, трудно понять многие проблемы, связанные с изучением этого классового общества.

В связи с этим большую помощь в разработке нашей темы оказало изучение и использование последних теоретических разработок отечественных ученых, изложенных в коллективном труде «История первобытного общества: период классообразования» [53]. В частности, в

главе II указанной работы (автор Л. Е. Куббель) рассматривается, как войны в эпоху первобытно-общинного строя влияли на ускорение процеса классообразования, когда «укрепление военной организации в конечном счете вело к появлению военно-демократических и военно-иерархических форм общественной организации, ставших затем важными ступенями на пути классообразования и политогенеза [53, 212-216,231-235].

Войны в ранней истории человечества, истории отдельных народов (в том числе адыгов) стали предметом специального исследования в коллективном труде А. И. Першица, Ю. И. Семенова, В. А. Шнирельмана [34].

Изучение этнографических материалов периода первобытно-общинного строя, как уже отмечалось, может дать много для понимания некоторых проблем феодального общества. В этом отношении, на наш взгляд, примечателен труд зарубежного (итальянского) историка Ф. Кардини «Истоки средневекового рыцарства» [59]. Хотя автором этого исследования делаются выводы на материалах истории Западной Европы, некоторые его выводы, да и сам метод исследования, помогли нам в понимании многих проблем изучаемой темы. Отличительной чертой этого метода является то, что автор не просто констатирует и описывает те или иные институты феодализма, особенности образа жизни, обычаев, но и пытается найти их корни, показать, откуда они произошли, как развивались и во что в конце концов оформились уже в эпоху феодализма. Так, например, он прослеживает эволюцию родоплеменного вождя и его дружины в феодального сеньора и средневековое рыцарство. Аналогии с Западной Европой при изучении наездничества как определяющей черты образа жизни адыгской феодальной знати вполне уместны, по нашему мнению. Ведь адыги, несмотря на все своеобразие их истории, проходили те же ступени в социально-экономическом, политическом и культурном развитии, что и другие народы мира. Как справедливо отмечают авторы коллективного труда, посвященного истории народов Северного Кавказа, у них «общие закономерности человечества проявлялись в национальном своеобразии, но никогда народы Северного Кавказа не были чем-то исключительным, изолированным»[52].

Хотя, как уже было сказано, специальных исследований по проблеме наездничества у черкесов нет, есть много работ, не посвященных конкретно данной теме, но изучающих некоторые вопросы, прямо или косвенно связанные с этим институтом. Так, вопросы военно-физической подготовки, институт аталычества специфика военной организации и военной тактики черкесов рассматривался в работах таких авторов, как Г.

А. Кокиев, В. Б. Видинбахов С. Х . Мафедзев, Б. Х . Бгажноков, Г. Х . Мамбетов и другие. Традиционные методы военно-физического воспитания, институт аталычества стали, например, предметом изучения в работе С. Х . Мафедзева «Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов» [87].

Адыгский этикет (адыгэ хабзэ) и его составная часть (уэркъ хабзэ) стали объектом исследования в работах Б. Х . Бгажнокова [19], А. И. Мусукаева [91], К. Х . Унежева [129].

Система военно-спортивных игр и упражнений описываются Б. Х . Бгажноковым в ряде статей, а также в его книге «Черкесское игрище» [23, 24, 22]. А. Т. Шортанов в работе «Адыгские культы» [143] среди прочих проблем освещает такие, как религиозные, мифические представления адыгов, связанные с институтом «зекIуэ», культ Бога наездничества - ЗекIуэтхьэ, культ коня, обычай излечения раненого «КIапщ», народные приметы, суеверия и некоторые другие, имеющие отношения к нашей теме.

Оружие, военная экипировка, конская сбруя черкесов изучены и описаны Э. Аствацатуряном в книге «Оружие народов Северного Кавказа» [15]. Традиционная одежда черкесов, в том числе и походные ее элементы, исследованы в трудах Е. Н. Студенецкой [123].

Глава I

ВОЙНЫ В ЖИЗНИ АДЫГОВ И СТАТУС ВОИНА В ЧЕРКЕССКОМ ОБЩЕСТВЕ

§1. Институт наездничества — ЗекIуэ Организация ШупщыIэ

С незапамятных времен войны, во всех их проявлениях, занимали большое место в жизни адыгов.

Будучи важным стратегическим регионом, являясь воротами из Азии в Европу, Кавказ был объектом постоянной военной экспансии. Многочисленные завоеватели побывали здесь: скифы, сарматы, гунны, хазары, полчища Чингисхана и Тамерлана. Многие государства считали Кавказ зоной своих интересов и вели с местными племенами и народами долгие и изнурительные войны. Помимо войн с иноземными

захватчиками и с соседними народами, адыги, разделенные на множество этнических групп, вели частые междоусобные войны.

«Трудно найти на земле, которую мы населяем,- писал И. Бларамберг,- народы, которые защищали бы свою свободу и независимость с большим упорством и которые в то же самое время беспокоили бы еще больше своих соседей, чем жители Кавказа. Все эти народы имеют большую склонность к войне» [28, 25].

На протяжении многих столетий адыгское общество находилось в перманентном состоянии войны. «В ту эпоху,- писал о средневековой Кабарде Ш. Б. Ногмов,- Кабарда представляла вид рассеянного воинского стана, где каждый, ополчась, охранял свое имущество вооруженной рукой» [101, 115].

Стремление к свободе и независимости, а стало быть, к сохранению своих обычаев, самобытности, своей системы морально-этических ценностей, было преобладающим мотивом в жизни этого народа, легло в основу его менталитета.

Гордость, свободолюбие и независимый характер черкесов отразились в их религиозных верованиях, культах, в отношении к языческим Богам. Отношения легендарных предков адыгов - нартов и языческих богов скорее напоминают форму партнерства, взаимных обязательств, чем слепого почитания, страха, подчинения перед высшими силами.

Нарты общаются с богами с уважением, но как с равными, просто субстанциями другой природы. Боги приглашают нартов на свои пиры; нарты могут находиться в дружеских отношениях с богами, приносить им дары, жертвоприношения, а могут быть в неприязненных отношениях, даже в состоянии войны, если боги не соблюдают взаимных обязательств.

В таких условиях внутреннего и внешнего развития, а именно: постоянная угроза внешней экспансии, междоусобные войны, политическая нестабильность; отсутствие централизованного государства с единой армией и другими атрибутами, а также немногочисленность адыгского этноса сделали необходимыми появление своих механизмов, институтов, способствовавших самосохранению, жизнестойкости адыгского общества.

Одним из таких механизмов был чрезвычайно военизированный быт феодальной Черкесии. Правом ношения оружия пользовались все члены общества, кроме домашних рабов. «Все мужчины с возраста 13-15 лет и до старости приучены носить оружие. Воспитание детей все направлено к

тому, чтобы внушить им величайшую храбрость ... храбрость у них первая добродетель»,- сообщал Рафаэль Скасси о натухайцах [119, 285].

Относительная малочисленность адыгского этноса была следствием беспрерывных войн. «ДылIыгъэншатэмэ, нэхъыбэIуэу дыкъызэтенэну къыщIэкIынт» - «Если бы мы не были мужественным народом, нас, наверное, больше осталось»,- говорят адыги.

Между черкесами, сообщает Хан-Гирей, то «семейство, которого член не был убит или ранен... в сражении с врагами, вошедшими в пределы его родины, не может пользоваться уважением соотечественников» [137, 205].

Храбрость, презрение к смерти, умение в совершенстве владеть оружием и конем, прекрасная воинская экипировка, умелое использование природно-географических условий свой страны позволяли черкесам противостоять более многочисленным народам и мощным государствам, посягавшим на их независимость.

Высокие воинские качества черкесов отмечали все авторы, побывавшие в разное время на Кавказе.

Вот как описывает быт адыгов в начале XVI в. итальянский путешественник и этнограф, автор первого в средневековой литературе монографического описания Черкесии Дж. Интериано. «Они,- сообщает он,- постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже за Босфор вплоть до Херсонеса Таврического... Охотней всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает, чтобы грабить жителей скифов, и горсточка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и (сами они) выказывают больше храбрости» [51, 50].

Другой автор начала XVII в., итальянский монах Джиовани Лукка, сообщает: «Постоянное беспокойство, которое причиняют им татары и ногайцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах. Они мечут стрелы вперед и назад и ловко действуют шашкой. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар» [79, 71].

Высоко ставил воинские качества кабардинцев астраханский губернатор Артемий Волынский, бывший в Кабарде в начале XVIII в. «Только одно могу похвалить,- писал А. Волынский,- что все такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо что татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двухсот» [69,45-46].

Морально-психологический статус воина, его положение в адыгском обществе были настолько велики, «что при жизни он пользовался особыми правами, а после смерти удостаивался особых почестей. Героический нартский эпос и народные сказки, легендарные предания и исторические песни, свидетельства источников и рассказы очевидцев прославляют воина - всадника и его подвиги» [105, 61].

Вполне естественно, что в таком обществе было неизбежно появление категории профессиональных воинов. Ими были черкесские князья (пши) и многочисленное, возглавляемое ими, сословие дворян (уорков).

Военное ремесло составляло исключительное занятие уорков. Представителям господствующих классов было предосудительно заниматься тем или иным видом производственной деятельности, торговлей (за исключением торговли рабами, захваченными в набегах), наукой и даже религией. Надо заметить, что подобный образ жизни вела и часть крестьянства. Война была важным средством социальной мобильности: крестьянин, неоднократно проявлявший храбрость во время сражений, мог быть возведен в дворянское звание.

Война стала не только тем фоном, на котором, в силу исторических условий, протекала жизнь адыгского этноса, но и на уровне общественных отношений представлялась главной ценностью. «Черкесы, - писал в связи с этим Н. Дубровин,- богато одарены как умственными способностями, так и красотою; но все душевные способности употреблялись на хищничество и войну» [47, 85].

«Понятия чести, благородства, мужества, долга, скромности, почитания женщины - все это,- отмечает Б. Х . Бгажноков,- так или иначе, прямо или косвенно были связаны с войной и набегами. Рыцарские поединки, дерзкие нападения на другие племена составляли едва ли не весь смысл жизни князей, дворян и, между прочим, части свободного крестьянства тоже. Подобный образ мышления и поведения не могли сколько-нибудь заметно поколебать нормы религиозной морали» [21, 84, 86].

По свидетельству Дж. Интериано, до шестидесятилетнего возраста представители черкесской знати вообще не входили в церковь, «... по прошествии же этого срока или около того времени они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня» [5I, 86]. И позже, уже в XIX в., своеобразно понимаемая идея рыцарской чести стояла у черкесов несравненно выше религиозных, теперь уже мусульманских догм [20, 86].

Подобная идеология породила, по-видимому, адыгскую пословицу: «Щыгъэ бгъажэ нэхърэ, гъуазэм зэ урижэм нэхъыфIщ» - «Чем перебирать четки, лучше раз пройтись по мушке-прицелу». Здесь имеется в виду, что лучше воевать, чем читать молитвы [165]. Любопытно, что сами представители духовенства вели такой же, как и представители высших сословий, военный образ жизни. Они наравне с князьями и дворянами участвовали в сражениях и военных походах, иногда в качестве предводителей. Так как представителям княжеского и дворянского сословий было предосудительно вступать в духовенство, последнее, с распространением среди черкесов ислама, пополнялось в основном из среды крестьян-вольноотпущенников. Со временем мусульманское духовенство стало добиваться более значительного места в политической и общественной жизни. Но для этого оно должно было заручиться поддержкой народа. Вес же и уважение в черкесском обществе было невозможно получить, не проявив себя в военной сфере.

Война не только вошла в привычку определенной группы населения, не только была_долгом и обязанностью высших сословий адыгского общества, но и доставляла им наслаждение, так сказать, эстетическое удовлетворение. «Адыге,- писал в связи с этим Л. Г. Лопатинский,- ищет опасности, так сказать, из любви к искусству ...»[78, 5].

Подобная мотивация действий характерна для многих народов в прошлом в период так называемой «военной демократии», когда войны занимали главное место в их жизни. Тацит, описывая древних германцев, сообщает, в частности, что «если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, потому что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться, да и содержать большую дружину можно не иначе, как только насилием и войной, ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня... и победоносной фрамеи (фрамея — копье)».

То же самое сообщает Марцеллин об аланах, о радостном чувстве, которое охватывает аланов всякий раз, когда они слышат о приближающейся войне. Счастливым среди них считается тот, кто погибает в бою; смерть от старости, несчастного случая - удел трусов [85, 163].

Знаменитый рыцарь XVI в. Андемиркан, тоже, по-видимому, руководствовался подобной мотивацией, когда сказал, отправляясь в поход на Бахчисарай - столицу Крымского ханства: «Зы сэбэп

къыхэмыкIынуми, мэжджыт хужьыжьым сафIекIуэлIэнщ!» - «Пусть пользы не будет никакой, но к белой мечети большой пробьюсь!» [94, 54]. Избыток таких воинственных, энергичных личностей, не находящих на родине применения своим способностям, приводил к широкому оттоку их за пределы Кавказа. Черкесы находили применение своим силам на военной службе многих государств: России, Польши, Египта, Турции. Черкесские дружины влились в армии Чингисхана, Тамерлана и других завоевателей, проходивших через Кавказ.

Среди институтов, механизмов поддержания военной мобильности в черкесском обществе важное значениё имел институт наездничества.

Рассматривая институт наездничества, необходимо определиться с терминами «зек I уэ» и «наездничество», которые употребляются нами как синонимы.

«ЗекIуэ» в адыгском языке означает военный поход с целью захвата добычи и приобретения славы за пределами своей малой родины. Но «зекIуэ» не только военный поход, но еще и путешествие, то есть это процесс во времени и пространстве. Во время этого путешествия совершались набеги (теуэ) и грабежи (хъунщ I э). Но кроме этого, во время этих походов совершались посещения, визиты к друзьям, сопровождавшиеся пирами, взаимными дарами, заводились новые знакомства в чужих и родственных народах, происходило открытие новых неизведанных земель.

Это был образ жизни части адыгского общества, который, будучи связан с риском для жизни, был средством самоутверждения для мужчины-воина, дававшим возможность прославиться, проявить удаль и отвагу.

В русском языке мы употребляем для обозначения «зек I уэ» термин «наездничество», как наиболее подходящий для отражения сути данного явления.

Но и здесь нужно определиться со значением этого слова. Наездничество можно интерпретировать по-разному. Если брать за основу слово «наездник», т. е. всадник, оно означает искусство конной езды, кавалерийское искусство. Этот аспект, конечно, тоже имеет важное значение, но здесь он не является определяющим. Дореволюционные русские авторы (В. А. Потто, К. О. Сталь, Н. Ф. Дубровин) употребляли слово «наездничество», связывая его с военными походами и нападениями, беря за основу термина слово «наезд», означающего нападение, набег. Само слово «зек I уэ», означающее поход, происходит

от слова «зекIуэн» - «ходить». Отсюда молено сделать вывод, что термин этот появился у черкесов в глубокой древности, еще до того, как они стали известными всему миру «конниками» и свои походы совершали пешком или морем.

С выведением местной породы лошадей, известной как «кабардинская», а самими черкесами названная «адыгэш» - черкесская лошадь, военные походы приобретают большой размах и именно в этом, на наш взгляд, одна из причин расцвета черкесского наездничества в XII - XVI вв.

По своей значимости в социальной жизни, в духовной атмосфере институт наездничества играл значительную роль в жизни адыгов. Это был действительно институт со всеми сопутствующими ему атрибутами: со своей идеологической базой, со своими обрядами и ритуалами, со своими определенными жизненно важными для общества функциями.

Идеологическое обоснование такого образа жизни создавали находящиеся при дворе князей певцы - джегуако. В историко-героических песнях адыгов воспевались не только борьба за свободу и независимость своей Родины, но и разбойничьи набеги на соседние народы, удельные княжества и даже села. Но, как справедливо отмечает 3. М. Налоев, «по понятиям того времени, набег и отражение иноземного завоевания, как ни странно, одинаково считалось делом доблести и мужества» [93, 131].

Более того, по мнению черкесов, отдать жизнь, героически защищая свою родину, было намного проще, чем добиться репутации знаменитого наездника. Поэтому последнее, по их мнению, славнее и престижнее [55, 230]. «Не защита аулов и имущества составляли славу черкеса,- писал Н. Дубровин,- но слава наездника, а эта слава, по мнению народа, приобреталась за пределами родины» [47, 232].

Знаменитые наездники пользовались огромным авторитетом и почетом в обществе. На народных собраниях их мнение имело большой вес, на праздничных пирах им преподносили чашу героя - «батырыбжьэ». «Самые знатные и красивые девушки считали за честь поднести храброму воину этот кубок или составить с ним пару в хороводном танце «удж», или, наконец, принять из рук знаменитого наездника приз, выигранный им на состязаниях в стрельбе или наездническом искусстве» [21, 80-81].

«Тот, кто не посвящал жизнь наездничеству,- сообщает К. О. Сталь,- тот не уважаем в народе, молодежь преследует его насмешками, он на старость будет без веса и уважения, женщины его презирают» [122, 124].

Очень часто, по словам А. Г. Кешева, «похвала женщины подстрекала мужчину к отважным предприятиям, ибо сердце черкешенки принадлежало лишь тому, кто соответствовал всем требованиям идеала наездника» [55, 233]. Об этом свидетельствуют предания и рассказы стариков, бытующие среди адыгов. В частности, с этим согласуется рассказ А. Патова из аула Бесланей Карачаево-Черкесии, приведенный в книге С. Х . Мафедзева.

«По его сообщению, молодой князь из фамилии Каноковых, умный и рассудительный, но довольно равнодушный ко всякого рода походам и набегам, внезапно умер. Потрясенные известием друзья покойного, выражая соболезнование княгине, спросили ее: «Как же так случилось, не поранил ли он себя или же не убил ли его кто?» Княгиня, которую никогда не удовлетворял бесславный образ жизни мужа, ответила: «Кто бы его убил? Он же не уходил из дома дальше, чем до ворот. Да на нем не было и царапины. Если бы из его кожи сделали бурдюк (фэнд), то в нем можно было бы носить холодную воду косарям» [87, 185-186].

Само заключение брака и супружество было связано с обычаем, описанным Хан-Гиреем. Он заключался в том, что «молодой супруг высшего класса после первых суток супружества... отправлялся в дальние поиски или наезды, как бы для ознаменования супружеской жизни подвигом отважности» [136, 334].

Дело в том, что со дня появления невесты в доме жениха, он сам должен был отсутствовать некоторое время, пока не состоится свадьба. Этот промежуток времени настоящие рыцари проводили в военных походах и странствованиях, возвращаясь с богатыми трофеями, подарками для всех родственников, в том числе и для невесты [22,101].

Этот обычай Хан-Гирей объяснял тем, что, «по мнению черкесов нет блага в этой жизни, когда оно не ознаменовано подвигами храбрости и похвалою народа» [136, 334]. Такое же утверждение содержится в черкесской пословице: «Уи лIыгъэ къимыхьар уи насып къремыхь» - «Пусть тебе счастья не принесет то, что мужество не принесло».

Истоки обычая наездничества очень древние и лежат в эпохе так называемой «военной демократии» [120, 60-68]. Народный эпос адыгов «Нарты», возраст которого более трех тысяч лет, рисует их легендарных предков - нартов - чрезвычайно воинственным и отважным народом. Основу многих сюжетов нартского эпоса составляют военные походы и набеги на соседние племена, сопровождающиеся захватом добычи, угоном скота и коней. Нередко нарты отправляются в походы и без видимой

причины - на поиски дальних краев, где могут проявить свое мужество и удаль [97, 232].

Любовь к наездничеству настолько определяет их образ жизни, что можно, если такое выражение уместно, говорить о «зекомании» — о таком состоянии, потребности героев, когда они без путешествий и военных походов испытывают морально-психологический, душевный дискомфорт. В песне о нарте Бадыноко говорится: «И зекIуэн къыщохьэ...», «Страсть к походам одолевает его...».

От непрерывной походной жизни, как повествуют черкесские предания, древние герои прирастают к седлам [8, 383]. Такие рыцари в адыгских героических песнях, кроме слова наездник - «зекIуэлI» («зекIуэ - поход, «лIы» - мужчина) именуются также такими словами, как «уанэгулI» («уанэ» - седло, «лIы» - мужчина) и «шыплIэрыхь» («шыплIэ» - спина коня, «хьын» - носить). То есть в первом случае подразумевается человек, большую часть жизни проводящий в седле, военных походах; во втором - воин, наездник, живущий тем, что приносит на крупе своего коня, т. е. добычей.

Само слово «зекIуэ» означает военный поход за пределы своей родины, в противном случае это было бы воровством. «Разбои и отважные похищения,- писал Хан-Гирей,- по нынешнему образу мыслей черкес хотя и превозносятся в смысле молодечества, но украсть у ближнего или у соседа почитается у них за величайший стыд и посягающие на подобные поступки подвергаются народному презрению, а в прежние же времена изгоняли из родины совершившего там воровство или со связанными руками бросали в воду и топили ...» [136, 334].

Набеги на земли соседей, не связанных союзными отношениями, не только не считались преступлением, но даже поощрялись [47, 215]. Чем дальше за пределы Родины совершался поход, тем он был престижнее. Отсюда и широкая география походов: Днепр, Волга, Дон, Дунай, Малая и Средняя Азия, Закавказье, о чем свидетельствуют народные предания и исторические источники. Согласно данным адыгского фольклора, черкесские отряды каждый год ходили в Хорезм и грабили города Тимура, уводили в рабство его подданных, бесчинствовали на караванных путях. Сохранился даже такой термин: «чэруан зекIуэ», который, по-видимому, отражает специфику и объекты таких походов [155]. «Чэруан» - искаженное адыгское «караван», «зекIуэ» - поход.

Неоднократно объектом нападений черкесских отрядов становилось малоазийское побережье Черного моря.

Византийский историк Лаоник Халкондил сообщал, например, что в 1458 г. зихи (черкесы) захватили Трапезунт, убили греческого императора, его сына и других триста человек. Магистраты города сдали Трапезунт зихам, которые двинулись дальше вглубь страны [17, 37].

После разгрома Византии и образования Турецкой Османской империи, побережье Малой Азии продолжало подвергаться нападениям черкесов. Так, в июле 1472 г., черкесы, прибыв на 24 судах на турецкое побережье, разграбили местности на пространстве 300 миль, захватили в плен женщин, забрали все имущество и товары. Султан Селим выслал 6 галер для защиты побережья [17, 37].

По свидетельству И. Бларамберга, до тех пор, пока не была учреждена Кавказская линия, черкесы проникали вплоть до берегов Волги и Дона и пресекали всякие отношения между Азовом, Грузией и Персией [28, 26].

Военные походы черкесов не ставили целью захват и удержание новых территорий. ЗекIуэ предполагало всегда возвращение на свою Родину. Время нахождения в зек I уэ, в зависимости от дальности похода, могло быть от нескольких недель до нескольких лет. Так, герой черкесских преданий Ешаноков Атабий, живший в XVI в., был одним из тех, чьим обычаем было годичное зекIуэ [8, 118].

По преданию, записанному Т. Кашежевым, в эпоху раннего средневековья «тлякотлеши» («лIакъуэлIэш») — сословие дворян, ближе всего стоявших к князьям в сословной иерархии, «должны были по очереди на четыре года отправляться путешествовать, не имея права возвращаться без добычи, так как это считалось величайшим позором» [130, 197].

Количество участников походов было различным: от нескольких человек до нескольких тысяч. Были одинокие всадники - «шузакъуэ» - рыцари, совершавшие походы одни. Адыгский эпос и фольклор сохранил имена таких одиноких рыцарей: знаменитый Андемиркан, Бора, Хатх-Мыхамат, Дохшуко Бгуншоков, Лыко сын Ельхо, братья Ешаноковы.

В отличие от дворян, князьям не пристало ездить одним. Чем больше было у него спутников, тем престижнее было для него. Многочисленность собравшихся под его знамена воинов служила вывеской его авторитета.

Наездничеством могли заниматься и крестьяне, даже не свободные его категории. Описывая быт феодальной Черкесии, И. Бларамберг отмечает, что «они называют ремесло добывания военной профессией, и те из них, которые являются мастерами своего дела, пользуются наивысшим

уважением и создают себе имя, особенно если это князь, дворянин или один из старейшин; даже простолюдины приобретают себе репутацию таким способом» [28, 19]. Так, в сказании о князе Жанболате, сообщается, что у него «между бжедугами был один доверенный, по имени Гулай, к которому он всегда заезжал и который, хотя был холоп, но мог поравняться с любым узденем-наездником в удальстве и оказывал большую помощь Жанболату во время его набегов» [6, 163].

Герой кабардинской исторической песни Жандар - сын Ахматеча, хотя и происходил из свободных крестьян, но как наездник пользовался большей славой, нежели многие знатные воины [94, 168]. Часть свободного крестьянства, занимавшегося наездничеством, называлась «лъхукъуэщауэ». Это были незнатные рыцари («лъхукъуэлI» - сословие свободных крестьян, «щауэ» - витязь). По мнению 3. М. Налоева, по своим воинским и этикетным достоинствам они ценились порой выше дворян («уорков») хотя в социальной иерархии стояли ниже их [6, 394].

Такая точка зрения правомерна, по нашему мнению, только в том случае если говорить об исключениях, но не о правиле, имея в виду отдельных представителей «лъхукъуэщауэ», но не сословие в целом.

Следовательно, подобный образ жизни, связанный с войной и военными предприятиями, вела и часть крестьянства. Но для знатных, особенно князей, это было, так сказать, обязанностью, неразрывно связанной с их статусом. Князь, особенно если он молод, если он не делает набегов, не мог быть, по мнению черкесов, и князем [137, 214]. Польский путешественник - ученый Я. Потоцкий, описывающий быт феодальной Кабарды конца XVIII в., сообщает, что разбой в почете на всем Кавказе, но «здесь князь не может без риска прослыть обесчещенным, потерять к себе уважение, провести дома более восьми дней» [112, 226].

Любой поход адыги обозначали словом - «зек I уэ», хотя мотивы похода могли быть разными. «ЗекIуэ» могло быть военным походом, имеющим политическую окраску, например с целью выполнения союзного долга. Таким был поход в Абхазию кабардинского князя Инала, когда он пришел на помощь своему тестю (его жена была абхазка). Во время этого похода им были разгромлены войска менгрельского владетельного князя. Политический характер имели походы кабардинцев на Астрахань в 1532 и 1547 гг. В результате этих походов на Астраханский престол были посажены их ставленники, в первом случае - Хац Ак-Кубек, во втором - Ямгурчи, находившиеся в родстве с кабардинскими князьями.

Вот что сообщают об этих событиях летописи: «Пришед ко Азторокани без вестно Черкасы да Астрохань взяли, царя и князей и многих людей побили и животы их пограбили, и пошли прочь. А на Азтрохани учинился Ак-кубек царевич. Аккубек царь с черкасы по женитве в свойстве учинился, и они ему юртево взяв дали» [98, 102].

Набеги были немаловажным рычагом внутриполитической борьбы черкесских князей. Последнее обстоятельство становится яснее, если принять во внимание некоторые особенности обычного феодального права черкесов. Одна из них заключалась в том, что черкесский князь был обязан защищать своих подвластных от нападения других феодалов. Если в результате феодальных междоусобиц его подвластные терпели материальный ущерб, он должен был его возместить. Князь, не соблюдавший этого правила, рисковал потерять своих подданных, которые, пользуясь обычаем покровительства, могли перейти на жительство к другим феодалам или же обществам черкесского народа. Потеря имущества и подданных как результат частых набегов подрывала политическое влияние князя. С этой точки зрения военные походы и набеги приобретали политический характер. В качестве примера можно привести политику, проводившуюся владетельным князем Абхазии Михаилом Шервашидзе. Будучи с детства воспитан в известной убыхской фамилии Берзеков, он, согласно обычаю аталычества, всегда мог рассчитывать на поддержку этого рода, а через него и всего убыхского народа. И «действительно, официальные документы того времени отмечали, что когда сильные княжеские фамилии в Абхазии составляли владетельному князю оппозицию, то он, оставаясь сам в стороне, направлял отряды убыхов для разорения наиболее сильных его вассалов» [33, I90].

Как отмечает А. И. Першиц, «грабительские набеги и войны не всегда достаточно дискретны. Крупный набег, при котором не обошлось без открытого сражения, мало чем отличался от такой войны. Грабеж в набегах мог приобретать такой размах, что его последствия не уступали последствиям войны, а непрерывные изнурительные набеги подчас давали не меньший эффект, чем решительное сражение» [34. Т. 2. 1 98, 1 87].

ЗекIуэ можно рассматривать и как форму национально-освободительной войны, тактику ведения боевых действий. Скоротечные набеги, не предполагавшие закрепления захваченной территории, были традиционной военной тактикой черкесов, определявшейся социальной структурой, этнополитической ситуацией, а также природно-географическими факторами.

И. Бларамберг, служивший офицером Генштаба в Отдельном Кавказском корпусе, отмечал, что у черкесов нет регулярной армии с ее тактикой и стратегией. «Зато они знают толк в малых войнах... их войны - не что иное, как вереница засад и внезапных нападений» [28, 38].

Надо заметить, что подобная тактика боевых действий была наиболее эффективной и позволяла черкесам успешно бороться за свою независимость. Это признавали и царские генералы во время Русско-Кавказской войны, говоря, что подобная тактика не дает им возможности дать черкесам «генеральное» сражение и нанести их военным силам окончательное поражение [12. Т. 7. 902].

ЗекIуэ могло быть предпринято и с другой целью, например, для умыкания невесты в чужом обществе или в результате наложенного на себя обета, как это описывается в предании о Дохшуко Бгуншокове. Герой предания, темиргоевский дворянин, получил в подарок от своего князя тетиву необычной работы. Бгуншоков дал себе клятву: в знак того, что князь отличил его от всех своих дворян преподнесением редкого подарка, не проводить двух ночей подряд под кровлей своего дома, пока не узнает, кем сделана эта тетива и, если это девушка, сделать ее своей женой. В результате поиски привели его в Дагестан, откуда им была похищена кумыкская княжна, произведением чьих рук оказалось это изделие [16, 140].

Таким образом, мотивация предпринимаемых военных походов могла быть самая разная. Но нас «зекIуэ» интересует прежде всего как социальный институт, древний обычай, носящий ритуальный характер и именно на этом аспекте хотелось бы заострить внимание.

Подробное описание этого обычая составил Хан-Гирей. Вот что он писал о нем: «Весна и осень, суть два времени в году, которые можно назвать у черкесов наездническими. Тогда князья, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят, в поле, где избрав удобное место, располагаются в шалашах на всю осень или весну. Здесь каждому из них открываются занятия, исполняемые ими с полным удовольствием: служители и другие из молодежи разъезжаются по ночам в аулы за добычею, пригоняют быков и баранов для пищи... также посылают в близлежащие аулы за провизией, которую нельзя приобретать молодечеством, как-то: пшеном, молоком, сыром и прочее.

Между тем лучшие наездники отправляются в дальние племена, там угоняют табуны лошадей, захватывают людей и с такою добычей возвращаются к своим товарищам, которые, всякую ночь пируя за счет

оплошных жителей окрестных аулов, ждут их с нетерпением. Этого мало: князь - предводитель партии - отправляет от себя посланцев к князю другого племени, своему приятелю, и тот дарит щедро посланных. Нередко сами князья ездят к другим князьям и принимают лично дары, которые в подобных случаях [бывают] в пленниках или в табуне лошадей, насильственным образом захваченных. В таких разбойнических, но воинственных упражнениях, проводят они осень почти до наступления зимы, а весну - до сильных жаров лета» [136, 236].

Подобные собрания, по свидетельству Д. Белла, носили тайный характер и были исключительной прерогативой высших сословий. «Они,- писал он,- ... пользуются одним из древних преимуществ своего сословия, а именно собираться в отряды для грабительских набегов ... в соседние провинции ... при этом из боязни быть узнанными, они надевают маски и, кроме того, говорят между собой на непонятном для других языке или, быть может, на своем особом жаргоне с той целью, чтобы помешать вторжению в круг их интересов непосвященных» [25,495]. По свидетельству Я. Потоцкого, все это время князя «сопровождают преданные ему дворяне, но никто из его семьи не смеет приблизиться к шалашу, будь даже это его брат. Здесь все присутствующие пребывают замаскированными, то есть они закрывают лицо и совершенно не говорят по-черкесски; все разговоры ведутся на некоем жаргоне, который они именуют «шакобзэ» (chakobza). Там же собираются тайные дружины князя, которые вместе с ним принимали участие в кражах и грабежах; среди них могут оказаться представители других национальностей - мисджегов, осетин и т. д.; они появляются также замаскированными по той причине, что могут встретить людей, с которыми они находятся в состоянии кровной мести и которые могли бы их убить. Только князь знает их всех и находится в центре всех тайн. Этот маскарад продолжается шесть недель, в течение которых маленькие банды в масках собираются для грабежей в округе и, поскольку все настороже, дело не обходится без убитых и раненых, в том числе среди князей, потому что они не раскрывают себя, а в противном случае их щадили бы»[112, 232].

Последнее обстоятельство, на которое указывает Я. Потоцкий, требует пояснения. Дело в том, что, согласно нормам обычного права, личность черкесских князей считалась неприкосновенной для представителей всех нижестоящих сословий. Если убийство представителя другого сословия можно было компенсировать уплатой значительного штрафа, то жизнь князя не имела цены. Убийца князя приговаривался к смерти, его семья продавалась в рабство, а все его имущество подвергалось разграблению. Даже если кто-либо из подвластных князя, в том числе дворяне, в целях

самообороны наносил рану князю, «то, как бы ничтожна ни была рана - виновный не мог оставаться в народе. Если же князь был ранен ночью, на воровстве ... то за это виновный не ответствовал» [42, 34].

По свидетельству Я. Рейнеггса, даже тогда, когда князь вовремя набега бывал схвачен, его жизнь была вне опасности: с ним прилично обращались и он должен был уплатить крупную сумму денег за свое освобождение [16, 211].

С указанными обстоятельствами связано обыкновение, описанное И. Бларамбергом. Вот что о нем сообщается: «Если молодого князя преследуют во время его набега люди, среди которых нет ни одного из княжеского семейства, они не решаются напасть на него, а лишь просят проявить милость и возвратить то, что он у них захватил; им, таким образом, удается зачастую получить обратно украденное; но если среди преследователей находится князь, это кончается боем, а частенько и убийством» [28, 85].

Так как во время набегов молодые князья скрывали свои лица, очень часто их убивали, как сообщают русские источники «не за веды», т. е. не зная, что они князья - в противном случае их щадили бы [54. Т. I . 387].

Помимо набегов и грабежей, князья и дворяне в свободное от набегов время занимались охотой, пиршествами и военными упражнениями. Наконец, по окончании сезона наездничества, добыча делилась между наездниками, и они разъезжались по домам.

Жители аулов поздравляли возвращавшихся с поля наездников. Те же, по обычаю, делали всем подарки, раздавали скот и другое имущество старикам, пожилым женщинам, своим знакомым.

Вышеописанная организация именовалась, как сообщает Я. Потоцкий, « Choupchouoa », что соответствует, по мнению Б. Х . Бгажнокова, адыгскому «шупщыIэ» - «стан наездников» («шу» - всадник, «пщыIэ» - шалаш, стан, лагерь) [21, 123].

Эта организация, неразрывно связанная с институтом наездничества, является, по мнению некоторых исследователей, реликтом позднейших форм мужских союзов, типологически сходных с такими же организациями у многих народов мира в прошлом [20, 128]. В данном случае мы наблюдаем все основные признаки, атрибуты подобных учреждений.

Прежде всего, это регулярность их функционирования в определенное время года, которое в народном сознании фигурирует как «пора наездничества» [136, 237].

Время это связано со спецификой деятельности института «ЗекІуэ»: весна - начало лета, - с появлением подножного корма, и осень (сентябрь - ноябрь, до первых морозов. Далее ноября путешествовать, особенно в безлюдных ветреных степях, было уже опасно). У других народов время функционирования подобных мужских организаций также тесно связано со спецификой деятельности их членов. Так мужские дома у земледельцев-таджиков функционировали начиная с поздней осени (после уборки урожая) всю зиму до ранней весны (начало сельскохозяйственных работ) [115].

Другая характерная особенность данной организации - ее тайный характер. Организация «ШупщыІэ» была, как уже отмечалось, исключительной прерогативой князя и дворян, состоявших в его дружине. По свидетельству офицера русской армии Ф. Ф. Торнау, хорошо знавшего быт адыгов, крестьянам было запрещено близко подходить к стану наездников, а также интересоваться находящимися там людьми [127, 1992. № 3, 10-11]. Даже братьям и другим родственникам было запрещено подходить к стоянке, где находился князь с дружиной.

Надо заметить, что в свое время тайные союзы индоевропейских народов также были ориентированы на функции военной дружины и его вождя. А специальный воинский культ с его церемониями и символами превращался тайными союзами в знаки культовой и социальной обособленности их членов [53, 240].

Другой атрибут, характерный для мужских союзов, это существование тайных языков наездников. В источниках упоминаются три таких языка - это «шакобзе», «фаршибзе» и «зиковшир». Этимология первого слова ясна: «щакІуэ» — охотник, «бзэ» — язык. «ЩакІуэбзэ» в буквальном смысле это охотничий язык. По мнению некоторых исследователей, в частности Х . М. Думанова, некоторое время языком охотников пользовались одновременно профессиональные охотники и наездники [21, 126].

Другими исследователями, в частности Б. Х . Бгажноковым, допускается, что при этом наездники пустили в ход дополненный, переработанный, с учетом новых функций, древний метафорический охотничий язык. К тому же наездники во время этих своих тайных сборищ, кроме всего прочего, и охотились (в прямом смысле этого слова) и что особенно любопытно,

принуждали крестьян называть их ежегодные сборы именно охотой, заменяя этим безобидным словом термин «зекІуэ», ассоциировавшийся с военными походами, разбоем, грабежами [21, 124].

Надо заметить, что крестьянам запрещалось говорить на этом языке, даже если они его понимали [47, 232].

Упоминаемые многими авторами, в частности, Я. Потоцким, маски, грабежи, террор по отношению к членам общества, доступ для которых закрыт в эти организации - явление характерное для мужских объединений многих народов. Аналогичные явления, к примеру, зафиксированы Р. Рахимовым, исследовавшим функционирование мужских домов у таджиков Средней Азии и Афганистана. Вот что он сообщает: «Функционировании одной из форм общества подростков в помещение Худжра (Худжра - мужские дома у таджиков), игравшим некогда значительную роль в афганской деревне, зафиксировано нами в восточных районах Афганистана.

В худжра вечерами у огня за ужином собирались мужчины, чтобы потолковать о делах. Здесь постоянно ночевали молодые холостяки квартала... еду в худжра обычно не приносили, а подростки добывали пищу, совершая ночные набеги в деревню за фруктами, арбузами, сахарным тростником и прочим. Подростки были вооружены ружьями и пистолетами.

Во время ночных налетов они трубили в рог архара, создавая невообразимый шум и наводя на жителей страх. Поздней осенью, когда урожай был уже убран, члены худжра в масках под предводительством своего атамана совершали налеты на дома наиболее состоятельных жителей.

Те из страха выносили им по 1-2 сира ... пшеницы. Таким образом, за ночь парни собирали по нескольку пудов пшеницы. Случалось так, что в это время по селению ходила другая группа, также в масках и трубя в рог. Между ними часто завязывался бой. Отряд-победитель забирал у побежденных добычу. Захваченный таким образом провиант продавался на рынке, а на вырученные деньги приобреталось несколько баранов для трапез всех членов группы - победительницы» [115, 65-66].

Важным атрибутом мужских союзов были инициации, отмечавшие переход юношей в категорию взрослых мужчин, полноправных членов общества.

У многих народов, находившихся на стадии «военной демократии», инициации означали переход юношей в категорию воинов и, как правило, сопровождались торжественным вручением оружия.

Тацит, описывая быт древних германцев, сообщал следующее: «... никто не осмеливается наперекор обычаю носить оружие, пока не будет признан общиною созревшим для этого. Тогда тут же в народном собрании кто-нибудь из старейшин ... вручает юноше щит и фрамею: это их тога (У римлян переход в категорию взрослых сопровождался инициацией, во время которой юноши впервые надевали тоги) а, это первая доступная юности почесть» [126, 367].

У хатов, одного из германских народов, существовал и такой обычай: «едва возмужав, они начинают отращивать волосы и отпускать бороду и дают обет не снимать этого обязывающего их к доблести покрова на голове и на лице ранее, чем убьют врага. И лишь над его трупом и снятой с него добычей они открывают лицо, считая, что наконец уплатили сполна за свое рождение и стали достойными отечества и родителей ...»[12б, 367].

У черкесов также существовали подобные обычаи, носившие инициационный характер. Когда мальчик, отданный на воспитание аталыку, подрастал, последний подыскивал ему надежных друзей, опытных в искусстве наездничества. От этих друзей, по сообщению Н. Дубровина, он получал так называемый махлуф - оружие и лошадь и «с ними отправлялся ... на хищничество, сначала легкое, а потом и более трудное. Как младший в партии, он должен был ночью караулить лошадей, заботиться об их продовольствии, услуживать и терпеливо переносить их обращение. С ним обращались с некоторой аффектацией, стараясь показать ему не только уважение, но полное пренебрежение, как мальчишке, не доказавшему еще ни храбрости, ни хищнической способности» [47, 154].

Этимология слова «махлуф» недостаточно ясна. В качестве версии можно предположить, что это адыгское слово «махуэлIыфI» («махуэ» - переводится как день, а также счастливый, светлый, «лIыфI» - достойный мужчина, муж).

Оружие, входящее в махлуф, как и фамильное, не дарилось и никому не передавалось.

Всей полноты гражданских прав: право принимать участие в народных собраниях, в застольях, говорить тосты, жениться, а также уважение членов общества адыгский юноша получал только после совершения

поступка, достойного похвалы - удачный набег или убийство врага. Дж. Лукка сообщает о черкесах, что у них «на пирах не предлагают молодым людям пить до тех пор, пока последние не совершат какого-нибудь ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства» [79, 72].

Турецкий путешественник Эвлия Челеби, описывая быт Черкесии в XVII в., сообщает: «Не ворующим в этой стране даже девиц не дают, говоря: это недостойный джигит» [138, 59].

Видимо, инициационный характер в прошлом носил обычай, о котором сообщил нам Жырчаго Гиса, I9I9 г. р., черкес-репатриант из Сирии. Этот обычай называется «Жаныпш I э», что означает награда за расторопность, смекалку («жан» - быстрый, сообразительный, «пщIэ» - плата, награда). «Жаныпщ I э» давалось старшими молодому человеку, мальчику, когда он совершал похвальный поступок, проявив при этом расторопность и смелость. Этим подчеркивалось, что юноша стал достаточно зрелым, чтобы ему можно было давать важные поручения. По словам Жырчаго Гисы, «жаныпщIэ» давалось юноше один раз в жизни [157].

По словам другого информатора, Дугуж Фуада - черкеса из Сирии - «жаныпщ I э» молодому человеку могло даваться каждый раз за какой-либо достойный поступок. В частности, он рассказал нам следующий случай, имевший место в Сирии во время черкесско-друзской войны в 80-е гг. XIX столетия. Во время осады арабами черкесского селения Мардж аль Султан, из него прорвался всадник к черкесам жившим на Галанских высотах и призвал их на помощь. Впоследствии старики села подарили ему кинжал в качестве «жаныпщIэ» [1 56].

С переходом в категорию воинов связан обычай, бытовавший у черкесов в прошлом и описанный Дж. Интериано: «... они,- сообщает он,- бреют голову, оставляя на макушке пучок волос, длинный и спутанный, как говорят, для того, чтобы было за что ухватить голову ... если ее отрубят ...» [51,49].

«Мужчины, - писал А. Олеарий о кабардинцах в XVII в.-... у себя вверху на макушке ... дают свисать вниз небольшой изящно сплетенной косе» [102, 83]. Этот пучок волос на макушке назывался черкесами «акIэ». Ача отращивался юношей после того, как он становился воином.

По обычаю отрубленную голову врага или кровника привязывали к седлу, связав ача с путлищем. После окончания воинской жизни старый воин совершал обряд «акIэ упсыж» - сбривания ачэ. «АкIэ упсыж» - метафора, означающая уйти в отставку, «акIэупсыжыгъуэ» - пора ухода в отставку,

так говорили об уже постаревшем человеке [165]. «Такой человек,- писал К. О. Сталь,- усталый и израненный, наконец перестает хищничать. Тогда он посылает по знакомым, чтобы ему подарили что-нибудь на обзаведение. Все его друзья, которые получали от него подарки, обязаны ему прислать на обзаведение лошадей и баранов, быков и прочего. С этого времени он делается хозяином и только от скуки, по времени ездит на хищничество» [122, 123].

Рассмотрев, таким образом, основные атрибуты организации «ШупщыIэ», которые позволяют говорить об их связи с древними мужскими союзами, перейдем теперь к рассмотрению основных функций, которые выполняла эта организация. Ответ на вопрос, с чем было связано существование у адыгов этого древнего обычая, мы находим у К. Главани, автора составленного в 1724 г. описания Черкесии. Будучи французским консулом в Крыму, К. Главани встречался часто здесь с представителями черкесской знати. На вопрос, почему у черкесов существует обычай ежегодных сборов молодых князей и дворян для совершения набегов, один из них ему ответил, что этот обычай - всего лишь простой обмен между различными областями Черкесии, «а между тем он дает возможность развивать воинственный дух в молодежи» [41, 163].

Интересно, что и другие авторы отмечают, отношение черкесов к наездничеству и набегам, не просто как к грабежу, а как средству отработки военных навыков.

Приведем свидетельства некоторых из них. Офицер российской армии И. Бларамберг писал, что «кража, совершенная умело, не имеет в глазах черкесов ничего предосудительного, поскольку это считается такой же заслугой, как у нас удачно проведенная военная операция» [28, 102].

Англичанин Д. Белл, проживший год среди черкесов на Северо-Западном Кавказе, сообщает, что этот обычай «рассматривается здесь как хорошая школа для выработки военных навыков» [25,492].

Общеизвестно, что любая армия должна поддерживать определенный уровень боевой подготовки. В регулярных армиях для этого проводится ряд специальных мероприятий, из которых два являются основными. Одно из них связано с отработкой тактических приемов боевыми подразделениями (в русской армии мероприятия такого рода назывались учениями). И, второе, не менее важное - индивидуальная физическая и боевая подготовка. В обоих случаях желательно, чтобы условия их проведения были максимально приближены к боевым.

Если учесть особенности основной военной тактики черкесов, то очевидно, что во время «зекIуэ» как раз и отрабатывались основные ее элементы. Характеризуя традиционную военную тактику горцев в период Русско-Кавказской войны, Ф. Энгельс писал следующее: «...возьмем борьбу на Кавказе, которая из всех войн этого типа покрыла горцев наибольшей славой; их относительные успехи объясняются наступательной тактикой, которой они по преимуществу держались при обороне своей территории. Сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах на пути русских колонн» [147, 100].

Основная тактика военных действий черкесов носила характер партизанской войны. Любая же партизанская война предполагает организацию базового лагеря, откуда проводятся операции. Система запретов подходить к лагерю, интересоваться количеством и намерениями находящихся в наездническом стане обеспечивала тайну предпринимаемых мероприятий, предотвращала утечку информации. Как отмечал Н. Дубровин, «к сохранению тайны приучили горцев их же собственные лазутчики, которых среди народа легко было добыть ... Корысть, родовая месть или ... ревность к славе своего товарища, были достаточными причинами, чтобы выдать своего соотечественника, предупредить ... о его намерениях» [47, 234].

Во время борьбы с иноземными захватчиками подобные военные походы можно рассматривать и как форму национально-освободительной борьбы, тактику боевых действий. Скоротечные набеги, не предполагавшие закрепления захваченных территорий, были традиционной военной тактикой черкесов, определявшейся социальной структурой, этнополитической ситуацией, а также природно-географическими условиями.

Видимо, не случайно во время установления военно-административной власти царской России в Кабарде одним из первых мероприятий генерала А. П. Ермолова были прокламации к кабардинскому народу, запрещавшие или ограничивавшие институты наездничества и аталычества. Оба эти института входили в традиционную систему военной подготовки молодежи и обеспечивали высокий уровень военной мобильности в обществе.

В прокламации А. П. Ермолова от I августа 1822 г. говорилось: «Отныне впредь воспрещается кабардинским владельцам и узденям отдавать детей своих на воспитание к чужим народам, то есть: к закубанцам... и вообще горским народам, но воспитывать их в Кабарде. Тех, кои отданы прежде, тотчас возвращать» [111. Т. 2, 377]. По словам Н. Ф. Грабовского, уже в I793 г. «с учреждением родовых судов и расправ было воспрещено кабардинцам... собираться молодым людям на кошах (нечто вроде хуторов) для промыслов удальства» [43, 176].

Весенние и осенние сезоны, проводимые в поле, были серьезной школой военного воспитания черкесской молодежи, и не только военной. Здесь происходила социализация юношей, передача знаний от старшего поколения младшему.

Старые воины обучали молодых владению оружием, конем, тактическим_приемам; юноши во время набегов приучались переносить тяготы и лишения походной жизни, у них вырабатывались такие необходимые качества, как смелость, самообладание, выносливость, умение ориентироваться и использовать особенности местности. Во время пиров, устраиваемых в стане наездников, молодежь слушала рассказы, древние легенды и предания, историко-героические песни, изучала народные обычаи и ораторское искусство. Последнее имело немаловажное значение на народных собраниях и судебных разбирательствах. Описывая времяпровождение князей и дворян в сезон наездничества, Хан-Гирей сообщает: «Достойная наибольшего замечания забава из всех забав черкес, есть следующая: князья и дворяне во время пребывания в поле ... разделяются на две партии и одна из них объявляет другой свои претензии под каким-нибудь предлогом. Тут избирают судей, перед которыми ответчики защищаются силой красноречия, а претендующие не щадят могучих выражений для побеждения своих противников. Таким образом, открывается здесь поле, где старшины, князья и дворяне показывают могущество своего красноречия и знание существующих узаконений, народных и феодальных прав древних фамилий своей нации. Забава эта, или лучше сказать, упражнение в словесности служит у черкесов школою, образующею... ораторов» [136, 265].

Ораторское искусство и умение убеждать людей были необходимы не только во время народных собраний и судебных разбирательств, но также при проведении военных советов. Это было связано с тем, что у черкесов «учреждение единодушных действий и успех предприятий зависят более от искусства соглашать умы либо от приближения явной опасности,

нежели от должной подчиненности, к коей мало способны горские народы» [29, 121].

Важная функция организации «ШупщыIэ» - охрана подданных во время сельскохозяйственных работ, так как в сезон наездничества, князь со своей свитой не только совершал набеги, но и сам должен был предпринимать меры предосторожности, чтобы предотвратить похищение людей, угон скота и лошадей из своих владений. В связи с этим, по словам И. Бларамберга, «во время уборки урожая и сенокоса, князья и дворяне, вооруженные до зубов, объезжают верхом свои поля как для того, чтобы проследить за работами, так и для того, чтобы защитить своих крестьян; в течение месяца или двух они остаются на полях, принимая всевозможные военные предосторожности» [28, 71].

Эта функция была важна также ввиду того, что, как отмечал Хан-Гирей: «По коренным обычаям и образу мыслей народа, князья были обязаны предохранять подвластное им колено от чужеплеменного насилия и внутреннего беспорядка; в противном случае их подвластные уходили к другим племенам или другим образом искали себе защиты. Во избежание этого князья, владельцы аулов - одним словом, господствующее сословие - доставляли удовлетворение пострадавшим, и это была единственная нить, связывающая общество, удерживающая и самобытность колена» [137, 258-259].

Таким образом, шесть месяцев в году черкесская знать проводила в набегах, которые стали обычаем и носили обязательный (ритуальный) характер. Это время - весна и осень - фигурируют в народном сознании как пора наездничества [136, 237].

Но это не означало, что наездничеством не занимались в другое время года. Хан-Гирей писал: «В промежутке же этого времени (весна-осень. - А. М.), пользуясь удобным случаем и смотря по обстоятельствам, делают набеги, разбои, воровства и прочее, равно как и справляют потребности домашних обстоятельств: ездят в собрания или съезды народные, также друг друга посещают» [136, 237-238].

Начиная с 12-14 летнего возраста и до преклонных лет, представители высших сословий посвящали себя подобному образу жизни. При этом, сообщает И. Бларамберг,- «этот образ жизни имеет для них столько привлекательного, что они не желают его изменять, и они охотно откажутся от всего, лишь бы сохранить это состояние свободы и независимости. Есть много примеров того, что князья, воспитавшиеся в России, совершенно забывают благоприобретенные ими привычки как только

возвращаются на родину, и начинают вести совершенно такой же образ жизни, как и их соотечественники ...» [28, 80].

Обычай наездничества был важным механизмом поддержания военной мобильности адыгского общества в условиях постоянной внешнеполитической напряженности и способствовал сохранению национальной независимости. Поэтому он культивировался в обществе и был освящен нормами обычного права.

С ним, например, связаны два положения кодекса чести черкесского дворянина. Одно из них гласит: «Уэркъ здашэ щIэупщIэркъым» - «Уорк (дворянин) не спрашивает, куда его ведут» и второе: «Уэркъ хашэркъым» - «Уорк (дворянин) тайны не разглашает».

Раскроем подробнее их значение. В первом случае имеется в виду обычай, когда рыцаря могли пригласить последовать за собой даже совершенно незнакомые люди. В таких случаях он должен был последовать за ними, не требуя никаких разъяснений: кто они, куда и зачем направляются. Как правило, это было приглашение принять участие в набеге. Этим обычаем могли воспользоваться враги, но и в этом случае редкий рыцарь отказался бы от такого предложения, дабы его не заподозрили в трусости [95, 379].

Народный фольклор сохранил описание этого обычая. Если, например, незнакомый всадник, подъезжал к чьему-либо дому и вызывал хозяина, то последний приглашал его в гости в традиционной форме: «Къеблагъэ, хьэщIэ усщ I ынщ» - «Добро пожаловать, гостем будешь». Если всадник отвечал «Хьэуэ, сэ сыунэ хьэщIэкъым, сыгубгъуэ хьэщIэщ» — «Нет я не для дома гость, а для поля гость» — это означало, что он приглашал хозяина последовать за ним. У настоящего же рыцаря всегда стоял наготове походный конь, лежал запас специальной походной пищи, а оружие находилось в идеальном порядке. Поэтому хозяин не заставлял себя долго ждать и тут же отправлялся с ним в дорогу [8, 182].

Старики-информаторы сообщают также еще об одном любопытном правиле наезднического этикета. Если в пути встречались два наездника, то первым здоровался тот, кто шел в наезд; «гъуэгужь апщий» (приветствие путника) и добавлял «къыздежьэ» (приглашение на новый наезд). Если же он говорил только «гъуэгужь апщий» и не добавлял «къыздежьэ», т. е. новое приглашение, то возвращающийся из набега наездник обижался. Он мог не принять нового приглашения, обычно не принимали, а просто благодарили за приглашение и желали удачи. Но если не приглашали, то это могло привести к скандалу [3, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 11, паспорт 14, л. 68].

Описание другого правила рыцарского кодекса чести мы находим у Хан-Гирея, который, в частности, писал: «В числе неприличных поступков почитается между князьями и дворянами, если кто, увидев человека, похищающего чужую собственность, расскажет о том, не будучи принужден к тому обстоятельствами важнейшими. Это благоразумное мнение нередко бывает весьма вредно. Впрочем, иногда бывший свидетелем воровства, отбивает украденное и возвращает его хозяину, не выдавая, однако, вора» [136, 278].

С наездничеством связано и другое обыкновение, соблюдавшееся представителями крестьянского сословия. Приведем его описание, составленное Н. Дубровиным: «Не имея вовсе продовольствия и остановившись где-нибудь в лесу, партия хищников отправляла... одного из своих членов в ближайший аул, который, по обычаю, снабжал странников молоком, просом и баранами, оставляя их по близости от места расположения партии и, по черкесскому этикету и вежливости, не стараясь узнать: из кого именно состоит партия, откуда и зачем пришла она в этот лес? Таков был обычай, выведенный из практической жизни черкеса. Если случалось потом, что партия эта причиняла вред... или отгоняла скот из соседнего аула, то жители, покровительствовавшие и кормившие партию, не видав никого в лицо, с чистою совестью показывали, что не знают, кто были хищники» [47, 17].

Занимая важное место в жизни адыгского общества, наездничество взаимодействовало с другими традиционными институтами, такими, как куначество, гостеприимство, взаимопомощь. Эти институты в общественном быту были тесно взаимосвязаны и зачастую в одном каком-либо общественном явлении можно увидеть одновременно взаимодействие нескольких традиционных механизмов.

Рассмотрим, например, одно из ранних в русских исторических источниках описание обычая куначества у кабардинцев. Вот что в нем сообщается: «И когда ис таковых их приятелей, которой кубанской салтан или горской владелец оскудеет, или сговорит за себя невесту и на заплату за оную потребны будут ему ясыри (невольники), лошади и другой скот, и тогда таковой приезжает в Кабарду и живет при том владельце, с которым прежде имел дружбу: и тот кабардинской владелец, почитая его своим гостем, от прочих всех кабардинцев оного охраняет и обще с ним по кабардинским жилищам чинит кражу; и когда того своего гостя краденными малолетными робятами, скотом и прочим удовольствует, отпускает его от себя возвратно и провожает с своими узденями через все опасные места... Напротиву же того, когда и кабардинский владелец

оскудеет или жениться похочет, оной ездит на Кубань или в другие горские места и от приятеля своего таковым же краденым ясырем, скотом и протчим взаимно снабдевается» [54. Т. 2, 159-160].

И. Бларамберг писал об этой особенности куначества следующее: «Это странная манера оказывать помощь своему кунаку за счет кого-либо третьего бытует среди всех народов Кавказа с самых отдаленных времен и лежит в основе их политических взаимоотношений» (28, 92). В данном случае мы наблюдаем взаимодействие нескольких традиционных институтов: взаимопомощи, куначества, гостеприимства и наездничества.

В старину, как свидетельствуют фольклорные данные, был даже особого рода вид гостей «хьэщIэгъуакIуэ» - «гость с просьбой». Как повествуют предания, люди часто приходили, особенно к князьям, с просьбой в каком-либо имуществе. Кто бы ни был такой гость, считалось большим позором не удовлетворить его, при этом это мог быть совершенно незнакомый человек [142, 53].

В таких случаях, при нехватке личных средств, хозяин мог прибегнуть к помощи своих друзей и знакомых. Но если и этих средств не хватало, он отправлялся в набег, с тем чтобы добыть необходимое. Все это время гость должен был находиться дома (в кунацкой), дожидаясь его возвращения.

Как сообщает К. Атажукин, была и другая категория гостей, именуемых «секретными». «Так называются гости,— писал он, - приезжающие сделать наезд с хозяином или получить что-либо воровское; потому они не показываются никому, кроме хозяина, и скрываются где-нибудь в лесу, куда им хозяин доставляет нужную провизию» [16, 153].

Для таких гостей, пребывание которых следовало скрывать, в старину строили особую малую кунацкую, а также специальные конюшни, где держали их лошадей и где, по словам А. Г. Кешева, «обыкновенно запрятывалось все, что не терпит людского взора» [55, 155; 14, 162].

В данном случае перед нами одно из проявлений обычая взаимопомощи. «У черкесов,- писал Ш. Ногмов,- помогать бедным поставлялось всем в священную обязанность. Просить помощи у соседа или у незнакомого не почиталось пороком» [101, 68]. Наездничество, сопровождавшееся захватом чужого имущества и последующим его перераспределением, было в данном случае одним из механизмов реализации обычая взаимопомощи. Сами адыги рассматривали это как простой взаимообмен материальных средств в обществе. При этом эти ценности, как правило,

были адресованы тем, кто в них в данный момент больше нуждался. Также было принято одаривать гостей, приехавших впервые, с целью заведения знакомства. При этом, чем выше был статус гостя, тем богаче надо было его одарить. В этом случае, с тем чтобы приготовить необходимое количество даров, состоявших обычно в лошадях, скоте и пленных, хозяин часто отправлялся в набег [10, 138].

Само заключение искусственного родства или дружбы обычно сопровождалось совершением совместного набега. Предложение к своим новым друзьям совершить вместе, как выражались черкесы, «одну дальнюю дорогу», было связано с тем, что, по их мнению, это было лучшим средством испытать дружбу, а вместе с тем и укрепить ее [16, 162].

Опытные наездники стремились иметь кунаков в тех местностях, где они обычно занимались своим промыслом. При всеобщем вооружении народа и при всех мерах предосторожности, которые обычно принимали горцы, «очень редко,- как отмечает Т. Лапинский,- вор может исполнить свое намерение, если у него нет в запасе нескольких часов или помощников из той местности, где он намерен совершить кражу» [75, 119].

Говоря о наездничестве, следует проводить его дифференциацию. «ЗекIуэ» различалось в зависимости от того, где и при каких условиях оно совершалось:

- внутри своего этнического подразделения, но за пределами своего села, рода, удельного княжества;

- на территории соседних родственных этнических групп, т. е. в Черкесии;

- за пределами Черкесии, на территории других народов;

- во время мира;

- во время войны;

- на территории народа, с которым нет союзных соглашений;

- на территории народа, с которым заключен союзный договор;

- в форме воровства, т. е. скрытого похищения;

- в форме открытого вооруженного нападения, грабежа;

- набег для славы;

- набег для добычи.

Как уже отмечалось, согласно нормам черкесского обычного права, набеги за пределы своей общины, клана на территории других кланов или народов, с которыми не было взаимных союзных обязательств, не считались преступлениями.

Но, как сообщает Л. Я. Люлье, «покушение на чужое добро признается воровством, если оно сделано у своих. В этом случае, разумеется, не только та же самая община и то же племя, к которым принадлежит вор, но даже чужое племя, если только состоялась с ним присяга жить в добром согласии; так это было между Шапсугами, Натухайцами и Абадзехами» [81, 346].

Подобные кражи, по свидетельству К. Коха, наказывались довольно строго: «Вор должен возместить хозяину стоимость украденной вещи в десятикратном размере. При каждой следующей попытке воровства наказание увеличивается и, будучи пойманным в третий раз, вор должен заплатить штраф в размере двухсот быков, или же его убивают» [67, 589].

В данном случае имеется в виду наказание для тех людей, кто был пойман на месте преступления. Решение об этом выносилось народным судом. Те же, кто, хотя и не был пойман, но против кого имелись улики и кому грозило разоблачение, платили штраф непосредственно хозяину. Это делалось нелегально, дабы избежать огласки.

Те, кто воровал умело, не оставляя никаких следов, те получали общественное признание. Самым презрительным упреком, который черкесская девушка могла бросить юноше, это то, что он за свою жизнь не мог украсть даже коровы.

С другой стороны, у черкесов название вора было самым большим оскорблением после названия труса. Подобное противоречие становится разрешимым, если учесть, что общественное признание получал не просто вор, а удачливый вор. Быть разоблаченным в совершении кражи считалось большим позором, и неудачливые наездники предпочитали платить большие штрафы, лишь бы их неудачные предприятия не получили бы широкой огласки. При этом общественные нормы предусматривали меры к скорейшему урегулированию конфликта по факту кражи [60]. Любопытно, что даже «дружба у вора с потерпевшим от него... не прекращается» [1, ф. 13454, оп. 6, д. 1126, л. 2].

По словам И. Бларамберга, «лично возвратить украденное владельцу считается за величайший позор; вместо того, чтобы лично возвращать украденное его владельцу и тем самым признаваться в совершенном публично, вор предпочел бы уплатить стоимость украденного втройне, лишь бы его поступок не получил широкой огласки» [28, 103].

Между тем права собственности уважались среди людей, которых связывали узы родства, дружбы, гостеприимства или какие-либо иные. Поэтому, по свидетельству К. Коха, «внутри клана царит полное доверие, и здесь совершенно неизвестен обычай запирать дом» [67, 589].

Когда «зекIуэ» совершалось на территорию в пределах своего этнического подразделения, но вне своего села, рода, общины - это действительно было похоже больше на воровство. В таких мероприятиях, как правило, объектами кражи были лошади и скот, реже люди. Они проводились скрытно, в них старались избежать столкновений, похитители избегали быть узнанными.

Здесь действовали, по свидетельству Н. Ф. Грабовского, определенные правила и ограничения этикетного характера. Например, как он сообщает, «педантически строго кабардинцы смотрят на утайку приблудившегося рогатого скота, а особенно баранов: все должно непременно возвращено хозяину и сокрытие считается большим позором» [42, 66].

В XIX и даже в начале XX в., по свидетельству информаторов, это правило действовало довольно строго в Кабарде. Если кто-нибудь находил скот или он приблудился к его стаду, то он должен был сообщить об этом и в течение трех месяцев держать этот скот у себя. Если же за это время хозяин не находился, то и в этом случае он не имел права распоряжаться им в свою пользу. По обычаю, такой скот раздавался в селе бедным, малоимущим семьям [3, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 11, паспорт 24, л. 106; паспорт 2, л. 7].

Соответственно такой не охраняемый, приблудившийся скот не мог быть объектом для захвата наездниками, ибо тогда терялся сам смысл наездничества: с риском для жизни захватить добычу и при этом проявить удаль, смелость, находчивость. Например, как рассказывают старики, наездники презирали и не принимали в свою среду людей, похищающих стреноженных лошадей. Ведь для этого не требовалось ни смелости, ни ловкости [3, ф. 10, оп. 1, д. 12 А, паспорт 22, л. 60].

В случае совершения «зекIуэ» на территорию родственных этнических подразделений, т. е. в Черкесии, также действовали определенные

правила. Например, по свидетельству К. Главани, требовалось, чтобы похищаемые люди были молоды и не состояли в браке, в противном случае добыча считалась непригодной и возвращалась обратно. Похищаемые должны быть рабами, т. е. людьми низших сословий. По черкесским адатам, людей свободных сословий нельзя было обращать в рабство. Например, если человек был в детстве похищен и продан, то независимо от срока давности, любой, кто доказал его свободное происхождение, мог потребовать его беспрепятственного и безвозмездного освобождения [2. ф. 23, on . 1; ед. хр. 274, л. 145 об.]. Нельзя было похищать более трех человек из одного селения [41, 163]. В случае, если родители захваченных детей настигали похитителей, то последние должны были беспрепятственно их вернуть [41, 162]. На территории соседних обществ, этнических подразделений уже меньше избегали столкновений. Считалось престижнее дать преследователям бой и отстоять добычу. Если набеги производились во время мира, то объектами нападения редко бывали сами населенные пункты, жилые и хозяйственные постройки.

Если набег совершался за пределы Черкесии, то многие из вышеуказанных правил и ограничений могли не действовать. Здесь существовали особые правила, соблюдаемые во время войны. О них будет рассказано в разделе «Культура войны».

Черкесы различали набеги для славы и для добычи. В первом случае военных столкновений не только не избегали, но искали их.

Независимо от вышеуказанных особенностей были общие правила, которые соблюдались на всей территории Черкесии. Например, нападению не могли подвергаться путники, путешественники, купцы. Л. Я. Люлье, занимавшийся изучением общественного быта причерноморских черкесов, сообщает: «Грабеж и разбой по дороге у горцев не существует...» [81, 346]. Н. Дубровин также сообщал, что «примеров убийств преднамеренных, совершенных хладнокровно, с целью обобрать труп или вообще разбойничества, в прямом значении этого слова, почти не встречалось между черкесами; убийства на дорогах бывали весьма редки и считались необыкновенным происшествием в крае...» [47, 201].

Записки англичанина Д. Белла, долгое время «находившегося на Северо-Западном Кавказе, также подтверждают предыдущие свидетельства. Вот что в них, в частности, сообщается: «Следует заметить, что хотя здесь нет быстрой исполнительной власти и выполнение решений судебных

собраний... проводится медленно, нет примеров, насколько я мог установить, разбойничества. Армянские и турецкие купцы в сопровождении только своих людей путешествуют по стране во всех направлениях с большими запасами товаров и никогда не подвергаются ни грабежам, ни насилиям» [25,486].

Причину такого положения вещей Д. Белл объяснял двумя основными факторами: всеобщим вооружением населения и клановой системой. В связи с этим он писал: «... в стране, где ружье, пистолет и кинжал составляют неотъемлемую часть костюма каждого мужчины, сознающего всю гордость и независимость, которым это оружие призвано его облекать, понимание общественной ответственности таково, что оно порождает умиротворяющее воздействие. Ни в какой другой стране мира манера поведения людей не является столько же спокойной и достойной, и ни в одной другой стране чужестранец, после того как он отождествлен с одним из кланов - а эту привилегию он приобретает, став гостем одного из членов клана, который становится во всем ответственным за него,— может путешествовать в большей безопасности» [25, 566].

Кроме того, подобное положение вещей объяснялось с точки зрения простой целесообразности. Черкесия, как известно, не была единым государством. Это была страна, населенная различными подразделениями единого адыгского (черкесского) этноса. Несмотря на отсутствие централизованного государства с сопутствующими ему атрибутами, всех их объединял единый свод норм обычного права («адыгэ хабзэ»), выполнявших функции законов. Если не было бы этих норм и правил, которые регулировали их повседневный быт, то нормальная хозяйственная и общественная жизнь была бы невозможна.

Благодаря существованию таких институтов, как гостеприимство, куначество, покровительство, были возможны торговые, культурные, хозяйственные, общественные, политические и личные связи внутри Черкесии, а также с внешним миром, с другими государствами и народами. Любой институт призван выполнять определенную, жизненно важную для общества функцию. Но ни один институт не может носить самодовлеющего характера и, как правило, ограничивается другими институтами, находясь с ними в состоянии баланса. При этом они не столько взаимно ограничивают друг друга, сколько взаимно обусловливают, дополняют друг друга. С. Броневский в связи с этим писал: «Между разными племенами, рассеянными на Кавказе, не было бы других отношений, кроме военных, если бы дружба и гостеприимство не производили между ними частных, но не менее прочных и для

человечества полезных связей, кои, отлучая злобу от меча, приглашают вражду к отдохновению» [29, 127]. По его мнению, наездничество было одной из причин существования гостеприимства у черкесов. «Общая склонность к рыцарскому странствованию произвела естественным образом всеобщее почтение к гостеприимству»,- писал С. Броневский [29, 130].

Таким образом, институт наездничества был тесно связан с другими традиционными институтами, такими, как куначество, гостеприимство, покровительство, взаимопомощь. Все эти институты были элементами единой системы; взаимодействуя между собой, вместе они поддерживали мобильность и жизнестойкость адыгского общества.

§ 2. Подготовка и организация военного похода. Тактика боевых действий

Организация военных походов и тактика боевых действий имели свои особенности в зависимости от различных условий и факторов.

Допустим, если в походе принимало участие несколько тысяч человек - это было войско «дзэ», если же несколько человек или несколько десятков - это был небольшой отряд - «гуп». В зависимости от численности таких отрядов применялась различная тактика.

Это могло быть конное войско - «шуудзэ», или пешее войско - «лъэсыдзэ»; конный отряд - «шу гуп», пеший отряд — « лъэс гуп ».

Кроме того, в плане тактики и организации военные походы у разных этнических групп адыгов имели свою специфику. Последнее зависело от двух основных факторов: социально-политического устройства и природно-географических условий. Адыгские этнические подразделения делились, как известно, на «аристократические» и «демократические». У первых во главе феодальной иерархии стояли князья, возглавлявшие дворянство; у вторых князей не было, а дворянство после демократического переворота лишилось своих политических привилегий. К «демократическим» относились шапсуги, абадзехи и натухайцы; у них в плане поддержания дисциплины, военной организации и управления войском имелись свои отличия.

На специфику военного устройства и военную тактику различных этнических групп адыгов, кроме социально-политического устройства, оказывали влияние также природно-географические факторы.

Так, по словам одного автора, «кабардинцы, темиргоевцы, бесланеевцы и беглые кабардинцы, живя на более равнинной местности и владея большим числом лошадей, образовывали отличную конницу, шапсуги не любили жечь много пороха, а абадзехи, жившие в стране, покрытой лесами, и все прочие общества черкесского народа, разбросанные по горам и ущельям, лучше дрались пешком, чем на коне»[13, 53]. «Шапсуг,- говорили сами про себя черкесы,- рубака, а абадзех - стрелок» - «Шапсыгъыр джатэ гъабзэщ, абэдзэхыр псагъауэщ» [156].

В качестве примера, отражающего вышеуказанную специфику, нами будут рассмотрены организация и тактика следующих военных походов:

1) кабардинцы («аристократическое» подразделение), конное войско;

2) кабардинцы, небольшой конный отряд;

3) шапсуги и абадзехи («демократические» подразделения), пешее войско;

4) убыхи, пешее войско.

Убыхов, хотя они и были близкородственны по языку и культуре черкесам и абхазам, многие авторы считают их отдельным народом. Так как убыхи прославились своей воинственностью и, кроме того, имели тесные связи в военной, экономической, политической и культурной областях с черкесами, то рассмотрение их военной организации представляется нам целесообразным в рамках этого исследования.

Кабардинцы, конное войско

Военный поход мог быть организован решением народного собрания, являясь выражением политической воли целого народа или общества. Военный поход мог быть организован и по инициативе одного человека.

В первом случае предводитель войска («дзэпщ») избирался. Обычно полководца выбирали из числа князей, но при этом брали во внимание не старшинство, а личные качества: храбрость, военный опыт и т. д. «Когда кабардинцы снаряжаются в дальний поход или готовятся к отражению сильного неприятеля, избирают главного полководца из князей не по старшинству рода, но по личной храбрости и общему доверию»,— писал С. Броневский [29, 121].

Бывали случаи, когда полководцев выдвигали из числа дворян и даже лиц духовного звания [141, 30].

В случае если поход организовался по личной инициативе одного человека, тот, кто был организатором сбора, тот был и полководцем. Предводителем (тхьэмадэ, пашэ) мог стать только опытный храбрый наездник, известный своей удачливостью в набегах. Последнее было особенно важно. Удачный набег приносил предводителю славу и, по словам С. Броневского, давал ему «навсегда ... первенствующий голос в народных собраниях и всеобщее уважение» [29, 121]. Неудачный набег, повлекший большие потери, приносил позор предводителю и означал его политическую смерть. Поэтому в таких случаях предводители не старались спастись, а сами искали смерти. Так погиб в 1846 г. знаменитый наездник, кабардинский князь Магомет-Аш Атажукин, о чем свидетельствуют русские источники времен Русско-Кавказской войны [47, 240].

Джембулат Берзек, убыхский предводитель, был известен в горах своими смелыми походами в 1840 гг. Но после неудачного похода в феврале 1846 г. в Абхазию, в результате которого погибло 2/3 предводительствуемого им отряда, его имя навсегда сошло с политической сцены. «Этот злополучный поход, - писал анонимный автор,- был лебединой песнью Джембулата Берзека; больше о нем ничего не было слышно ни по ту, ни по другую сторону Кубани» [148, 148].

Кроме всего прочего, предводитель должен был быть хорошим «гъуазэ» — путеводителем, знать местность, дороги, ориентироваться по звездам и другим приметам.

«В прежние времена,- сообщает Хан-Гирей,- когда земли, лежащие между Кубанью и Доном, были большей частью необитаемы и когда отчаяннейшие наездники искали славы и добычи на берегах Дона, угоняя табуны лошадей там кочевавших ногайцев и других орд, многие вожатые (хгоазе) прославлялись необыкновенными знаниями чуждых стран ...» [136, 109]. «Не так опасны были нападения, как возврат: иногда, блуждая целые недели, месяцы, хищники подвергались погоне, настигавшей их следом. Опытность вожатых, имена которых и поныне живут в памяти народа ... спасала их в подобных набегах» [137, 195]. Ночью ориентирами им служили Полярная звезда («Темыркъэзакъ», «Ищхъэрэвагъуэ») и Млечный Путь («Шыхулъагъуэ»). Кстати, черкесское название Млечного Пути переводится как «путь прогона лошадей».

Днем или в ненастную погоду, когда звезд не видно, руководствовались различными приметами. Таковыми, по словам Хан-Гирея, были «направления трав, ветров, постоянно дующих в ту пору года, курганы, на

южной стороне которых быстрее тает снег, сохнет трава, и многие другие подобные же приметы» [137, 195].

Таким опытным вожатым (гъуазэ) был Кучук Аджигиреев, историческое лицо, неоднократно упоминаемое в русских источниках времен Русско-Кавказской войны. Он стал героем многих преданий и историко-героических песен, популярных среди адыгов. Одно из преданий, рассказанное нам Зарамуком Кардангушевым, повествует о нем следующее: «Как говорят старшие, Кучук Ажджерия сын был знаменитый наездник, бывший во многих походах. Лучше его, говорят, никто не знал местности, дорог, не мог ориентироваться по звездам и другим приметам. Отправляясь в поход ночью во главе партии, он останавливался в открытом поле, доставал шило, показывал своим соотечественникам и говорил: «Когда будем возвращаться, заберем». С этими словами, не слазя с коня, свешивался, втыкал его в землю. Возвращаясь из похода, он безошибочно находил то же самое место, доставал шило. «Вот так вы должны знать дороги»,- говорил он» [158].

Таким же знаменитым вожатым был убыхский предводитель Хаджи Ислам Догомуко Берзек (1766-1846). В молодости, как сообщают источники, он участвовал во многих набегах на земли соседних народов, в том числе на Мингрелию, «которую он так хорошо изучил, что знал там названия почти всех селений» [148, 147].

Только такой известный своей храбростью, удачливостью, хорошо знакомый с местностью наездник мог быть предводителем. Заранее им рассылались по всему краю специальные гонцы - «шу джакIуэ» - «конные пригласители» ко всем известным наездникам с предложением принять участие в набеге. Отсюда в адыгском песенном фольклоре и возникла метафора «Шу джакIуэ зыкIэлъагъакIуэ» - «Тот, кому постоянно посылают гонцов», имея в виду знаменитых воинов-наездников [95, 66].

Собрать многочисленное войско в Черкесии, по словам Хан-Гирея, было «весьма легко человеку, известному успехами в предприятиях и храбростью, ибо все воины - жители аула и других мест при первом зове стекаются, и сами не зная куда и с какой целью; слово «поход» достаточно для их возбуждения и движения». При этом, отмечает он, «тут действуют два главных обстоятельства, из коих первое - славолюбие, которое влечет к предприятиям князей и дворян и вообще лучшее воинство; второе - надежда на добычу, двигающая толпы черни» [136, 286].

При этом для желающих принять участие в набеге назначалось место и время сбора, но цель похода оставалась до последнего момента тайной, известной лишь предводителю.

Что касалось вопросов дисциплины, то, как писал Н. Дубровин, «кабардинцы и убыхи, предоставлявшие своим предводителям право наказывать ослушников, стояли на высшей ступени военного развития, чем все остальные племена черкесского народа». [48, 234]. В вопросах поддержания военной дисциплины имелись различия между так называемыми «аристократическими» и «демократическими» этническими группами черкесов. Хан-Гирей писал в связи с этим следующее: «В войсках, состоящих из воинов, собранных в княжеских владениях, более бывает порядка, повиновения и подчиненности, нежели в войсках, состоявших из племен, имеющих народное правление». [136, 287].

У кабардинцев, например, князь, избранный полководцем, имел право «в течение всей экспедиции... осудить на смертную казнь любого - без предварительного разбирательства и без различия рангов ...» [28, 111].

После того как было назначено место и время сбора, туда начинали съезжаться воины, желающие принять участие в походе. Если поход совершался не во время войны, а был просто грабительским набегом, то участие в нем было сугубо добровольным. Во время войн дворяне были обязаны, согласно нормам феодального права, следовать везде за своими князьями, в другое же время принять или не принимать участие в походе целиком зависело от личного желания. Князья приезжали на место сбора вместе со своими дружинами, причем у каждого из них был свой стяг («сэнджакъ») с изображенным на нем родовым знаком. Это позволяло издали, особенно во время боя, узнавать, какому князю принадлежит та или иная дружина. Для этого существовала специальная должность — «сэнджакъщ I эт» (стяговник). Наряду со стягами, означавшими принадлежность какому-либо роду, были знамена, которые фиксировали определенную этническую группу адыгов. У так называемых «аристократических племен» знаменосцами («бэракъзехьэ») могли быть лишь представители дворянского сословия беслан-уорк [151, 56]. При этом, по словам Хан-Ги-рея, должность знаменосца была наследственной [137, 253].

В исследованиях Б. Х . Бгажнокова были установлены их фамилии у бжедугов. У бжедугов было два колена: черченеевское и хамышеевское. Так вот, в первом знаменосцами были уорки из рода «Хьакъуи», а во втором - уорки из рода «ЛъэпцIэрышэ» [21, 75].

В военных походах, как сообщает Нагучев Тагир Пшимафович, 1904 г. р., а. Агой, Туапсинского района Краснодарского края, флаг регулировал продвижение войска: по тому, как знаменосец поднимал его или наклонял, воины производили действия [12. Т. 12,43]. Об этом свидетельствуют и архивные источники времен Русско-Кавказской войны. В одном из них сообщается, что во время сражения шапсугов с царскими войсками «...знаменосцы горские распущали свои знамена и наклоняли оные к стороне преследующего их отряда, чем давали знать остановиться и броситься на отряд...» [1, ф. I3454, оп. 6, д. 2б, л. 4].

Часто в походах принимали участие и народные барды - джегуако. Была даже категория дружинных джегуако, которые вместе с наездниками разделяли все трудности и опасности дальних странствований. Задачей джегуако, сообщает Ш. Ногмов, было «сочинять стихи или речи для воодушевления воинов перед сражением. Становясь перед войском, они пели или читали свои стихи, в которых напоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги» [101, 72].

Джегуако пользовались правом личной неприкосновенности во время мира и во время войны у всех адыгов. Их можно было отличить по внешнему виду: они ездили на серых конях и носили серые черкески [101, 72].

Во время походов, кроме знамен, князья возили с собой литавры, звуки которых служили сигналами управления войском во время похода и боя. [12. Т. 12, 334-335].

С распространением среди черкесов ислама, особенно во время Русско-Кавказской войны, в походах стали принимать участие и служители культа - муллы. Вообще, муллы у черкесов, по словам А. Г. Кешева, «были вооружены и одеты не хуже всякого наездника, ездили верхом, участвовали в военных предприятиях не в качестве только подателей духовной помощи раненым и умирающим, но и как настоящие воины, а очень часто и как предводители» [55, 224].

Лиц духовного звания среди воинов можно было отличить по тому, что они ездили на лошадях игреневой масти [111. Т. 1, 601].

Часто в походы брали с собой местных адыгских лекарей «Iэзэ», которые оказывали раненым воинам необходимую помощь.

После того как в назначенное время собирались воины, «дзэпщ» проводил их осмотр, учет и деление на группы. Предводителем проверялось

состояние одежды, оружия, экипировки воинов. Каждый воин должен был иметь при себе месячный запас походной пищи. Если собиралось большое войско, то гнали с собой небольшое количество рогатого скота и везли на лошадях большие котлы («шыуан»). Князьям во время походов прислуживали оруженосцы из сословия «пшичеу». Статус представителей этого сословия был переходный; они, как сообщается в записях обычного права кабардинцев, «...не вроде холопьев, но и не равняются с узденями...» [86, 285].

Пшичеу, набиравшиеся из крестьян, выполняли функции телохранителей и оруженосцев и оказывали князю различного рода услуги: держали лошадей, подавали и принимали оружие, за седлом своим возили княжескую бурку, готовили в поле обед и т. д.

Дворяне, у которых не было такой прислуги, во время нахождения в поле руководствовались принципами черкесского этикета, т. е. младшие оказывали разного рода услуги старшим.

При дворе князя имелась специальная должность «лыгъавэ» - «мясовар», которую занимали крестьяне-вольноотпущенники. Их всегда брали с собой в поле во время сезона наездничества, где они, находясь в стане наездников, занимались приготовлением пищи для князя и его дружины. Видимо, их брали с собой и во время больших военных походов.

После осмотра дзапшем оружия и походной экипировки воинов, проводился обряд принятия присяги. Воины клялись хранить верность своему полководцу, выполнять его приказы, забыть все личное на время похода. Если в походе принимали участие кровные враги, то их обязывали на время похода забыть о вражде. В подобных случаях представители высших сословий, следуя рыцарскому кодексу «уэркъ хабзэ», не только оставались в границах вежливости, но даже, по словам Хан-Гирея, оказывали друг другу различного рода услуги. Это называлась у адыгов «дворянская (то есть благородная) неприязненность или вражда...» [136, 277].

Церемония принятия присяги происходила следующим образом. Дзапш произносил клятву, после чего все проходили по одному между двумя воинами, державшими на уровне груди ружейные присошки - «зэпэбаш». Прошедшие между ними считались принявшими присягу, полководец узнавал одновременно и количество участвующих в походе воинов. Этот обряд так и назывался «зэпэбаш».

Последний случай принятия кабардинцами подобной присяги произошел, как отмечает Ч. Э. Карданов, 30 мая 1913 г. перед началом Зольского восстания в Кабарде [58, 132].

Когда процедура принятия присяги заканчивалась, конное войско делилось на две части. Одна часть состояла из отборных наездников: дворян, князей и их оруженосцев, одетых в кольчуги. Это войско в русской исторической литературе и источниках известно как «панцирники», адыги же называли его «уэркъыдзэ» - «дворянское войско». Панцирники составляли авангард войска, называемого «шуупэ» или «дзэпэ» [156]. Все остальные, хуже вооруженные воины входили в арьергард, называемый по-черкесски «шуукІэ» или «дзэкІэ». Полководец («дзэпш») был одновременно командиром авангарда («шуупэгъуазэ»), кроме того, им назначался командир арьергарда («шуукІэалэ»). Последний являлся его непосредственным заместителем, т. е. в случае гибели дзапша, он его замещал [156].

При формировании войска и во время похода дзапш мог отобрать хорошую лошадь у легковооруженного или слабого воина и отдать ее хорошему воину, если у того была плохая лошадь.

На время похода предводителем назначались дежурные по войску («шухьэтий») из опытных, пользующихся авторитетом воинов. Дежурные («шухьэтий») должны были следить за сохранением порядка движения в войске, его подразделениях, передавать распоряжения предводителя и следить за их выполнением [136, 287].

В поход отправлялись, если позволяли обстоятельства, рано утром или днем. В таких случаях днем привалов («дзэгъуэлъ») обычно не делали, останавливались только на ночлег. Если войско проходило по территории, контролируемой противником, или же требовалось сохранение тайны движения, тогда марш совершали ночью, привалы делали днем, прячась в балках, оврагах, лесах.

Днем авангард и арьергард двигались раздельно. От авангарда вперед на несколько верст высылался конный разведывательный дозор («шуупэхутэ»), а также лазутчики («тІасхъэщІэх»). Кроме передовых, выделялись боковые разведывательные дозоры.

Арьергард также высылал от себя конный разведывательный дозор - «шуукІэхутэ», который должен был поддерживать связь между авангардом и арьергардом. При совершении марша ночью, авангард и арьергард могли соединиться, выделив только передовые и боковые

разведывательные дозоры. Места стоянок («увыIэпIэ») и привалов («дзэгъуэлъ») выбирались заранее по маршруту движения.

Для этого заранее высылалось несколько человек, с тем чтобы удостовериться в безопасности и осмотреть местность, где предполагалось сделать привал или стоянку.

Во время стоянки или ночлега предводитель расставлял на тропинках, ведущих к ним, дозорных - «плъакIуэ». Специальные дозорные - «жыгыщхьэрыс» - сидели на деревьях, наблюдая за окружающей местностью.

Если предводитель был уверен в достаточной безопасности выбранного места, то с лошадей снимались седла, их стреножили и под охраной пускали пастись.

Если позволяли условия, разводили костры, приготавливалась горячая пища. Если же этого делать было нельзя - доставали походный ее запас. Когда поблизости от места стоянки находился водопой, лошадей небольшими партиями вели туда. Если условия этого не позволяли, воду для лошадей приносили в кожаных стаканах («сулукъ»).

Отдыхали, подложив под головы седельные подушки, вместо матрасов использовали потники, укрывались же бурками. В дождливую погоду из бурок делали палатки, натягивая их на воткнутые в землю колья [28, 66]. Поевшие и отдохнувшие воины сменяли дозорных. Летом они не менялись, зимой в течение ночи могли сменяться два-три раза.

Посты в течение ночи разводились, выставлялись и проверялись самим предводителем [47, 244]. При этом в случае необходимости, устанавливался пароль — «нэгъыщэ псалъэ» [8, 197].

Если во время похода на пути встречались крупные реки, они форсировались, часто скрытно и ночью. «Когда они отправляются в набег,- сообщает И. Бларамберг о черкесах,- их не смущают никакие реки, так как их лошади обучены их переплывать» [28, 111].

Для этого использовались специальные бурдюки («фэнд»), которые наездники возили с собой. У бурдюков было два отверстия. Через одно в них укладывались смена нательной одежды, обуви, еда, пистолеты, порох и оно крепко завязывалось через другое отверстие бурдюки надувались, после чего их подвязывали под передние лопатки лошади. После этого черкесы в полном вооружении, имея ружья наизготове в правой руке, а

боевые патроны, заткнутые вокруг папах, надетых на головы, садились на своих коней и начинали переправу, следуя один за другим и имея впереди себя предводителя [47, 237]. Если войско переходило через реку зимой, то каждый всадник имел с собой мешок с землей, которую рассыпали по льду, чтобы облегчить лошадям переход через реку» [75, 351].

Тактика военных действий зависела от численности войска, соотношения сил воюющих и целей похода. Если не стояла задача захватить какой-нибудь укрепленный пункт с целые его удержания или уничтожения, и если соотношение сил не позволяло вести открытых широкомасштабных военных действий против неприятеля, тогда использовалась тактика набегов, внезапных нападений. При этом заранее по пути предполагаемого отступления в нескольких местах устраивались засады (щэхупІэ, пэтІысы-пІэ).

Приблизившись к объекту нападения, атаковали его перед сумерками, с тем, чтобы использовать темноту для отхода. Часто производили ложные атаки в каком-нибудь месте, с тем, чтобы отвлечь внимание, а затем все силы бросали на основной объект нападения [32, 117].

В это время авангард, состоящий из отборных воинов, сражался с защищающимся неприятелем, остальная же часть, входящая в арьергард, захватывала добычу, брала пленных, отгоняла табуны лошадей и скотину. Во время сражения каждая дружина воевала рядом со своим князем. При этом, сообщает И. Бларамберг, «князья показывают образцы храбрости, они всегда в самых опасных местах боя, и для них было бы большим бесчестием, если какой-нибудь уздень, а тем более простой крестьянин, превзошел бы их в храбрости или ловкости и доблести» [28, 112].

Звуки литавр и призывы дежурных («шухьэтий»), рассылаемых дзапшем, дают знать об отходе. По словам Хан-Гирея, князья и дворяне, «которым приличие не позволяет брать добычу и которых удел есть «сражаться», на обратном пути, составив арьергард, подвергают себя всем опасностям, отважно дерутся с настигающим их неприятелем и, храброю стойкостью удерживая и отражая натиск преследователей, дают время продвигаться вперед большей части своего войска с добычею и в беспорядке возвращающегося» [136, 287].

В ходе военных действий использовались различные тактические приемы. Конница атаковала сплошным и рассредоточенным строем. В крупных сражениях в открытом поле использовался и такой вид кавалерийской атаки, как лава. Для этого всадники связывали между собой веревками седла лошадей и такая монолитная, двигающаяся с большой скоростью

масса врезалась в один из флангов неприятеля, срезая его. В это время воины (в основном это были панцирники) перерубали связывающие лошадей веревки и начинали рубить расстроенные ряды неприятеля. В больших массах на открытых равнинах черкесская конница любила действовать холодным оружием и предпочитала всему удар прямо в шашки [111, Т. 2, 342].

При этом атаки черкесской конницы отличались стремительностью и натиском. Всадники нападали на врага с плетьми в руках и только в двадцати шагах от него выхватывали ружья, стреляли, закидывали их за плечи и, обнажив шашки, бросались в рукопашную схватку. В описании кабардинского народа, составленном в 1748 г., в частности, сообщается: «Они при драке их с неприятелями из пищалей стреляют каждый только один раз, а потом все саблями и шашками рубят и колют. Кони у кабардинцев весьма легкие и проворные. И одним словом, никакое нерегулярное войско сравнится с кабардинским не может» [54. Т. 2. 158].

Впоследствии излюбленная тактика кабардинцев была заимствована гребенскими казаками. Об этом, в частности, свидетельствует рассказ гребенского казака Ивана Демушкина - очевидца Хивинского похода 1717 г. под командованием Александра Бековича-Черкасского. «Как только подошли к Амударье,- рассказывал он,- хивинцы, киргизы и туркмены сделали на нас два больших нападения, да мы их оба раза, как мякину, по степи рассеяли. Яицкие казаки даже дивились, как мы супротив их длинных киргизских пик в шашки ходили. А мы как понажмем поганых халатников да погоним их по Кабардинскому, так они и пики свои по полю разбросают» [111, I59].

Иногда, после первых выстрелов, всадники поворачивали обратно, перезаряжая на полном скаку ружья и затем повторяли свой маневр. По свидетельству очевидцев, атаки конницы могли повторяться с чрезвычайной настойчивостью в течение нескольких часов. Н. Грабовский описывал бой, в котором атаки кабардинцев следовали одна за другой в течение шести часов [43, 157].

Часто использовались ложные отступления с тем, чтобы заманить противника в засады или же, внезапно развернувшись, стремительно атаковать увлекшегося погоней и оторвавшегося от основных сил неприятеля. Описывая подобную тактику кабардинцев, С. Броневский сообщал, что они, «подобно Парфянам, заманивают неприятеля в засады через притворное бегство. Опыты доказали, что бегущий Черкес не есть разбитый неприятель, и что никакая легкая, ни тяжелая конница не может

держаться против конницы Черкесской» [29, 122]. Описание случая с применением этого тактического приема сохранилось в русском источнике, составленном в 1501 г. В нем, в частности, сообщается: «К Азову... сказывают, приходили Черкасы с четыреста человек... И Черкасы, пришед к городу за пять верст, да стали втаи, а тридцать человек к городу послали. И те, ехав под Азов, да животину отгнали. А Азовские казаки Ауз Черкас и Карабай, а всех их человек с двести, да затем и черкасы в погоню пошли, которые у них животину отгнали; и те их примчали на своих товарищов, где они стояли; и Черкасы Азовских казаков побили сказывают человек с тридцать... а Узь Черкас и Коробая сказывают тут же убили» [98, 74].

При нападениях на крепости черкесы, в частности, кабардинцы, проявляли большое мастерство в проведении различного вида осадных работ. Они копали многочисленные траншеи, из которых вели обстрел крепостных валов. При этом в качестве рабочего инструмента ими применялись только кинжалы и небольшие деревянные лопаточки. Для укрытия от неприятельского огня использовались специальные осадные подвижные щиты [32, 122]. Это сооружение, как нам сообщил Яхтанигов Хасан, называлось «Шэипхъуэт» (буквально «пулеулавливатель»). Оно представляло собой высокие дощатые или плетеные щиты, промежутки между которыми наполнены камнями, глиной, грунтом и установлены на большие деревянные колеса [165].

Надо заметить, что такого рода операции, связанные с большими потерями, предпринимались не часто и только при сборе большого количества воинов - от 5 до 20 тысяч.

Во время обратного марша организационный порядок, как уже говорилось, изменялся. Авангард становился арьергардом и прикрывал отход остальной части войска. В оборонительных действиях всадники спешивались и, используя пересеченный рельеф местности, вели меткий ружейный огонь с присошек из-за камней, кустов и деревьев.

В таких случаях лошадей не стреноживали, а использовали очень простой и удобный метод, называемый по-черкесски «шыуанэкъуапэпхэнж». Уздечку перекидывали через голову лошади вперед, затем через правый или левый бок натягивали, слегка завернув голову коня, намотав ее за переднюю, затем заднюю луку седла. Спутанная таким образом лошадь не могла никуда уйти, кроме как кружиться на одном месте. Вместе с тем всадник в течение нескольких секунд, размотав уздечку с лук седла, был готов сесть на коня.

Во время отступления; бывший арьергард становился авангардом. Пленные, трофеи и добыча находились в середине этого отряда. Из него высылался вперед конный разведывательный дозор. В случае необходимости могли так же выделяться и два боковых разведывательных дозора.

Первый привал делался только после того как преследование прекратилось, а командир войска был уверен в безопасности выбранного для этого места.

По возвращении на место сбора происходил дележ добычи, после чего конное войско распускалось. Если поход был удачным, партии наездников подъезжая к своим родным аулам, извещали о сроем прибытии выстрелами, песнями и джигитовкой. Если же поход был неудачным, по-влекшим большие потери, то в села въезжали поздно ночью без всякого шума. Тела убитых развозили по домам, но перед этим к родственникам убитых посылались специальные гонцы— «щхьэкIуэ» - «вестник горя».

По этикету это делали, спешившись с правой стороны, - это означало, что гонец приехал с плохой вестью. Сообщение о горестном событии требовало особого ритуала, при котором на первый вопрос не приличествует отвечать прямо и только уже погодя можно сообщить правду [131, 92].

Кабардинцы. Небольшой конный отряд - «гуп»

Как уже говорилось, количество участников похода могло быть значительным, достигая нескольких тысяч человек. Но предпочтение отдавалось небольшим отрядам от нескольких десятков до нескольких сот человек. В русской исторической литературе они обозначались термином «партия». Адыги называли такие отряды «гуп». Обычно гуп - это отряд из 20-40 человек. Но гуп мог быть маленьким («гупжьей») - из нескольких человек и большим («гупышхуэ») - из ста и более человек. Предпочтение небольшим отрядам отдавалось ввиду следующих причин; их сбор занимал меньше времени; организация была проще; сбор такой партии было легче сохранить в тайне, в то время как о сборе большого войска противники узнавали заранее. Набеги небольших отрядов были эффективней, так как их было труднее обнаружить, а внезапность нападений и быстрота отхода делала их трудноуловимыми. В адыгском языке имеется несколько обозначений предводителя такой партии: «гупзешэ» - вожак партии («гуп» - партия, «зешэ»-водить); «пашэ» — предводитель («пэ» — вперед, «шэн» — вести); «тхьэмадэ» - старший.

Если партия была больше ста человек, ее могли разделить на две части: авангард и арьергард. Авангардом и партией в целом командовал предводитель («пашэ»), а арьергардом его заместитель («кIашэ») [156].

Если партия была меньше ста человек, то такого деления не делали.

Обычно наездники выезжали в поход ночью. Походы подобных партий достаточно правдоподобно описал декабрист А. И. Якубович, служивший на Кавказе 20-е гг. XIX столетия. По его словам, это выглядело следующим образом. Впереди партии ехал предводитель, несколько человек по бокам, остальная партия дробилась на небольшие кучки и ехала произвольно. Разведывательные дозоры в таких небольших отрядах не высылались. Разведка и наблюдение целиком лежали на плечах предводителя. Предводитель «суетится, - то скачет вперед, приникнув к седлу или поднявшись на стремена, из-за кургана окидывает окрестность привычным глазом; вдруг палец приложит ко рту, и вся партия остановилась; укажет на землю, и с коней все спешат; махнет к себе, и вихрем скачут, не смея перевести дыхания...» [150, 79-80].

Если он замечал что-нибудь подозрительное, то спешась, полз на курган, с которого осматривал окрестности и, если замечал людей, метал вверх шапку, а сам скатывался с него. Эту хитрость употребляли с тем чтобы обмануть осторожность неприятеля, будто птица слетела [150, 80].

Ночью порядок похода изменялся: партия ехала вместе и никто не отставал от большой кучи из страха потеряться. Предводитель ехал в нескольких шагах впереди отряда со взведенным курком, не сводя глаз с ушей коня. «Ночью конь осторожней»,- говорят адыги (жэщым шыр нэхъ сакъщ). Если конь водил ушами, храпел - это предвещало опасность. Условные сигналы - глухой свист, подражание голосам птиц или диких животных - управляли движением партии ночью. Расторопность и сметливость предводителя были неимоверны: в самую темную ночь, когда небо покрыто облаками, партия редко удалялась от выбранного направления. Предводитель, заметив ветер, чувствовал малейшее его изменение, часто проверяя себя компасом. Зная, какие ветры дуют в данной местности в это время года, по ним определяли нужное направление [150, 80-81].

Черкесы различали несколько видов ветров: «Къуреижь» (ЮВ), «Бещтоужь» (СЗ), «Борэжь» (С), «Акъужь», «Ищхъэ-рэжь», «Салъкъын».

В звездную ночь Полярная звезда («Ищхъэрэвагъуэ»). Большая Медведица («Вагъуэзэшибл») и Млечный Путь («Шыхулъагъуэ») были

вожатыми предводителю; созвездие Лиры («Дей жыг вагъуэ») указывало ему часы; в случае же, когда компас разбивался или терялся, тогда первая кочка или муравейник («къэндзэгу») служили компасом: приложив руку, согретую за пазухой, к четырем сторонам возвышения, влажнейшею определяли север, и направление бралось с необыкновенной верностью. Одни только туманы иногда рассеивали партии и тогда, чтобы не растеряться, наездники огнивом выбивали искры, которые можно было видеть на большом пространстве [150, 81].

Места стоянки определялись заранее и, если наездники часто ездили по какой-либо дороге, то они останавливались всегда в одном специально выбранном для этого месте. Такие места назывались, по словам стариков, «зекIуэ хэщIапIэ». [145, 6]. Во время стоянки или ночлега предводитель на тропинках и дорогах, ведущих к стоянке, выставлял дозорных, которые, по словам А. И. Якубовича, ночью, «приникнув ухом к земле, различают по гулу на большое пространство бег оленя или топота конского» [150, 81].

Днем часть дозорных взбиралась на деревья и оттуда осматривала местность. Эти дозорные («жыгыщхьэрыс»), по словам Н. Дубровина, «по полету и крику птиц заключали довольно верно о том, что происходило в непроницаемой глубине леса; и этих примет было достаточно для того чтобы знать приближаются ли люди» [47, 16].

Когда партия располагалась в лощине, а окрестности не давали возможности скрыть дозорного, делалась защита из высокой травы, под прикрытием которой тот медленно полз на удобное место и, спрятавшись в траве, вел наблюдение [150, 80].

Когда наездники были уверены, что их убежища никто не обнаружит, они снимали с лошадей седла, а с себя оружие. Лошадей треножили и под присмотром одного-двух человек пускали пастись. Если в лесу находили небольшую поляну, огороженную чащею непроходимого терновника, тогда с помощью седельных топориков («уанэ джыдэ») прорубали в ней тропинку, куда загоняли лошадей. Вслед за этим тропу, как говорили черкесы «зашивали», втыкая обратно вырубленный терновник [47, 16].

При приближении к объекту нападения предпринимались особые меры предосторожности. Предводитель тщательно осматривал местность, проводил разведку, выяснял места расположения неприятельских постов, секретов, порядок их смены. Для этого он пользовался ночью всевозможными хитростями: покрикивал разными голосами лесных птиц или зверей, бросал в разные стороны камешки или небольшие комья грязи,

скатывал с горы или холма крупные валуны, будто бы кабан или медведь сошел и, обратившись весь в слух, прислушивался, не пошевелится ли или не заговорит ли где-нибудь человек [47, 239].

Тщательная разведка проводилась при переправе через крупные реки.

Большое значение придавалось моменту выхода на противоположный берег. Нередко предводитель до часа находился в воде в нескольких метрах от берега, тщательно вслушиваясь в темноту. Если он что-нибудь заподозрил, то группа возвращалась или искала другое место переправы. На противоположном берегу иногда выделялся отряд для маскировки следов или даже имитации якобы уже обратного движения. Применялись «старые» следы, показывающие, что группа побывала здесь несколько дней назад. На своем берегу черкесы часто оставляли небольшую группу прикрытия, в задачу которой входила огневая поддержка возвращавшихся товарищей и раскладка костров, указывающих место перехода [133, 105].

На разведку уходило иногда несколько дней. Если хотели напасть на какое-нибудь село, отогнать лошадей или захватить пленных, то в течение дня, укрывшись, наблюдали: в каком месте удобнее сделать нападение, когда пастухи ложатся спать, а крестьяне возвращаются с полевых работ и т. д.

Днем никогда не нападали, а только с наступлением сумерек, с тем, чтобы использовать ночь для отхода.

При похищении скота или отгоне лошадей применялись различные хитрости. Одну из них описывает французский автор XVII в. Ж. Б. Тавернье: «Когда они хотят угнать у кого-нибудь скотину, то для того, чтобы стерегущие стадо собаки не залаяли и не привлекли этим внимание пастухов, они берут с собой бычачьи рога, наполненные вареной требухой, нарезанной мелким кусочками: обычно стада имеют не менее 8 или 10 сторожевых собак и 2 или 3 пастуха. Они выслеживают время, когда пастухи засыпают, и как только собаки начинают лаять, они бросают каждой из них по одному рогу, который собака схватывает и уносит подальше от стада, чтобы съесть содержимое. Труд, который приходится применять, с одной стороны, чтобы вытащить требуху, плотно набитую в рог, а с другой - боязнь, что другая собака отымет у них добычу, заставляют их забыть, что надо лаять. В то время как уставшие за день пастухи погружены в глубокий сон, воры делают свое дело и угоняют из стада то, что хотят» [125, 75].

Для угона табунов лошадей выделялось несколько всадников. Их функция, как нам сообщил Сасык Тахсин (1934 г. р. сел. Кырк-Пынар, Турция), обозначалась адыгским термином «шыщ I эш» [162]. Один наездник, называемый «шыху гъуазэ» (вожак гона лошадей), подъезжал к табуну с одной стороны [131, 20]. В это время другие наездники подъезжали к табуну с противоположной стороны и делали несколько выстрелов. Поднятый табун стремглав летел за вожаком («шыху гъуазэ»), имевшим сноровку сразу попасть на заранее выбранное место переправы [47, 233].

После нападения и захвата добычи гуп разделялся на две части. Одна сопровождала захваченную добычу, другая же, состоящая из лучших наездников, прикрывала их отход. При отходе старались до рассвета достичь какого-нибудь леса, балки или оврага.

Так как нападение происходило ночью, подвергшиеся ему не знали точно численности нападавших. Используя этот фактор, наездники путем разных хитростей часто обманывали погоню. Одна из них, называемая «шутка лисицы с волком», описана в рассказе А. Г. Кешева «Абреки». Суть ее заключалась в следующем. Наездники, находившиеся в арьергарде, отъезжали на определенное расстояние от основной группы, сопровождающей добычу. Затем они, как будто нечаянно, высыпали из оврага или леса в поле и, будто бы заметив и испугавшись неприятеля, начинали бегство по ложному следу. Пока неприятель, увлекшись погоней, преследовал их, основная группа с добычей уходила в другом направлении. Часто наездники выделяли несколько групп, увлекавших погоню по ложному следу в разных направлениях [62, 153]. Наездники, прикрывавшие отход, применяли различные тактические и индивидуальные приемы. Один из них описан В. Швецовым, который сообщает: «... когда же расстояние, увлекшихся преследованием, будет соответствовать их умыслу, в это время разбросанная партия по команде, в одно мгновение оборачивается лицом к преследователям, занесшимся без всякой осторожности, и, сплачиваясь в несколько частей, дружно и с ловкостью нападает на слабых и гонит в беспорядке до главной нашей колонны» [141, 31].

Другой военный прием, часто применявшийся черкесами, назывался «шу кIапсэ» («шу» - всадник, «кIапсэ» - веревка). Этот прием, упоминаемый еще в нартском эпосе, заключался в следующем. Наездники бросались в разные стороны, увлекая каждый за собой группу преследователей.

Так как нет одинаково резвых и выносливых лошадей в процессе преследования неприятельские всадники растягивались один за другим в цепочку. В этот момент преследуемый резко оборачивался, бросался им навстречу и орудуя шашкой, расправлялся с ними по одному [36, 282].

При уходе от погони наездниками также использовались приемы джигитовки. Например, всадник, оставив одну ногу в стремени, свешивался через бок лошади (допустим, справа), имитируя, что он убит. Когда преследователь догонял его с левой стороны, он неожиданно поднимался и стрелял в него.

Другой, достаточно сложный, прием описан англичанином Э. Спенсером: «Например,- писал он,- черкесский воин спрыгивает со своего седла на землю, бросает кинжал в грудь лошади врага, снова прыгает на седло; затем становится прямо, ударяет своего противника ... и все это в то время как его лошадь продолжает полный галоп» [121,44].

Для таких военных походов, с использованием тактики внезапных нападений и быстрых отходов, были необходимы специально подготовленные лошади. Высокие качества черкесской конницы, как справедливо отмечал В. Х . Вилинбахов, в значительной степени зависели от породы и прекрасной выучки лошадей [32, 119].

Выведенная черкесами порода лошадей, известная как «кабардинская», удачно сочетала в себе выносливость и резвость. Такие лошади идеально подходили для военных походов. Специально подготовленные лошади, способные преодолевать большие расстояния за короткое время, назывались «зек I уэш» - «походная лошадь».

Русский офицер Ф. Ф. Торнау рассказывал случай, когда кабардинские князья «братья Карамурзины с десятью товарищами переправились через Кубань около Прочного Окопа, в длинную осеннюю ночь проскакали за Ставрополь к селению Донскому, на Тегиле, и к рассвету очутились за Кубанью близ Невиномысской станицы, сделав в продолжение четырнадцати часов более ста шестидесяти верст» [127, 1992. №3. 18].

После того как партия отрывалась от погони, в лесу, в глухом безопасном месте, возле источника делался первый привал. Бивуак черкесов, возвращающихся из набега, описан автором XIX в.: «Группа измученных дорогою пленных,- писал он,- в числе которых взрослые мужчины были связаны, сидела окруженная кострами; женщины, захваченные без детей, рыдали, утешаемые на непонятном языке караульными, те же, у которых были дети, скрепя сердце утешали и успокаивали плачущих детей.

Рогатый скот и лошади, оцепленные также караулом, теснились в кутку поляны, лишенные, в видах сохранения здоровья, воды и корму. Возле прочих костров лежали на бурках раненые черкесы, раны которых уже были перевязаны, далее в неосвященном месте бивуака, под деревьями, на сучьях которых повешено было оружие, лежали трупы убитых черкесов, завернутые в бурки и тщательно увязанные; их окружали товарищи-одноаульцы. По прибытии всей партии дзепши (предводитель), обезопасив бивуак секретами, отдавал лошадь, снимал оружие и шел к убитым - почтить их славную смерть поклонением. Посидев возле каждого трупа несколько минут с поникшей головой, он уходил опечаленным. После него то же благоговейное поклонение мертвым делалось и другими наездниками всей партии. Самым оживленным местом бивуака было то, где зарезанная во имя Аллаха скотина, едва выдержавшая перегон, раздавалась приходящим» [47, 239-240].

Обед во время привала готовился самыми молодыми наездниками. Если котелок («лъэгъупцIыкIу») маленький, то готовили в несколько приемов. Доли раскладывались на листья лопуха и разносились по порядку, начиная с самого старшего. Пленным тоже подносили по куску [55, 131].

Пешее войско. Шапсуги и абадзехи

Военная организация шапсугов и абадзехов, имевших «демократическую» форму политического устройства, была подробно описана Т. Лапинским в книге «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских» [75].

Автор книги был хорошо знаком с особенностями военной организации черкесов, т. к. в течение долгого времени (с 1857 по 1859 г.) принимал активное участие (на стороне черкесов) в военных действиях против русских войск. За три года Т. Лапинский побывал в четырех западных исторических областях Черкесии: Убыхии, Натухае, Шапсугии и Абадзехии. Особенно близко Т. Лапинский был знаком с гражданским и военным бытом шапсугов и абадзехов. Вот что он сообщает об их социально-политическом, административном и военном устройстве: «Народности шапсуги и абадзехи разделяются каждая на восемь племен (тлако) (ЛIакъуэ - род, колено). Из этих восьми племен каждые два родственны между собой и образуют, собственно одно племя, причем каждое из восьми племен шапсугов состоят в родстве с одним из восьми племен абадзехов. Каждое из племен разделяется на несколько фамилий (тлако-сик), а это, в свою очередь, - на несколько семей или дворов (юнэ)(Унэ - дом). Но все племена, фамилии и дворы одной народности живут

смешанно между собой, и в каждой местности представлены все племена и фамилии.

Административное деление, если можно употребить это выражение,- это каждая сотня фамильных дворов (юнэ-из)(Унэ из - полный дом), которая, так сказать, представляет деревню, простирающуюся на одну и более квадратных миль, и образует до известной степени маленькую независимую республику, которая управляется старшинами, и вся страна есть федерация таких маленьких республик. Эта федерация тем более сильна, что жители юнэ-из крайнего запада или севера состоят в родстве с жителями юнэ-из крайнего востока или юга, и это родство высоко и свято ими почитается. Каждый юнэ-из посылает на совещание страны или народности двух выборных. Внутри каждая сотня дворов делится на десятки дворов (юнэ-ипс) (УнипщI - десять дворов), и десять представителей образуют с имамом совет и суд своего юнэ-из.

Другое разделение страны - по рекам («псыхъуэ».-А. М.). Как бы много юнэ-из ни располагалось по реке (иногда их может быть более 20 и более), но на советы, военные собрания и суды всегда избирается от каждого племени только двое старшин - представителей всех жителей, живущих по реке, так что 16 старшин с двумя кадиями во главе образуют совет и суд всех лежащих на реке юнэ-из.

В одном фамильном дворе (юнэ) живут, кроме родителей, все их женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери. Такие семьи очень многочисленны, т. к. часто вместе живут несколько братьев со своими семействами; часто в одном юнэ живет до 100 душ обоего пола» [75, 77-78].

«Двое старшин (тамады) являются вождями каждого юнэ-из, из которых предполагается послать половину всех боеспособных мужчин на сборный пункт; каждые 10 дворов имеют, кроме того, еще предводителя, своего тамаду. Все эти тамады образуют малый и расширенный военные советы «Цава-цауч» (Зауэ зэIушIэ; «зауэ» - война, «зэIущIэ» - совет. - А. М.); к первому допускаются только представители каждых 100 дворов, к последнему - также и тамады от каждых 10 дворов. Расширенный военный совет выбирает главного предводителя, причем принимается во внимание не возраст, но военный опыт и храбрость. Этот главный вождь назначает еще двух низших начальников: одного для пехоты; другого - для кавалерии. Их приказания исполняются довольно пунктуально, кто отказывается их исполнять, наказывается конфискацией своего оружия.

Зажиточные помогают бедным военным снаряжением: как каждый всадник, так каждый пехотинец должен взять продовольствия для себя на 20 дней. Если собирается большой отряд, то везут на лошадях котел и гонят немного скота для убоя. На определенном сборном пункте располагается лагерь, где воинам разных местностей указываются их места. Когда большая часть ожидаемых воинов сошлась, то на большом месте собирается весь корпус и держится большой военный совет. В середине сидят широким кругом тамады, кадии и имамы, большей частью красивые старцы с серебряными бородами; в центре их - выбранный вождь, обыкновенно, мужчина средних лет. Ум, храбрость, много смелых и удачных воинских подвигов, всеобщее доверие, а также большое красноречие и громкий голос... необходимы для достижения этого звания, которым, впрочем, он облечен, пока ополчение не разошлось, и которое доставляет ему много трудов, опасностей и ответственности, но, кроме большого уважения, не приносит никакой выгоды.

Вокруг совета старших стоят сплоченным кругом пешие воины, а сзади них - всадники. Старшины в кругу совещаются, а все слушают внимательно речи, которые произносятся. Обсуждают силы и намерения врага; из рядов позади выступают отдельные люди, которые наблюдали близко врага и, возможно, точно считали его отряды... хорошо узнали его расположение. Тамады берут один за одним слово; никогда не перебивают говорящего, каждый высказывает свое мнение... Собственные военные силы также пересчитываются, и с довольно большой точностью, так как каждый тамада знает, сколько пришло с ним человек...

Когда старшины приняли решение, то в середину круга выводят оседланного коня. Один из тамад вскакивает на него, чтобы его могли лучше видеть и слышать, и передает воинам в длинной речи заключение совета, которое он мотивирует на все лады и старается сделать его приемлемым. Эти речи, которые толпа принимает с одобрением или протестом, часто произносятся с большим красноречием и благородным жаром. Если решение старшин встречает протест со стороны воинов, то выступают обыкновенно некоторые из них и говорят против принимаемого решения; показателем того, что народ не согласен, является также безмолвная холодность, с которой принимается речь. В таком случае решение откладывается на другой раз или в этот же день обсуждается в кругу старшин другое предложение. Если на речь тамады вызывает общий восторженный крик, который заглушает единичные протесты, то решение считается принятым и приступают к его выполнению.

Если предполагается серьезное нападение на неприятеля и принято решение во что бы то ни стало ворваться в крепость или лагерь, и с обнаженным оружием идти на врага, то военный совет не полагается исключительно на общую храбрость, но еще приносится самая священная и значительная присяга «Цава-карар» (Зауэ къэрар - зауэ (война), къэрар (нечто святое, недопускающее нарушения) (военная или боевая клятва). Церемония присяги такова: старший тамада, в последнее время магометанский имам, вскакивает в середине круга на лошадь и произносит краткую молитву, в которой просит благословения Бога на успех предприятия. Все собрание заканчивает молитву продолжительным «аминь».

После этого тамады становятся, по двое от каждого племени в ряд и вызывают воинов исполнить Цава-карар; эти приближаются по порядку к старшинам, и каждый ударяет по рукам, что означает, что священное обещание ни в коем случае нельзя взять назад. По окончании этой важной церемонии, которая происходит чрезвычайно редко, так как военный совет только в отчаянных случаях прибегает к этому средству, совет старшин распускается и вступает в силу командование избранного вождя.

Этот последний выбирает себе столько помощников, сколько он признает необходимым, причем он все время стремится, чтобы между ними были представлены все племена, при этом он обращает меньше внимания на возраст, чем на военные способности, хитрость и храбрость своих помощников. Последние не должны удаляться от него и обязаны приводить в исполнение его приказания.

Приготовления к приступу крепости или к нападению на... лагерь производятся ночью. Пехота разделяется на много отрядов, и каждому дается предводитель («ЛIыщхьэ», «лIыпэ» - командир какой-нибудь боевой единицы. - А. М.).

Лошадей помещают в тылу корпуса на безопасном пастбище..., только небольшая часть всадников образует патрули и следует за корпусом как для того, чтобы при возможном отступлении прикрыть его, так и для того, чтобы увозить мертвых и раненных.

После полуночи весь корпус приходит в движение. Авангард образуют небольшие отряды пехоты, которые ведут хитрейшие и наиболее знающие страну люди. Между авангардом и главными силами находятся небольшие посты, которые поддерживают связь. Фланги охраняются многочисленными патрулями. Ничто не может сравниться с осторожностью и тишиной, с которой движется такой корпус, состоящий

часто из многих тысяч человек. Их легкая походка и легкая обувь, темная одежда, оружие в чехлах - все благоприятствует ночному походу. Когда они приблизились к врагу, от авангарда отделяются несколько лиц и ползком, на четвереньках, стараются подкрасться к крепости или окруженному окопами лагерю, выведать расположение ночного поста и подслушать, не заметно ли у врага какого-нибудь необычного движения. Различные сигналы бывают заранее условлены между ними и предводителем войска. Крику совы, диких уток или гуся, завыванию волка, лисы или шакала они подражают мастерски, и это служит предводителю, смотря по условию, хорошим или плохим знаком» [75, 165-170].

По условленному сигналу предводителя начиналась атака. По обычаю, первыми бросались на врагов знаменосцы, увлекая за собой всех остальных воинов. Черкесы бросались на врагов с боевыми кличами: «Маржэ» и «Еуэ». Второе означает «бей», этимология первого не установлена. «Русские солдаты, поседевшие на войне с горцами, рассказывали,- сообщает Т. Лапинский,- что этот ужасный крик, повторяемый тысячным эхом в лесу и горах, вблизи и вдали, раздающийся со всех сторон, спереди и сзади, справа и слева, пронизывает до мозга костей и производит на войска впечатление более неприятное, чем свист пуль» [75, 164].

Действительно, боевые кличи представляли в военной практике многих народов значительный, прежде всего психологический фактор. Боевые кличи использовались черкесами также и при отступлении, во время контратак, особенно в лесу, в темное время суток. Пронзительный боевой крик, который поднимали черкесы, часто отбивал у неприятеля охоту к преследованию. Это происходило потому, что, по словам Т. Лапинского, «невозможно понять, происходит он из горла 13 или 100 человек...» и противник прекращает преследование, боясь ошибиться в числе [75, 188, 374].

«Когда черкесы решали взять штурмом крепость или населенный пункт, они пытались сделать это, не считаясь с потерями. При штурме крепостных стен использовались лестницы и веревки. Всадники подвозили к стенам крепости воинов на крупах коней.

Так как у черкесов не было ни артиллерии, ни осадной техники такие операции стоили им большой крови и не всегда приносили хорошие результаты. В связи с этим Т. Лапинский писал: «Это последнее решение бывает чрезвычайно редко, никогда не принимается легкомысленно, но

после больших размышлений и таких основательных вычислений, что почти с достоверностью можно рассчитывать на удачу предприятия» [75, 168].

Предпочтение в большинстве случаев отдавалось тактике внезапных нападений и быстрых отходов.

Во время отступления организационный порядок пешего войска был следующим. Войско делилось на две основные части: авангард («дзэпэ») и арьергард («дзэкIэ»). Последний должен был прикрывать отход основной части войска. Авангард высылал вперед небольшой разведывательный отряд — «пIэхутэ», а также им выделялись боковые патрули. В авангарде находились раненые, убитые, а также пленные и захваченная добыча. Конница, если таковая имелась, выполняла вспомогательные функции: поддерживала связь между авангардом и арьергардом, везла раненых и убитых, осуществляла разведку.

Арьергард, используя рельеф местности, сдерживал противника ружейным огнем. При этом применялась система так называемых залогов, заимствованная у горцев частями русской армии в ходе Русско-Кавказской войны. «Залоги - это заранее выбранные укрытия, защищающие от огня неприятеля. При наступлении или отступлении стрелковые цепи передвигались от одного «залога» к другому, прикрывая друг друга огнем» [32, 226].

Подробно эта практика описана И. Бларамбергом. «Они,- сообщает он,- прекрасно стреляют с упора или лежа на земле, никогда не промахиваются, но они долго заряжают, тратя на это много минут. Обычно они прячутся в кустарниках, скалах, каждый выбирает определенную цель и берет на прицел именно этого человека. Когда их много, они никогда не стреляют одновременно, чтобы иметь возможность перезарядить ружье. Чтобы обороняться, они располагаются в нескольких шагах друг от друга, и когда отступают, тот, кто впереди, производит выстрел и прячется за последнего, чтобы спокойно перезарядить ружье. Располагаясь таким образом, они используют все преимущества рельефа» [28, 39].

Использовались и другие тактические приемы, например, наведение противника путем ложного бегства на засады. Для этого на путях отхода войска, заранее устраивались засады («щэхупIэ», «пэтIысыпIэ») и засеки («пхъэупшIэгъуабэ»).

Часто при отступлении применялись неожиданные контратаки. Как только ряды неприятеля, увлеченного преследованием, приходили в расстройство, черкесы бросались на него в шашки. Эти контратаки отличались такой стремительностью и натиском, что, по свидетельству Э. Спенсера, противника «буквально разносят на клочья в течение нескольких минут» [121, 45].

Сколь быстры и неожиданны были подобные контратаки, настолько же быстро происходил отход. Говоря о подобной военной тактике черкесов, Э. Спенсер писал, что «их манера борьбы в том, чтобы после неистовой атаки исчезнуть, подобно молнии, в лесах, когда они несут с собой их убитых и раненых...» [121, 45].

Преследовать их в лесу было почти бесполезно: как только неприятель поворачивал в сторону, откуда шел наиболее интенсивный обстрел или произошло нападение, они тут же исчезали и начинали обстрел совершенно с другой стороны.

Говоря о черкесах, один дореволюционный автор писал: «Та местность такая, что бой вспыхнет на поляне, а кончится в лесу и овраге, тот неприятель таков, что если хочет биться, трудно против него стоять, а если не хочет, трудно его настигнуть» [111, Т. 1, 166].

Убыхи. Пешее войско

Убыхи, как и кабардинцы, стояли на более высокой, чем их соседи ступени военной организации. Предводитель на все время похода имел право казнить ослушников. Каждый терпеливо переносил от него брань, и даже побои, на которые в другое время, убых ответил бы оружием. Во время похода предводитель пользовался безусловным повиновением всей партии. Предводителю предоставлялось право действовать по своему усмотрению и не открывать никому заранее своих намерений.

Предводитель выбирался народом при сборе большого войска. Последним мог быть только человек, известным своей храбростью, который бывал уже в нескольких походах в качестве простого воина, а также командира небольших отрядов от 10 до 30 человек, проявив при этом мужество и распорядительность. Предводитель должен был быть крепкого сложения, в состоянии переносить холод и голод, чтобы служить примером для всех остальных. Часто пешие походы убыхов происходили в зимнее время. Объектами таких походов были Абхазия, Абадзехия, Махош и другие области Черкесии, кроме Шапсугии, с которой убыхи находились в

союзных отношениях. Впоследствии, в разгар Русско-Кавказской войны, такой союз был заключен с натухайцами и абадзехами.

В походе могли принять участие все желающие кроме дряхлых стариков и детей. Местом сбора пешего войска назначалось обыкновенно глухое ущелье неподалеку от последней деревни, за которой начиналась та область, куда направлялся набег. Воины обязывались иметь при себе необходимую походную одежду, состоящую из бурки, башлыка, полушубка, двух или трех пар обуви из сыромятной кожи, двух или трех пар толстых носков, сшитых из войлока или домотканого сукна. Продовольствие, рассчитанное на месяц, все, кроме предводителя, несли на себе. Оно включало обычно в себя пшено, копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, варенное на меду.

Когда собиралось войско, достигавшее иногда трех тысяч человек, предводитель отправлялся на место сбора. Здесь им производился осмотр одежды, продовольствия, экипировки воинов. Те, у которых оказывался недостаток в одежде и необходимом количестве продовольствия, изгонялись из войска с позором.

Затем производился подсчет собравшихся воинов. Для этого предводитель пропускал всех по одному между двух человек, стоявших друг против друга, держа над головой палку. Иногда, вместо такой проверки, предводитель приказывал прислать к себе от каждого отряда из одного селения столько камешков, сколько находилось в нем человек, и таким образом определял общую численность войска.

Войско делилось на авангард и арьергард. В свою очередь, они состояли из подразделений воинов одной деревни численностью от 10 до 100 человек. Такое подразделение, по выражению убыхов, отдельный огонь, имело своего командира, обязанного в порядке очереди выделять людей в наряды, караулы, приходить к предводителю за приказаниями и для совещаний. Командир отдельного огня назначал кашеваров, дровосеков и вестовых, посылаемых каждое утро к предводителю для получения приказаний и распоряжении. Кроме приготовления пищи, кашевары обязаны были нести на себе котлы, в которых варилась пища для целого отделения; дровосеки заготавливали дрова, расчищали места, занесенные снегом, строили шалаши, выполняли работы по разработке дорог. Молодые люди, по обычаю, прислуживали старикам, потому что прислуги никому иметь с собой не полагалось.

Кашевары принимали ежедневно от каждого отдельного воина продукты поровну и готовили общую пищу для всех лиц, составляющих отдельный

огонь. Пищей служили крутая пшенная каша, суп из мяса и пшена, приправленного стручковым перцем. Этот суп, в изобилии приправленный перцем, заменял убыхам водку и согревал их в морозы. Расходовать провизию без ведома отделения строго воспрещалось, а кто расходовал ее тайком, тот подвергался большому стыду; подобные поступки, по народному суеверию, считались дурным предзнаменованием неудачи или какого-нибудь несчастья. В походе убыхи следовали колонной, по два человека в шеренге. Переходы с места на место строго воспрещались. В безопасных местах авангард и арьергард следовали вместе; в противном случае соблюдали дистанцию в 1,5 версты и более. От авангарда высылались вперед несколько человек для осмотра дорог, леса, оврагов; обо всем замеченном доносилось предводителю. В случае затруднения движения из-за свежевыпавшего снега, 5-6 воинов из правого ряда каждого отделения надевали лыжи (они должны были быть у каждого) и протаптывали дорогу для остального отряда.

Места ночлегов определялись заранее по маршруту движения войска. Обычно они располагались в гористой малодоступной местности, с лесом и кустарником.

С прибытием на ночлег, если он находился в безопасном месте, все снимали с себя тяжести, устраивали шалаши, заготавливали дрова и разводили огонь. Шалаши устраивались в виде четырехугольника с одной открытой наружной стороной, чтобы без замешательства встать в ружье.

В случае, если была опасность неприятельского нападения на той местности, по которой двигалось войско, в предполагаемое место остановки на ночлег высылалась разведка. Только после донесения посланных о совершенной безопасности, войско отправлялось на выбранное место. Авангард и арьергард сразу же выставляли пикеты и занимали все проходы; они оставались на своих местах до тех пор, пока назначенные в ночной караул люди не обогревались и не насыщались. Предводитель лично разводил и выставлял их на посты. Летом или в небольшие морозы зимой караулы оставались на всю ночь без смены, в противном случае сменялись два или три раза.

С рассветом войско выступало в поход; дневки делались очень редко и только при ненастной погоде; тогда выжидали хорошей погоды, оставаясь на месте иногда несколько дней и даже целую неделю.

Благоприятной для походов погодой убыхи считали ясные дни и крепкие морозы. На расстоянии одного усиленного перехода до объекта нападения войско останавливалось и занимало удобную позицию. Если прибывали

на это место перед вечером, то не оставались ночевать, а, отдохнув и поужинав, отправлялись далее. Но если прибывали поздно вечером, так что до рассвета не успевали дойти до места грабежа, то останавливались ночевать и выступали на другой день вечером. Убыхи нападали только ночью за полчаса до рассвета. Перед нападением предводитель делил войско на три части: две, предназначенные для нападения, состояли из отборных воинов; а третья часть, из стариков, молодых, кашеваров, дровосеков, образовывала резерв и оставалась на месте ночлега со всеми лишними тяжестями. Из первых двух частей формировался авангард и арьергард. Кроме того, из арьергарда выделялась часть непосредственно для грабежа. Обойдя справа и слева деревню, и окружив ее густой цепью, авангард останавливался. После этого начиналась атака. Убыхи атаковали рядами в две шеренги, имея впереди авангард, посредине грабителей, а сзади арьергард. Партии грабителей, разделившись на кучки по четыре человека в каждой, врывались в дома, грабили, вязали пленных. Нападения убыхов были скоротечны. Через полчаса или через три четверти часа начиналось отступление: авангард становился арьергардом и удерживал натиск неприятеля, а бывший арьергард - авангардом, прикрывающим добычу.

С пленными убыхи поступали человеколюбиво, давали им свою одежду и обувь; при остановке партии на ночлег или дневку, отделяли мужчин от женщин; последних поручали надзору добросовестного старика и давали ему в помощь караул. Лекарь, находящийся в отряде, оказывал помощь раненым: делал перевязки, давал лекарства. Предводителем назначались люди к носилкам убитых и раненых. Обязанность носильщиков считалась почетной и от нее никто не отказывался.

Достигнув места сбора, начинали дележ добычи. Подходя к своим деревням с пленными и добычей, убыхи, как и черкесы, пели песни, стреляли в знак победы и удачи. У убыхов существовал особый способ сообщать родственникам о погибшем. Один из односельчан подойдя к дому убитого, становился на возвышенном месте и вызывал его родственника.

— Возвратился такой-то из похода? - спрашивал он вызванного. Это значило, что того, о ком спрашивают, нет в живых, и тогда в семействе убитого начиналось оплакивание [47, 242-247].

Таким образом, как мы видим, организация военных походов, тактика, военная организация и вопросы дисциплины имели свои особенности у разных этнических групп черкесов в зависимости от

разных факторов: социально-политическое, административное устройство («аристократическое» - «демократическое»); природно-географические условия (горы - равнина), численность (войско - небольшой отряд); состав участников (пешие - конные) и некоторые другие.

Кабардинцы, конное войско

Военный поход мог быть организован решением народного собрания, являясь выражением политической воли целого народа или общества. Военный поход мог быть организован и по инициативе одного человека.

В первом случае предводитель войска («дзэпщ») избирался. Обычно полководца выбирали из числа князей, но при этом брали во внимание не старшинство, а личные качества: храбрость, военный опыт и т. д. «Когда кабардинцы снаряжаются в дальний поход или готовятся к отражению сильного неприятеля, избирают главного полководца из князей не по старшинству рода, но по личной храбрости и общему доверию»,— писал С. Броневский [29, 121].

Бывали случаи, когда полководцев выдвигали из числа дворян и даже лиц духовного звания [141, 30].

В случае если поход организовался по личной инициативе одного человека, тот, кто был организатором сбора, тот был и полководцем. Предводителем (тхьэмадэ, пашэ) мог стать только опытный храбрый наездник, известный своей удачливостью в набегах. Последнее было особенно важно. Удачный набег приносил предводителю славу и, по словам С. Броневского, давал ему «навсегда ... первенствующий голос в народных собраниях и всеобщее уважение» [29, 121]. Неудачный набег, повлекший большие потери, приносил позор предводителю и означал его политическую смерть. Поэтому в таких случаях предводители не старались спастись, а сами искали смерти. Так погиб в 1846 г. знаменитый наездник, кабардинский князь Магомет-Аш Атажукин, о чем свидетельствуют русские источники времен Русско-Кавказской войны [47, 240].

Джембулат Берзек, убыхский предводитель, был известен в горах своими смелыми походами в 1840 гг. Но после неудачного похода в феврале 1846 г. в Абхазию, в результате которого погибло 2/3 предводительствуемого им отряда, его имя навсегда сошло с политической сцены. «Этот злополучный поход, - писал анонимный автор,- был лебединой песнью

Джембулата Берзека; больше о нем ничего не было слышно ни по ту, ни по другую сторону Кубани» [148, 148].

Кроме всего прочего, предводитель должен был быть хорошим «гъуазэ» — путеводителем, знать местность, дороги, ориентироваться по звездам и другим приметам.

«В прежние времена,- сообщает Хан-Гирей,- когда земли, лежащие между Кубанью и Доном, были большей частью необитаемы и когда отчаяннейшие наездники искали славы и добычи на берегах Дона, угоняя табуны лошадей там кочевавших ногайцев и других орд, многие вожатые (хгоазе) прославлялись необыкновенными знаниями чуждых стран ...» [136, 109]. «Не так опасны были нападения, как возврат: иногда, блуждая целые недели, месяцы, хищники подвергались погоне, настигавшей их следом. Опытность вожатых, имена которых и поныне живут в памяти народа ... спасала их в подобных набегах» [137, 195]. Ночью ориентирами им служили Полярная звезда («Темыркъэзакъ», «Ищхъэрэвагъуэ») и Млечный Путь («Шыхулъагъуэ»). Кстати, черкесское название Млечного Пути переводится как «путь прогона лошадей».

Днем или в ненастную погоду, когда звезд не видно, руководствовались различными приметами. Таковыми, по словам Хан-Гирея, были «направления трав, ветров, постоянно дующих в ту пору года, курганы, на южной стороне которых быстрее тает снег, сохнет трава, и многие другие подобные же приметы» [137, 195].

Таким опытным вожатым (гъуазэ) был Кучук Аджигиреев, историческое лицо, неоднократно упоминаемое в русских источниках времен Русско-Кавказской войны. Он стал героем многих преданий и историко-героических песен, популярных среди адыгов. Одно из преданий, рассказанное нам Зарамуком Кардангушевым, повествует о нем следующее: «Как говорят старшие, Кучук Ажджерия сын был знаменитый наездник, бывший во многих походах. Лучше его, говорят, никто не знал местности, дорог, не мог ориентироваться по звездам и другим приметам. Отправляясь в поход ночью во главе партии, он останавливался в открытом поле, доставал шило, показывал своим соотечественникам и говорил: «Когда будем возвращаться, заберем». С этими словами, не слазя с коня, свешивался, втыкал его в землю. Возвращаясь из похода, он безошибочно находил то же самое место, доставал шило. «Вот так вы должны знать дороги»,- говорил он» [158].

Таким же знаменитым вожатым был убыхский предводитель Хаджи Ислам Догомуко Берзек (1766-1846). В молодости, как сообщают

источники, он участвовал во многих набегах на земли соседних народов, в том числе на Мингрелию, «которую он так хорошо изучил, что знал там названия почти всех селений» [148, 147].

Только такой известный своей храбростью, удачливостью, хорошо знакомый с местностью наездник мог быть предводителем. Заранее им рассылались по всему краю специальные гонцы - «шу джакIуэ» - «конные пригласители» ко всем известным наездникам с предложением принять участие в набеге. Отсюда в адыгском песенном фольклоре и возникла метафора «Шу джакIуэ зыкIэлъагъакIуэ» - «Тот, кому постоянно посылают гонцов», имея в виду знаменитых воинов-наездников [95, 66].

Собрать многочисленное войско в Черкесии, по словам Хан-Гирея, было «весьма легко человеку, известному успехами в предприятиях и храбростью, ибо все воины - жители аула и других мест при первом зове стекаются, и сами не зная куда и с какой целью; слово «поход» достаточно для их возбуждения и движения». При этом, отмечает он, «тут действуют два главных обстоятельства, из коих первое - славолюбие, которое влечет к предприятиям князей и дворян и вообще лучшее воинство; второе - надежда на добычу, двигающая толпы черни» [136, 286].

При этом для желающих принять участие в набеге назначалось место и время сбора, но цель похода оставалась до последнего момента тайной, известной лишь предводителю.

Что касалось вопросов дисциплины, то, как писал Н. Дубровин, «кабардинцы и убыхи, предоставлявшие своим предводителям право наказывать ослушников, стояли на высшей ступени военного развития, чем все остальные племена черкесского народа». [48, 234]. В вопросах поддержания военной дисциплины имелись различия между так называемыми «аристократическими» и «демократическими» этническими группами черкесов. Хан-Гирей писал в связи с этим следующее: «В войсках, состоящих из воинов, собранных в княжеских владениях, более бывает порядка, повиновения и подчиненности, нежели в войсках, состоявших из племен, имеющих народное правление». [136, 287].

У кабардинцев, например, князь, избранный полководцем, имел право «в течение всей экспедиции... осудить на смертную казнь любого - без предварительного разбирательства и без различия рангов ...» [28, 111].

После того как было назначено место и время сбора, туда начинали съезжаться воины, желающие принять участие в походе. Если поход совершался не во время войны, а был просто грабительским набегом, то

участие в нем было сугубо добровольным. Во время войн дворяне были обязаны, согласно нормам феодального права, следовать везде за своими князьями, в другое же время принять или не принимать участие в походе целиком зависело от личного желания. Князья приезжали на место сбора вместе со своими дружинами, причем у каждого из них был свой стяг («сэнджакъ») с изображенным на нем родовым знаком. Это позволяло издали, особенно во время боя, узнавать, какому князю принадлежит та или иная дружина. Для этого существовала специальная должность — «сэнджакъщ I эт» (стяговник). Наряду со стягами, означавшими принадлежность какому-либо роду, были знамена, которые фиксировали определенную этническую группу адыгов. У так называемых «аристократических племен» знаменосцами («бэракъзехьэ») могли быть лишь представители дворянского сословия беслан-уорк [151, 56]. При этом, по словам Хан-Ги-рея, должность знаменосца была наследственной [137, 253].

В исследованиях Б. Х . Бгажнокова были установлены их фамилии у бжедугов. У бжедугов было два колена: черченеевское и хамышеевское. Так вот, в первом знаменосцами были уорки из рода «Хьакъуи», а во втором - уорки из рода «ЛъэпцIэрышэ» [21, 75].

В военных походах, как сообщает Нагучев Тагир Пшимафович, 1904 г. р., а. Агой, Туапсинского района Краснодарского края, флаг регулировал продвижение войска: по тому, как знаменосец поднимал его или наклонял, воины производили действия [12. Т. 12,43]. Об этом свидетельствуют и архивные источники времен Русско-Кавказской войны. В одном из них сообщается, что во время сражения шапсугов с царскими войсками «...знаменосцы горские распущали свои знамена и наклоняли оные к стороне преследующего их отряда, чем давали знать остановиться и броситься на отряд...» [1, ф. I3454, оп. 6, д. 2б, л. 4].

Часто в походах принимали участие и народные барды - джегуако. Была даже категория дружинных джегуако, которые вместе с наездниками разделяли все трудности и опасности дальних странствований. Задачей джегуако, сообщает Ш. Ногмов, было «сочинять стихи или речи для воодушевления воинов перед сражением. Становясь перед войском, они пели или читали свои стихи, в которых напоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги» [101, 72].

Джегуако пользовались правом личной неприкосновенности во время мира и во время войны у всех адыгов. Их можно было отличить по

внешнему виду: они ездили на серых конях и носили серые черкески [101, 72].

Во время походов, кроме знамен, князья возили с собой литавры, звуки которых служили сигналами управления войском во время похода и боя. [12. Т. 12, 334-335].

С распространением среди черкесов ислама, особенно во время Русско-Кавказской войны, в походах стали принимать участие и служители культа - муллы. Вообще, муллы у черкесов, по словам А. Г. Кешева, «были вооружены и одеты не хуже всякого наездника, ездили верхом, участвовали в военных предприятиях не в качестве только подателей духовной помощи раненым и умирающим, но и как настоящие воины, а очень часто и как предводители» [55, 224].

Лиц духовного звания среди воинов можно было отличить по тому, что они ездили на лошадях игреневой масти [111. Т. 1, 601].

Часто в походы брали с собой местных адыгских лекарей «Iэзэ», которые оказывали раненым воинам необходимую помощь.

После того как в назначенное время собирались воины, «дзэпщ» проводил их осмотр, учет и деление на группы. Предводителем проверялось состояние одежды, оружия, экипировки воинов. Каждый воин должен был иметь при себе месячный запас походной пищи. Если собиралось большое войско, то гнали с собой небольшое количество рогатого скота и везли на лошадях большие котлы («шыуан»). Князьям во время походов прислуживали оруженосцы из сословия «пшичеу». Статус представителей этого сословия был переходный; они, как сообщается в записях обычного права кабардинцев, «...не вроде холопьев, но и не равняются с узденями...» [86, 285].

Пшичеу, набиравшиеся из крестьян, выполняли функции телохранителей и оруженосцев и оказывали князю различного рода услуги: держали лошадей, подавали и принимали оружие, за седлом своим возили княжескую бурку, готовили в поле обед и т. д.

Дворяне, у которых не было такой прислуги, во время нахождения в поле руководствовались принципами черкесского этикета, т. е. младшие оказывали разного рода услуги старшим.

При дворе князя имелась специальная должность «лыгъавэ» - «мясовар», которую занимали крестьяне-вольноотпущенники. Их всегда брали с

собой в поле во время сезона наездничества, где они, находясь в стане наездников, занимались приготовлением пищи для князя и его дружины. Видимо, их брали с собой и во время больших военных походов.

После осмотра дзапшем оружия и походной экипировки воинов, проводился обряд принятия присяги. Воины клялись хранить верность своему полководцу, выполнять его приказы, забыть все личное на время похода. Если в походе принимали участие кровные враги, то их обязывали на время похода забыть о вражде. В подобных случаях представители высших сословий, следуя рыцарскому кодексу «уэркъ хабзэ», не только оставались в границах вежливости, но даже, по словам Хан-Гирея, оказывали друг другу различного рода услуги. Это называлась у адыгов «дворянская (то есть благородная) неприязненность или вражда...» [136, 277].

Церемония принятия присяги происходила следующим образом. Дзапш произносил клятву, после чего все проходили по одному между двумя воинами, державшими на уровне груди ружейные присошки - «зэпэбаш». Прошедшие между ними считались принявшими присягу, полководец узнавал одновременно и количество участвующих в походе воинов. Этот обряд так и назывался «зэпэбаш».

Последний случай принятия кабардинцами подобной присяги произошел, как отмечает Ч. Э. Карданов, 30 мая 1913 г. перед началом Зольского восстания в Кабарде [58, 132].

Когда процедура принятия присяги заканчивалась, конное войско делилось на две части. Одна часть состояла из отборных наездников: дворян, князей и их оруженосцев, одетых в кольчуги. Это войско в русской исторической литературе и источниках известно как «панцирники», адыги же называли его «уэркъыдзэ» - «дворянское войско». Панцирники составляли авангард войска, называемого «шуупэ» или «дзэпэ» [156]. Все остальные, хуже вооруженные воины входили в арьергард, называемый по-черкесски «шуукIэ» или «дзэкIэ». Полководец («дзэпш») был одновременно командиром авангарда («шуупэгъуазэ»), кроме того, им назначался командир арьергарда («шуукIэалэ»). Последний являлся его непосредственным заместителем, т. е. в случае гибели дзапша, он его замещал [156].

При формировании войска и во время похода дзапш мог отобрать хорошую лошадь у легковооруженного или слабого воина и отдать ее хорошему воину, если у того была плохая лошадь.

На время похода предводителем назначались дежурные по войску («шухьэтий») из опытных, пользующихся авторитетом воинов. Дежурные («шухьэтий») должны были следить за сохранением порядка движения в войске, его подразделениях, передавать распоряжения предводителя и следить за их выполнением [136, 287].

В поход отправлялись, если позволяли обстоятельства, рано утром или днем. В таких случаях днем привалов («дзэгъуэлъ») обычно не делали, останавливались только на ночлег. Если войско проходило по территории, контролируемой противником, или же требовалось сохранение тайны движения, тогда марш совершали ночью, привалы делали днем, прячась в балках, оврагах, лесах.

Днем авангард и арьергард двигались раздельно. От авангарда вперед на несколько верст высылался конный разведывательный дозор («шуупэхутэ»), а также лазутчики («тIасхъэщIэх»). Кроме передовых, выделялись боковые разведывательные дозоры.

Арьергард также высылал от себя конный разведывательный дозор - «шуукIэхутэ», который должен был поддерживать связь между авангардом и арьергардом. При совершении марша ночью, авангард и арьергард могли соединиться, выделив только передовые и боковые разведывательные дозоры. Места стоянок («увыIэпIэ») и привалов («дзэгъуэлъ») выбирались заранее по маршруту движения.

Для этого заранее высылалось несколько человек, с тем чтобы удостовериться в безопасности и осмотреть местность, где предполагалось сделать привал или стоянку.

Во время стоянки или ночлега предводитель расставлял на тропинках, ведущих к ним, дозорных - «плъакIуэ». Специальные дозорные - «жыгыщхьэрыс» - сидели на деревьях, наблюдая за окружающей местностью.

Если предводитель был уверен в достаточной безопасности выбранного места, то с лошадей снимались седла, их стреножили и под охраной пускали пастись.

Если позволяли условия, разводили костры, приготавливалась горячая пища. Если же этого делать было нельзя - доставали походный ее запас. Когда поблизости от места стоянки находился водопой, лошадей небольшими партиями вели туда. Если условия этого не позволяли, воду для лошадей приносили в кожаных стаканах («сулукъ»).

Отдыхали, подложив под головы седельные подушки, вместо матрасов использовали потники, укрывались же бурками. В дождливую погоду из бурок делали палатки, натягивая их на воткнутые в землю колья [28, 66]. Поевшие и отдохнувшие воины сменяли дозорных. Летом они не менялись, зимой в течение ночи могли сменяться два-три раза.

Посты в течение ночи разводились, выставлялись и проверялись самим предводителем [47, 244]. При этом в случае необходимости, устанавливался пароль — «нэгъыщэ псалъэ» [8, 197].

Если во время похода на пути встречались крупные реки, они форсировались, часто скрытно и ночью. «Когда они отправляются в набег,- сообщает И. Бларамберг о черкесах,- их не смущают никакие реки, так как их лошади обучены их переплывать» [28, 111].

Для этого использовались специальные бурдюки («фэнд»), которые наездники возили с собой. У бурдюков было два отверстия. Через одно в них укладывались смена нательной одежды, обуви, еда, пистолеты, порох и оно крепко завязывалось через другое отверстие бурдюки надувались, после чего их подвязывали под передние лопатки лошади. После этого черкесы в полном вооружении, имея ружья наизготове в правой руке, а боевые патроны, заткнутые вокруг папах, надетых на головы, садились на своих коней и начинали переправу, следуя один за другим и имея впереди себя предводителя [47, 237]. Если войско переходило через реку зимой, то каждый всадник имел с собой мешок с землей, которую рассыпали по льду, чтобы облегчить лошадям переход через реку» [75, 351].

Тактика военных действий зависела от численности войска, соотношения сил воюющих и целей похода. Если не стояла задача захватить какой-нибудь укрепленный пункт с целые его удержания или уничтожения, и если соотношение сил не позволяло вести открытых широкомасштабных военных действий против неприятеля, тогда использовалась тактика набегов, внезапных нападений. При этом заранее по пути предполагаемого отступления в нескольких местах устраивались засады (щэхупIэ, пэтIысы-пIэ).

Приблизившись к объекту нападения, атаковали его перед сумерками, с тем, чтобы использовать темноту для отхода. Часто производили ложные атаки в каком-нибудь месте, с тем, чтобы отвлечь внимание, а затем все силы бросали на основной объект нападения [32, 117].

В это время авангард, состоящий из отборных воинов, сражался с защищающимся неприятелем, остальная же часть, входящая в арьергард,

захватывала добычу, брала пленных, отгоняла табуны лошадей и скотину. Во время сражения каждая дружина воевала рядом со своим князем. При этом, сообщает И. Бларамберг, «князья показывают образцы храбрости, они всегда в самых опасных местах боя, и для них было бы большим бесчестием, если какой-нибудь уздень, а тем более простой крестьянин, превзошел бы их в храбрости или ловкости и доблести» [28, 112].

Звуки литавр и призывы дежурных («шухьэтий»), рассылаемых дзапшем, дают знать об отходе. По словам Хан-Гирея, князья и дворяне, «которым приличие не позволяет брать добычу и которых удел есть «сражаться», на обратном пути, составив арьергард, подвергают себя всем опасностям, отважно дерутся с настигающим их неприятелем и, храброю стойкостью удерживая и отражая натиск преследователей, дают время продвигаться вперед большей части своего войска с добычею и в беспорядке возвращающегося» [136, 287].

В ходе военных действий использовались различные тактические приемы. Конница атаковала сплошным и рассредоточенным строем. В крупных сражениях в открытом поле использовался и такой вид кавалерийской атаки, как лава. Для этого всадники связывали между собой веревками седла лошадей и такая монолитная, двигающаяся с большой скоростью масса врезалась в один из флангов неприятеля, срезая его. В это время воины (в основном это были панцирники) перерубали связывающие лошадей веревки и начинали рубить расстроенные ряды неприятеля. В больших массах на открытых равнинах черкесская конница любила действовать холодным оружием и предпочитала всему удар прямо в шашки [111, Т. 2, 342].

При этом атаки черкесской конницы отличались стремительностью и натиском. Всадники нападали на врага с плетьми в руках и только в двадцати шагах от него выхватывали ружья, стреляли, закидывали их за плечи и, обнажив шашки, бросались в рукопашную схватку. В описании кабардинского народа, составленном в 1748 г., в частности, сообщается: «Они при драке их с неприятелями из пищалей стреляют каждый только один раз, а потом все саблями и шашками рубят и колют. Кони у кабардинцев весьма легкие и проворные. И одним словом, никакое нерегулярное войско сравнится с кабардинским не может» [54. Т. 2. 158].

Впоследствии излюбленная тактика кабардинцев была заимствована гребенскими казаками. Об этом, в частности, свидетельствует рассказ гребенского казака Ивана Демушкина - очевидца Хивинского похода 1717 г. под командованием Александра Бековича-Черкасского. «Как только

подошли к Амударье,- рассказывал он,- хивинцы, киргизы и туркмены сделали на нас два больших нападения, да мы их оба раза, как мякину, по степи рассеяли. Яицкие казаки даже дивились, как мы супротив их длинных киргизских пик в шашки ходили. А мы как понажмем поганых халатников да погоним их по Кабардинскому, так они и пики свои по полю разбросают» [111, I59].

Иногда, после первых выстрелов, всадники поворачивали обратно, перезаряжая на полном скаку ружья и затем повторяли свой маневр. По свидетельству очевидцев, атаки конницы могли повторяться с чрезвычайной настойчивостью в течение нескольких часов. Н. Грабовский описывал бой, в котором атаки кабардинцев следовали одна за другой в течение шести часов [43, 157].

Часто использовались ложные отступления с тем, чтобы заманить противника в засады или же, внезапно развернувшись, стремительно атаковать увлекшегося погоней и оторвавшегося от основных сил неприятеля. Описывая подобную тактику кабардинцев, С. Броневский сообщал, что они, «подобно Парфянам, заманивают неприятеля в засады через притворное бегство. Опыты доказали, что бегущий Черкес не есть разбитый неприятель, и что никакая легкая, ни тяжелая конница не может держаться против конницы Черкесской» [29, 122]. Описание случая с применением этого тактического приема сохранилось в русском источнике, составленном в 1501 г. В нем, в частности, сообщается: «К Азову... сказывают, приходили Черкасы с четыреста человек... И Черкасы, пришед к городу за пять верст, да стали втаи, а тридцать человек к городу послали. И те, ехав под Азов, да животину отгнали. А Азовские казаки Ауз Черкас и Карабай, а всех их человек с двести, да затем и черкасы в погоню пошли, которые у них животину отгнали; и те их примчали на своих товарищов, где они стояли; и Черкасы Азовских казаков побили сказывают человек с тридцать... а Узь Черкас и Коробая сказывают тут же убили» [98, 74].

При нападениях на крепости черкесы, в частности, кабардинцы, проявляли большое мастерство в проведении различного вида осадных работ. Они копали многочисленные траншеи, из которых вели обстрел крепостных валов. При этом в качестве рабочего инструмента ими применялись только кинжалы и небольшие деревянные лопаточки. Для укрытия от неприятельского огня использовались специальные осадные подвижные щиты [32, 122]. Это сооружение, как нам сообщил Яхтанигов Хасан, называлось «Шэипхъуэт» (буквально «пулеулавливатель»). Оно представляло собой высокие дощатые или плетеные щиты, промежутки

между которыми наполнены камнями, глиной, грунтом и установлены на большие деревянные колеса [165].

Надо заметить, что такого рода операции, связанные с большими потерями, предпринимались не часто и только при сборе большого количества воинов - от 5 до 20 тысяч.

Во время обратного марша организационный порядок, как уже говорилось, изменялся. Авангард становился арьергардом и прикрывал отход остальной части войска. В оборонительных действиях всадники спешивались и, используя пересеченный рельеф местности, вели меткий ружейный огонь с присошек из-за камней, кустов и деревьев.

В таких случаях лошадей не стреноживали, а использовали очень простой и удобный метод, называемый по-черкесски «шыуанэкъуапэпхэнж». Уздечку перекидывали через голову лошади вперед, затем через правый или левый бок натягивали, слегка завернув голову коня, намотав ее за переднюю, затем заднюю луку седла. Спутанная таким образом лошадь не могла никуда уйти, кроме как кружиться на одном месте. Вместе с тем всадник в течение нескольких секунд, размотав уздечку с лук седла, был готов сесть на коня.

Во время отступления; бывший арьергард становился авангардом. Пленные, трофеи и добыча находились в середине этого отряда. Из него высылался вперед конный разведывательный дозор. В случае необходимости могли так же выделяться и два боковых разведывательных дозора.

Первый привал делался только после того как преследование прекратилось, а командир войска был уверен в безопасности выбранного для этого места.

По возвращении на место сбора происходил дележ добычи, после чего конное войско распускалось. Если поход был удачным, партии наездников подъезжая к своим родным аулам, извещали о сроем прибытии выстрелами, песнями и джигитовкой. Если же поход был неудачным, по-влекшим большие потери, то в села въезжали поздно ночью без всякого шума. Тела убитых развозили по домам, но перед этим к родственникам убитых посылались специальные гонцы— «щхьэкIуэ» - «вестник горя».

По этикету это делали, спешившись с правой стороны, - это означало, что гонец приехал с плохой вестью. Сообщение о горестном событии требовало особого ритуала, при котором на первый вопрос не

приличествует отвечать прямо и только уже погодя можно сообщить правду [131, 92].

Кабардинцы. Небольшой конный отряд - «гуп»

Как уже говорилось, количество участников похода могло быть значительным, достигая нескольких тысяч человек. Но предпочтение отдавалось небольшим отрядам от нескольких десятков до нескольких сот человек. В русской исторической литературе они обозначались термином «партия». Адыги называли такие отряды «гуп». Обычно гуп - это отряд из 20-40 человек. Но гуп мог быть маленьким («гупжьей») - из нескольких человек и большим («гупышхуэ») - из ста и более человек. Предпочтение небольшим отрядам отдавалось ввиду следующих причин; их сбор занимал меньше времени; организация была проще; сбор такой партии было легче сохранить в тайне, в то время как о сборе большого войска противники узнавали заранее. Набеги небольших отрядов были эффективней, так как их было труднее обнаружить, а внезапность нападений и быстрота отхода делала их трудноуловимыми. В адыгском языке имеется несколько обозначений предводителя такой партии: «гупзешэ» - вожак партии («гуп» - партия, «зешэ»-водить); «пашэ» — предводитель («пэ» — вперед, «шэн» — вести); «тхьэмадэ» - старший.

Если партия была больше ста человек, ее могли разделить на две части: авангард и арьергард. Авангардом и партией в целом командовал предводитель («пашэ»), а арьергардом его заместитель («кIашэ») [156].

Если партия была меньше ста человек, то такого деления не делали.

Обычно наездники выезжали в поход ночью. Походы подобных партий достаточно правдоподобно описал декабрист А. И. Якубович, служивший на Кавказе 20-е гг. XIX столетия. По его словам, это выглядело следующим образом. Впереди партии ехал предводитель, несколько человек по бокам, остальная партия дробилась на небольшие кучки и ехала произвольно. Разведывательные дозоры в таких небольших отрядах не высылались. Разведка и наблюдение целиком лежали на плечах предводителя. Предводитель «суетится, - то скачет вперед, приникнув к седлу или поднявшись на стремена, из-за кургана окидывает окрестность привычным глазом; вдруг палец приложит ко рту, и вся партия остановилась; укажет на землю, и с коней все спешат; махнет к себе, и вихрем скачут, не смея перевести дыхания...» [150, 79-80].

Если он замечал что-нибудь подозрительное, то спешась, полз на курган, с которого осматривал окрестности и, если замечал людей, метал вверх

шапку, а сам скатывался с него. Эту хитрость употребляли с тем чтобы обмануть осторожность неприятеля, будто птица слетела [150, 80].

Ночью порядок похода изменялся: партия ехала вместе и никто не отставал от большой кучи из страха потеряться. Предводитель ехал в нескольких шагах впереди отряда со взведенным курком, не сводя глаз с ушей коня. «Ночью конь осторожней»,- говорят адыги (жэщым шыр нэхъ сакъщ). Если конь водил ушами, храпел - это предвещало опасность. Условные сигналы - глухой свист, подражание голосам птиц или диких животных - управляли движением партии ночью. Расторопность и сметливость предводителя были неимоверны: в самую темную ночь, когда небо покрыто облаками, партия редко удалялась от выбранного направления. Предводитель, заметив ветер, чувствовал малейшее его изменение, часто проверяя себя компасом. Зная, какие ветры дуют в данной местности в это время года, по ним определяли нужное направление [150, 80-81].

Черкесы различали несколько видов ветров: «Къуреижь» (ЮВ), «Бещтоужь» (СЗ), «Борэжь» (С), «Акъужь», «Ищхъэ-рэжь», «Салъкъын».

В звездную ночь Полярная звезда («Ищхъэрэвагъуэ»). Большая Медведица («Вагъуэзэшибл») и Млечный Путь («Шыхулъагъуэ») были вожатыми предводителю; созвездие Лиры («Дей жыг вагъуэ») указывало ему часы; в случае же, когда компас разбивался или терялся, тогда первая кочка или муравейник («къэндзэгу») служили компасом: приложив руку, согретую за пазухой, к четырем сторонам возвышения, влажнейшею определяли север, и направление бралось с необыкновенной верностью. Одни только туманы иногда рассеивали партии и тогда, чтобы не растеряться, наездники огнивом выбивали искры, которые можно было видеть на большом пространстве [150, 81].

Места стоянки определялись заранее и, если наездники часто ездили по какой-либо дороге, то они останавливались всегда в одном специально выбранном для этого месте. Такие места назывались, по словам стариков, «зекIуэ хэщIапIэ». [145, 6]. Во время стоянки или ночлега предводитель на тропинках и дорогах, ведущих к стоянке, выставлял дозорных, которые, по словам А. И. Якубовича, ночью, «приникнув ухом к земле, различают по гулу на большое пространство бег оленя или топота конского» [150, 81].

Днем часть дозорных взбиралась на деревья и оттуда осматривала местность. Эти дозорные («жыгыщхьэрыс»), по словам Н. Дубровина, «по полету и крику птиц заключали довольно верно о том, что происходило в

непроницаемой глубине леса; и этих примет было достаточно для того чтобы знать приближаются ли люди» [47, 16].

Когда партия располагалась в лощине, а окрестности не давали возможности скрыть дозорного, делалась защита из высокой травы, под прикрытием которой тот медленно полз на удобное место и, спрятавшись в траве, вел наблюдение [150, 80].

Когда наездники были уверены, что их убежища никто не обнаружит, они снимали с лошадей седла, а с себя оружие. Лошадей треножили и под присмотром одного-двух человек пускали пастись. Если в лесу находили небольшую поляну, огороженную чащею непроходимого терновника, тогда с помощью седельных топориков («уанэ джыдэ») прорубали в ней тропинку, куда загоняли лошадей. Вслед за этим тропу, как говорили черкесы «зашивали», втыкая обратно вырубленный терновник [47, 16].

При приближении к объекту нападения предпринимались особые меры предосторожности. Предводитель тщательно осматривал местность, проводил разведку, выяснял места расположения неприятельских постов, секретов, порядок их смены. Для этого он пользовался ночью всевозможными хитростями: покрикивал разными голосами лесных птиц или зверей, бросал в разные стороны камешки или небольшие комья грязи, скатывал с горы или холма крупные валуны, будто бы кабан или медведь сошел и, обратившись весь в слух, прислушивался, не пошевелится ли или не заговорит ли где-нибудь человек [47, 239].

Тщательная разведка проводилась при переправе через крупные реки.

Большое значение придавалось моменту выхода на противоположный берег. Нередко предводитель до часа находился в воде в нескольких метрах от берега, тщательно вслушиваясь в темноту. Если он что-нибудь заподозрил, то группа возвращалась или искала другое место переправы. На противоположном берегу иногда выделялся отряд для маскировки следов или даже имитации якобы уже обратного движения. Применялись «старые» следы, показывающие, что группа побывала здесь несколько дней назад. На своем берегу черкесы часто оставляли небольшую группу прикрытия, в задачу которой входила огневая поддержка возвращавшихся товарищей и раскладка костров, указывающих место перехода [133, 105].

На разведку уходило иногда несколько дней. Если хотели напасть на какое-нибудь село, отогнать лошадей или захватить пленных, то в течение дня, укрывшись, наблюдали: в каком месте удобнее сделать нападение,

когда пастухи ложатся спать, а крестьяне возвращаются с полевых работ и т. д.

Днем никогда не нападали, а только с наступлением сумерек, с тем, чтобы использовать ночь для отхода.

При похищении скота или отгоне лошадей применялись различные хитрости. Одну из них описывает французский автор XVII в. Ж. Б. Тавернье: «Когда они хотят угнать у кого-нибудь скотину, то для того, чтобы стерегущие стадо собаки не залаяли и не привлекли этим внимание пастухов, они берут с собой бычачьи рога, наполненные вареной требухой, нарезанной мелким кусочками: обычно стада имеют не менее 8 или 10 сторожевых собак и 2 или 3 пастуха. Они выслеживают время, когда пастухи засыпают, и как только собаки начинают лаять, они бросают каждой из них по одному рогу, который собака схватывает и уносит подальше от стада, чтобы съесть содержимое. Труд, который приходится применять, с одной стороны, чтобы вытащить требуху, плотно набитую в рог, а с другой - боязнь, что другая собака отымет у них добычу, заставляют их забыть, что надо лаять. В то время как уставшие за день пастухи погружены в глубокий сон, воры делают свое дело и угоняют из стада то, что хотят» [125, 75].

Для угона табунов лошадей выделялось несколько всадников. Их функция, как нам сообщил Сасык Тахсин (1934 г. р. сел. Кырк-Пынар, Турция), обозначалась адыгским термином «шыщ I эш» [162]. Один наездник, называемый «шыху гъуазэ» (вожак гона лошадей), подъезжал к табуну с одной стороны [131, 20]. В это время другие наездники подъезжали к табуну с противоположной стороны и делали несколько выстрелов. Поднятый табун стремглав летел за вожаком («шыху гъуазэ»), имевшим сноровку сразу попасть на заранее выбранное место переправы [47, 233].

После нападения и захвата добычи гуп разделялся на две части. Одна сопровождала захваченную добычу, другая же, состоящая из лучших наездников, прикрывала их отход. При отходе старались до рассвета достичь какого-нибудь леса, балки или оврага.

Так как нападение происходило ночью, подвергшиеся ему не знали точно численности нападавших. Используя этот фактор, наездники путем разных хитростей часто обманывали погоню. Одна из них, называемая «шутка лисицы с волком», описана в рассказе А. Г. Кешева «Абреки». Суть ее заключалась в следующем. Наездники, находившиеся в арьергарде, отъезжали на определенное расстояние от основной группы,

сопровождающей добычу. Затем они, как будто нечаянно, высыпали из оврага или леса в поле и, будто бы заметив и испугавшись неприятеля, начинали бегство по ложному следу. Пока неприятель, увлекшись погоней, преследовал их, основная группа с добычей уходила в другом направлении. Часто наездники выделяли несколько групп, увлекавших погоню по ложному следу в разных направлениях [62, 153]. Наездники, прикрывавшие отход, применяли различные тактические и индивидуальные приемы. Один из них описан В. Швецовым, который сообщает: «... когда же расстояние, увлекшихся преследованием, будет соответствовать их умыслу, в это время разбросанная партия по команде, в одно мгновение оборачивается лицом к преследователям, занесшимся без всякой осторожности, и, сплачиваясь в несколько частей, дружно и с ловкостью нападает на слабых и гонит в беспорядке до главной нашей колонны» [141, 31].

Другой военный прием, часто применявшийся черкесами, назывался «шу кIапсэ» («шу» - всадник, «кIапсэ» - веревка). Этот прием, упоминаемый еще в нартском эпосе, заключался в следующем. Наездники бросались в разные стороны, увлекая каждый за собой группу преследователей.

Так как нет одинаково резвых и выносливых лошадей в процессе преследования неприятельские всадники растягивались один за другим в цепочку. В этот момент преследуемый резко оборачивался, бросался им навстречу и орудуя шашкой, расправлялся с ними по одному [36, 282].

При уходе от погони наездниками также использовались приемы джигитовки. Например, всадник, оставив одну ногу в стремени, свешивался через бок лошади (допустим, справа), имитируя, что он убит. Когда преследователь догонял его с левой стороны, он неожиданно поднимался и стрелял в него.

Другой, достаточно сложный, прием описан англичанином Э. Спенсером: «Например,- писал он,- черкесский воин спрыгивает со своего седла на землю, бросает кинжал в грудь лошади врага, снова прыгает на седло; затем становится прямо, ударяет своего противника ... и все это в то время как его лошадь продолжает полный галоп» [121,44].

Для таких военных походов, с использованием тактики внезапных нападений и быстрых отходов, были необходимы специально подготовленные лошади. Высокие качества черкесской конницы, как справедливо отмечал В. Х . Вилинбахов, в значительной степени зависели от породы и прекрасной выучки лошадей [32, 119].

Выведенная черкесами порода лошадей, известная как «кабардинская», удачно сочетала в себе выносливость и резвость. Такие лошади идеально подходили для военных походов. Специально подготовленные лошади, способные преодолевать большие расстояния за короткое время, назывались «зек I уэш» - «походная лошадь».

Русский офицер Ф. Ф. Торнау рассказывал случай, когда кабардинские князья «братья Карамурзины с десятью товарищами переправились через Кубань около Прочного Окопа, в длинную осеннюю ночь проскакали за Ставрополь к селению Донскому, на Тегиле, и к рассвету очутились за Кубанью близ Невиномысской станицы, сделав в продолжение четырнадцати часов более ста шестидесяти верст» [127, 1992. №3. 18].

После того как партия отрывалась от погони, в лесу, в глухом безопасном месте, возле источника делался первый привал. Бивуак черкесов, возвращающихся из набега, описан автором XIX в.: «Группа измученных дорогою пленных,- писал он,- в числе которых взрослые мужчины были связаны, сидела окруженная кострами; женщины, захваченные без детей, рыдали, утешаемые на непонятном языке караульными, те же, у которых были дети, скрепя сердце утешали и успокаивали плачущих детей. Рогатый скот и лошади, оцепленные также караулом, теснились в кутку поляны, лишенные, в видах сохранения здоровья, воды и корму. Возле прочих костров лежали на бурках раненые черкесы, раны которых уже были перевязаны, далее в неосвященном месте бивуака, под деревьями, на сучьях которых повешено было оружие, лежали трупы убитых черкесов, завернутые в бурки и тщательно увязанные; их окружали товарищи-одноаульцы. По прибытии всей партии дзепши (предводитель), обезопасив бивуак секретами, отдавал лошадь, снимал оружие и шел к убитым - почтить их славную смерть поклонением. Посидев возле каждого трупа несколько минут с поникшей головой, он уходил опечаленным. После него то же благоговейное поклонение мертвым делалось и другими наездниками всей партии. Самым оживленным местом бивуака было то, где зарезанная во имя Аллаха скотина, едва выдержавшая перегон, раздавалась приходящим» [47, 239-240].

Обед во время привала готовился самыми молодыми наездниками. Если котелок («лъэгъупцIыкIу») маленький, то готовили в несколько приемов. Доли раскладывались на листья лопуха и разносились по порядку, начиная с самого старшего. Пленным тоже подносили по куску [55, 131].

Пешее войско. Шапсуги и абадзехи

Военная организация шапсугов и абадзехов, имевших «демократическую» форму политического устройства, была подробно описана Т. Лапинским в книге «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских» [75].

Автор книги был хорошо знаком с особенностями военной организации черкесов, т. к. в течение долгого времени (с 1857 по 1859 г.) принимал активное участие (на стороне черкесов) в военных действиях против русских войск. За три года Т. Лапинский побывал в четырех западных исторических областях Черкесии: Убыхии, Натухае, Шапсугии и Абадзехии. Особенно близко Т. Лапинский был знаком с гражданским и военным бытом шапсугов и абадзехов. Вот что он сообщает об их социально-политическом, административном и военном устройстве: «Народности шапсуги и абадзехи разделяются каждая на восемь племен (тлако) (ЛIакъуэ - род, колено). Из этих восьми племен каждые два родственны между собой и образуют, собственно одно племя, причем каждое из восьми племен шапсугов состоят в родстве с одним из восьми племен абадзехов. Каждое из племен разделяется на несколько фамилий (тлако-сик), а это, в свою очередь, - на несколько семей или дворов (юнэ)(Унэ - дом). Но все племена, фамилии и дворы одной народности живут смешанно между собой, и в каждой местности представлены все племена и фамилии.

Административное деление, если можно употребить это выражение,- это каждая сотня фамильных дворов (юнэ-из)(Унэ из - полный дом), которая, так сказать, представляет деревню, простирающуюся на одну и более квадратных миль, и образует до известной степени маленькую независимую республику, которая управляется старшинами, и вся страна есть федерация таких маленьких республик. Эта федерация тем более сильна, что жители юнэ-из крайнего запада или севера состоят в родстве с жителями юнэ-из крайнего востока или юга, и это родство высоко и свято ими почитается. Каждый юнэ-из посылает на совещание страны или народности двух выборных. Внутри каждая сотня дворов делится на десятки дворов (юнэ-ипс) (УнипщI - десять дворов), и десять представителей образуют с имамом совет и суд своего юнэ-из.

Другое разделение страны - по рекам («псыхъуэ».-А. М.). Как бы много юнэ-из ни располагалось по реке (иногда их может быть более 20 и более), но на советы, военные собрания и суды всегда избирается от каждого племени только двое старшин - представителей всех жителей, живущих по реке, так что 16 старшин с двумя кадиями во главе образуют совет и суд всех лежащих на реке юнэ-из.

В одном фамильном дворе (юнэ) живут, кроме родителей, все их женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери. Такие семьи очень многочисленны, т. к. часто вместе живут несколько братьев со своими семействами; часто в одном юнэ живет до 100 душ обоего пола» [75, 77-78].

«Двое старшин (тамады) являются вождями каждого юнэ-из, из которых предполагается послать половину всех боеспособных мужчин на сборный пункт; каждые 10 дворов имеют, кроме того, еще предводителя, своего тамаду. Все эти тамады образуют малый и расширенный военные советы «Цава-цауч» (Зауэ зэIушIэ; «зауэ» - война, «зэIущIэ» - совет. - А. М.); к первому допускаются только представители каждых 100 дворов, к последнему - также и тамады от каждых 10 дворов. Расширенный военный совет выбирает главного предводителя, причем принимается во внимание не возраст, но военный опыт и храбрость. Этот главный вождь назначает еще двух низших начальников: одного для пехоты; другого - для кавалерии. Их приказания исполняются довольно пунктуально, кто отказывается их исполнять, наказывается конфискацией своего оружия.

Зажиточные помогают бедным военным снаряжением: как каждый всадник, так каждый пехотинец должен взять продовольствия для себя на 20 дней. Если собирается большой отряд, то везут на лошадях котел и гонят немного скота для убоя. На определенном сборном пункте располагается лагерь, где воинам разных местностей указываются их места. Когда большая часть ожидаемых воинов сошлась, то на большом месте собирается весь корпус и держится большой военный совет. В середине сидят широким кругом тамады, кадии и имамы, большей частью красивые старцы с серебряными бородами; в центре их - выбранный вождь, обыкновенно, мужчина средних лет. Ум, храбрость, много смелых и удачных воинских подвигов, всеобщее доверие, а также большое красноречие и громкий голос... необходимы для достижения этого звания, которым, впрочем, он облечен, пока ополчение не разошлось, и которое доставляет ему много трудов, опасностей и ответственности, но, кроме большого уважения, не приносит никакой выгоды.

Вокруг совета старших стоят сплоченным кругом пешие воины, а сзади них - всадники. Старшины в кругу совещаются, а все слушают внимательно речи, которые произносятся. Обсуждают силы и намерения врага; из рядов позади выступают отдельные люди, которые наблюдали близко врага и, возможно, точно считали его отряды... хорошо узнали его расположение. Тамады берут один за одним слово; никогда не перебивают говорящего, каждый высказывает свое мнение... Собственные военные

силы также пересчитываются, и с довольно большой точностью, так как каждый тамада знает, сколько пришло с ним человек...

Когда старшины приняли решение, то в середину круга выводят оседланного коня. Один из тамад вскакивает на него, чтобы его могли лучше видеть и слышать, и передает воинам в длинной речи заключение совета, которое он мотивирует на все лады и старается сделать его приемлемым. Эти речи, которые толпа принимает с одобрением или протестом, часто произносятся с большим красноречием и благородным жаром. Если решение старшин встречает протест со стороны воинов, то выступают обыкновенно некоторые из них и говорят против принимаемого решения; показателем того, что народ не согласен, является также безмолвная холодность, с которой принимается речь. В таком случае решение откладывается на другой раз или в этот же день обсуждается в кругу старшин другое предложение. Если на речь тамады вызывает общий восторженный крик, который заглушает единичные протесты, то решение считается принятым и приступают к его выполнению.

Если предполагается серьезное нападение на неприятеля и принято решение во что бы то ни стало ворваться в крепость или лагерь, и с обнаженным оружием идти на врага, то военный совет не полагается исключительно на общую храбрость, но еще приносится самая священная и значительная присяга «Цава-карар» (Зауэ къэрар - зауэ (война), къэрар (нечто святое, недопускающее нарушения) (военная или боевая клятва). Церемония присяги такова: старший тамада, в последнее время магометанский имам, вскакивает в середине круга на лошадь и произносит краткую молитву, в которой просит благословения Бога на успех предприятия. Все собрание заканчивает молитву продолжительным «аминь».

После этого тамады становятся, по двое от каждого племени в ряд и вызывают воинов исполнить Цава-карар; эти приближаются по порядку к старшинам, и каждый ударяет по рукам, что означает, что священное обещание ни в коем случае нельзя взять назад. По окончании этой важной церемонии, которая происходит чрезвычайно редко, так как военный совет только в отчаянных случаях прибегает к этому средству, совет старшин распускается и вступает в силу командование избранного вождя.

Этот последний выбирает себе столько помощников, сколько он признает необходимым, причем он все время стремится, чтобы между ними были представлены все племена, при этом он обращает меньше внимания на

возраст, чем на военные способности, хитрость и храбрость своих помощников. Последние не должны удаляться от него и обязаны приводить в исполнение его приказания.

Приготовления к приступу крепости или к нападению на... лагерь производятся ночью. Пехота разделяется на много отрядов, и каждому дается предводитель («ЛIыщхьэ», «лIыпэ» - командир какой-нибудь боевой единицы. - А. М.).

Лошадей помещают в тылу корпуса на безопасном пастбище..., только небольшая часть всадников образует патрули и следует за корпусом как для того, чтобы при возможном отступлении прикрыть его, так и для того, чтобы увозить мертвых и раненных.

После полуночи весь корпус приходит в движение. Авангард образуют небольшие отряды пехоты, которые ведут хитрейшие и наиболее знающие страну люди. Между авангардом и главными силами находятся небольшие посты, которые поддерживают связь. Фланги охраняются многочисленными патрулями. Ничто не может сравниться с осторожностью и тишиной, с которой движется такой корпус, состоящий часто из многих тысяч человек. Их легкая походка и легкая обувь, темная одежда, оружие в чехлах - все благоприятствует ночному походу. Когда они приблизились к врагу, от авангарда отделяются несколько лиц и ползком, на четвереньках, стараются подкрасться к крепости или окруженному окопами лагерю, выведать расположение ночного поста и подслушать, не заметно ли у врага какого-нибудь необычного движения. Различные сигналы бывают заранее условлены между ними и предводителем войска. Крику совы, диких уток или гуся, завыванию волка, лисы или шакала они подражают мастерски, и это служит предводителю, смотря по условию, хорошим или плохим знаком» [75, 165-170].

По условленному сигналу предводителя начиналась атака. По обычаю, первыми бросались на врагов знаменосцы, увлекая за собой всех остальных воинов. Черкесы бросались на врагов с боевыми кличами: «Маржэ» и «Еуэ». Второе означает «бей», этимология первого не установлена. «Русские солдаты, поседевшие на войне с горцами, рассказывали,- сообщает Т. Лапинский,- что этот ужасный крик, повторяемый тысячным эхом в лесу и горах, вблизи и вдали, раздающийся со всех сторон, спереди и сзади, справа и слева, пронизывает до мозга костей и производит на войска впечатление более неприятное, чем свист пуль» [75, 164].

Действительно, боевые кличи представляли в военной практике многих народов значительный, прежде всего психологический фактор. Боевые кличи использовались черкесами также и при отступлении, во время контратак, особенно в лесу, в темное время суток. Пронзительный боевой крик, который поднимали черкесы, часто отбивал у неприятеля охоту к преследованию. Это происходило потому, что, по словам Т. Лапинского, «невозможно понять, происходит он из горла 13 или 100 человек...» и противник прекращает преследование, боясь ошибиться в числе [75, 188, 374].

«Когда черкесы решали взять штурмом крепость или населенный пункт, они пытались сделать это, не считаясь с потерями. При штурме крепостных стен использовались лестницы и веревки. Всадники подвозили к стенам крепости воинов на крупах коней.

Так как у черкесов не было ни артиллерии, ни осадной техники такие операции стоили им большой крови и не всегда приносили хорошие результаты. В связи с этим Т. Лапинский писал: «Это последнее решение бывает чрезвычайно редко, никогда не принимается легкомысленно, но после больших размышлений и таких основательных вычислений, что почти с достоверностью можно рассчитывать на удачу предприятия» [75, 168].

Предпочтение в большинстве случаев отдавалось тактике внезапных нападений и быстрых отходов.

Во время отступления организационный порядок пешего войска был следующим. Войско делилось на две основные части: авангард («дзэпэ») и арьергард («дзэкIэ»). Последний должен был прикрывать отход основной части войска. Авангард высылал вперед небольшой разведывательный отряд — «пIэхутэ», а также им выделялись боковые патрули. В авангарде находились раненые, убитые, а также пленные и захваченная добыча. Конница, если таковая имелась, выполняла вспомогательные функции: поддерживала связь между авангардом и арьергардом, везла раненых и убитых, осуществляла разведку.

Арьергард, используя рельеф местности, сдерживал противника ружейным огнем. При этом применялась система так называемых залогов, заимствованная у горцев частями русской армии в ходе Русско-Кавказской войны. «Залоги - это заранее выбранные укрытия, защищающие от огня неприятеля. При наступлении или отступлении стрелковые цепи передвигались от одного «залога» к другому, прикрывая друг друга огнем» [32, 226].

Подробно эта практика описана И. Бларамбергом. «Они,- сообщает он,- прекрасно стреляют с упора или лежа на земле, никогда не промахиваются, но они долго заряжают, тратя на это много минут. Обычно они прячутся в кустарниках, скалах, каждый выбирает определенную цель и берет на прицел именно этого человека. Когда их много, они никогда не стреляют одновременно, чтобы иметь возможность перезарядить ружье. Чтобы обороняться, они располагаются в нескольких шагах друг от друга, и когда отступают, тот, кто впереди, производит выстрел и прячется за последнего, чтобы спокойно перезарядить ружье. Располагаясь таким образом, они используют все преимущества рельефа» [28, 39].

Использовались и другие тактические приемы, например, наведение противника путем ложного бегства на засады. Для этого на путях отхода войска, заранее устраивались засады («щэхупIэ», «пэтIысыпIэ») и засеки («пхъэупшIэгъуабэ»).

Часто при отступлении применялись неожиданные контратаки. Как только ряды неприятеля, увлеченного преследованием, приходили в расстройство, черкесы бросались на него в шашки. Эти контратаки отличались такой стремительностью и натиском, что, по свидетельству Э. Спенсера, противника «буквально разносят на клочья в течение нескольких минут» [121, 45].

Сколь быстры и неожиданны были подобные контратаки, настолько же быстро происходил отход. Говоря о подобной военной тактике черкесов, Э. Спенсер писал, что «их манера борьбы в том, чтобы после неистовой атаки исчезнуть, подобно молнии, в лесах, когда они несут с собой их убитых и раненых...» [121, 45].

Преследовать их в лесу было почти бесполезно: как только неприятель поворачивал в сторону, откуда шел наиболее интенсивный обстрел или произошло нападение, они тут же исчезали и начинали обстрел совершенно с другой стороны.

Говоря о черкесах, один дореволюционный автор писал: «Та местность такая, что бой вспыхнет на поляне, а кончится в лесу и овраге, тот неприятель таков, что если хочет биться, трудно против него стоять, а если не хочет, трудно его настигнуть» [111, Т. 1, 166].

Убыхи. Пешее войско

Убыхи, как и кабардинцы, стояли на более высокой, чем их соседи ступени военной организации. Предводитель на все время похода имел право казнить ослушников. Каждый терпеливо переносил от него брань, и даже побои, на которые в другое время, убых ответил бы оружием. Во время похода предводитель пользовался безусловным повиновением всей партии. Предводителю предоставлялось право действовать по своему усмотрению и не открывать никому заранее своих намерений.

Предводитель выбирался народом при сборе большого войска. Последним мог быть только человек, известным своей храбростью, который бывал уже в нескольких походах в качестве простого воина, а также командира небольших отрядов от 10 до 30 человек, проявив при этом мужество и распорядительность. Предводитель должен был быть крепкого сложения, в состоянии переносить холод и голод, чтобы служить примером для всех остальных. Часто пешие походы убыхов происходили в зимнее время. Объектами таких походов были Абхазия, Абадзехия, Махош и другие области Черкесии, кроме Шапсугии, с которой убыхи находились в союзных отношениях. Впоследствии, в разгар Русско-Кавказской войны, такой союз был заключен с натухайцами и абадзехами.

В походе могли принять участие все желающие кроме дряхлых стариков и детей. Местом сбора пешего войска назначалось обыкновенно глухое ущелье неподалеку от последней деревни, за которой начиналась та область, куда направлялся набег. Воины обязывались иметь при себе необходимую походную одежду, состоящую из бурки, башлыка, полушубка, двух или трех пар обуви из сыромятной кожи, двух или трех пар толстых носков, сшитых из войлока или домотканого сукна. Продовольствие, рассчитанное на месяц, все, кроме предводителя, несли на себе. Оно включало обычно в себя пшено, копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, варенное на меду.

Когда собиралось войско, достигавшее иногда трех тысяч человек, предводитель отправлялся на место сбора. Здесь им производился осмотр одежды, продовольствия, экипировки воинов. Те, у которых оказывался недостаток в одежде и необходимом количестве продовольствия, изгонялись из войска с позором.

Затем производился подсчет собравшихся воинов. Для этого предводитель пропускал всех по одному между двух человек, стоявших друг против друга, держа над головой палку. Иногда, вместо такой проверки, предводитель приказывал прислать к себе от каждого отряда из одного

селения столько камешков, сколько находилось в нем человек, и таким образом определял общую численность войска.

Войско делилось на авангард и арьергард. В свою очередь, они состояли из подразделений воинов одной деревни численностью от 10 до 100 человек. Такое подразделение, по выражению убыхов, отдельный огонь, имело своего командира, обязанного в порядке очереди выделять людей в наряды, караулы, приходить к предводителю за приказаниями и для совещаний. Командир отдельного огня назначал кашеваров, дровосеков и вестовых, посылаемых каждое утро к предводителю для получения приказаний и распоряжении. Кроме приготовления пищи, кашевары обязаны были нести на себе котлы, в которых варилась пища для целого отделения; дровосеки заготавливали дрова, расчищали места, занесенные снегом, строили шалаши, выполняли работы по разработке дорог. Молодые люди, по обычаю, прислуживали старикам, потому что прислуги никому иметь с собой не полагалось.

Кашевары принимали ежедневно от каждого отдельного воина продукты поровну и готовили общую пищу для всех лиц, составляющих отдельный огонь. Пищей служили крутая пшенная каша, суп из мяса и пшена, приправленного стручковым перцем. Этот суп, в изобилии приправленный перцем, заменял убыхам водку и согревал их в морозы. Расходовать провизию без ведома отделения строго воспрещалось, а кто расходовал ее тайком, тот подвергался большому стыду; подобные поступки, по народному суеверию, считались дурным предзнаменованием неудачи или какого-нибудь несчастья. В походе убыхи следовали колонной, по два человека в шеренге. Переходы с места на место строго воспрещались. В безопасных местах авангард и арьергард следовали вместе; в противном случае соблюдали дистанцию в 1,5 версты и более. От авангарда высылались вперед несколько человек для осмотра дорог, леса, оврагов; обо всем замеченном доносилось предводителю. В случае затруднения движения из-за свежевыпавшего снега, 5-6 воинов из правого ряда каждого отделения надевали лыжи (они должны были быть у каждого) и протаптывали дорогу для остального отряда.

Места ночлегов определялись заранее по маршруту движения войска. Обычно они располагались в гористой малодоступной местности, с лесом и кустарником.

С прибытием на ночлег, если он находился в безопасном месте, все снимали с себя тяжести, устраивали шалаши, заготавливали дрова и

разводили огонь. Шалаши устраивались в виде четырехугольника с одной открытой наружной стороной, чтобы без замешательства встать в ружье.

В случае, если была опасность неприятельского нападения на той местности, по которой двигалось войско, в предполагаемое место остановки на ночлег высылалась разведка. Только после донесения посланных о совершенной безопасности, войско отправлялось на выбранное место. Авангард и арьергард сразу же выставляли пикеты и занимали все проходы; они оставались на своих местах до тех пор, пока назначенные в ночной караул люди не обогревались и не насыщались. Предводитель лично разводил и выставлял их на посты. Летом или в небольшие морозы зимой караулы оставались на всю ночь без смены, в противном случае сменялись два или три раза.

С рассветом войско выступало в поход; дневки делались очень редко и только при ненастной погоде; тогда выжидали хорошей погоды, оставаясь на месте иногда несколько дней и даже целую неделю.

Благоприятной для походов погодой убыхи считали ясные дни и крепкие морозы. На расстоянии одного усиленного перехода до объекта нападения войско останавливалось и занимало удобную позицию. Если прибывали на это место перед вечером, то не оставались ночевать, а, отдохнув и поужинав, отправлялись далее. Но если прибывали поздно вечером, так что до рассвета не успевали дойти до места грабежа, то останавливались ночевать и выступали на другой день вечером. Убыхи нападали только ночью за полчаса до рассвета. Перед нападением предводитель делил войско на три части: две, предназначенные для нападения, состояли из отборных воинов; а третья часть, из стариков, молодых, кашеваров, дровосеков, образовывала резерв и оставалась на месте ночлега со всеми лишними тяжестями. Из первых двух частей формировался авангард и арьергард. Кроме того, из арьергарда выделялась часть непосредственно для грабежа. Обойдя справа и слева деревню, и окружив ее густой цепью, авангард останавливался. После этого начиналась атака. Убыхи атаковали рядами в две шеренги, имея впереди авангард, посредине грабителей, а сзади арьергард. Партии грабителей, разделившись на кучки по четыре человека в каждой, врывались в дома, грабили, вязали пленных. Нападения убыхов были скоротечны. Через полчаса или через три четверти часа начиналось отступление: авангард становился арьергардом и удерживал натиск неприятеля, а бывший арьергард - авангардом, прикрывающим добычу.

С пленными убыхи поступали человеколюбиво, давали им свою одежду и обувь; при остановке партии на ночлег или дневку, отделяли мужчин от женщин; последних поручали надзору добросовестного старика и давали ему в помощь караул. Лекарь, находящийся в отряде, оказывал помощь раненым: делал перевязки, давал лекарства. Предводителем назначались люди к носилкам убитых и раненых. Обязанность носильщиков считалась почетной и от нее никто не отказывался.

Достигнув места сбора, начинали дележ добычи. Подходя к своим деревням с пленными и добычей, убыхи, как и черкесы, пели песни, стреляли в знак победы и удачи. У убыхов существовал особый способ сообщать родственникам о погибшем. Один из односельчан подойдя к дому убитого, становился на возвышенном месте и вызывал его родственника.

— Возвратился такой-то из похода? - спрашивал он вызванного. Это значило, что того, о ком спрашивают, нет в живых, и тогда в семействе убитого начиналось оплакивание [47, 242-247].

Таким образом, как мы видим, организация военных походов, тактика, военная организация и вопросы дисциплины имели свои особенности у разных этнических групп черкесов в зависимости от разных факторов: социально-политическое, административное устройство («аристократическое» - «демократическое»); природно-географические условия (горы - равнина), численность (войско - небольшой отряд); состав участников (пешие - конные) и некоторые другие.

Кабардинцы. Небольшой конный отряд - «гуп»

Как уже говорилось, количество участников похода могло быть значительным, достигая нескольких тысяч человек. Но предпочтение отдавалось небольшим отрядам от нескольких десятков до нескольких сот человек. В русской исторической литературе они обозначались термином «партия». Адыги называли такие отряды «гуп». Обычно гуп - это отряд из 20-40 человек. Но гуп мог быть маленьким («гупжьей») - из нескольких человек и большим («гупышхуэ») - из ста и более человек. Предпочтение небольшим отрядам отдавалось ввиду следующих причин; их сбор занимал меньше времени; организация была проще; сбор такой партии было легче сохранить в тайне, в то время как о сборе большого войска противники узнавали заранее. Набеги небольших отрядов были эффективней, так как их было труднее обнаружить, а внезапность

нападений и быстрота отхода делала их трудноуловимыми. В адыгском языке имеется несколько обозначений предводителя такой партии: «гупзешэ» - вожак партии («гуп» - партия, «зешэ»-водить); «пашэ» — предводитель («пэ» — вперед, «шэн» — вести); «тхьэмадэ» - старший.

Если партия была больше ста человек, ее могли разделить на две части: авангард и арьергард. Авангардом и партией в целом командовал предводитель («пашэ»), а арьергардом его заместитель («кIашэ») [156].

Если партия была меньше ста человек, то такого деления не делали.

Обычно наездники выезжали в поход ночью. Походы подобных партий достаточно правдоподобно описал декабрист А. И. Якубович, служивший на Кавказе 20-е гг. XIX столетия. По его словам, это выглядело следующим образом. Впереди партии ехал предводитель, несколько человек по бокам, остальная партия дробилась на небольшие кучки и ехала произвольно. Разведывательные дозоры в таких небольших отрядах не высылались. Разведка и наблюдение целиком лежали на плечах предводителя. Предводитель «суетится, - то скачет вперед, приникнув к седлу или поднявшись на стремена, из-за кургана окидывает окрестность привычным глазом; вдруг палец приложит ко рту, и вся партия остановилась; укажет на землю, и с коней все спешат; махнет к себе, и вихрем скачут, не смея перевести дыхания...» [150, 79-80].

Если он замечал что-нибудь подозрительное, то спешась, полз на курган, с которого осматривал окрестности и, если замечал людей, метал вверх шапку, а сам скатывался с него. Эту хитрость употребляли с тем чтобы обмануть осторожность неприятеля, будто птица слетела [150, 80].

Ночью порядок похода изменялся: партия ехала вместе и никто не отставал от большой кучи из страха потеряться. Предводитель ехал в нескольких шагах впереди отряда со взведенным курком, не сводя глаз с ушей коня. «Ночью конь осторожней»,- говорят адыги (жэщым шыр нэхъ сакъыщ). Если конь водил ушами, храпел - это предвещало опасность. Условные сигналы - глухой свист, подражание голосам птиц или диких животных - управляли движением партии ночью. Расторопность и сметливость предводителя были неимоверны: в самую темную ночь, когда небо покрыто облаками, партия редко удалялась от выбранного направления. Предводитель, заметив ветер, чувствовал малейшее его изменение, часто проверяя себя компасом. Зная, какие ветры дуют в данной местности в это время года, по ним определяли нужное направление [150, 80-81].

Черкесы различали несколько видов ветров: «Къуреижь» (ЮВ), «Бещтоужь» (СЗ), «Борэжь» (С), «Акъужь», «Ищхъэ-рэжь», «Салъкъын».

В звездную ночь Полярная звезда («Ищхъэрэвагъуэ»). Большая Медведица («Вагъуэззэшибл») и Млечный Путь («Шыхулъагъуэ») были вожатыми предводителю; созвездие Лиры («Дей жыг вагъуэ») указывало ему часы; в случае же, когда компас разбивался или терялся, тогда первая кочка или муравейник («къэндзэгу») служили компасом: приложив руку, согретую за пазухой, к четырем сторонам возвышения, влажнейшею определяли север, и направление бралось с необыкновенной верностью. Одни только туманы иногда рассеивали партии и тогда, чтобы не растеряться, наездники огнивом выбивали искры, которые можно было видеть на большом пространстве [150, 81].

Места стоянки определялись заранее и, если наездники часто ездили по какой-либо дороге, то они останавливались всегда в одном специально выбранном для этого месте. Такие места назывались, по словам стариков, «зекIуэ хэщIапIэ». [145, 6]. Во время стоянки или ночлега предводитель на тропинках и дорогах, ведущих к стоянке, выставлял дозорных, которые, по словам А. И. Якубовича, ночью, «приникнув ухом к земле, различают по гулу на большое пространство бег оленя или топота конского» [150, 81].

Днем часть дозорных взбиралась на деревья и оттуда осматривала местность. Эти дозорные («жыгыщхьэрыс»), по словам Н. Дубровина, «по полету и крику птиц заключали довольно верно о том, что происходило в непроницаемой глубине леса; и этих примет было достаточно для того чтобы знать приближаются ли люди» [47, 16].

Когда партия располагалась в лощине, а окрестности не давали возможности скрыть дозорного, делалась защита из высокой травы, под прикрытием которой тот медленно полз на удобное место и, спрятавшись в траве, вел наблюдение [150, 80].

Когда наездники были уверены, что их убежища никто не обнаружит, они снимали с лошадей седла, а с себя оружие. Лошадей треножили и под присмотром одного-двух человек пускали пастись. Если в лесу находили небольшую поляну, огороженную чащею непроходимого терновника, тогда с помощью седельных топориков («уанэ джыдэ») прорубали в ней тропинку, куда загоняли лошадей. Вслед за этим тропу, как говорили черкесы «зашивали», втыкая обратно вырубленный терновник [47, 16].

При приближении к объекту нападения предпринимались особые меры предосторожности. Предводитель тщательно осматривал местность, проводил разведку, выяснял места расположения неприятельских постов, секретов, порядок их смены. Для этого он пользовался ночью всевозможными хитростями: покрикивал разными голосами лесных птиц или зверей, бросал в разные стороны камешки или небольшие комья грязи, скатывал с горы или холма крупные валуны, будто бы кабан или медведь сошел и, обратившись весь в слух, прислушивался, не пошевелится ли или не заговорит ли где-нибудь человек [47, 239].

Тщательная разведка проводилась при переправе через крупные реки.

Большое значение придавалось моменту выхода на противоположный берег. Нередко предводитель до часа находился в воде в нескольких метрах от берега, тщательно вслушиваясь в темноту. Если он что-нибудь заподозрил, то группа возвращалась или искала другое место переправы. На противоположном берегу иногда выделялся отряд для маскировки следов или даже имитации якобы уже обратного движения. Применялись «старые» следы, показывающие, что группа побывала здесь несколько дней назад. На своем берегу черкесы часто оставляли небольшую группу прикрытия, в задачу которой входила огневая поддержка возвращавшихся товарищей и раскладка костров, указывающих место перехода [133, 105].

На разведку уходило иногда несколько дней. Если хотели напасть на какое-нибудь село, отогнать лошадей или захватить пленных, то в течение дня, укрывшись, наблюдали: в каком месте удобнее сделать нападение, когда пастухи ложатся спать, а крестьяне возвращаются с полевых работ и т. д.

Днем никогда не нападали, а только с наступлением сумерек, с тем, чтобы использовать ночь для отхода.

При похищении скота или отгоне лошадей применялись различные хитрости. Одну из них описывает французский автор XVII в. Ж. Б. Тавернье: «Когда они хотят угнать у кого-нибудь скотину, то для того, чтобы стерегущие стадо собаки не залаяли и не привлекли этим внимание пастухов, они берут с собой бычачьи рога, наполненные вареной требухой, нарезанной мелким кусочками: обычно стада имеют не менее 8 или 10 сторожевых собак и 2 или 3 пастуха. Они выслеживают время, когда пастухи засыпают, и как только собаки начинают лаять, они бросают каждой из них по одному рогу, который собака схватывает и уносит подальше от стада, чтобы съесть содержимое. Труд, который приходится применять, с одной стороны, чтобы вытащить требуху, плотно

набитую в рог, а с другой - боязнь, что другая собака отымет у них добычу, заставляют их забыть, что надо лаять. В то время как уставшие за день пастухи погружены в глубокий сон, воры делают свое дело и угоняют из стада то, что хотят» [125, 75].

Для угона табунов лошадей выделялось несколько всадников. Их функция, как нам сообщил Сасык Тахсин (1934 г. р. сел. Кырк-Пынар, Турция), обозначалась адыгским термином «шыщ I эш» [162]. Один наездник, называемый «шыху гъуазэ» (вожак гона лошадей), подъезжал к табуну с одной стороны [131, 20]. В это время другие наездники подъезжали к табуну с противоположной стороны и делали несколько выстрелов. Поднятый табун стремглав летел за вожаком («шыху гъуазэ»), имевшим сноровку сразу попасть на заранее выбранное место переправы [47, 233].

После нападения и захвата добычи гуп разделялся на две части. Одна сопровождала захваченную добычу, другая же, состоящая из лучших наездников, прикрывала их отход. При отходе старались до рассвета достичь какого-нибудь леса, балки или оврага.

Так как нападение происходило ночью, подвергшиеся ему не знали точно численности нападавших. Используя этот фактор, наездники путем разных хитростей часто обманывали погоню. Одна из них, называемая «шутка лисицы с волком», описана в рассказе А. Г. Кешева «Абреки». Суть ее заключалась в следующем. Наездники, находившиеся в арьергарде, отъезжали на определенное расстояние от основной группы, сопровождающей добычу. Затем они, как будто нечаянно, высыпали из оврага или леса в поле и, будто бы заметив и испугавшись неприятеля, начинали бегство по ложному следу. Пока неприятель, увлекшись погоней, преследовал их, основная группа с добычей уходила в другом направлении. Часто наездники выделяли несколько групп, увлекавших погоню по ложному следу в разных направлениях [62, 153]. Наездники, прикрывавшие отход, применяли различные тактические и индивидуальные приемы. Один из них описан В. Швецовым, который сообщает: «... когда же расстояние, увлекшихся преследованием, будет соответствовать их умыслу, в это время разбросанная партия по команде, в одно мгновение оборачивается лицом к преследователям, занесшимся без всякой осторожности, и, сплачиваясь в несколько частей, дружно и с ловкостью нападает на слабых и гонит в беспорядке до главной нашей колонны» [141, 31].

Другой военный прием, часто применявшийся черкесами, назывался «шу кIапсэ» («шу» - всадник, «кIапсэ» - веревка). Этот прием, упоминаемый еще в нартском эпосе, заключался в следующем. Наездники бросались в разные стороны, увлекая каждый за собой группу преследователей.

Так как нет одинаково резвых и выносливых лошадей в процессе преследования неприятельские всадники растягивались один за другим в цепочку. В этот момент преследуемый резко оборачивался, бросался им навстречу и орудуя шашкой, расправлялся с ними по одному [36, 282].

При уходе от погони наездниками также использовались приемы джигитовки. Например, всадник, оставив одну ногу в стремени, свешивался через бок лошади (допустим, справа), имитируя, что он убит. Когда преследователь догонял его с левой стороны, он неожиданно поднимался и стрелял в него.

Другой, достаточно сложный, прием описан англичанином Э. Спенсером: «Например,- писал он,- черкесский воин спрыгивает со своего седла на землю, бросает кинжал в грудь лошади врага, снова прыгает на седло; затем становится прямо, ударяет своего противника ... и все это в то время как его лошадь продолжает полный галоп» [121,44].

Для таких военных походов, с использованием тактики внезапных нападений и быстрых отходов, были необходимы специально подготовленные лошади. Высокие качества черкесской конницы, как справедливо отмечал В. Х . Вилинбахов, в значительной степени зависели от породы и прекрасной выучки лошадей [32, 119].

Выведенная черкесами порода лошадей, известная как «кабардинская», удачно сочетала в себе выносливость и резвость. Такие лошади идеально подходили для военных походов. Специально подготовленные лошади, способные преодолевать большие расстояния за короткое время, назывались «зек I уэш» - «походная лошадь».

Русский офицер Ф. Ф. Торнау рассказывал случай, когда кабардинские князья «братья Карамурзины с десятью товарищами переправились через Кубань около Прочного Окопа, в длинную осеннюю ночь проскакали за Ставрополь к селению Донскому, на Тегиле, и к рассвету очутились за Кубанью близ Невиномысской станицы, сделав в продолжение четырнадцати часов более ста шестидесяти верст» [127, 1992. №3. 18].

После того как партия отрывалась от погони, в лесу, в глухом безопасном месте, возле источника делался первый привал. Бивуак черкесов,

возвращающихся из набега, описан автором XIX в.: «Группа измученных дорогою пленных,- писал он,- в числе которых взрослые мужчины были связаны, сидела окруженная кострами; женщины, захваченные без детей, рыдали, утешаемые на непонятном языке караульными, те же, у которых были дети, скрепя сердце утешали и успокаивали плачущих детей. Рогатый скот и лошади, оцепленные также караулом, теснились в кутку поляны, лишенные, в видах сохранения здоровья, воды и корму. Возле прочих костров лежали на бурках раненые черкесы, раны которых уже были перевязаны, далее в неосвященном месте бивуака, под деревьями, на сучьях которых повешено было оружие, лежали трупы убитых черкесов, завернутые в бурки и тщательно увязанные; их окружали товарищи-одноаульцы. По прибытии всей партии дзепши (предводитель), обезопасив бивуак секретами, отдавал лошадь, снимал оружие и шел к убитым - почтить их славную смерть поклонением. Посидев возле каждого трупа несколько минут с поникшей головой, он уходил опечаленным. После него то же благоговейное поклонение мертвым делалось и другими наездниками всей партии. Самым оживленным местом бивуака было то, где зарезанная во имя Аллаха скотина, едва выдержавшая перегон, раздавалась приходящим» [47, 239-240].

Обед во время привала готовился самыми молодыми наездниками. Если котелок («лъэгъупцIыкIу») маленький, то готовили в несколько приемов. Доли раскладывались на листья лопуха и разносились по порядку, начиная с самого старшего. Пленным тоже подносили по куску [55, 131].

Пешее войско. Шапсуги и абадзехи

Военная организация шапсугов и абадзехов, имевших «демократическую» форму политического устройства, была подробно описана Т. Лапинским в книге «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских» [75].

Автор книги был хорошо знаком с особенностями военной организации черкесов, т. к. в течение долгого времени (с 1857 по 1859 г.) принимал активное участие (на стороне черкесов) в военных действиях против русских войск. За три года Т. Лапинский побывал в четырех западных исторических областях Черкесии: Убыхии, Натухае, Шапсугии и Абадзехии. Особенно близко Т. Лапинский был знаком с гражданским и военным бытом шапсугов и абадзехов. Вот что он сообщает об их социально-политическом, административном и военном устройстве: «Народности шапсуги и абадзехи разделяются каждая на восемь племен (тлако) (ЛIакъуэ - род, колено). Из этих восьми племен каждые два родственны между собой и образуют, собственно одно племя, причем

каждое из восьми племен шапсугов состоят в родстве с одним из восьми племен абадзехов. Каждое из племен разделяется на несколько фамилий (тлако-сик), а это, в свою очередь, - на несколько семей или дворов (юнэ)(Унэ - дом). Но все племена, фамилии и дворы одной народности живут смешанно между собой, и в каждой местности представлены все племена и фамилии.

Административное деление, если можно употребить это выражение,- это каждая сотня фамильных дворов (юнэ-из)(Унэ из - полный дом), которая, так сказать, представляет деревню, простирающуюся на одну и более квадратных миль, и образует до известной степени маленькую независимую республику, которая управляется старшинами, и вся страна есть федерация таких маленьких республик. Эта федерация тем более сильна, что жители юнэ-из крайнего запада или севера состоят в родстве с жителями юнэ-из крайнего востока или юга, и это родство высоко и свято ими почитается. Каждый юнэ-из посылает на совещание страны или народности двух выборных. Внутри каждая сотня дворов делится на десятки дворов (юнэ-ипс) (УнипщI - десять дворов), и десять представителей образуют с имамом совет и суд своего юнэ-из.

Другое разделение страны - по рекам («псыхъуэ».-А. М.). Как бы много юнэ-из ни располагалось по реке (иногда их может быть более 20 и более), но на советы, военные собрания и суды всегда избирается от каждого племени только двое старшин - представителей всех жителей, живущих по реке, так что 16 старшин с двумя кадиями во главе образуют совет и суд всех лежащих на реке юнэ-из.

В одном фамильном дворе (юнэ) живут, кроме родителей, все их женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери. Такие семьи очень многочисленны, т. к. часто вместе живут несколько братьев со своими семействами; часто в одном юнэ живет до 100 душ обоего пола» [75, 77-78].

«Двое старшин (тамады) являются вождями каждого юнэ-из, из которых предполагается послать половину всех боеспособных мужчин на сборный пункт; каждые 10 дворов имеют, кроме того, еще предводителя, своего тамаду. Все эти тамады образуют малый и расширенный военные советы «Цава-цауч» (Зауэ зэIушIэ; «зауэ» - война, «зэIущIэ» - совет. - А. М.); к первому допускаются только представители каждых 100 дворов, к последнему - также и тамады от каждых 10 дворов. Расширенный военный совет выбирает главного предводителя, причем принимается во внимание не возраст, но военный опыт и храбрость. Этот главный вождь

назначает еще двух низших начальников: одного для пехоты; другого - для кавалерии. Их приказания исполняются довольно пунктуально, кто отказывается их исполнять, наказывается конфискацией своего оружия.

Зажиточные помогают бедным военным снаряжением: как каждый всадник, так каждый пехотинец должен взять продовольствия для себя на 20 дней. Если собирается большой отряд, то везут на лошадях котел и гонят немного скота для убоя. На определенном сборном пункте располагается лагерь, где воинам разных местностей указываются их места. Когда большая часть ожидаемых воинов сошлась, то на большом месте собирается весь корпус и держится большой военный совет. В середине сидят широким кругом тамады, кадии и имамы, большей частью красивые старцы с серебряными бородами; в центре их - выбранный вождь, обыкновенно, мужчина средних лет. Ум, храбрость, много смелых и удачных воинских подвигов, всеобщее доверие, а также большое красноречие и громкий голос... необходимы для достижения этого звания, которым, впрочем, он облечен, пока ополчение не разошлось, и которое доставляет ему много трудов, опасностей и ответственности, но, кроме большого уважения, не приносит никакой выгоды.

Вокруг совета старших стоят сплоченным кругом пешие воины, а сзади них - всадники. Старшины в кругу совещаются, а все слушают внимательно речи, которые произносятся. Обсуждают силы и намерения врага; из рядов позади выступают отдельные люди, которые наблюдали близко врага и, возможно, точно считали его отряды... хорошо узнали его расположение. Тамады берут один за одним слово; никогда не перебивают говорящего, каждый высказывает свое мнение... Собственные военные силы также пересчитываются, и с довольно большой точностью, так как каждый тамада знает, сколько пришло с ним человек...

Когда старшины приняли решение, то в середину круга выводят оседланного коня. Один из тамад вскакивает на него, чтобы его могли лучше видеть и слышать, и передает воинам в длинной речи заключение совета, которое он мотивирует на все лады и старается сделать его приемлемым. Эти речи, которые толпа принимает с одобрением или протестом, часто произносятся с большим красноречием и благородным жаром. Если решение старшин встречает протест со стороны воинов, то выступают обыкновенно некоторые из них и говорят против принимаемого решения; показателем того, что народ не согласен, является также безмолвная холодность, с которой принимается речь. В таком случае решение откладывается на другой раз или в этот же день обсуждается в кругу старшин другое предложение. Если на речь тамады

вызывает общий восторженный крик, который заглушает единичные протесты, то решение считается принятым и приступают к его выполнению.

Если предполагается серьезное нападение на неприятеля и принято решение во что бы то ни стало ворваться в крепость или лагерь, и с обнаженным оружием идти на врага, то военный совет не полагается исключительно на общую храбрость, но еще приносится самая священная и значительная присяга «Цава-карар» (Зауэ къэрар - зауэ (война), къэрар (нечто святое, недопускающее нарушения) (военная или боевая клятва). Церемония присяги такова: старший тамада, в последнее время магометанский имам, вскакивает в середине круга на лошадь и произносит краткую молитву, в которой просит благословения Бога на успех предприятия. Все собрание заканчивает молитву продолжительным «аминь».

После этого тамады становятся, по двое от каждого племени в ряд и вызывают воинов исполнить Цава-карар; эти приближаются по порядку к старшинам, и каждый ударяет по рукам, что означает, что священное обещание ни в коем случае нельзя взять назад. По окончании этой важной церемонии, которая происходит чрезвычайно редко, так как военный совет только в отчаянных случаях прибегает к этому средству, совет старшин распускается и вступает в силу командование избранного вождя.

Этот последний выбирает себе столько помощников, сколько он признает необходимым, причем он все время стремится, чтобы между ними были представлены все племена, при этом он обращает меньше внимания на возраст, чем на военные способности, хитрость и храбрость своих помощников. Последние не должны удаляться от него и обязаны приводить в исполнение его приказания.

Приготовления к приступу крепости или к нападению на... лагерь производятся ночью. Пехота разделяется на много отрядов, и каждому дается предводитель («ЛIыщхьэ», «лIыпэ» - командир какой-нибудь боевой единицы. - А. М.).

Лошадей помещают в тылу корпуса на безопасном пастбище..., только небольшая часть всадников образует патрули и следует за корпусом как для того, чтобы при возможном отступлении прикрыть его, так и для того, чтобы увозить мертвых и раненных.

После полуночи весь корпус приходит в движение. Авангард образуют небольшие отряды пехоты, которые ведут хитрейшие и наиболее знающие

страну люди. Между авангардом и главными силами находятся небольшие посты, которые поддерживают связь. Фланги охраняются многочисленными патрулями. Ничто не может сравниться с осторожностью и тишиной, с которой движется такой корпус, состоящий часто из многих тысяч человек. Их легкая походка и легкая обувь, темная одежда, оружие в чехлах - все благоприятствует ночному походу. Когда они приблизились к врагу, от авангарда отделяются несколько лиц и ползком, на четвереньках, стараются подкрасться к крепости или окруженному окопами лагерю, выведать расположение ночного поста и подслушать, не заметно ли у врага какого-нибудь необычного движения. Различные сигналы бывают заранее условлены между ними и предводителем войска. Крику совы, диких уток или гуся, завыванию волка, лисы или шакала они подражают мастерски, и это служит предводителю, смотря по условию, хорошим или плохим знаком» [75, 165-170].

По условленному сигналу предводителя начиналась атака. По обычаю, первыми бросались на врагов знаменосцы, увлекая за собой всех остальных воинов. Черкесы бросались на врагов с боевыми кличами: «Маржэ» и «Еуэ». Второе означает «бей», этимология первого не установлена. «Русские солдаты, поседевшие на войне с горцами, рассказывали,- сообщает Т. Лапинский,- что этот ужасный крик, повторяемый тысячным эхом в лесу и горах, вблизи и вдали, раздающийся со всех сторон, спереди и сзади, справа и слева, пронизывает до мозга костей и производит на войска впечатление более неприятное, чем свист пуль» [75, 164].

Действительно, боевые кличи представляли в военной практике многих народов значительный, прежде всего психологический фактор. Боевые кличи использовались черкесами также и при отступлении, во время контратак, особенно в лесу, в темное время суток. Пронзительный боевой крик, который поднимали черкесы, часто отбивал у неприятеля охоту к преследованию. Это происходило потому, что, по словам Т. Лапинского, «невозможно понять, происходит он из горла 13 или 100 человек...» и противник прекращает преследование, боясь ошибиться в числе [75, 188, 374].

«Когда черкесы решали взять штурмом крепость или населенный пункт, они пытались сделать это, не считаясь с потерями. При штурме крепостных стен использовались лестницы и веревки. Всадники подвозили к стенам крепости воинов на крупах коней.

Так как у черкесов не было ни артиллерии, ни осадной техники такие операции стоили им большой крови и не всегда приносили хорошие результаты. В связи с этим Т. Лапинский писал: «Это последнее решение бывает чрезвычайно редко, никогда не принимается легкомысленно, но после больших размышлений и таких основательных вычислений, что почти с достоверностью можно рассчитывать на удачу предприятия» [75, 168].

Предпочтение в большинстве случаев отдавалось тактике внезапных нападений и быстрых отходов.

Во время отступления организационный порядок пешего войска был следующим. Войско делилось на две основные части: авангард («дзэпэ») и арьергард («дзэкӀэ»). Последний должен был прикрывать отход основной части войска. Авангард высылал вперед небольшой разведывательный отряд — «пӀэхутэ», а также им выделялись боковые патрули. В авангарде находились раненые, убитые, а также пленные и захваченная добыча. Конница, если таковая имелась, выполняла вспомогательные функции: поддерживала связь между авангардом и арьергардом, везла раненых и убитых, осуществляла разведку.

Арьергард, используя рельеф местности, сдерживал противника ружейным огнем. При этом применялась система так называемых залогов, заимствованная у горцев частями русской армии в ходе Русско-Кавказской войны. «Залоги - это заранее выбранные укрытия, защищающие от огня неприятеля. При наступлении или отступлении стрелковые цепи передвигались от одного «залога» к другому, прикрывая друг друга огнем» [32, 226].

Подробно эта практика описана И. Бларамбергом. «Они,- сообщает он,- прекрасно стреляют с упора или лежа на земле, никогда не промахиваются, но они долго заряжают, тратя на это много минут. Обычно они прячутся в кустарниках, скалах, каждый выбирает определенную цель и берет на прицел именно этого человека. Когда их много, они никогда не стреляют одновременно, чтобы иметь возможность перезарядить ружье. Чтобы обороняться, они располагаются в нескольких шагах друг от друга, и когда отступают, тот, кто впереди, производит выстрел и прячется за последнего, чтобы спокойно перезарядить ружье. Располагаясь таким образом, они используют все преимущества рельефа» [28, 39].

Использовались и другие тактические приемы, например, наведение противника путем ложного бегства на засады. Для этого на путях отхода

войска, заранее устраивались засады («щэхупIэ», «пэтIысыпIэ») и засеки («пхъэупшIэгъуабэ»).

Часто при отступлении применялись неожиданные контратаки. Как только ряды неприятеля, увлеченного преследованием, приходили в расстройство, черкесы бросались на него в шашки. Эти контратаки отличались такой стремительностью и натиском, что, по свидетельству Э. Спенсера, противника «буквально разносят на клочья в течение нескольких минут» [121, 45].

Сколь быстры и неожиданны были подобные контратаки, настолько же быстро происходил отход. Говоря о подобной военной тактике черкесов, Э. Спенсер писал, что «их манера борьбы в том, чтобы после неистовой атаки исчезнуть, подобно молнии, в лесах, когда они несут с собой их убитых и раненых...» [121, 45].

Преследовать их в лесу было почти бесполезно: как только неприятель поворачивал в сторону, откуда шел наиболее интенсивный обстрел или произошло нападение, они тут же исчезали и начинали обстрел совершенно с другой стороны.

Говоря о черкесах, один дореволюционный автор писал: «Та местность такая, что бой вспыхнет на поляне, а кончится в лесу и овраге, тот неприятель таков, что если хочет биться, трудно против него стоять, а если не хочет, трудно его настигнуть» [111, Т. 1, 166].

Убыхи. Пешее войско

Убыхи, как и кабардинцы, стояли на более высокой, чем их соседи ступени военной организации. Предводитель на все время похода имел право казнить ослушников. Каждый терпеливо переносил от него брань, и даже побои, на которые в другое время, убых ответил бы оружием. Во время похода предводитель пользовался безусловным повиновением всей партии. Предводителю предоставлялось право действовать по своему усмотрению и не открывать никому заранее своих намерений.

Предводитель выбирался народом при сборе большого войска. Последним мог быть только человек, известным своей храбростью, который бывал уже в нескольких походах в качестве простого воина, а также командира небольших отрядов от 10 до 30 человек, проявив при этом мужество и распорядительность. Предводитель должен был быть крепкого сложения, в состоянии переносить холод и голод, чтобы служить примером для всех остальных. Часто пешие походы убыхов происходили в зимнее время.

Объектами таких походов были Абхазия, Абадзехия, Махош и другие области Черкесии, кроме Шапсугии, с которой убыхи находились в союзных отношениях. Впоследствии, в разгар Русско-Кавказской войны, такой союз был заключен с натухайцами и абадзехами.

В походе могли принять участие все желающие кроме дряхлых стариков и детей. Местом сбора пешего войска назначалось обыкновенно глухое ущелье неподалеку от последней деревни, за которой начиналась та область, куда направлялся набег. Воины обязывались иметь при себе необходимую походную одежду, состоящую из бурки, башлыка, полушубка, двух или трех пар обуви из сыромятной кожи, двух или трех пар толстых носков, сшитых из войлока или домотканого сукна. Продовольствие, рассчитанное на месяц, все, кроме предводителя, несли на себе. Оно включало обычно в себя пшено, копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, варенное на меду.

Когда собиралось войско, достигавшее иногда трех тысяч человек, предводитель отправлялся на место сбора. Здесь им производился осмотр одежды, продовольствия, экипировки воинов. Те, у которых оказывался недостаток в одежде и необходимом количестве продовольствия, изгонялись из войска с позором.

Затем производился подсчет собравшихся воинов. Для этого предводитель пропускал всех по одному между двух человек, стоявших друг против друга, держа над головой палку. Иногда, вместо такой проверки, предводитель приказывал прислать к себе от каждого отряда из одного селения столько камешков, сколько находилось в нем человек, и таким образом определял общую численность войска.

Войско делилось на авангард и арьергард. В свою очередь, они состояли из подразделений воинов одной деревни численностью от 10 до 100 человек. Такое подразделение, по выражению убыхов, отдельный огонь, имело своего командира, обязанного в порядке очереди выделять людей в наряды, караулы, приходить к предводителю за приказаниями и для совещаний. Командир отдельного огня назначал кашеваров, дровосеков и вестовых, посылаемых каждое утро к предводителю для получения приказаний и распоряжении. Кроме приготовления пищи, кашевары обязаны были нести на себе котлы, в которых варилась пища для целого отделения; дровосеки заготавливали дрова, расчищали места, занесенные снегом, строили шалаши, выполняли работы по разработке дорог. Молодые люди, по обычаю, прислуживали старикам, потому что прислуги никому иметь с собой не полагалось.

Кашевары принимали ежедневно от каждого отдельного воина продукты поровну и готовили общую пищу для всех лиц, составляющих отдельный огонь. Пищей служили крутая пшенная каша, суп из мяса и пшена, приправленного стручковым перцем. Этот суп, в изобилии приправленный перцем, заменял убыхам водку и согревал их в морозы. Расходовать провизию без ведома отделения строго воспрещалось, а кто расходовал ее тайком, тот подвергался большому стыду; подобные поступки, по народному суеверию, считались дурным предзнаменованием неудачи или какого-нибудь несчастья. В походе убыхи следовали колонной, по два человека в шеренге. Переходы с места на место строго воспрещались. В безопасных местах авангард и арьергард следовали вместе; в противном случае соблюдали дистанцию в 1,5 версты и более. От авангарда высылались вперед несколько человек для осмотра дорог, леса, оврагов; обо всем замеченном доносилось предводителю. В случае затруднения движения из-за свежевыпавшего снега, 5-6 воинов из правого ряда каждого отделения надевали лыжи (они должны были быть у каждого) и протаптывали дорогу для остального отряда.

Места ночлегов определялись заранее по маршруту движения войска. Обычно они располагались в гористой малодоступной местности, с лесом и кустарником.

С прибытием на ночлег, если он находился в безопасном месте, все снимали с себя тяжести, устраивали шалаши, заготавливали дрова и разводили огонь. Шалаши устраивались в виде четырехугольника с одной открытой наружной стороной, чтобы без замешательства встать в ружье.

В случае, если была опасность неприятельского нападения на той местности, по которой двигалось войско, в предполагаемое место остановки на ночлег высылалась разведка. Только после донесения посланных о совершенной безопасности, войско отправлялось на выбранное место. Авангард и арьергард сразу же выставляли пикеты и занимали все проходы; они оставались на своих местах до тех пор, пока назначенные в ночной караул люди не обогревались и не насыщались. Предводитель лично разводил и выставлял их на посты. Летом или в небольшие морозы зимой караулы оставались на всю ночь без смены, в противном случае сменялись два или три раза.

С рассветом войско выступало в поход; дневки делались очень редко и только при ненастной погоде; тогда выжидали хорошей погоды, оставаясь на месте иногда несколько дней и даже целую неделю.

Благоприятной для походов погодой убыхи считали ясные дни и крепкие морозы. На расстоянии одного усиленного перехода до объекта нападения войско останавливалось и занимало удобную позицию. Если прибывали на это место перед вечером, то не оставались ночевать, а, отдохнув и поужинав, отправлялись далее. Но если прибывали поздно вечером, так что до рассвета не успевали дойти до места грабежа, то останавливались ночевать и выступали на другой день вечером. Убыхи нападали только ночью за полчаса до рассвета. Перед нападением предводитель делил войско на три части: две, предназначенные для нападения, состояли из отборных воинов; а третья часть, из стариков, молодых, кашеваров, дровосеков, образовывала резерв и оставалась на месте ночлега со всеми лишними тяжестями. Из первых двух частей формировался авангард и арьергард. Кроме того, из арьергарда выделялась часть непосредственно для грабежа. Обойдя справа и слева деревню, и окружив ее густой цепью, авангард останавливался. После этого начиналась атака. Убыхи атаковали рядами в две шеренги, имея впереди авангард, посредине грабителей, а сзади арьергард. Партии грабителей, разделившись на кучки по четыре человека в каждой, врывались в дома, грабили, вязали пленных. Нападения убыхов были скоротечны. Через полчаса или через три четверти часа начиналось отступление: авангард становился арьергардом и удерживал натиск неприятеля, а бывший арьергард - авангардом, прикрывающим добычу.

С пленными убыхи поступали человеколюбиво, давали им свою одежду и обувь; при остановке партии на ночлег или дневку, отделяли мужчин от женщин; последних поручали надзору добросовестного старика и давали ему в помощь караул. Лекарь, находящийся в отряде, оказывал помощь раненым: делал перевязки, давал лекарства. Предводителем назначались люди к носилкам убитых и раненых. Обязанность носильщиков считалась почетной и от нее никто не отказывался.

Достигнув места сбора, начинали дележ добычи. Подходя к своим деревням с пленными и добычей, убыхи, как и черкесы, пели песни, стреляли в знак победы и удачи. У убыхов существовал особый способ сообщать родственникам о погибшем. Один из односельчан подойдя к дому убитого, становился на возвышенном месте и вызывал его родственника.

— Возвратился такой-то из похода? - спрашивал он вызванного. Это значило, что того, о ком спрашивают, нет в живых, и тогда в семействе убитого начиналось оплакивание [47, 242-247].

Таким образом, как мы видим, организация военных походов, тактика, военная организация и вопросы дисциплины имели свои особенности у разных этнических групп черкесов в зависимости от разных факторов: социально-политическое, административное устройство («аристократическое» - «демократическое»); природно-географические условия (горы - равнина), численность (войско - небольшой отряд); состав участников (пешие - конные) и некоторые другие.

§ 3. Добыча или слава. Причины и мотивы военных походов

Во все времена, начиная с первых межплеменных войн, и в наше, уже, казалось бы, цивилизованное время, войны всегда сопровождались захватом имущества, материальных ценностей, людей. Особенно это было характерно для периода феодализма и предшествовавшей ему эпохи т. н. «военной демократии».

В черкесском обществе отношение к добыче, нормы ее раздела были связаны с действующими институтами, обычаями, этикетными ценностями, особенностями взаимоотношений внутри господствующего класса.

Нормы раздела добычи различались в зависимости от разных факторов: социальной структуры класса феодалов разных этнических групп черкесов («аристократических» - «демократических»), условий захвата добычи (в сезон наездничества - в ходе межплеменных войн) и некоторых других.

Раздел добычи, захваченной во время ежегодных весенних и осенних лагерных сборов черкесской знати, происходил следующим образом: по окончании сезона наездничества часть добычи (в основном пленные) продавалась или обменивалась на товары, не производившиеся в Черкесии (различные дорогие ткани, предметы роскоши и т. д.).

Захваченные во время набегов люди «обращаются в рабство и продаются армянам,- сообщает К. Главани,- которые под покровительством беев, разъезжают с разными товарами, имеющими сбыт в крае, и выменивают их на рабов» [41, 162-163].

Этим купцам, путешествовавшим под покровительством местных князей, было известно время окончания сезона наездничества и они приурочивали

свои приезды к началу лета или к концу осени, когда наездники делили добычу и собирались разъезжаться по своим домам (41, 163]. Как пишет Хан-Гирей, для дележа приобретенного во время пребывания в поле «наездники избирают из среды себя таких людей, на беспристрастие которых более полагаются. Добыча делится на равные части по числу людей, составляющих партию, и каждый, начиная со старшего летами, выбирает часть, которая ему более понравится; и таким порядком раздел добычи продолжается до самого конца. Здесь оказывается такое уважение старости, и вообще возрасту, что всякий человек из партии, хотя бы он был просто повар, но старее князя летами, прежде этого последнего имеет право выбирать ту часть, которая ему понравится. Впрочем, князь-предводитель получает независимо от дележа особливую часть. Поварам предоставляются шкуры баранов и быков, съеденных в продолжение пребывания партии в поле» [136, 237].

Согласно обычно-правовым нормам кабардинцев, если старший князь в виду старости не участвовал в набеге, ему все равно причиталась доля из захваченной его дворянами добычи. Об этом свидетельствует запись обычного права кабардинцев, сделанная Ш. Б. Ногмовым. Пункт 15 этих записей гласит: «Если кабардинцы, при разъездах партиями для розысков и наказания за какие-либо шалости или грабежи других племен горских, разобьют их и возьмут у них добычу людьми, скотом или прочим, то старшему князю, хотя бы он не был в партии, дают из лучших пленных одного человека, а когда людей в добычу не достанется, то выдают князю скотом и прочим, по стоимости человека; а остальную добычу делят по частям участвовавшие в партии между собой» [101, 156].

Особые привилегии при дележе добычи имели кабардинские первостепенные дворяне («лIакъуэлIэш») Куденетовы. В том же сборнике норм обычного права сообщается: «Если приобретена будет добыча в других местах за какие-либо непокорности народов, кабардинцам, принадлежащих из оных давать Куденетову без всякого счета лошадь лучшую, а свою часть он получает особо; впрочем, это исполняется в том случае, когда кто-либо из Куденетовых будет находиться в партии» [101, 166]. Особая часть добычи полагалась, согласно Хан-Гирею, знаменосцам. «Лица, которые несут сие обязанности,- писал Хан-Гирей,- получают во время похода и наезда особливую часть добычи» [136,213].

Предводитель партии наездников получал две доли добычи независимо от того, принадлежал он к княжескому сословию или нет.

При выборе предводителя главными критериями были не сословная принадлежность и не возраст, а только личные качества. Часто бывало, что набегом, в котором принимали участие молодые, неопытные князья, руководил дворянин, уже приобретший опыт и авторитет в походах.

В русских исторических документах времен Русско-Кавказской войны упоминаются также и очень молодые предводители. Так, кабардинский князь Исмаил Касаев уже в 18-летнем возрасте возглавлял партии наездников, а бжедугскому князю Пшикую не было и 16 лет, когда он стал известным воином и предводителем [111. Т. 2. 447; 121, 176].

Специальная доля добычи, получаемая предводителем, помимо общей, согласно фольклорным данным, так и называлась «гъуазэпщIэ» - «доля за предводительство».

В одном из куплетов старинной песни «Сетования адыгских падишахов» поется:

Дзэшхуэр зезышэрэм

вагъуэшхуэ лыд гущэхэр и гъуази,

Шу гъуазэу диIэхэм

гъуазэпщIэ Iыхъэр хухахи…

Войска большого предводителю

звезда большая, сверкающая путь указывает.

Всадникам - предводителям нашим -

за предводительство [из добычи] долю выделяют

[95, 214-115].

Когда поход организовывался по чьей-либо инициативе, то, как правило, этот человек и был предводителем. В таких случаях после набега он сам делил добычу. Часто до начала похода им бралась присяга с участников набега, что они будут удовлетворены той частью добычи, которую он им определит.

В кабардинском фольклоре есть упоминание и о другом способе дележа добычи, а именно по жребию («пхъэ-идзэ»)[8, 243].

В таких случаях вся добыча делилась на столько частей, сколько было участников похода и, еще одна доля. Обычно добыча состояла из пленных, лошадей, предметов роскоши, дорогих тканей, трофейного оружия и т. д. При разделе добычи доли старались комплектовать так, чтобы они были более менее равноценны. Предводитель имел право выбрать первым себе одну долю, другую же он получал на общих основаниях по жребию. У убыхов были несколько иные правила дележа добычи. У них процесс раздела добычи происходил, по словам одного автора XIX в., следующим образом: «Из толпы выходил старый седой воин и произносил благодарственную молитву за дарованную победу и хорошую добычу, а затем начинался дележ. Произносившему молитву выдавалась одна из лучших вещей; предводитель выбирал себе пленного или пленницу и по одной вещи из награбленных предметов одного рода.

Остальная добыча делилась поровну; но кашевары и дровосеки получали менее. На долю убитых или взятых в плен, назначались две части и передавались их родственникам. Остатки от раздела назначались на поминки убитых и на выкуп пленных. Никогда не случалось, чтобы убыхи захватили в плен столько человек неприятеля, сколько было участников похода, и тогда, для раздела пленных, партия делилась на столько частей, сколько пленных, и каждая часть получала по одному. В таких случаях пленный обыкновенно продавался и вырученные деньги делились поровну между лицами, на долю которых достался пленный» [47, 246].

Многие авторы, в том числе Н. Дубровин отмечали, что у черкесов относительно дележа пленных соблюдалось свое правило, а именно: «тот, кто во время боя первым овладеет пленным, тот и считается полноправным его владельцем» [47, 246]. В то же время другой принцип, аналогичный убыхскому, мы уже встречали в описании Хан-Гирея относительно черкесов во время их ежегодных лагерных сборов в сезон наездничества. Возможно, это противоречие имеет следующее объяснение. Если пленные захватывались во время войны, то по военным правилам черкесов пленные считались собственностью тех, кто их непосредственно захватывал. Когда же они захватывались в другое время, не во время войны, а во время грабительских набегов для захвата добычи, раздел происходил по «убыхскому» принципу - пленные продавались, а вырученные средства делились между участниками похода.

В адыгском языке пленные имеют несколько обозначений: «гъэр», «Iэрубыд» (связанный по рукам), «кIэс» (привезенный на крупе коня). Трофеи обозначались словом «къуентхъ».

Возвращение наездников из похода было праздничным событием как для родственников, так и для односельчан. По обычаю, князья и дворяне не имели право оставлять себе захваченной военной добычи (за исключением трофейного оружия и новой одежды, справленной на вырученные от продажи пленных деньги). Все остальное они раздавали своим подвластным, родственникам и знакомым. Вот почему жители с нетерпением ждали их возвращения и каждый раз для них это было праздничным событием.

Возвращающиеся е поля наездники делали подарки поздравляющим их односельчанам, раздавали скот и другое имущество сиротам, пожилым женщинам, особенно вдовам.

По случаю их благополучного возвращения молодые незамужние девушки устраивали у одной из них дома «тхьэлъэIу» - специальный обряд обращения к Богу с благодарностью («Тхьэ» - Бог, «лъэIу» - просьба). «ТхьэлъэIу» сопровождался жертвоприношением («тыхь») - закланием определенного количества голов скота, пиром с танцами и играми [143, 143].

Приглашенные на это торжество молодые наездники щедро одаривали присутствующих девушек, преподнося им куски дорогих тканей, золотые и серебряные украшения и другие предметы роскоши, добытые во время походов [23. № 5. 5].

Истинный наездник в представлении черкесов должен быть щедрым, раздавать все, что добывает во время походов, особенно нуждающимся, сам же должен избегать роскоши, домашнего уюта, комфорта, ходить в буквальном смысле оборванным. Последнее обстоятельство связано с одним из проявлений обычая взаимопомощи бытовавшим у черкесов и описанном Дж. Интериано: «Они,- сообщает он,- весьма восхваляют щедрость и дарят все свое имущество, за исключением коня и оружия. А что касается их одежды, то тут они не только щедры, а [просто] расточительны, и по этой причине оказывается, что они по большей части хуже одеты, чем их подданные. И несколько раз в году, когда они справляют себе новое платье, или красную шелковую рубаху (Этот обычай касался только верхней одежды, каковой была черкеска. Рубаха относится к нательной одежде и ими не обменивались), какие у них в обычае, то сейчас же все это выпрашивается в дар вассалами. Если же

откажутся отдать или покажут свою неохоту, то считается у них величайшим позором. И поэтому стоит только попросить у них что-либо подобное, как они сейчас же предлагают [взять], снимают с себя и берут взамен жалкую рубаху низкого просителя, и таким образом, почти всегда знатные одеты хуже других, за исключением обуви, оружия и коня, которых никогда не дарят. В этом имуществе заключается вся их роскошь...» [51,40-50].

Любого встретившегося по пути и сказавшего по обычаю «саугъэ», наездник, возвращающийся из набега, должен был чем-либо одарить. Бывало даже, что могли подарить лошадь. Не сделать этого считалось большим позором, таков был, по словам старших, обычай [23. № 5, 5].

Таким образом, отношение черкесских наездников к добыче было весьма своеобразным: с одной стороны, они рискуют жизнью, преодолевают множество препятствий и трудностей, отказывают себе во многих удовольствиях, не видят месяцами свои семьи, а с другой, удивительно легко расстаются с материальными благами, добытыми в походах. Ответ на этот вопрос невозможно найти, если искать его только в сфере материального интереса, без учета других факторов, находящихся скорее в области этикетных ценностей, господствовавших в черкесском обществе [60].

К числу таких нематериальных ценностей, имевших огромное значение в жизни черкесов, относилась слава, прежде всего военная.

Так что же превалировало в мотивах военных походов: добыча или слава? Если верить Хан-Гирею, то черкесы делали различие между просто добычей и добычей со славой, а часто и противопоставляли добычу и славу, говоря даже «о презрении к добыче» [137, 56, 255].

Каждую осень и весну, с наступлением поры наездничества, черкесы,- писал Хан-Гирей,- «...пускаются в ремесло свое... ища притом в них таких случаев, которые могли бы их прославить, вместе с тем доставляя и добычу» [137, 171].

Во время войн, в ходе крупных военных действий,- сообщает Хан-Гирей,- «...все, за исключением старшин, князей и дворян, которым приличие не позволяет брать добычу и которых удел есть «сражаться», бросаются в беспорядке на добычу... Между тем князья и старшины дворян, составляющие лучшее воинство, дерутся с защищающимся неприятелем. Также на обратном пути, составив арьергард, подвергают себя всем опасностям, отважно дерутся с настигающим их неприятелем и, храброю

стойкостию удерживая и отражая натиск преследователей, дают время подвигаться большой части войска своего, с добычею и в беспорядке возвращающегося. Здесь руководствует храбрыми воинами высшего класса честь и жажда славы, а не добыча, как некоторые рассказывают, судя о том поверхностно» [136, 287].

Как уже отмечалось, по черкесским военным правилам тот, «кто во время боя первый овладеет пленником... тот и считается полноправным его владельцем» [81, 351].

Во время отступления войска, воины, находящиеся в арьергарде, прикрывали отход основных сил, но для этого они должны были быть свободны и не обременены добычей, в частности, пленниками. Поэтому наездники, находящиеся в прикрытии, отказывались от добычи «ради славы охранения отряда» [55, 130].

Многие русские дореволюционные авторы отмечали эту особенность черкесского наездничества и старались не упрощать данное явление, сводя все к голому материальному интересу.

«Страсть к набегам,— отмечал в связи с этим В. А. Потто,- была у черкесов повсеместная, но желание добычи стояло при этом далеко не на первом плане; чаще увлекала их жажда известности, желание прославить свое имя каким-либо подвигом...» [111. Т. 2, 333].

«Чем дальше от передовых кордонов отстояло селение, куда направлялся удар, чем больше опасностей и затруднений предстояло преодолеть на пути, тем громче и славнее считался набег. Добыча в этом случае не играла даже особенной роли» [111, Т. 5, 321].

Конечно, среди черкесов была категория лиц, которых больше интересовала добыча и которые меньше всего думали о подвигах и славе при ее приобретении. Но такие люди вызывали презрение как среди князей и дворян, так и среди простого народа. Больше всего наездник боялся, чтобы его заподозрили в корысти и стремлении к обогащению [55, 160].

А для этого каждый желающий достичь уважения наездник, особенно если это князь или дворянин, должен иметь щедрую руку и дарить все, что добывал во время набегов.

Добыча всего лишь свидетельство, знак храбрости, воинской отваги наездника, но никак не самоцель. Вот каким рисовал народный фольклор

идеал черкесского князя: «...с богатою добычею возвращался на родину, и воины его делили добычу отваги, из которой сам себе ничего не брал, он веселился славой наездника и презирал добычу» [137,56].

Чтобы добиться славы (а слава в феодальной Черкесии была синонимом власти), князья должны были выделиться прежде всего своей храбростью и удачливостью на войне, а также своей щедростью. Только таким образом они могли привлечь к себе больше вассалов, являвшихся основой их военного и политического могущества. Политическое устройство черкесского феодального общества имело ту особенность, что здесь, образно говоря, решающую роль играл не авторитет власти, а власть авторитета. М. Ю. Лермонтов довольно точно подметил данное обстоятельство и отразил его в одном из своих поэтических произведений:

Толпа джигитов удалая,

Перед горой остановясъ,

С коней измученных слезая,

Шумит.- Но к ним подходит князь,

И все утихло! Уваженье

В их выразительных чертах:

Но уважение не страх,

Не власть его основа - мненье!

То же самое отмечали многие авторы, побывавшие в разное время на Кавказе. Так, И. Г. Гербер писал в первой четверти XVIII в., что в Кабарде «...князья приобретают уважение, скорее личными заслугами, чем княжеским достоинством» [39, 153].

Д. А. Лонгворт также отмечал, что «... влияние князей и дворян, будучи военного и феодального происхождения, остается значительным, хотя личные заслуги и качества имеют большее значение» [77, 565].

Три качества в Черкесии давали человеку право на известность: храбрость, красноречие и щедрость; или образно выражаясь: «острый меч, сладкий язык и сорок столов» [77, 551].

Без обладания этими качествами, особенно первым, человек не мог претендовать на лидерство в политической жизни своего рода, общины или целого народа.

В качестве подтверждения этой особенности политического устройства Черкесии можно привести архивный источник - рапорт начальника Черноморской береговой линии генерал-адъютанта Будберга главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом князю Воронцову от 27 ноября 1845 г. В нем идет речь о переговорах с шапсугским обществом Субаши и в числе прочего сообщается: «Значительнейшие между ними лица, пользовавшиеся некоторым влиянием на народ, были Ислам Енем, а приезжавший ко мне в Керчь Мустафа Мук, который прежде был особенно уважаем единоплеменниками, но предводительствуя в прошлом году народным собранием при неудачной атаке Головинского укрепления, уклонясь со знаменем в руках от приступа, лишился после этого общаго уважения и сделался предметом народной песни, нарочно на него сложенной» [1, ф. 13454, оп. 6., д. 629, 108].

Э. Спенсер, в связи с этим писал: «Храбрость - первая из всех добродетелей, уважаемых черкесами. Без самой отличительной храбрости, князь всецело теряет свое влияние: смелый мужчина... вождь, аристократ или член клана всегда высоко уважаем своими соотечественниками. Коротко говоря, когда любое племя «выбирает вождя, чтобы повести их к бою, или старейшину, чтобы руководить судом, предпочтение не оказывается рангу; героическая смелость в одном и мудрость и моральная чистота в другом являются единственными необходимыми качествами» [121, 123].

Воинская слава могла даже компенсировать неполноценность социального происхождения.

Так в Кабарде среди господствующего класса была одна сословная категория - тума, дети князей от неравных браков или незаконнорожденные дети. Неравенство брака лишало их княжеских прав. «Для приобретения этих прав необходимо тума быть признанными настоящими князьями своей фамилии за равных себе (признание это обыкновенно высказывается при разделе имения, выдачею из него тумакам одинаковой части с прочими делящимися между собой) и совершением каких-либо подвигов приобрести народное уважение. Поэтому-то в прежние времена все тума отличались наездничеством, щедростью, отвагою в набегах, ловкостью в воровстве, и каждое

мгновение права свои на княжеское звание готовы были подкрепить силою оружия» [114, 5].

Последним типом такого рода тума в 1860 гг. считали известного тогда наездника и абрека князя Таусултана Атажукина [69, 150-151].

Знаменитый кабардинский рыцарь Андемиркан, по мнению некоторых исследователей, также был тума.

Надо отметить что щедрость, как и храбрость, была в Черкесии обязательным качеством для знати. Особенно это важно было для князей, стоявших во главе феодальной иерархии.

Вот каким рисует народный фольклор идеал князя в старинной кабардинской песне XVI в., посвященной князю Шолоху Таусултанову.

Щэджащэуэ ди Щолэхъужъи,

лIыхъужъхэмэ уранэхъ хахуэт!

ХахуэкIэрэ ди джатэрыжэ,

жэрыбэри дэ къыдэзыти!

Зи тыгъэ щIэмыфыгъужи...

Великий наш Шолох могучий,

среди витязей ты самый отважный был!

Отважный наш рубака,

табуны быстроногих нам дарящий!

О подаренном никогда не жалеющий

[94, 182, 184].

Насколько черкесы превозносили щедрость, настолько же ими осуждалась жадность и скупость. После трусости, последнее считалось наихудшим качеством человека.

Каждое более-менее торжественное событие в жизни черкесов сопровождалось вручением даров, так как «дружба между черкесами держится главным образом на взаимных услугах и подарках...» [64, 298].

К. Кох, описывая праздник возвращения воспитанника, сообщает: «В случае если хозяин проявляет жадность или просто скупость, рассматривающуюся у черкесов как большой порок, все же никто не выскажет свое недовольство, а будет вести себя так, как будто бы он полностью удовлетворен. Но, конечно, следствием этого будет последующее неодобрение или даже презрение. В противном же случае похвала щедрому хозяину переходит из уст в уста, и его щедрость обсуждается в течение нескольких месяцев» [67, 607].

Подобное обстоятельство нельзя понять без учета той особенности, что подарки, щедрость были важнейшими и обязательными средствами установления общественных связей, залогом жизненного преуспеяния и общественного уважения в феодальном обществе [44, 237].

Само установление вассальных отношений в феодальном обществе было связано с предоставлением даров. Дворянин, поступающий на службу к черкесскому князю, по обычаю получал от него так называемый «дворянский подарок» («уэркътын»), в который входили оружие, лошади, скотина, одна или несколько семей крепостных крестьян. И в последующем,- как отмечает Хан-Гирей,- «... князья ничего не щадят для дворян своих и беспрестанно делают им подарки» [136, 255].

В нормах обычного права кабардинцев, записанных Ш. Б. Ногмовым, говорится: «Все уздени добровольно, непринужденно служат князьям и получают за это достаточную награду: из оружия, лошадей, скота, холопов, смотря по усердию каждого» [101, 154].

Когда князь со своей свитой отправлялся в гости к другому князю, последний, по обычаю, не мог его отпустить, щедро не одарив.

Все полученное в подарок князь раздавал своим дворянам в зависимости от их личных заслуг и места в феодальной иерархии.

«Во время походов к другим народам,- отмечал Г. Орбелиани, говоря о Кабарде начала XIX в.,- собранной дани князь никогда не брал себе, а раздавал дворянам своим и свите, которые сопровождали его. Сам выбирал себе хорошую верховую лошадь или кобылу для табуна, и пленного, если имелся таковый. Польза от этого заключалась в том, что такой

раздачей он привлекал к себе и других дворян, чем становился еще могущественнее» [103, 231-232].

В то же время взаимоотношения внутри господствующего класса нельзя сводить только к материальному интересу. По мнению В. Н. Кудашева, «зависимость уорков от их покровителей была особого рода. Беслан-уорки и уорк-шаотлехусо (Беслан-уорки служили князьям, уорк-шаотлехусо служили первостепенным дворянам, которых было две категории: «лIакъуэлIэш» и «дыжьыныгъуэ»), были боевыми товарищами своих покровителей. Их связывала не какая-нибудь материальная выгода, а одна только дружба, основанная на взаимной друг другу помощи» [69, 158].

Как справедливо заметил А. Я. Гуревич, «...для того, чтобы понять близость понятий «служения» и «дарения», следует отрешиться от мысли, что служба обязательно преследовала цель получить материальное вознаграждение: служба, как и преподнесение подарков, была формой социального общения, сплачивающая людей в группы. Обмен имуществом, дары и услуги выражали и скрепляли верность и дружбу между людьми, являлись универсальными средствами социального общения. Поэтому щедрость в таком обществе - залог жизненного преуспеяния, славы, общественного уважения, скупость ставит человека вне человеческих отношений» [44, 261].

Весьма своеобразным в феодальную эпоху было отношение людей к богатству. В таком обществе,- писал А. Я. Гуревич,- «богатство не увеличивает достоинство человека и может даже оказаться вредным для личных качеств. Главное же не богатство возвышает человека, но слава, она остается в памяти людей и после смерти человека. Противопоставление славы богатству в высшей степени характерно для мировоззрения людей... В плане этого противопоставления богатство может цениться лишь постольку, поскольку оно способствует достижению славы и общественного уважения. Но, как мы видели выше, для этого надо не накапливать богатства, а расточать, раздаривать, расходовать на пиры - короче говоря, превратить в знак личной доблести» [44, 247].

Все вышесказанное было в высшей степени характерно для черкесского феодального общества. Об этом достаточно выразительно сказал один из героев рассказа А. Г. Кешева: «... покойный отец, придерживаясь рыцарского правила, не оставил мне завидного состояния; и я его не виню: взамен богатства он оставил имя отважного наездника, — имя, пред которым благоговеет всякий, кто владеет винтовкой и правит конем, имя,

заменяющее между черкесами все добродетели. Недаром же говорил отец в редкие минуты сердечных излияний: «Сын мой, много прожил я в этом суетном мире, много всякого добра нажил, но тебе ничего не оставляю; все, что добыл я своими трудами, пошло по чужим рукам, но всякий про твоего отца скажет: «Жил он, как настоящий черкес, и Бог дал ему царство небесное». Богатство ничтожно, оно, как роса, что пропадает с первых лучей солнца. Будь ты достойный человек, будет и богатство и честь; а будешь негодный - и с богатством ничего не сделаешь. Помни мои слова; не скупись ни в чем, будь щедр на хлеб-соль, на дары, тогда только сможешь предстать с чистым лицом перед судом того, кто правит нашими дедами, тогда и я не отверну от тебя лица» [55, 68-69].

Действительно, в черкесском обществе богатство само по себе не обеспечивало высокого социального положения. На это обращали внимание многие путешественники, имевшие возможность достаточно близко ознакомиться с общественным бытом черкесов.

«Ни возраст, ни ранг, ни богатство не имеют какого-либо значения в выборе старейшины; сила, добродетель и дар красноречия - единственное необходимое условие» - сообщает Э. Спенсер о западных черкесах [121, 103].

Аналогичное свидетельство приводит Д. Белл: «Следует заметить, к чести этих провинций (Имеется в виду три исторические области Черкесии: Натухай, Шапсугия и Абадзехия с так называемой «демократической» формой политического устройства), что хотя наследственные вожди в значительной доле потеряли власть, которою обладали их предки и что вследствие этого народ не подчиняется власти, основанной на праве давности, но управляется только теми, кто приобрел влияние на общественное мнение, мы никогда не наблюдали, чтобы этой властью наделялись люди, которые ее не заслуживали бы своей опытностью, мудростью, энергией и честностью характера.

Все эти влиятельные люди - немолодых лет, и богатство, кажется, в этом случае, не пользуется своим обычным значением» [25,485-486].

В Черкесии человек, даже если он был богат, не мог этим воспользоваться в полной мере в силу того, что чрезмерная роскошь, в любых ее проявлениях, строго порицалась.

Венгерский ученый и путешественник Жан Шарль де Бесс был поражен подобным обстоятельством во время своего нахождения в Кабарде летом 1829 г. «Этот князь,- сообщает он об одном из кабардинских владельцев,-

...является владельцем шестидесяти деревень, более трех тысяч лошадей и не меньшего количества голов крупного рогатого скота; тем не менее, как бы богат он ни был, его образ жизни очень прост. При нашем последнем свидании в Нальчике я спросил его, почему старшины народностей не выделяются более удобными, более просторными жилищами и не позволяют себе роскоши, соответствующей их положению. Он отвечал мне, что таковы обычаи, существующие у них, и он не решается нарушать их, чтобы не раздражать узденей и народ...» [27, 337].

Разумный аскетизм в жизни черкесов был продиктован не отсутствием материальных возможностей, а непреходящей остротой внешнеполитической обстановки [60, 2]. Это отразилось и на таком элементе материальной культуры, как жилище. Сооружение черкесского жилища турлучного типа не требовало ни больших затрат труда, ни много времени, материалы же для их сооружения всегда были под рукой. Такие дома недорого стоили и поэтому черкесы во время нападения врагов на их селения, сами поджигали свои дома, предварительно эвакуировав свои семьи, имущество и скот в неприступные места, в леса и горы.

Д. А. Лонгворт писал по этому поводу, что в условиях постоянных войн и внешней экспансии, «это, наверное, даже хорошо, что в области архитектуры не отмечается большого прогресса. В подобных условиях человек не испытывает особой жалости, покидая собственный дом, поджигая его собственной рукой в случае необходимости, тогда как в более цивилизованных странах стремление сохранить жилище весьма часто в качестве цены, влечет за собой лишение свободы» [77, 534].

Надо отметить, что представители черкесской знати не только жили в таких же домах, что и их подвластные крестьяне, но и в окружающей обстановке в домашнем быту старались избегать роскоши. При этом они гордились своим спартанским образом жизни и ни за что на свете не хотели бы его менять. П. С. Потемкин в составленном им в 1784 г. описании кабардинского народа, сообщает: «Один владелец, Хаимурза называемой, сказал, что он хижину свою не променяет на лучший великолепный дом в Европе: «В больших домах,- говорит он,- стены убраны, но сердце спутано, кажется с домами вместе построены и мысли и сердце, но мы пользуемся свободным воздухом, и я легко переношу хижину свою по всему пространству той земли, где наш народ обращаться властен. А таков образ мыслей и между всеми» (54, Т. 2, 362).

Кроме всего прочего, относительно одинаковый для всех классов уровень бытовых условий способствовал удивительной прочности социальной

организации общества, поддерживая в каждом его члене дух общенациональной консолидации и чувство личного достоинства.

Д. А. Лонгворт также обратил внимание на эту особенность черкесского быта: «Но есть обстоятельства, которые, каковы бы ни были классовые различия между людьми и кастовые привилегии, порождают тенденцию к установлению между ними подлинного равенства. Все одеваются, питаются и живут одинаково и, что еще более важно, в отношении своих умственных способностей находятся на одинаковом уровне. В работе в поле, в опасностях военного времени, на пиршествах в кунацкой, даже дворянин, хотя его ранг и требует по отношению к нему некоторого церемониального почтения, тем не менее пребывает бок о бок с крепостным; и дух независимости, который руководит поступками дворянина, как я понимаю, едва ли в меньшей степени присущ и крепостному» (77, 582).

Хотя здесь существовало крепостное право, оно имело такие мягкие и благоприятные формы, что, по словам Д. А. Лонгворта, «его трудно, собственно, назвать крепостным рабством» (77, 582).

Это касалось не только экономических прав, но, что не менее важно, и личных, тех, что касались соблюдения личного достоинства. Вот что писал по этому поводу А. Г. Кешев: «В природе крепостного крестьянина нет ни малейшего признака раболепства. Он так же свободно говорит со своим господином, как и с ровней, и никогда не позволит ему возложить десницу на свою физиономию (впрочем, это унизительное проявление гнева неизвестно еще между адыгами)» (62, 218).

В общении хозяев и их подвластных соблюдалось уважение личного достоинства. Не только крепостной крестьянин, но даже домашний раб («унэIут») не терпел никаких кличек и откликался только на свое настоящее имя (47, 137). «Между тем,- сообщает А. Г. Кешев,- господин имеет полное право, когда вздумается, выхватить свой кинжал и всадить его в грудь дерзкого холопа: никто не потребует за это отчета» (62, 2I9).

Несмотря на это, проявления тирании по отношению к крепостным крестьянам и домашним рабам, а тем более их убийства, были чрезвычайно редки. В нормах обычного права не было даже никаких установлений, ограничивающих или запрещающих подобные действия. По мнению черкесов, в них просто не было необходимости, так как, по их словам, «это все равно, что мешать человеку поджечь свой собственный дом» (25, 520).

Крепостные крестьяне, недовольные своими хозяевами, могли, пользуясь обычаем покровительства, переселиться в другие общества. Так, по словам Н. Дубровина, «Джембулат, князь Темиргоевский, отличавшийся твердым характером и крутою волею, вооружил против себя многих и часть народа, до 800 семей, разновременно ушли от Джембулата, и переселились к абадзехам»(47, 169).

Экономическое положение князей зависело от количества принадлежащих им крестьянских хозяйств, поэтому они старались поддерживать взаимопонимание со своими подвластными и не допускать их до переселения.

Князья и дворяне не имели права распоряжаться имуществом своих подвластных крестьян и могли требовать от них только то, что было закреплено в адатах, касающихся норм феодальной эксплуатации.

Часто бывало, что представители высших сословий оказывались беднее своих подвластных крестьян.

Данное обстоятельство было обусловлено некоторыми особенностями социально-политического устройства черкесского общества. Среди этих особенностей следует отметить следующие: правом ношения оружия пользовались все члены общества, кроме домашних рабов - унаутов. Крестьянство, как и высшие сословия, имело доступ к военным предприятиям, а следовательно, и к захвату рабов. Следствием этого было то, что правом владения рабами и крепостными крестьянами пользовались не только дворяне и князья, но и часть крестьянства. В записях норм обычного права шапсугов, абадзехов и натухайцев, сделанных Л. Люлье, сообщается: «Тот, кто имеет средства купить или достать невольников, владеет ими бесспорно» (80, 325). Не только свободное, но даже некоторые категории зависимого крестьянства имели право владеть собственными крепостными крестьянами и рабами.

Эти особенности, по мнению М. В. Покровского, В. К. Гарданова, лежали в основе так называемого «демократического» переворота у шапсугов, абадзехов и натухайцев, где новая феодальная прослойка, сложившаяся из среды крестьянства, добилась политической власти, соответствующей ее упрочившемуся экономическому положению (108, 37).

Немаловажную роль сыграло также то обстоятельство, что, согласно черкесским обычаям, князьям и дворянам было предосудительно заниматься торговлей. В отличие от них, этим в довольно больших масштабах, занималось крестьянство. Д. Белл по этому поводу писал:

«Многие из токавов и даже рабов стали путем торговли (заниматься торговлей всегда считалось унизительным для двух других сословий) значительно богаче, чем большинство дворян и князей...» (25, 499).

Д. А. Лонгворт, описывая положение дворянства у шапсугов, абадзехов и натухайцев, сообщает: «В своем богатстве и могуществе они ни в коей мере не превосходят токавов (Токавы - видимо, вольноотпущенники или категория крепостных крестьян), или тфокотлов (Тфокотплъ - свободный крестьянин, у кабардинцев - «лъхукъуэлI»)…то есть вольноотпущенников; правда, они упорно цепляются за свое достоинство и никогда не допускают смешение крови путем браков с тфлокотлами...» (77, 560)

В эпоху феодализма, в условиях политической нестабильности, экономическое положение, даже господствующих классов было нестабильным. Нередко бывало, что сами князья впадали в бедность и оказывались в определенное время беднее своих подвластных крестьян.

Надо заметить, что отношение черкесов к бедности было своеобразным.

Насколько, по их мнению, богатство не давало каких-либо привилегий, настолько и бедность не считалась пороком. Если богатство не увеличивало достоинство человека, то бедность его также не уменьшала. Черкесы относились к бедности как к временному, правда, нежелательному состоянию, в котором мог оказаться любой человек. При этом, говоря о бедности, имеется в виду не хлеб насущный: в истории Черкесии еще не было случая, чтобы кто-либо умер от голода. Более того, по свидетельству многих авторов, черкесское общество отличалось социальной стабильностью и отсутствием значительной имущественной поляризации в обществе. Д. Белл в связи с этим отмечал: «Если общий уровень бытовых условий здесь и невысок, то, по крайней мере, его стараются достичь и большинство достигает. Крайности роскоши и нищеты, изысканности и презренного существования в одинаковой степени здесь неизвестны» (25, 479).

Последнее обстоятельство было следствием действовавшего в черкесском обществе и освященного нормами обычного права обычая взаимопомощи. «Помогать бедным поставлялось всем в священную обязанность,- писал Ш. Б. Ногмов,- просить помощи у незнакомого или у соседа не почиталось пороком» (I0I, 68).

Существование обычая взаимопомощи также было, если не следствием постоянной внешнеполитической напряженности, то, по крайней мере, благодаря ей сохраняло свою актуальность и необходимость.

Т. Лапинский, проживший три года среди западных черкесов (1857-1860), во время последнего и трагического периода их борьбы за свою национальную независимость, сообщал: «Соседи живут между собою в согласии, которое могло бы служить примером для сельских жителей в Европе: полевые работы всегда производятся сообща несколькими соседями. Если один из дворов разорен пожаром, падежом скота или нападением врага, если русские взяли в плен кого-нибудь из фамилии и необходим выкуп, то приходят на помощь не только соседи, но и члены фамилии, живущие в отдаленнейших местах страны, и если этого недостаточно, то помочь обязано все племя.

Таким образом, естественно, что в той стране также мало бедных, как богатых; нищие неизвестны» (75, 120).

Проявления обычая взаимопомощи были многообразны и связаны с другими институтами, действовавшими в черкесском обществе.

Возьмем к примеру куначество. Хан-Гирей описывает и характеризует его следующим образом: «Дружба на Кавказе также имеет свои особенности: слово кунак или друг значит то же самое у черкесов, что у босняков побратим... т. е. такой друг, за которого жертвуешь имуществом и жизнью. Когда кунак... приедет к другому в гости или по своей надобности, то принимающий в доме своем снабжает приезжего друга всем нужным, не жалея собственности, а в случае недостатка в чем, пускается с ним вместе на воровство и отдает всю добычу своему кунаку. Сей странный способ помогать друг другу, с обидою ближнего, употребляемый между кавказскими народами от древнейших времен, есть главное звено их политических взаимоотношений» (136, 283-284).

Готовность «делиться с нуждающимся... в мнении этого народа есть блистательнейшая добродетель. Следствием этого образа мыслей есть то обычное круговое, или взаимное вспомоществование, которое составляет главное звено общежития черкесов и существенно поддерживает хозяйственное благосостояние каждого, снабжая его всеми потребностями жизни» (136, 255).

Обычай взаимопомощи часто действовал при соблюдении гостеприимства. Как отмечает Н. Дубровин: «Чем больше человек пользовался уважением, тем чаще посещали его гости. Если нечем было

угощать путешественника, хозяин обращался к соседям и те охотно снабжали его всем необходимым. Соседи жили между собою дружелюбно, охотно делились друг с другом последним куском, одеждой, всем, что только можно было разделить, и считалось постыдным отказать нуждающемуся, кто бы он ни был. Чем гостеприимнее был хозяин, тем лучше старался он угостить приезжего, и, отпуская его домой, при прощании делал... часто подарки, нередко весьма значительные» (47, 28).

Приезд гостей был событием в жизни целого селения, особенно если эти гости приехали к князю. Но не всегда князья и дворяне имели достаточно средств, чтобы соответственно своему положению одарить гостя. В таких случаях князья имели право насильственного займа имущества своих подвластных. Большой интерес представляют замечания Гирея по этому поводу: «Никто из князей,- писал он,- не имеет права взять у своих подвластных какую-либо собственность, им принадлежащую. Но бывают случаи, когда при отпуске гостей отдаленных мест, при платеже цены крови и калыма на срок, словом, при всех требуемых обстоятельствами издержках, превышающих средства владельца, он поставлен в крайность самовластно распорядиться имуществом зависимых от него, но тогда ни он, ни его подвластные не сознают в этом законности прав: первый лишь уступает необходимости, а вторые безропотно переносят это беззаконие собственно из уважения к стеснительным обстоятельствам князя, невольно признавая, что это есть единственная мера к поддержанию чести рода их владельца, а вместе с тем и их собственной» (40, 30).

Князья по обычаю не имели права распоряжаться имуществом своих крестьян и вышеописанный обычай применялся как вынужденная, исключительная мера. При этом князья обязаны были при первой возможности возвратить обратно все, что они брали.

К насильственному займу могли часто прибегать, не рискуя потерять своих крестьян, только те князья, которые пользовались авторитетом в народе. «Те из них,- сообщает Хан-Гирей,- которые наиболее уважаемы своими подвластными за мужество и щедрость, располагают в некотором смысле их достоянием, что доставляет им возможность иметь большие табуны лошадей и овец, которых они, впрочем, не долго держат, ибо дарят, как говорится, и встречному и поперечному, а потом опять собирают новые стада» (136, 255).

Вообще же, как свидетельствует И. Бларамберг, «богатые черкесские князья совершенно не проявляют интереса к своему добру» (28, 99).

Говоря об основных источниках доходов князей, Хан-Гирей делил их на три категории:

Первый источник, это доходы от эксплуатации зависимых крестьян и феодального хозяйства.

Второй источник - доходы, получаемые князьями за счет своих особых привилегий. Среди них можно назвать право взимания штрафа в случае оскорбления кем-либо княжеского достоинства или нарушения черкесского этикета, а также различные подношения и дары, получаемые от покровительствуемых князем лиц.

Третий источник, это захваченная во время набегов добыча, а также различные дары, получаемые князьями во время взаимных визитов.

Хан-Гирей затрудняется ответить, какой из трех источников приносил князьям больше доходов, но первый из них он называет правильным или определительным, остальные два - косвенными или неопределительными (136, 255).

В данном случае, Хан-Гирей хотел, по всей видимости, подчеркнуть, что основным и стабильным источником дохода была эксплуатация крестьянства в рамках обычного права.

Как справедливо считает Е. Дж. Налоева, «военные трофеи, хотя и были доходной статьей бюджета феодалов, не могли создать стабильное экономическое положение знати, тогда как эксплуатация зависимых общинников является неиссякаемым источником материального благополучия» (92, 16).

В конечном счете именно материальное положение, наличие зависимых крестьян и крепостническое хозяйство определяли возможность участия в набегах. Когда какой-нибудь мелкопоместный дворянин в силу обстоятельств беднел, терял своих крепостных крестьян, то он вынужден был, образно выражаясь, «поменять поводья на плуг» (62, 155).

Если изучить внимательно историю феодальных междоусобиц черкесских князей, то мы увидим, что главной целью их борьбы были не столько земля и имущество, сколько подданные крестьяне. Чем больше было их у князя, тем больше было его экономическое и политическое могущество, тем больше дворян служило у него (семья крепостных крестьян входила в состав «дворянского подарка» при приеме на службу к князю и установлении вассальных отношений).

Вот что сообщается в связи с этим в описании кабардинского народа, сочиненном в 1748 г.: «А по них от времени до времени у кабардинских владельцев вошло в обычай так, что после [смерти] каждого владельца всеми подданными владеет старший по нему брат, и ежели братьев нет, то больший его сын, а протчие умершего отца дети должны жить при том их большем брате и содержание свое получать от него и для того быть у него в послушании. И которые из таковых были в согласии, то большой их брат общими с ними силами старался других бессильных и малофамильных владельцев искоренить или из Кабарды выгнать и подданных его разделить и отдать во владение меньшим своим братьям, дабы они собственное свое содержание уже от них иметь могли» (54. Т. 2, 152).

Деятель адыгской культуры XIX - начала XX в., С. Сиюхов считал, что в основе экономического благосостояния адыгского общества лежали не добыча и связанные с ней военные предприятия, а производительный труд крестьянства - основной массы населения. «Принято думать,- писал он,- что большинство населения Черкесии занималось разбоями и что это служило источником их существования. Это большая ошибка. Хозяйство и благосостояние народа покоились и держались на производительном земледельческом труде народной массы» (117, 253).

Данное обстоятельство прекрасно осознавали и сами представители господствующих сословий. Об этом свидетельствует, в частности, признание одного из героев рассказа А. Г. Кешева «На холме». В этом небольшом произведении автор с удивительной наблюдательностью отмечает особенности взаимоотношений в черкесском обществе господствующих и зависимых сословий. Последние, «холмовники» как называет их автор, меньше всего думают о славе, в том смысле как ее представляли черкесские дворяне, и больше заботятся о собственном материальном благополучии и хозяйстве, которому посвящают большую часть времени. В связи с этим герой рассказа, очевидно, дворянского происхождения, высказывает следующее мнение: «Человек, не предубежденный против заседателей холма, не решится осудить их за материальное направление мыслей и подобострастное поклонение Мамону. По крайней мере, я хоть и не имею чести принадлежать к этому почтенному сословию, не могу без ужаса представить себе, чтобы произошло на адыгской земле, если бы все холмовники вдруг переменили свой взгляд на жизнь и вместо воловьих рогов ухватились бы за конские гривы. Но, к счастью нашему, о подобной перемене нет и помыслов в головах холмовников. На их плечах лежит пока существование целого аула. И если гордые джигиты, обитающие в кунацких, фантазируют на свободе о блестящей славе наездника, о красивых конях, дорогих

винтовках и считают чуть не бесчестьем провести темную ночь под кровом своей кунацкой, то этим они, без сомнения, обязаны заседателям холма» (63, 250-251).

В то же время нельзя отрицать, что наездничество приносило определенные материальные блага и выгоды. Хотя наездники должны были раздавать большую часть приобретенной добычи, они за счет таких раздач, а также своей мобильности, имели обширный круг друзей и знакомых как в среде своего, так и соседних народов Кавказа.

Наличие обширных связей в обществе, обычай куначества, взаимопомощи, гостеприимства всегда гарантировали наезднику определенный, достаточно приемлемый уровень материального благосостояния. Это обстоятельство нашло свое отражение в следующих черкесских поговорках и выражениях:

- «ЗекIуэ и вакъэ лажьэркъым» - «У наездника обувь не снашивается» (имеется в виду, что люди, занимающиеся этим промыслом, никогда не останутся без средств к существованию).

- «Ахъшэр афэщ, ахъшэр къамэщ» - «Деньги - кольчуга, деньги - кинжал» (165).

Нельзя также отрицать тот факт, что в адыгском обществе все-таки существовала определенная, хоть и незначительная группа людей, для которых военная добыча была важнейшим, если не единственным источником существования. Сюда входили странствующие безземельные рыцари-уорки, не имеющие сюзеренов, а также люди, изгнанные или ушедшие по каким-либо причинам из общества, так называемые «абреки».

В дореволюционной российской историографии, ставившей целью оправдать колониальную политику царизма на Кавказе, выдвигался тезис о бедности горцев и утверждалось, что основным источником их существования являлись набеги на соседние народы. Чтобы обосновать этот тезис, некоторые из авторов пытались принизить действительный уровень хозяйственного развития кавказских горцев.

«По мере того как развертывалась колониальная политика царизма на Кавказе,- отмечал профессор В. К. Гарданов,- представители дворянско-буржуазной историографии все более стремились изображать адыгов как весьма «дикий», «бедный», «ленивый» и «неблагоустроенный» народ, у которого не были развиты ни земледелие, ни скотоводство, ни ремесла, а все помыслы были сосредоточены на грабеже соседей.

Следует отметить, что в таком же духе историки изображали не только адыгов, но и других горцев, что приводило авторов к неразрешимому противоречию: каким образом горцы могли грабить друг друга, если у них, по существу, ничего не было? И вот тут-то историки, ставившие целью обеление колониальной политики царизма, выдвигали тезис о том, что горцы якобы могли жить только за счет более культурных народов, на которые они совершали набеги» (32,50-51).

Но среди дореволюционных российских исследователей были и такие, которые не только отвергали такие утверждения, но и доказывали, что уровень хозяйственного развития черкесов был на достаточно высоком уровне, более того, после насильственного выселения черкесов с Северо-Западного Кавказа в Турцию, эта территория пришла в упадок и запустение, а новое население так и не смогло освоить и культивировать на прежнем хозяйственном уровне освободившиеся земли. Среди них можно назвать таких исследователей, как Л. Личков (76), С. Васюков (31), И. Клинген (66), Я. Абрамов (5) и другие.

О высоком уровне хозяйственного развития черкесов сообщали и европейские авторы, побывавшие на Северо-Западном Кавказе в первой половине прошлого столетия, такие, как Д. Белл, Д. А. Лонгворт, Э. Спенсер. Последний, в частности, писал: «Представления, сделанные русскими путешественниками, что «большинство жителей Кавказа не занимается никакой сельскохозяйственной работой, завися от грабежа для существования», являются преднамеренно ошибочными. Мы можем сообщить как опровержение этому, что из какой бы страны вы ни вошли в Черкесию, из Турции или даже из самой России, вы сразу приятно поражаетесь значительным улучшением в облике населения, сельского хозяйства и красотой их стад.

С первого момента, как я вошел на равнины Кавказа, облик страны и населения превзошли мои самые жизнерадостные ожидания. Вместо того, чтобы найти пустынную гору, населенную ордами дикарей, она оказалась большей частью непрерывным рядом плодородных равнин и возделываемых холмов: жители везде покоряли меня своим этикетом и ритуалами восточной вежливости... Едва ли можно было увидеть невозделанную площадку; огромные стада козлов, баранов, лошадей, быков, как в лоне мира, паслись под присмотром, среди трав, которые нельзя превзойти в пышности» (121, 89-90).

Необъективность многих авторов, описывавших социально-экономический, политический и хозяйственный быт черкесов, была

обусловлена несколькими причинами: во-первых, они не были независимыми исследователями и, во-вторых, не имея возможности лично изучать жизнь этого народа, прибегали к таким источникам информации, которые не могли быть вполне объективными.

В частности, русский академик П. С. Палас, совершивший в 1793-1794 гг. путешествие на Северный Кавказ, побывал на сравнительно небольшой части территории, населенной черкесами и вглубь их земель не проникал. Поэтому значительную часть информации о черкесах он черпал из рассказов казаков, русских военных и чиновников, служивших на Кавказе.

В связи с этим Э. Спенсер писал: «... фактически Палас имел несчастье быть зависимым от щедрости Екатерины; и, как следствие, он был обязан писать то, что угодно русскому правительству. В своих описаниях черкесов он... сообщает то, что сказали ему казаки: «Большинство не занимается какими-либо сельскохозяйственными занятиями, ставя свое существование в зависимость от грабежа». Тем не менее, они нашли в стране восемь тысяч голов скота и другие ценности! (Имеется в виду добыча, захваченная у закубанских черкесов во время одного из вторжений царских войск). «Князьки постоянно воюют друг с другом; народ не уважает ни законов, ни своих вождей; один сосед грабит другого, и ни один договор, даже формальный, не является достаточным, чтобы обязать черкеса соблюдать ему верность». Ни одно слово из этого высказывания не применимо к черкесам в настоящее время; и я сомневаюсь, было ли это когда-либо, за исключением того, что касается нарушения ими законов как гражданских, так и религиозных, запрещающих им хранить верность врагу...

Уважение к частной собственности и личным правам... проявляемое черкесами... является одной из самых восхитительных черт народного характера. Во всех их сделках друг с другом справедливость также строго уважается, как и в любой части цивилизованной Европы; и законы, учрежденные древним обычаем, соблюдаются их вождями и старейшинами со строжайшей беспристрастностью; поэтому вы должны быть уверены, что большинство суждений о Черкесии, которые мы слышали, грубо ошибочны; ибо, как это возможно, что нация существует, если народ вечно воюет между собой?» (121, 87-88).

Профессор В. К. Гарданов в своих работах изучил и проанализировал хозяйственный быт черкесов в XVIII - первой половине XIX в. При этом он показал, что их хозяйственный быт находился на достаточно высоком уровне развития, а различные отрасли хозяйства (скотоводство,

земледелие, садоводство) были максимально приспособлены к тем природно-географическим и социально-политическим условиям, в которых жили те или иные этнические подразделения черкесов. Так, В. К. Гарданов выяснил, например, что Черкесия в XVIII в. только для обеспечения экспортных нужд должна была содержать ежегодно 6 миллионов овец. Такие выводы были им сделаны на основе данных К. Пейсонеля об экспортной торговле Черкесии шерстяными товарами, а также расчетов, по О. В. Маркграфу, норм расхода шерсти при изготовлении шерстяных изделий (бурок, сукна и т. д.) (37, 93).

Таким образом, утверждения о том, что набеги и добыча играли в экономике Черкесии значительную роль, являются малообоснованными. В основе хозяйственного, экономического благосостояния Черкесии лежали благоприятные природно-географические, климатические условия и производительный труд крестьянства - основной массы населения.

§ 4. «Культура войны». Правила ведения войны. Рыцарский кодекс «уэркъ хабзэ»

Среди современных исследователей-культурологов есть те, кто выдвигает следующий тезис: культура возникает там, где люди вступают в отношения, отличные от состояния войны, что война и культура - понятия несовместимые (99, 15; 105, 111).

Можно ли согласиться с подобным утверждением? Если говорить о сегодняшнем дне, когда человечество пришло к единству в неприятии войны как формы взаимоотношений людей, наций, государств, то, пожалуй, можно.

Но всегда ли было так? Ведь сами войны, как утверждает наука, были не всегда и появились на определенном этапе развития человечества. В то же время был такой период, когда у целых народов и обществ война, в силу особых исторических условий, стала тем фоном, на котором долгое время протекала их жизнь, и для которых война стала ценностью на уровне общественных отношений. Возникло много нравственных, этикетных и других норм, регулирующих положение человека на войне. Можно даже говорить о появлении такого понятия, как «культура войны». (59, 145).

Понятие «культура войны» мы считаем возможным отнести и к черкесам, которые выработали свою систему нравственных и этических норм, регулирующих отношения людей во время войны.

При рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать, что речь идет о норме, сложившейся и освященной в этническом сознании как правильная модель, следование которой одобрялось и поощрялось. Однако это не означало, что эти правила соблюдались постоянно и всеми. Тем не менее большинство их соблюдало, а их несоблюдение воспринималось как нарушение этой модели и не поощрялось.

Даже во время Русско-Кавказской войны, в ущерб себе, черкесы стремились быть верными тому духу рыцарской чести, который, Но словам А. Г. Кешева, «жил в их крови и отражался в их действиях» (62, 276).

Русский офицер И. Дроздов, очевидец и участник войны на Западном Кавказе, писал в связи с этим: «Рыцарский образ ведения войны, постоянно открытые встречи, сбор большими массами - ускорили окончание войны. Если бы способный руководитель был в состоянии растолковать горцам их бессилие и, вооружаясь им, из-за угла встречать наступление русских отрядов, то, вероятно, война не окончилась бы так быстро» (46,417).

Русско-Кавказская война, в силу ее специфики, внесла, без сомнения, определенные корректировки в отношение черкесов к традиционным установкам, правилам ведения войны. На это указывал, в частности, А. Г. Кешев: «Не говоря уже о том, что немногочисленные, разъединенные вечною враждою племена не могли не чувствовать слишком живо громадной разницы в собственных ничтожных средствах к защите с подавляющим превосходством и неистощимыми средствами противника, - самый способ ведения войны, принявший с самого начала партизанский характер, не разбиравший средств к достижению предположенной цели, извратив рыцарские понятия древнего черкесского наездничества, заставил адыгские племена употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали вовсе из духа народа и считались бы им при других обстоятельствах, унизительными для чести наездника» (55, 224).

В нашем исследовании данного вопроса мы не будем брать в расчет последнее обстоятельство и будем говорить о традиционных нормах, правилах ведения войны, сформировавшихся у черкесов задолго до начала Русско-Кавказской войны, без учета тех трансформаций, которые были ее следствием.

Говоря о правилах ведения войны, необходимо учитывать, что они имели свою специфику в зависимости от следующих факторов:

- правила, действовавшие во время войн и связанные с ними открытые сражения;

- правила, действовавшие во время набегов;

- правила, действовавшие во время междоусобных войн внутри черкесского этноса;

- правила, действовавшие во время войны с чужим (не черкесским) народом.

Начало войны, согласно фольклорным данным, в старину сопровождалось официальным ее объявлением. При этом в рамках наглядной дипломатии использовался коммуникативно значимый предмет: противнику отправлялась сломанная стрела — знак объявления войны (139,47).

При этом, согласно обычаям, жизнь и личная неприкосновенность послов была обязательна. «ЛIыкIуэ яукI хабзэкъым» - «Послов убивать не в обычае»,- говорили черкесы (10, 107).

В рамках наглядной дипломатии, по данным Р. Б. Унароковой, использовался и такой комплекс коммуникативно значимого предмета и операций с ним, который назывался «шы уанэ къуапэ пхэнж» (128,41).

Им пользовались во время военных походов для решения конфликтных ситуаций. Желающий начать переговоры спешивался с коня, спутывал его тем способом, который назывался «шыуанэкъуапэпхэнж», после чего становился лицом к врагу. Последний должен был «прочитать» и принять предложение вступить в переговоры.

В старые времена, как повествуют предания, у воюющих черкесов был такой великодушный обычай: днем воевали, а вечером предводители противников шли друг к другу в гости, устраивали пир в честь друг друга, вели переговоры, не боясь вероломства (4, 142).

Если во время войн и открытых сражений бегство считалось позором, то во время набегов оно рассматривалось иначе.

К. О. Сталь писал: «Бегство во время боя не считается у черкес стыдом, лишь бы только партия при первой возможности оправилась и, заняв удобную позицию, опять начала драться.

Зато считается постыдным, если партия застигнута врасплох, если отдала без боя добычу, если у нее отбили лошадей и если, вступив в дело, партия не вынесла из боя тел своих убитых» (122, 142).

Бросить добычу и уйти без боя, в целях спасения жизни, считалось большим позором и проявлением трусости.

Хан-Гирей в связи с этим писал: «Небольшие партии воинов скрытно пробираются, быстро нападают и быстро скрываются, и в случае погони за ними, сражаются отчаянно, и тела убитых товарищей с удивительною решительностью уносят с собою; и здесь, как и в больших действиях, защищая тело убитого товарища, целые партии погибают; они, убив своих лошадей и из них сделав батареи, продают жизнь очень дорого. Примеры подобных отчаянных подвигов нередки, и черкесы это все делают из жажды к славе храброго воина и боясь названия труса, а не из жадности к добыче, которую им, конечно, не принесет смерть» (136, 288).

Добыча, как уже отмечалось, не являлась самоцелью, а была лишь знаком, символом воинской доблести. Особенно это было характерно для эпохи средневековья, на которую приходится расцвет черкесского наездничества. Если во времена Хан-Гирея считалось зазорным без боя бросать добычу, то в эпоху Андемиркана и других героев средневекового эпоса было зазорным без боя приобретать добычу.

То есть наездники стремились не просто захватывать добычу и уйти с ней (например, угнать табун лошадей), но искали еще при этом возможности военного столкновения (8, 163).

Среди правил, действовавших во время войны, были такие, которые черкесы строго соблюдали между собой и менее строго в отношении других народов.

К числу таких правил, по сведениям Н. Ф. Грабовского, относился запрет поджога жилищ и посевов. Он писал по этому поводу, «что самым предосудительным преступлением в полном значении этого слова и по понятиям кабардинцев считается поджог. Таким же преступлением считается поджечь что-либо у своих врагов и особенно сжечь хлеб» (42, 34-35).

Было только одно исключение из этого правила, о котором сообщает Хан-Гирей: «Заметим, что тот, у кого жена увезена другим,- писал он,- имеет право жечь дом похитителя, и целую деревню, где он пребывает, но без

этого случая жечь строения, хотя бы они принадлежали и заклятому врагу, почитается постыдным поступком» (136, 140).

Так как жилище считалось у черкесов священным и неприкосновенным, у них существовал также запрет на убийство в доме. Об этом свидетельствует до сих пор бытующее у старших выражение: «Щыху унэм щыбукIыну адыгэ хабзэм идэркъым» - «Черкесский обычай не велит убивать человека в доме» (161).

Так, в песне о сыновьях Куденета, сложенной по поводу реального исторического события, имевшего место в I846 г., рассказывается о набеге группы кабардинцев на кочевье Ногайского хана. Когда Ногайский хан отказался выдать все, что требовали кабардинцы, предводитель партии Магомет Куденетов убил его, но перед этим вывел из юрты.

Мыхъэмэт Iэшэри мэгубжъри

нэгъуей хъаныжьри ныщIеш

Уэтэр щIыбагъымкIэ ирешэкIри

Мэл жъагъэ хабзэуэ ныфIебз

Магомет Криворукий, разгневавшись,

Ногайского хана старого из дому выводит

За юрту его заводит и

барану, на убой подаренному, подобно его режет

(95, 288, 292).

Среди других правил, соблюдаемых на войне, и норм, связанных с этим, были следующие: считалось большим позором попасть живым в руки врагов. Русские офицеры, участвовавшие в войне с горцами, отмечали, что очень редко удавалось брать черкесов в плен (47, 240).

И. Бларамберг писал о черкесах: «...когда они видят, что окружены, они сражаются отчаянно, дорого отдавая свою жизнь, и никогда не сдаются в плен» (28,40).

В то же время при опасности попасть в плен они никогда не прибегали к самоубийству, так как у черкесов традиционно было отрицательное отношение к самоубийству.

В связи с этим К. О. Сталь сообщал о черкесах: «Сдаться военнопленным есть верх бесславия и потому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин отдался в плен. Потеряв лошадь, он будет сражаться до последней возможности и с таким ожесточением, что заставит наконец убить себя» (122, 142).

Большим позором считалась потеря оружия. «Смерть наездника в бою - плач в его доме, а потеря оружия - плач в целом народе»,- гласила черкесская пословица (149, 21).

Если наездник погибал, товарищи должны были не допустить, чтобы противник завладел его доспехами. Поэтому во время войны часто завязывались отдельные сражения между теми, кто хотел снять доспехи с убитого воина, и теми, кто старался не допустить этого.

В безвыходных ситуациях, чтобы оружие не досталось врагам, черкесы приводили его в негодность. «Видя отрезанными все пути к спасению, - свидетельствовал Ф. Ф. Торнау,- они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкою на присошке, и отстреливались, пока было возможно; выпустив последний заряд, ломали ружья и шашки и встречали смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми» (127, 1992, №3, 18). Черкесские военные обычаи не допускали, чтобы тела погибших в сражении товарищей оставались в руках врагов.

Д. А. Лонгворт по этому поводу писал следующее: «В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших - о бедных останках мертвого, который уже не может чувствовать этой заботы. Если кто-либо из их соотечественников пал в бою, множество черкесов несется к тому месту за тем, чтобы вынести его тело, и героическая битва, которая затем следует,— явление такое же частое в сражениях черкесов, как и в старые времена на равнине у Трои,— зачастую влечет за собой ужасающие последствия...» (77, 569).

С уважением и заботой черкесы относились и к телам погибших врагов. Если не было возможности вернуть тело родственникам убитого, считалось благородным поступком предать его земле со всеми необходимыми условностями. Во время войн черкесов с другими народами, последние нередко требовали выкуп за тела погибших, если таковые оставались в их руках. «Тела погибших на войне выкупаются,-

сообщает Ф. Д. Монпере,- этим занимаются посланцы, которые приезжают обсуждать сумму выкупа за погибшего, предлагая в обмен быков, лошадей и другие предметы: здесь можно вспомнить Гомера, который описывает сцену выкупа тела Гектора» (89,452-253).

Во время междоусобных войн и столкновений среди самих черкесов тела погибших враждующие стороны не удерживали и возвращали беспрепятственно.

Хотя жизнь сделала черкесов чрезвычайно воинственными, они не стали из-за этого жестоким или кровожадным народом. Это отразилось и на их образе ведения войны. Т. Лапинский, три года живший среди черкесов и воевавший на их стороне, отмечал: «Адыг по натуре храбр, решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток» (75, 117). У них, по его свидетельству, «изувечение трупов, отрезание голов, ушей, рук, ног, убийства невооруженных, гнусности над женщинами, которыми ... сопровождается война, совсем неизвестны» (75, 32).

Сдавшиеся во время боя в плен пользовались у черкесов безусловной неприкосновенностью. Особые знаки внимания уделялись пленницам: их нельзя было вести пешком. Если среди пленников оказывались женщины, их везли только верхом, посадив сзади себя на круп коня.

Во время боя считалось зазорным нападать на безоружного или раненого, не могущего оказать сопротивление человека. Даже если кто-то и позволял себе подобное, его сравнивали с женщиной, говорили, что он не мужчина (142, 135).

Многие авторы, путешественники, описывавшие военный быт Черкесии, находили в нем много общего с военным бытом, особенностями ведения войны в Древней Греции времен Гомера или же с рыцарской системой раннефеодальных государств Европы. Действительно, военное искусство, особенности ведения войны черкесами в XVIII - XIX вв. содержали в себе много архаических элементов. Та же черкесская конница, хотя и была блестящим воинским формированием, тем не менее принадлежала к уходящей с исторической сцены военному искусству феодальной эпохи. Хан-Гирей писал по этому поводу: «Народ, живущий в вечной войне, казалось бы, должен сделаться большим знатоком в военном искусстве, однако черкесы, на войне взросшие и войною же воспитанные, лишь сделались неподражаемо воинственными, проворными, ловкими, терпеливыми и отважными, но вовсе или мало приобрели познания в военном деле» (136, 286).

Когда Хан-Гирей говорит, что черкесы «мало приобрели познания в военном деле», то он подразумевает прежде всего современное ему буржуазное военное искусство России, с ее превосходством тактических и стратегических приемов, использованием артиллерии и железной дисциплиной. Всего этого не могло быть в Черкесии с господствующими здесь феодальными отношениями. От социально-экономической структуры общества, как известно, зависит и ее военная структура, особенности военной тактики и стратегии.

В таком обществе эталоном воина оставалась не столько дисциплинированность, сколько романтическая рыцарская удаль (87, 175).

Эту особенность отмечал и Хан-Гирей: «В минуту сражения исчезают все распоряжения в войске черкесском: кто хочет, тот дерется, приказания старшины уже не действуют, а увещаниям их покорствуют только дворяне. Этому главнейшей причиной служит предрассудок, будто бы славнее сражаться лично и оказывать храбрость, нежели, распоряжаясь, содействовать существеннее общему успеху» (136, 288).

Воины во время битвы старались превзойти друг друга в храбрости. Этот мотив часто повторяется в историко-героических песнях.

«В памятный день этой битвы соперничают друг с другом в храбрости двое Шабляевых»,- поется в одном из куплетов черкесской песни, посвященной нападению натухаевцев на русскую крепость (131, 90). Во время битвы знатные воины не только соперничали между собой в проявлении удали, но и старались найти себе на поле битвы более достойных соперников. Как повествует эпос, легендарный Андемиркан, «вступив в битву выбирал заметные тавры» (130, 63).

В другом черкесском предании о герое сообщается: «Он укладывал метким выстрелом выделявшихся из сильного войска наездников» (16, 166).

Каждый знатный воин думал не только о красоте своего подвига, но и о достойной смерти. Поэтому для них не безразлично от чьей руки они погибнут, желательно, чтобы это был такой же храбрый, достойный рыцарь.

Герой старинной историко-героической песни XVI в. Ешаноко Озырмес перед смертью вспомнил слова, сказанные им матери: «В те поры как меня доконают, такой же герой, как я, мне подушкою будет». Действительно, когда к смертельно раненому Озырмесу подбежал

знатный кумыкский воин, чтобы прикончить его, находчивый Озырмес неожиданным вопросом отвлек внимание врага, вытащил лук из-под бедра и выстрелом из него убил противника, подтащил труп к себе, положил под голову и умер.

И куэм зы шэ къыщIихи,

И бзэ ныбэ зэхуипш,

И бгъэ гупэм тригъахуи,

Шы пхэщIымкIэ иригъэхуэхщ.

ЩIалъэIабэ зэрелъэфалIэ,

Хуэдэ нарт и пIэщхъэгъу

Дуней нэхум ехыжар

ЕшIэнокъуэ Озырмэсщ.

Из-под бедра своего стрелу [Озырмес] вытащил,

Тетиву свою натянул,

На грудь ему угодил,

Свалил его [врага] с крупа лошади

Притянул его к себе руками

Себе подобного нарта подложив под голову,

Сошел с белого света

Ешаноко Озырмес

(18,46-47).

Жажда славы, желание первенствовать во всем, прежде всего в проявлении рыцарской отваги и ловкости, сделали чрезвычайно популярными у черкесов рыцарские поединки. Такие поединки, часто

предварявшие сражения во время междоусобных войн, должны были решать спор двух известных наездников: кому из них принадлежит первенство в ловкости и храбрости (47, 199). Поединок обычно заканчивался неминуемой смертью одного из противников, потому что победитель в любом случае мог поступить с побежденным как с убитым, т. е. снять с него оружие и доспехи. Подобное обстоятельство для побежденного было связано с таким бесчестьем, что он предпочитал верную смерть. По черкесским обычаям, отнятие у человека оружия равносильно лишению чести.

Возможно, рыцарские поединки имели под собой древние архаические корни, уходящие в эпоху первобытного общества. В то время, в период межплеменных войн, больше всех подвергались опасности быть убитыми лучшие представители той или иной племенной группы (как правило, вожди, знатные воины). В представлении людей той эпохи, убивая таких людей, убийца «мог овладеть не только силой, но и личностными чертами, признаками жертвы, в известном смысле превратиться в убитого, чтобы избежать мести с его стороны, ибо самому себе он не станет вредить» (59, 132).

Возможно, с этой мотивацией связан и обычай снимания доспехов и оружия с убитых в поединке воинов. С этой точки зрения становится понятным глубокий смысл поведения героев «Илиады» Гомера, когда древнегреческий воин обряжается в одежды повергнутого врага или же феодальный обычай пользоваться оружием убитого неприятеля.

До начала XVIII в. у кабардинцев бытовал и другой, связанный с поединками обычай, а именно - отрубания головы. Согласно фольклорным данным, головы отрубали не всем, этого удостаивались знатные рыцари после смерти, наступившей в результате поединка. По обычаю, голову убитого врага привозили с собой, привязав ее за ачэ (пучок волос на макушке головы) к путлищу седла. Обычай отращивания ачэ исчез вместе с обычаем отрубания головы в начале XVIII в., с утверждением у кабардинцев ислама.

По преданию, инициатором отмены этого обычая, воспринимавшегося к тому времени самими кабардинцами как «варварский», принадлежала известному политическому деятелю, философу и народному мудрецу Жабаги Казаноко (113, 122-127).

У некоторых групп причерноморских черкесов, а также у садзов обычай этот был распространен еще в первой половине XIX в. У абхазов мотивация этого обычая была следующая: если голову убитого врага

принести с собой и закопать так, чтобы никто не знал места захоронения, то душа убитого, по их представлениям, не могла мстить убийце.

Обычай отрубания головы бытовал в свое время у многих народов и носил, как правило, ритуальный характер. Так, у тлингитов «встречалась вера в то, что в особое небесное царство попадают души тех, чьи головы были отрезаны врагом. Такая смерть была престижной и, как правило, по изложенным выше причинам постигала только знатных людей» (34, Т. 1, 124).

В средневековой Японии обычай ритуального отрубания головы также считался почетным видом казни. Черкесы придавали большое значение самому моменту смерти: каждый воин стремился встретить ее так, чтобы вызвать похвалу окружающих. Позором считалось, например, быть раненным или убитым в спину. Такая смерть, по мнению черкесов, не могла считаться героической. Поэтому распространенный мотив, известный адыгским историко-героическим песням - дать убить себя, повернувшись лицом к врагу. В одной из них о погибшем герое сообщается:

Къэзыгъазэу зезыгъэукIыр

Нартыжъхэ фи Хъэжы дыщэрщ

Есэн жэрымкIэ зи хъэдэр къезыгъэхьыжыр

Нартыжъхэ фи Хъэжы цIыкIущ

Повернулся лицом и дал себя убить

Из Нартыжевых ваш Хаджи золотой

На скакуне Есенеевской породы чей труп привезли

Это Нартыжевых ваш Хаджи маленький

(18, 133).

Определенное различие делалось между убитыми огнестрельным и холодным оружием. В этом плане представляют интерес воспоминания одного из участников Русско-Кавказской войны Н. И. Лорера -

декабриста, участника событий 1825 г. на Сенатской площади, сосланного на Западный Кавказ. «Раз мы были у палатки Раевского, - вспоминал Н. И. Лорер, - когда к нему привели горского князя, приехавшего просить о выдаче тел убитых горцев» (88, 484).

Когда Раевский приказал выдать князю просимые тела соотечественников, лежавшие в куче, как дрова, Н. И. Лорер обратил внимание на одну странность в поведении горцев, грузивших трупы черкесских воинов. «Горцы отобрали тела убитых пулями: смерть от штыка они считают бесчестною». (88, 484). По мнению К. Х . Унежева, такая смерть считалась по обычаю недостойной ввиду бытовавшего мнения, что воин-черкес не имел морального права проигрывать в равном бою, и поскольку пулей можно было убить любого, даже самого храброго воина, постольку такого прощали (129, 144).

На поведение воинов во время сражений большое влияние оказывали такие особенности черкесского менталитета, как острое желание общественного признания и сильно развитый индивидуализм.

Об этом выразительно сказал в беседе с Хан-Гиреем известный шапсугский дворянин, неоднократно упоминаемый в русских исторических источниках Беслeней Абат: «А знаешь ли, наши черкесы, ей-богу, храбрее всех народов на свете и безрассуднее; никто их не посылает на войну противу их воли, а сами они спешат навстречу опасности, сражаются, умирают добровольно! Ранят ли их - нет награды; убьют - их семейства никто не призрит; за все, если скажут «храбрый» вот и награда для них! За это одно слово они идут навстречу верной гибели! У других народов совсем не то: там велят, там поневоле идут на войну; награды же так велики, что и трус сделается на время храбрым...» (137, 238).

Анализируя философию черкесского удальства, Б. Х . Бгажноков высказывает мнение, что в основе его лежит взгляд на бой, как на спектакль. «Существовал даже институт профессиональных наблюдателей за ходом подобных спектаклей. Это были народные и придворные музыканты, стихотворцы, певцы - джегуако. Без их участия не проходило ни одно сколько-нибудь значительное сражение. Черкесский воин ощущал себя актером. Но играл он не столько перед своими соратниками и даже не столько перед народными певцами, сколько через посредство последних - перед обществом, перед своей рефрентной группой. Вдохновение, торжество, упоение - такова доминанта сознания, актуальная на период битвы. Не случайно французский дипломат А. Григорьянц один из

разделов очерка о традиционной культуре адыгов назвал «Разбой есть праздник» (22, 169).

Действительно, черкесы относились к сражениям как к празднику, торжественному акту и готовились к ним соответственно. По словам Хан-Гирея, «черкесы в день сражения одеваются в самые лучшие одежды, которые вместе с блестящими их шлемами, кольчугами, стрелами и богатыми конскими сбруями представляют прекрасный, разнообразный и величественный вид, которым отборное их воинство отличается» (136, 288).

Перед началом сражения народные певцы - джегуако занимали места на холмах, деревьях и других возвышенностях местности, на которой должна была произойти битва. Наблюдая с высоты за ходом сражения, они отражали его затем в своих песнях. Т. Лапинский, ставший очевидцем одного из таких сражений, приводит следующее свидетельство: «Я видел весною 1857 г. во время сильной перестрелки на реке Адагум, как один такой бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых. Адыг больше всего на свете боится быть прозванным трусом в национальных песнях - в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране. Присутствие популярного барда во время битвы - лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость» (75, 123).

78-летний Жырчаго Гиса, участник двух войн, выразил свое мнение о природе мужества следующим образом: «Как я понимаю, мужество вытекает из чувства стыда. К слову, мы, группа товарищей, находимся на войне. Если даже я боюсь и желал бы покинуть сражение, я постесняюсь оставить своих товарищей. Даже если я погибну, я не оставлю своих товарищей. Поэтому я говорю: мужество происходит из стыда» (157).

Если развить эту мысль, то можно сказать, что мужество происходит из чувства страха. Адыги говорят: «Шынэ зымышIэм укIытэ ищIэркъым» - «Тот, кто не знает страха, не имеет и стыда».

Боясь позора, человек преодолевает естественное чувство страха и тем самым становится, способным проявить мужество.

Находясь в обществе, в котором храбрость прославляется и поощряется, а трусость порицается и наказывается, человек строит свое поведение в расчете на норму, которая принята в обществе, в его социальной среде.

Здесь он становится в некотором смысле «актером», играющим перед своей социальной группой и обществом.

Подобная мотивация, по свидетельству итальянского исследователя Ф. Кардини, была характерна и для поведения европейского средневекового рыцарства: «Все их действия публичны,- пишет он,- поэтому зависят от публики и не определяются индивидуальными намерениями и склонностями, а ориентированы на норму, принятую в соответствующей социальной среде. Поведение рыцаря строится в расчете на зрителей, он исходит из требований, предъявляемых ему заданной ролью: он предпочтет попасть в плен, но не будет спешить, покидая поле битвы, дабы никто не заподозрил его в трусости» (59, 313).

В этом отношении большой интерес представляет аналогичная мотивация поведения черкесских рыцарей средневековья. Героя кабардинского эпоса Ешаноко Озырмеса волнует прежде всего оценка действий, даже не своей, а чужой группы. Согласно преданию, во время одного из своих набегов в Дагестан, Озырмес захватил добычу и, оторвавшись от погони, возвращался в Кабарду. Но вдруг он неожиданно поворачивает, возвращается и затевает новое сражение, во время которого погибает.

ЖэрыгъэкIэ дыщыкIуэжкIэ,

ЕмыкIу I ыхъэ къыдатынщ ,- жиIэри

Ещ I энокъуэм тригъэзи ,

Зауэ быдэ къыщехъулIи ...

Бегом если буду возвращаться,

[они] долю стыда мне дадут [заподозрят в трусости],

- сказал Ешаноков,

вернулся и жестокое сражение начал

(8, 163).

Черкесское дворянство, девизом которого было «хабзэрэ зауэрэ» - «честь и война», выработало свой рыцарский моральный кодекс - так называемый «уэркъ хабзэ» («уэркъ»- рыцарь, дворянин; «хабзэ» - кодекс обычно-правовых, этикетных норм). Многие его положения, несомненно, вытекают из военного образа жизни и связанных с ним норм поведения. В качестве примера, аналогии такой культурной

модели, связанной с войной, можно привести средневековый японский кодекс чести самурая «Буси-до» («Путь воина»), с которым «уэркъ хабзэ» имеет некоторые параллели.

Жизнь черкесского рыцаря (дворянина) регулировалась с рождения и до смерти неписаным кодексом «уэркъ хабзэ». В основе этого кодекса лежало понятие «уэркъ напэ» (рыцарская честь). Не было никаких моральных или материальных ценностей, которые могли бы превалировать над этим понятием. Сама жизнь имела ценность только в том случае, если она была посвящена служению принципам «уэркъ напэ». У черкесов бытует много пословиц, посвященных этому, например: «Псэр щэи, напэр къэщэху» - «Жизнь продай, купи честь». Даже такие естественные чувства, как любовь или ненависть, должны были отступить на задний план перед необходимостью соблюдения закона чести в том виде, как его понимали черкесские дворяне.

В основе дворянского кодекса чести «уэркъ хабзэ» лежал общенациональный кодекс этикетных, моральных принципов, называемый «адыгэ хабзэ» (черкесский этикет).

В это понятие входили не только этикетные, моральные ценности, но также все нормы обычного права, регулировавшие жизнь черкеса от рождения и до смерти. Дворяне должны были быть эталоном в соблюдении «адыгэ хабзэ» - то, что прощалось простолюдину, не прощалось дворянину в смысле нарушения его норм. Само дворянское сословие не было замкнутым и пополнялось из среды крестьянства за счет тех, кто проявлял личное мужество во время войны и в совершенстве владел адыга хабза.

В то же время любого уорка, в случае нарушения им норм черкесского этикета, по обычаю могли лишить дворянского звания. Таким образом, звание дворянина накладывало на человека много обязанностей и не давало ему само по себе каких-либо привилегий.

Дворянином мог быть человек, ведущий соответствующий образ жизни и соблюдающий присущие данному званию нормы поведения. Как только

он переставал соответствовать тому месту, которое он занимал в обществе и соблюдать нормы, связанные с этим статусом, он сразу же лишался дворянского звания. В истории черкесов было немало случаев, когда лишали даже княжеского звания.

Князья, возглавлявшие дворянство, считались блюстителями и гарантами соблюдения черкесских обычаев. Поэтому с детства при их воспитании большое внимание уделялось не только военной подготовке, но в не меньшей степени изучению и усвоению ими норм адыга хабза. Князьям принадлежало исключительное право взымания штрафов за оскорбление достоинства, которые они могли наложить на любого подвластного, в том числе и дворянина. При этом под оскорблением княжеского достоинства понималось любое нарушение этикетных правил, совершенное, кем-либо в присутствии князя.

Так, например, пункт 16-й записей обычного права кабардинцев, сделанных Я. М. Шардановым, гласил: «Если подерутся два человека, чьи бы они ни были, в лице князя, на улице, во дворе, в доме, тогда зачинщик драки платит штраф князю, одну холопку за несоблюдение благопристойности к князю, что смели при нем драться» (86, 290).

Причиной штрафа могло стать любое проявление неуважения к черкесскому этикету, например, неприличное слово или выражение, особенно в обществе женщин.

Кстати, княжна имела такое же право наказывать женщин, в том числе дворянок, наложением штрафа.

Штрафы обычно заключались в определенном количестве быков, которые немедленно изымались из хозяйства провинившегося человека в пользу князя. Для исполнения этих полицейских функций при князьях постоянно находились так называемые бейголи. Сословие бейголей пополнялось за счет крепостных крестьян, так как не только для дворян, но и для свободных крестьян выполнение подобных функций считалось предосудительным. Адыгский этикет - «адыгэ хабзэ», как уже отмечалось, лежал в основании, являлся фундаментом так называемого «уэркъ хабзэ» - дворянского этикета. Уорк хабза отличался более строгой организацией, требовательностью к своим носителям. Кроме того, в нем нашли отражение нормы взаимоотношений внутри господствующего класса, в частности, нормы, регулирующие взаимоотношения сюзерена и вассала. В XVIII - XIX вв. у черкесов произошло разделение по принципу политического устройства на две категории: «аристократические» и «демократические». К первым относились кабардинцы, бесленеевцы,

темиргоевцы, бжедуги и некоторые другие этнические подразделения, у которых во главе феодальной иерархии стояли князья. У шапсугов и абадзехов князей не было, а были только дворяне, которые в результате так называемого «демократического переворота» потеряли свои политические привилегии. Тем не менее, в плане соблюдения тех многочисленных и щепетильных отношений, которые отличали черкесский этикет, шапсуги и абадзехи были такими же «аристократами», что кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы и. другие. Обычаи, манеры, костюм, оружие и конская сбруя черкесов стали для ближайших их соседей образцом для подражания. Они настолько были сильно подвержены рыцарско-аристократическому влиянию черкесов, что господствующие слои соседних народов посылали своих детей к ним на воспитание для усвоения ими черкесских манер и образа жизни (55, 223).

В совершенствовании и пунктуальном соблюдении уорк хабза особенно преуспели кабардинцы, которых некоторые исследователи называли «французами Кавказа». «Благородный тип кабардинца, изящество его манер, искусство носить оружие, своеобразное умение держать себя в обществе действительно поразительны, и уже по одному наружному виду можно отличить кабардинца» - писал В. А. Потто (105, Т. 2, 345).

К. О. Сталь в своей работе отмечал: «Большая Кабарда имела огромное влияние не только на все черкесские народы, но и на соседних осетин и чеченцев. Князья и дворянство кабардинское славились своим наездничеством, храбростью, щегольством в наряде, вежливостью в обхождении и были для прочих черкесских народов образцом для подражания и соревнования» (122, 100).

Рыцарский кодекс уорк хабза можно условно разделить на несколько ключевых установок, включающих в себя следующие понятия:

1. Верность. Это понятие подразумевало, прежде всего, верность своему сюзерену, а также своей сословной группе. Дворяне служили князьям из поколения в поколение.

Смена сюзерена бросала тень на репутацию как той, так и другой стороны и считалась большим позором.

Дворяне сохраняли верность своему князю, даже если последний терпел поражение в междоусобной борьбе и переселялся к другим народам. В таком случае они сопровождали князя и вместе с ним покидали родину. Правда, последнее обстоятельство вызывало недовольство народа и дворян пытались удержать от переселения. Во время боя дворяне дрались

каждый возле своего князя и если князь погибал, они должны были вынести его тело с поля битвы или погибнуть.

Понятие верности включало также в себя преданность своим родственникам и уважение к родителям. Слово отца было законом для всех членов семьи, точно также младший брат беспрекословно слушался старшего. Дворянин был обязан поддерживать фамильную честь и мстить каждому, кто покушался бы на жизнь и честь членов его фамилии.

2. Вежливость. Это понятие включало в себя несколько положений:

- Уважение по отношению к вышестоящим в социальной иерархии.

По понятиям черкесов уважение, независимо от разницы положения в социальной иерархии, должно быть взаимным. Дворяне служили своему князю, оказывали ему определенные знаки почтения. Самые низшие категории дворянства, так называемые пшичеу, будучи телохранителями и оруженосцами князя, прислуживали ему ежедневно в домашнем быту. При этом, по словам Н. Дубровина, «по большей части, с обеих сторон соблюдались утонченная вежливость и взаимное уважение» (47, 176-177)

- Уважение к старшим по возрасту.

Каждому человеку старшего возраста необходимо было оказывать знаки внимания, положенные по черкесскому этикету: вставать при его появлении и не садиться без его разрешения, не говорить, а только почтительно отвечать на вопросы, выполнять его просьбы, прислуживать во время трапезы за столом и т. д. При этом все эти и другие знаки внимания оказывались вне зависимости от социального происхождения. Ф. Торнау в связи с этим сообщал следующее: «Лета у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кратко и почтительно отвечать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь. Даже старый невольник не совсем исключен из этого правила. Хотя дворянин и каждый вольный черкес не имеют привычки вставать перед рабом, однако ж, мне случалось нередко видеть, как они сажали с собою за стол пришедшего в кунацкую седобородого невольника» (127, 1992, № 2, 39)

- Уважение к женщине.

Это положение означало, прежде всего, уважение к матери, а также уважение к женскому полу вообще. Каждый рыцарь считал за честь выполнить просьбу девушки или женщины, что нашло отражение в непереводимой черкесской пословице: «ц I ыхубз пшэрыхь хущанэ». Это выражение имеет несколько смысловых оттенков, одно из которых означает невозможность для мужчины не уважить просьбу женщины. Большим позором считалось обнажить в присутствии женщины оружие или же, наоборот, не вложить его тотчас в ножны при ее появлении.

Если дворянин в присутствии женщины позволил себе нечаянно неприличное слово, то, по обычаю, он должен был загладить свою вину преподнесением ей какого-либо ценного подарка.

Женщина у черкесов не могла быть ни объектом, ни исполнителем кровной мести. Посягательства на жизнь женщины черкесам были неизвестны (1 65).

Большим позором считалось для мужчины, в том числе и для мужа, поднять руку на женщину.

«У черкесов,- сообщает Хан-Гирей,- обхождение мужа с женою также основывается на строгих правилах приличия. Когда муж ударит или осыплет бранными словами жену, то он делается предметом посмеяния...» (136, 274).

Покушение на честь матери, жены или сестры в понятии черкесов были самым сильным оскорблением, которое можно нанести мужчине. Если дела об убийствах можно было путем выплаты цены крови уладить, то подобные посягательства на честь женщины обычно заканчивались кровопролитием.

- В понятие вежливость входило уважение к любому человеку вообще, в том числе незнакомому. Природа этого уважения была, по всей видимости, порождена как и у всех наций, создавших этикет, двумя основными факторами: во-первых, тот кто оказывал уважение и знаки внимания другому человеку, имел право требовать с его стороны такого же отношения; во-вторых, каждый человек, будучи постоянно вооружен, имел право для защиты своей чести применить оружие. Многие авторы и путешественники, побывавшие на Кавказе, справедливо полагали, что та вежливость и уважение, которые были характерны для повседневных взаимоотношений черкесов, были в определенной мере порождены той «умиротворяющей» ролью, которую играло всеобщее вооружение народа.

Надо отметить, что для черкесов и созданного ими этикета был абсолютно чужд социальный сервилизм - весь их этикет был основан на сильно развитом чувстве личного достоинства. Это обстоятельство отметил и Д. А. Лонгворт, который писал: «Однако эта смиренность, как я вскоре обнаружил, сочеталась в них с полнейшей независимостью характера и основывалась, как и у всех наций, склонных к церемонностям, на уважении к самому себе, когда другим тщательно отмеривается та степень уважения, которую требуют и для себя» (77, 531).

Даже князья, стоявшие во главе феодальной иерархии, не могли требовать от своих подвластных чрезмерных проявлений знаков внимания, сопряженных, с одной стороны, с личным самоуничижением, а с другой, вознесением, чинопочитанием княжеского достоинства.

В истории черкесов были случаи, когда чрезмерная гордость и тщеславие отдельных князей восстанавливала против них не только других князей, но и весь народ. Обычно это приводило к изгнанию, уничтожению или же лишению княжеского достоинства подобных людей.

Так произошло, например, с кабардинскими князьями Тохтамышевыми, которых на общенародном собрании лишили княжеского звания и перевели в сословие дворян I-й степени («дыжьыныгъуэ») (69, 17).

У кабардинцев был такой обычай: если по дороге ехал князь, то встретившийся с ним должен был разворачиваться и сопровождать его до тех пор, пока тот его не отпустит (Впрочем, это правило необходимо было соблюдать по отношению к каждому старшему по возрасту человеку. По отношению к князьям оно соблюдалось независимо от возраста).

Так вот, князья Тохтамышевы в своей заносчивости и тщеславии дошли до того, что заставляли поворачивать и следовать за ними по нескольку верст тяжело груженные арбы крестьян.

В конце XVII или начале XVIII в., по сведениям Я. Потоцкого, в Кабарде произошло уничтожение княжеского семейства Чегенукхо. «Генеалогия говорит единственно, что семейство было уничтожено по причине своей гордости: но вот что по этому поводу сохранилось в преданиях. Главы этого семейства не допускали, чтобы другие князья садились раньше их. Они не разрешали, чтобы лошадей других князей поили водой тех же речек, или, как минимум, выше по течению того места, где поились их собственные лошади. Когда им хотелось вымыть руки, они приказывали молодому князю держать перед ними таз. Они считали выше своего достоинства посещать «поки» (ПэкIу - собрание (кабард.), или собрания

князей. И вот что из всего этого вышло. На одном из таких всеобщих собраний они были осуждены на уничтожение. Судьи взяли на себя роль исполнителей приговора, ими же вынесенного» (112, 230-231)

В «Кратком историко-этнографическом описании кабардинского народа», составленном в 1784 г., об этом же событии сообщалось: «Поколение же сие было в Кабарде во особливом уважении. Старший из онаго составлял род самовластного владельца, но в конце прошлаго века по ненависти к нему других князей, не терпя его гордости, учинен был заговор, и истребили сие колено даже до младенца» (54, Т. 2, 359-360).

Особенностью менталитета черкесов было уважение личного достоинства и личной свободы и связанный с ними ярко выраженный индивидуализм. Это, по-видимому, было одной из причин того, что демократизм был в высшей степени характерен для их политического устройства и здесь было мало предпосылок для установления тирании или диктатуры. Этот демократизм проявлялся даже в военной сфере. В частности, Ф. Ф. Торнау по этому поводу писал: «По черкесским понятиям... мужчина должен обдумывать и обсуживать каждое предприятие зрелым образом, и если есть у него товарищи, то подчинять их своему мнению не силою, а словом и убеждением, так как каждый имеет свою свободную волю» (1 27, 1 99 1 , № 2, 1 5).

Несмотря на существование развитой сословной иерархии, чинопочитание в высшей степени претило свободному духу черкесов. Один из героев рассказа А. Г. Кешева неприятие этого, образно выражаясь «падишахства», выразил следующим образом: «Достоинство и хорошее происхождение везде в почете - против того и спора нет, но ни в коем случае не должно им поклоняться, сносить от них всякие обиды. Дворянский обычай указывает каждому черкесу приличное ему место, дает знать, что можно ему делать и чего нельзя. Тому нет места между адыгами, кто захочет стать выше всех, кто пожелает поставить волю свою законом для других. Такого человека всякий заметит, всякий будет стремиться как бы подрезать ему крылья. И будь он силой равен хоть грому, имей на плечах своих сто голов, рано или поздно, а сломит себе шею» (55, 148-149).

В понятие вежливости входили такие нормы уорк хабза, как запрет ругани, брани, рукоприкладства и других форм проявления вражды, достойных, по мнению уорков, только плебеев (21, 99).

Это правило нашло отражение в народной пословице; «Хьэ джафэ банэркъым, уэркъ хъуанэркъым» - «Гончая не лает, дворянин не

ругается». С. Броневский сообщает: «Черкесы грубых и ругательных слов не терпят; в противном случае Князья и Уздени равнаго себе вызывают на поединок, а незнатного человека нижней степени или простолюдина убивают на месте. Кабардинцы всегда наблюдают в обращении между собою вежливость, чинопочитанием соразмеряемую; - и сколь ни пылки в страстях своих, стараются умерять оныя в разговоре...» (29, 132).

Более того, по свидетельству Хан-Гирея, «достойно замечания то, что все эти обряды вежливости соблюдаются и тогда, когда князья и дворяне друг друга ненавидят, даже и тогда, когда они бывают явные враги, но ежели им случится встретиться в таком месте, где законы благопристойности удерживают их оружие в бездействии, например, в доме князя или дворянина, в присутствии женщин, на съездах дворянства и тому подобных случаях, где приличия воспрещают обнажить оружие, и самые враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услужливости, что называется дворянская (то есть благородная) неприязненность или вражда, но затем эти враги являются самыми свирепыми кровопийцами там, где они могут свободно обнажать свое оружие, и тем более вежливость их делает им честь, и народ питает к ним большое за то уважение» (136, 277).

Не только брань или ругань считались неприличными, но даже разговаривать на повышенных тонах, поддавшись эмоциям, было для представителей высших сословий непозволительным. «Черкесский дворянин бравировал своей вежливостью,- писал Н. Дубровин,- и стоило только разгорячившегося узденя, забывшего приличие и вежливость, спросить: ты дворянин или холоп? - чтобы, напомнив его происхождение, заставить его переменить тон из грубого в более мягкий и деликатный» (47, 177).

Болтливость также считалась неприличной, особенно для князя. Поэтому при приеме гостей «...всегда один из дворян должен был занимать гостей разговором, потому что самому князю декорум не позволял, чтобы он много говорил» (25, 518).

Темиргоевские князья ввели даже следующее обыкновение: «...они вообще при важных переговорах с соседними ли народами или во время распрей междоусобных, сами не входят в словопрения, а их дворяне, которым вверяют дела, объясняются в присутствии князей». Хан-Гирей называет это обыкновение прекрасным, «...ибо оно, удерживая тяжущиеся лица, так сказать, от исступления, в которое нередко впадают при сильных прениях, сохраняет тишину на съездах» (136, 175).

- К понятию вежливости можно отнести и такое качество, как скромность. Н. Дубровин писал: «Храбрые по природе, привыкшие с детства бороться с опасностью, черкесы в высшей степени пренебрегали самохвальством. О военных подвигах своих черкес никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным. Самые смелые джигиты (витязи) отличались необыкновенной скромностью; говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить место и замолчать в споре; за то на действительное оскорбление отвечали оружием с быстротою молнии, но без угрозы, без крика и брани» (47, 55).

Действительно, у черкесов бытует много пословиц и поговорок, прославляющих скромность и порицающих хвастовство: «Щхьэщытхъурэ къэрабгъэрэ зэблагъэщ» - «Хвастун и трус - родственники». «ЛІы хахуэр утыкум щощабэри, лІы щабэр утыкум щокІий» - «Храбрый муж становится на людях мягкий [ведет себя скромно], трусливый на людях становится крикливым». «Уэркъ ищІэ иІуэтэжыркъым» - «Дворянин не похваляется своими подвигами». Особенно неприличным считалось по черкесскому этикету хвалиться своими подвигами в присутствии женщин, что нашло отражение в пословице: «ЛІым и лІыгъэр лэгъунэм щиІуатэркъым» - «Мужчина не распространяется о своих деяниях в обществе женщин». По мнению черкесов, о храбрости человека должны говорить люди, но не он сам: «УлІмэ, уи щхьэ ущымытхъу, уфІмэ, жылэр къыпщытхъунщ» - «Если ты мужчина - не хвались, если ты хорош - люди тебя похвалят».

Право увековечивания и прославления подвигов героя принадлежало исключительно народным певцам-джегуако. Как правило, это делалось после смерти героя сочинением в его честь величальной песни. Когда дворянина просили рассказать о каком-нибудь событии, то он, по обычаю, в своем повествовании старался опустить те места, в которых сообщалось о его действиях в данной ситуации или же, в крайнем случае, говорил о себе в третьем лице, дабы его не заподозрили в нескромности. Вот что сообщает об этом знаток адыгского фольклора Кардангушев Зарамук: «В старину черкесы считали позором, когда о свершенном человек говорил: «со мной случилось», «я сделал». Это было непозволительно. «Я ударил», «я убил» и т. д. - настоящий мужчина о себе никогда не скажет. В крайнем случае, если ему придется рассказывать о каком-нибудь случае, он скажет: «В руке находящееся ружье выстрелило - мужчина упал». Вот так он будет рассказывать, как будто его дела в том нет и все произошло само собой» (158).

В апреле 1825 г. царскими войсками был уничтожен аул беглого кабардинского князя Али Карамурзина. Когда князя Атажукина Магомеда (ХьэтIохъущокъуэ Мыхьэмэт Iэшэ) попросили рассказать, каким образом он отомстил одному из виновников гибели аула, предателю Шогурову, он ответил кратко: «Ержыбыжьыр гъуэгъуащ, Шоугъурыжьыр гъуэгащ» - «Ереджиб старый прогремел, Шогуров подлый заревел» (Ержыб - марка кремнивого кавказского ружья, названная по имени мастера) (147, 29).

3. Мужество. Понятие мужества включало в себя такие положения как:

- Храбрость. Это качество было обязательным для уорка, оно было неразрывно связано с его статусом. Трусость, в свою очередь, несовместима с положением свободного человека, а тем более дворянина. Если трусость проявил крестьянин, то за это его безусловно осудили бы, но ниже занимаемого им в социальной иерархии места его нельзя было опустить. В отличие от него, уорк, проявивший трусость, лишался дворянского звания. Рыцарь, уличенный в трусости, подвергался гражданской смерти, которую, как нам сообщил Яхтанигов Хасан, адыги обозначали термином «унэ дэмыхьэ, хьэдэ имых» (буквально: к кому не входят в дом, в чьих похоронах не участвуют) (165). С таким человеком переставали общаться друзья, ни одна девушка не вышла бы за него замуж, он не мог принимать участие в народных собраниях и вообще в политической жизни своего народа, общины.

Для всеобщей демонстрации народного презрения в старину, по свидетельству Ш. Б. Ногмова «уличенных в трусости выводили перед собранием в войлочном безобразном колпаке для посрамления и налагали пеню ценою в пару волов» (101, 66).

По другим данным, этот колпак носила мать провинившегося, пока он каким-либо подвигом не искупал своей вины. Этот войлочный «колпак труса» назывался «пIынэ». В фольклоре упоминается также специальное платье - «къэрабгъэ джанэ» (рубашка труса), которое выполняло аналогичную функцию.

Воин, проявивший трусость, мог искупить свою вину перед обществом только свершением подвига или же своей смертью. До этого же времени вся его семья пребывала как бы в трауре. Жене опозоренного воина окружающие выражали сочувствие, в знак которого высказывалось благопожелание: «Уи лIым и напэр Тхьэм хужь ищIыж» - «Честь твоего мужа Бог да восстановит» (21, 54).

- Твердость и хладнокровие. Это положение подразумевало, что уорк в любой ситуации должен был сохранять самообладание, быть невозмутимым, никогда не поддаваться панике и страху. Сохранилось фольклорное свидетельство о том, как уорки Кармовы были понижены в сословной иерархии переводом из I-степенных дворян (дыжьыныгъуэ) в сословие 2-степенных дворян (беслъэн уэркъ). Вот что фольклор сообщает об этом: «Къармэхэ жьындум къигъащтэри, лIакъуэлIэшым къыхадзыжащ» - «Кармова сова испугала, за это из тлякотлешей его исключили». (8,84).

Хотя фольклорная версия носит больше анекдотический характер и скорее всего не является исторически достоверной, тем не менее, такая постановка любопытна сама по себе. Действительно, согласно историческим свидетельствам и некоторым фольклорным данным, Кармовы были дворянами I-й степени, но не тлякотлршами, а дижинуго и действительно были переведены в сословие 2-степенных дворян. Причиной же послужило то, что они отказались убить находившихся у них на постое крымских воинов и помогли им бежать во время их всеобщего избиения. Как сообщают предания, Кармовы поступили так не из трусости, а по причине родства (их дочь была замужем в Крыму). После разгрома и уничтожения крымско-татарского войска на народном собрании кабардинцы и приняли, по всей видимости, это решение.

- Терпеливость и выносливость.

Эти качества воспитывались в дворянине с раннего детства. Истинный рыцарь - уорк должен был быть сильнее своих естественных человеческих слабостей. Считались позором и подвергались осуждению жалобы на усталость, недомогание, холод, жару, голод и даже всякое упоминание о вкусной и здоровой пище (21, 101).

У черкесов существует много преданий, описывающих и восхваляющих стойкость и терпеливость. Так, говорят, Андемиркан, начавший наездническую жизнь с I5 лет, имел следующее обыкновение: когда ему выпадало быть в карауле или стеречь лошадей, он даже зимой, в самый лютый мороз, проводил всю ночь стоя на одном месте и не смыкая глаз. За это ему дали прозвище «чэщанэ» - башня.

Одним из первых достоинств молодого человека у черкесов считались стойкость и терпеливость в перенесении страданий - «Равнодушие, с которым они переносили боль, доходило до такой степени,- писал Н. Дубровин,- что в этом случае легко было узнать между ними европейца, который мог быть столько же бесстрашен, как и черкес, но никогда не мог

сравниться с ним в терпеливости» (47, 88). Об этом свидетельствовал и А. Фонвиль - европеец, непосредственный участник и очевидец военных действий на Северо-Западном Кавказе в 1863-1864 гг. Он, в частности, писал: «Страдания от ран черкесы переносили с необыкновенною твердостью; даже тяжело раненые не выражали громко своих страданий, стараясь показать вид, что они ничего не чувствуют; они без малейших предосторожностей предавались своим обычным работам, и на предложение наше не утруждать себя и отдохнуть, они всегда отвечали, что это ни к чему не может послужить и что они гораздо лучше сделают, так как им уже суждено от Бога умереть, если они не будут идти против его предопределения» (132, 386).

Альтруизм - пренебрежение собственными интересами, был присущ отдельным положениям уорк хабза (164). Этот принцип можно проиллюстрировать на конкретном историческом примере, описанном Хан-Гиреем. В позднее осеннее время партия наездников была застигнута в Донских степях сильным бураном. Вдруг ударили сильные морозы, и наездники, большинство из которых было легко одето, испытывали жестокие муки. «Наездники не вдруг решили бросить добычу и спасаться: они старались превзойти друг друга в твердости и терпении, гнали захваченных лошадей, но бедные животные кружились, толпились в кучу и их принуждены были бросить. Пока у черкесов были седла они могли еще хоть раз в сутки согревать себя огнем от зажигаемых арчаков; но когда и это спасительное средство исчезло, когда мороз и метель увеличились и уже не одного товарища недосчитывались, или замерзшего, или бежавшего, в надежде на свою лошадь и теплую одежду...» (137, 196). Семь человек из партии спаслись и, вернувшись на родину, рассказали о страдальческой кончине своих товарищей. Те же, кто бежал, оставив своих спутников, покрыли себя позором. Последними были нарушены принципы уорк хабза, а именно:

- принцип, «повелевающий уступить последнее более нуждающемуся» (137, 196).

- принцип, предписывающий делиться со своими товарищами (спутниками) всем, что «приобретено вместе, дурно ли, хорошо ли оно» (16, 154).

Альтруизм уорк хабза проявлялся даже в таких простых ситуациях, как прием пищи, и здесь, по поведению и действиям человека легко было отличить дворянина. Допустим, перед кем-либо поставили и предложили отведать разделанный арбуз. Только по тому, какую часть взял тот или

иной человек, можно было определить его социальное происхождение. Если кто-то выбрал середину арбуза, что вполне естественно, так как эта часть более вкусная, то об этом человеке сразу же можно было сказать, что он простолюдин или плохо воспитан. Дворянин, если ему предложат выбирать, никогда не возьмет себе лучшую часть, будь то арбуз или куски мяса, а будет брать с краю, то, что ближе к нему (164).

Следование принципам дворянской чести требовало от уорка умения контролировать свои естественные эмоции и чувства. В этом отношении любопытно отношение черкесских рыцарей к женщине и любви вообще. С одной стороны, они по-рыцарски превозносят женщин, выполняют их желания, совершают ради них подвиги, дабы добиться их расположения, а с другой, они чрезвычайно сдержаны в проявлении чувств к противоположному полу, более того, они организуют свою жизнь так, чтобы быть как можно реже под их «расслабляющим» влиянием.

Своеобразное отношение черкесов к слабому полу выразил один известный своим мужеством и подвигами наездник, который на вопрос, почему он не женился на известной своей красотой девушке, отвечал; «Я не хочу, чтобы меня только по жене моей знали» (64, 274).

Принадлежность к сословию уорков накладывала на человека много ограничений; обрекала на жизнь, полную тягот и лишений, проводимую в сражениях, набегах и поединках. О них в адыгских историко-героических песнях сказано: «Губгъуэ зи унэ, зауэ зи хабзэ» - «Поле чей дом, война чей обычай». Черкесский рыцарь-наездник, как отмечал А. Г. Кешев, «постоянно жаждал приключений, опасностей, отыскивал их всюду, где только рассчитывал натолкнуться на них. Он не любил засиживаться дома, в своем околотке. Дым родной сакли, жена, дети, родные - все это, по его понятиям, было создано нарочно для искушения его железного духа коварными обольщениями, для того, чтобы опутать слабое сердце заманчивыми узами любви, неясности и ласки. Чувствуя всю опасность подобной обстановки для своей репутации, он избегал ее всеми силами, старался почаще отрываться от нее. Он сознавал себя больше человеком и мужем, когда изголовьем служило ему вместо мягкой подушки жесткое седло, постелью - бурка, когда вместо искорок, поднимающихся сквозь широкое отверстие трубы от костра на родном очаге, его взор следил за таинственным течением светил по необъятному своду неба» (55, 226).

4. Простота. Уорк хабза среди прочих ограничений, исключало стремление к роскоши, жажду наживы, любовь к комфорту, сооружение благоустроенных жилищ.

Б одном из рассказов А. Г. Кешева приводится нетипичный, даже для второй половины XIX в., тип черкесского князя. Этот князь, которого звали Теперуко, был достаточно богат, но совершенно не пользовался уважением в своей среде из-за своего равнодушия к наездничеству и военной славе. Дом же его, вопреки обычаям и по черкесским понятиям, был наполнен чрезмерной роскошью. «Если справедливо поверье,- говорится в рассказе,- будто души умерших по каждым пятницам витают в сакле потомков, то я уверен, что предки Теперуко с глубоким негодованием отказались бы от подобного путешествия. Так много было в сакле его вещей, невидимой цепью оковывающих железную мощь черкесского духа» (64, 279).

П. С. Потемкин, описывая в 1784 г. быт кабардинцев, сравнивал его с образом жизни древних спартанцев. «Рыцарство есть предмет славы каждого,- писал он,- и роскошь еще не вкралась в сердца этого народа. Злато и серебро ставят они ни во что или за весьма мало, напротив того, всякие доспехи и оружие ставят за драгоценное» (54, Т. 2, 361).

По мнению черкесов, для того, чтобы сохранить честь, человек должен быть свободен. Зависимость или чрезмерное пристрастие к чему-либо (богатству, спиртному, женщинам и т. д.) рано или поздно приведут человека к потери чести. В то же время черкесы не были ханжами и придерживались того правила, что мужчина, образно выражаясь, может все испробовать, но не должен ни к чему пристраститься. Потому считалось предосудительным молодым людям увлекаться спиртным, частыми застольями, азартными играми и т. д.

В основе привилегированного положения черкесских князей и дворян лежала их узкая военная специализация и превосходство в военной сфере. Черкесские князья и дворяне должны были быть гарантами национальной независимости, поэтому сам народ не хотел, чтобы они занимались чем-либо, кроме войны и военных предприятий. Именно с этим, видимо, был связан запрет на роскошь и занятие торговлей, существовавший в Черкесии для высших сословий.

Хан-Гирей по этому поводу писал: «Конские заводы, равно и овцеводство, могли бы приносить значительные доходы владельцам, об них пекущимся... если бы народный предрассудок, ко вреду края так сильно вкоренившийся, позволял высшему классу продавать лошадей и вообще скот, но так как от торговых оборотов извлекать себе пользы почитается постыдным для высшего класса, то доходы от хлебопашества и скотоводства ограничиваются обеспечением семейств князей и дворян...

Из... этого описания, кажется, ясно видим, сколько доходы князей... в сущности, маловажны, но, тем не менее они, не зная другого недостатка, кроме важнейших необходимостей в жизни, не ища ничего, кроме известности в наездничестве, похвалы народа, и мечтая о важности своего происхождения, довольны своим состоянием...» (136, 254-255).

5. Правдивость. В это понятие входило прежде всего такое положение уорк хабза, как верность данному слову. Не сдержать обещания считалось поступком, роняющим честь и потому недопустимым для дворянина. У черкесов есть много пословиц, посвященных этому:

- «Уэркъ и псалъэ епцIыжыркъым» - «Дворянин верен данному слову»;

- «УлIмэ улIэнуми уи псалъэр гъэпэж» - «Умри, но слово сдержи»;

- «Уэркъ и пIалъэ епцIыжкъым» - «Дворянин верен назначенному сроку».

Дабы не уронить честь, рыцарь должен быть осторожным: давать слово кому-либо «должно с полной уверенностью, что сдержишь его» (55, 149).

Хитрость, лесть, раболепство - все это могло быть свойственно людям несвободным, но никак не дворянину. Хан-Гирей в связи с этим сообщает: «По их мнению, хвалить человека в глазах его есть гнусное лицемерство. Постоянство в поведении и твердость в данном слове почитают величайшими достоинствами человека. Напротив того, двуличие - гнуснейшей низостью» (136, 278).

6. Человечность. Это качество для рыцаря считалось таким же обязательным, как и храбрость. Более того, по мнению черкесов, эти два качества взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга.

Чувство личной уверенности в жизни, вес и уважение в обществе, человеку давали не одна грубая физическая сила и храбрость, а прежде всего соблюдение норм «адыгэ хабзэ». В системе принципов «адыгэ хабзэ» понятие человечности занимало одно из ключевых позиций.

Физическая сила, храбрость, умение в совершенстве владеть оружием - все это необходимо рыцарю, чтобы защитить свою честь и честь окружающих, нуждающихся в его защите и покровительстве. К тем людям, которые пренебрегали принципами человечности и делали из силы культ, черкесы относились с презрением. Обычно таким людям говорили пословицу: «Выри лъэщ дыдэщ, ауэ къаубыдри щIащIэ» - «Бык очень силен, однако его ловят и запрягают».

Адыгское дворянство, как отмечал А. Г. Кешев, «не довольствовалось, однако, репутацией воина бесстрашного, смелого, предприимчивого, испытанного всякого рода лишениями и невзгодами, но метило гораздо дальше, добивалось вместе с тем славы благородного, великодушного рыцаря» (55, 223).

Человечность обязывала щадить самолюбие окружающих, помогать страждущим, особенно сиротам, вдовам, старикам. Смысл адыга хабза - поддержание личного достоинства человека. Поэтому им осуждается унижение человеческого достоинства, произвол сильного над слабым. Считалось неприличным оскорблять или же говорить на повышенных тонах с людьми пусть даже низкого социального статуса (21, 100).

Настоящий рыцарь должен был не только сам проявлять к людям гуманность, но и защищать каждого, кто просил о помощи и нуждался в ней.

«Справедливость требует сказать... - писал Хан-Гирей,- что бескорыстное соблюдение приличия производит иногда у черкесов поступки истинно великодушные. Молодой дворянин, или какого ни было бы звания воин, готовый пожертвовать собой для славы, догоняет неприятелей, сделавших неожиданный набег, и, несмотря ни на число их, ни на опасность, бросается на них, дерется и получает смерть или тяжелую рану. В случае смерти его первый благородный человек, нашедший тело, по предании его земле на свой счет совершает все, что религия предписывает родственникам покойного оказывать его памяти. Если он находит его раненого, то берет его к себе, содержит самым лучшим образом, платит врачу, который пользует его, и наконец по выздоровлении дарит ему прекрасную лошадь со всей конской сбруей и полное на одного человека вооружение, даже одежду, и все делает из одной чести, не имея в виду никакого вознаграждения, кроме похвалы народной» (137, 176-177).

Таким образом, не только жажда военных подвигов привлекала черкесов, но и стремление прославить свое имя добрыми делами, также было для них весьма характерно. Хан-Гирей в одном из записанных им черкесских преданий рассказывает об одном дворянине, для которого вышеуказанная особенность была очень характерна.

Этот дворянин, по имени Ногозий, был из старинного бжедугского рода Хакуи, которому принадлежала почетная обязанность знаменосцев. Как и все члены этого рода, Ногозий отличался храбростью и отвагой. Но кроме этого, писал Хан-Гирей, «...какая-то непостижимая жажда сделаться чем-нибудь известным не давала ему покоя! Встретит ли, бывало, аробников,

завязших в болоте, он бросится к ним на помощь; остановится ли обоз во время переправы через реку, на берегу которой он жил, он спешит к ним,- нередко переплывает реку даже в самое позднее время осени, когда поверхность ее была уже покрыта плавучими льдинами; встретит ли поблизости торговых людей, приглашает их к себе и делает им неожиданные подарки. И всякий раз после таких услуг он говаривал: «Знаете ли вы человека, который для вас трудился с таким усердием? Если нет, так знайте же, что меня зовут Ногозием, и когда возвратитесь к себе, рассказывайте обо мне всем, кого ни встретите, - больше мне ничего не нужно!» Веселые, остроумные шутки, сопровождавшие его услуги, придавали им еще большую цену и предохраняли его от насмешек, которым хвастливые люди обыкновенно подвергаются» (137, 254-255),

7. «Сладкий язык» , как образно называли черкесы ораторское искусство, было не менее необходимым в Черкесии качеством, чем храбрость. Во время народных собраний и третейских судов, по свидетельству Хан-Гирея, «...нередко виноватый, обладая даром красноречия, обвиняет правого противника, от природы лишенного этого качества, необходимого в Черкесии столь же, как и самый меч...» (136, 175).

Обучение искусству красноречия и рассуждения входило в курс воспитания юных дворян. Для этого аталыки водили своих воспитанников на народные собрания, военные советы и третейские суды, где они получали уроки ораторского искусства и знание народных обычаев. Кроме этого, дворянину вменялось в обязанность знание историко-героических песен, народного фольклора и преданий.

При рассмотрении рыцарского кодекса уорк хабза необходимо также указать на существование в нем двух специфических правил, сформулированных следующим образом:

- «Уэркъ здашэ щIэупщIэркъым» - «Дворянин не спрашивает, куда его ведут».

- «Уэркъ хашэркъым» - «Дворянин чужой тайны не разглашает».

Первое означало, что дворянин должен был последовать, не требуя никаких разъяснений, за любым позвавшим его человеком, а тем более сеньором. Этим обычаем могли воспользоваться и враги, но в любом случае, дабы не быть заподозренным в трусости, ни один дворянин не отказался бы от подобного предложения. Когда уорка вызывали из дому днем или ночью, считалось позором не выйти или же выслать вместо себя кого-нибудь другого. Данный обычай нашел отражение в пословице:

«Къоджэм кIуэ, уиукIынуми» - «Когда зовут - иди, если даже тебя убьют» (9, 100).

Второе, означало, что дворянин, ставший невольным свидетелем чужой тайны, ни под каким предлогом не мог ее разгласить. Яркий пример действия этого обычая содержится в старинной кабардинской песне и связанном с ней предании «Сетования Гудаберда Азепша сына».

По преданию, уорк Гудаберд сын Азепша стал невольным очевидцем того, как братья-уорки Тхипцевы убили князя Таусултанова. Вскоре разнеслась молва, что князя убил Гудаберд.

Чтобы не стать «хашэ», т. е. доносчиком, Гудаберд покинул родину, но не выдал настоящих убийц. Пробыв несколько лет на чужбине, в Крыму, но не найдя там пристанища, Гудаберд возвратился тайно в свой аул. Затем он пошел в дом князеубийц и спросил их, как быть ему дальше. Те задумали убить его. Узнав об этом, Гудаберд сбежал из дома убийц, проник в кунацкую рода убитого князя. Обычай не позволял хозяевам проливать кровь гостя, поэтому в кунацкой Гудаберд был под защитой обычая. Он снял со стены шичепшину («ШыкIэпшынэ» - адыгский музыкальный инструмент, род скрипки) и спел собравшимся сложенную им песню. Он поведал в ней, не называя имен убийц, о своей непричастности к убийству князя и тем самым снял с себя все подозрения. Тем временем настоящие убийцы покинули аул (95, Т. 3. Ч. 2, 363).

Согласно дворянскому кодексу чести, женщины-дворянки, как представители привилегированного класса, также не должны были называть имени того, кто был повинен в каком-либо проступке. Так, например, в песне-плаче «Сетования лабинцев», повествующем о разорении царскими войсками аула князя Али Карамурзина, есть следующие слова: «Мы, как дворянки, не можем делать показаний насчет того, кто виноват: виноват тот, у кого горничная чернявая и косоглазая» (131, 50).

Таким образом, они, не называя прямо имени (дабы не нарушить обычая), косвенным образом указали на одного из виновников разорения аула.

Неотъемлемой частью рыцарского образа жизни были поединки. Поединки были следствием возникающих в среде высших сословий конфликтов, касающихся чести, а также неустанного соперничества в среде элиты. Однако, это «соперничество не нарушало солидарности элиты как таковой, солидарности, распространявшейся на врагов, принадлежащих к элите» (104, 84).

Черкесское понятие дворянской вражды (уэркъ зэбиикIэ) предполагало взаимное уважение противников с соблюдением всех этикетных норм. В этой связи примечательно предание, записанное профессором Джамалдином Коковым со слов знатока адыгского фольклора Гукемуха Абубекира Махмудовича: «Князья Атажукин и Коноков были во вражде. Ближайшая встреча должна была кровью определить сильнейшего и правого. К тому времени Коноков, будучи хаджретом, «переселенцем», жил на Кубани. Как-то Атажукину в один из походов (зекIуэ) довелось быть со своими спутниками во владениях Конокова и пожелал он об этом известить хозяина, чтобы не упустить случай померяться силой. Коноков не замедлил со своим отрядом выехать навстречу Атажукину. Впереди всех с ружьем в руках на неоседланном коне мчался юноша, сын Конокова. Указав на стремительно приближающегося к князю Атажукину мальчика, слуга последнего, отличный стрелок, навел винтовку на него. Но Атажукин не велел стрелять, дабы не смешивать «кровь и молоко». Между тем тот подоспел и выстрелил в князя. В завязавшейся битве погибли и князь Атажукин, и двое сыновей Конокова. Трупы их были доставлены в аул Конокова. В кунацкой тела молодых княжичей положили на почетном месте, а убитого князя Атажукина - близко от входа.

Зайдя туда, княгиня Конокова без слез погладила по голове своих сыновей и сказала: «Вы достойно умерли, дети мои, не зря отдали свои молодые жизни». Повернувшись к трупу Атажукина, она добавила: «А князя перенесите на почетное место. Ведь он же гость здесь» (1 54).

Славу рыцарю приносила не только победа, но и поведение в бою. Мотивация поведения включала уважение к противнику, собственное достоинство, гуманность, причем предполагалось, что противник ответит тем же самым. Весь этот комплекс предполагал предоставление сопернику по возможности равных шансов.

Например, если во время боя один рыцарь терял лошадь, то другой тоже должен был спешиться. Убитого соперника уорк должен был положить на спину, укрыть буркой и сообщить его местонахождение родственникам убитого. Если это было невозможно, его тело должно было быть предано земле (131, 57).

Кроме того, по свидетельству информаторов, согласно рыцарским обычаям, у черкесов было не принято «прятать кровь». Даже если не было свидетелей и никто не мог узнать об этом, настоящий уорк должен был сообщить родственникам погибшего соперника что он, «такой-то, убил такого-то», тем самым давая знать, что не боится их мести (164). Жажда

подвигов, неуемное желание первенствовать возбуждали часто ревнивое отношение к подвигам и славе других рыцарей. Чужая слава не давала покоя черкесскому воину и часто становилась источником кровной вражды и поединков (21, 55).

Хан-Гирей по этому поводу писал: «...прекрасные стремления к прославлению нередко заставляют черкесов делать с истинным самоотвержением добро и защищать невинность. Но эта благородная черта характера, к сожалению, часто обезображивается, так сказать, косвенными понятиями черкесов о славе: они нередко проливают потоки крови, подвергают свою жизнь опасности, и все это лишь для приобретения воинственной славы, не приносящей никакой пользы отечеству, отвергаемой Богом и законами человечества» (136, 293-294).

Именно слава погубила Андемиркана, как и многих других известных в истории Черкесии личностей. Так, например, в родословной кабардинских князей XVII в. о смерти сына князя Темрюка Идарова сообщается: «А Мамстрюк добр был собою гораздо и дороден, и боялись ево многие в Кабарде, в зависти ево и убили» (54, Т. 1, 355).

Как только, образно выражаясь, «на сцене» появлялась яркая личность, выдающаяся своими качествами, у нее тут же появлялось множество врагов, стремящихся оспорить известность. Поэтому черкесы считали, что у достойного мужчины должно быть много врагов. При этом у достойного человека должны быть достойные враги. Если перефразировать известную поговорку, то черкесы подходили к оценке личности человека по принципу: «Скажи мне, кто твой враг, я скажу тебе, кто ты» или же, выражаясь словами Ф. Ницше: «Вы должны гордиться вашими врагами: тогда успехи их будут и вашими» (100,41).

Так, герой преданий, кабардинский князь Алиджуко, сын Шолоха, во время своих странствий по черкесским землям всегда после приветствия задавал один вопрос:

«Фи хэкум хэт ис бгъэныбжьэгъум ныбжьэгъу къыпхуэхъуну, бгъэбийми къобиижыфыну?» - «В вашей земле есть кто, если дружить, чтобы достойным другом был, если враждовать, чтобы достойным врагом был?» (8, 339).

Вражда по понятиям черкесов носила элитарный, сословный характер. Официально враждовать могут люди одинакового социального происхождения. Любопытное обстоятельство относительно этого приводится в кабардинском предании, записанном адыгским

просветителем К. Атажукиным. В нем, в частности, говорится, что когда князь узнал о любовной связи своей жены с его подвластным табунщиком, то решил обоих наказать. При этом другой князь, его друг, сделал ему замечание «соглашаясь с тем, чтобы жена... была наказана, решительно отверг, чтобы любовнику ее было сделано какое бы то ни было насилие, так как это могло означать, будто человек такого низкого происхождения может оскорбить его...» (1 6, 206).

Соответственно, по понятиям черкесов, дуэли или поединки могли происходить только между людьми равного социального статуса. Дворянин не мог вызвать на поединок князя, а крестьянин дворянина. В таких случаях для защиты своей чести обиженная сторона имела право обратиться в третейский суд (хеищIэ).

Поединки обычно проходили без свидетелей, в поле, около какого-нибудь кургана. Поэтому выражение «Iуащхьэ пIалъэ» (Iуащхьэ - курган, пIалъэ - срок) имело терминологическое значение и означало вызов на поединок.

Как сообщается в старинной кабардинской песне «Сетования Боры Могучего», однажды ночью какой-то незнакомец вызвал старого дворянина Бору из дому и назначил ему «встречу на кургане».

« Борэжъу бзаджэ !» - жеIэри зы къоджэ ,

Къаджэ псоми сыдыщIокI,

Iуащхъэ пIалъэ къызет -

«Бора старый злой,- говоря

вызывает меня кто-то,

Кто бы ни вызвал - всегда выхожу

Встречу на кургане [он] мне назначает

(8, 1 00)

В нартском эпосе поверженный наземь Сосруко, обращаясь за отсрочкой к Тотрешу, говорил: «Хьэрэмэ Iуащхьэ ди пIалъэщ...» - «Харама-курган - место нашей встречи...» [96, 62].

Согласно фольклорным данным, черкесам были известны несколько видов поединков. Обычно дворяне предпочитали драться верхом и спешивались только в том случае, если по причине полученных ран не могли держаться в седле [47, 199].

Поединок проходил следующим образом: противники скакали верхом навстречу друг к другу, делали при сближении по одному выстрелу из ружей и, в случае промаха, начинали рубиться шашками. Такая форма поединка, как нам сообщил Яхтанигов Хасан, называлась «дохъутейтех» (дохъутей - ружейный чехол, тех - снимать) [165].

Был известен и другой способ проведения поединка — «щIакIуэ кIапэ». При этом расстилали на земле бурку и становились на разные ее концы. Отсюда и название «щIакIуэ кIапэ» (ЩIакIуэ - бурка, кIапэ - конец). Поединок проходил на кинжалах, при этом нельзя было колоть, а только рубить. В случае если один из противников сходил с бурки, то другой имел право его заколоть. Один из противников мог на правах победителя снять с другого оружие как трофей. Так как лишиться оружия считалось большим позором, то обычно поединки заканчивались смертью одного из участников. Если же кто-то отказывался принять вызов, то тем самым он признавал себя побежденным и с ним могли поступить как с «убитым», т. е. отобрать у него лошадь и оружие (47, 199-200).

Надо заметить, что оружие у черкесов само по себе являлось объектом почитания, и многие правила этикета были порождены обычаем ношения оружия. Например, каждый уорк должен был знать и соблюдать следующие правила: при встрече на дороге мужчины должны были расходиться с правой стороны так, чтобы их левая сторона (вооруженная) была обращена друг к другу. В таком положении неудобно выхватить шашку и нанести удар. Если навстречу шел человек и желал разойтись с левой «неправильной» стороны, то он нарушал этикет и его следовало опасаться. В случае с женщинами мужчины поступали наоборот, так как женщины не представляли угрозы и не могли быть объектом нападения. С женщинами расходились по левую сторону. Во время беседы с женщиной нельзя было стоять к ней левым боком, показывая ей «вооруженную» сторону. Отходя от женщины, мужчина поворачивался налево так, чтобы быть к ней правым боком.

Если двое всадников ехали вместе в одном направлении, то младший занимал по отношению к старшему левую, менее защищенную сторону. Если же спутников было трое, то порядок изменялся: старший находился в центре, следующий по возрасту или положению занимал левую сторону, самый младший находился справа. Такая схема также имела скрытый смысл. Если младший по поручению старшего отлучался, то левая, более уязвимая сторона у старшего оставалась закрытой, а правую он контролировал сам. Если всадник встречал в пути другого, едущего с ним в одном направлении, то необходимо было поступить следующим образом: догнав его, чтобы не вызвать опасений, подъехать к нему не с левой (незащищенной), а с правой стороны. Если спутник оказывался старше, после приветствия он занимал левую сторону. Из этого правила было одно исключение: если один из всадников был «гость», т. е. не был жителем той местности, по которой ехал, а встретившийся или сопровождающий его был жителем этих мест, то последний будь он даже старше возрастом, занимал левую сторону, как бы оберегая гостя. Как только они выезжали за пределы той местности, младший по возрасту всадник должен был занять положенное ему место, т. е. левую сторону.

Каждый дворянин должен был соблюдать правила обращения с оружием: например, его нельзя было без достаточно веской причины обнажать. Обнажить оружие, угрожая им, и не применить его, считалось большим позором. Его нельзя было направлять в сторону человека (особенно огнестрельное). При передаче холодное оружие нельзя было протягивать клинком вперед. В то же время считалось неправильным протягивать кому-то оружие рукоятью вперед с клинком, обращенным в свою сторону. Неосторожное или неуважительное отношение к чьему-либо оружию воспринималось как оскорбление. Например, так отнеслись бы к действиям человека, взявшего без разрешения хозяина оружие, с тем, чтобы его рассмотреть, или же, посмотрев его, не положившего его аккуратно на место, а небрежно бросившего. Таким же оскорблением было бы, если кто-то оттолкнул от себя чье-то оружие, если оно ему мешало, вместо того, чтобы попросить об этом его владельца.

Рыцарский кодекс «уэркъ хабзэ» представлял собой дальнейшее развитие и концентрированное выражение общечеркесского кодекса «адыгэ хабзэ». Свод правил и принципов, содержащийся в нем, апеллирует к таким категориям, как: чувство личного достоинства, уважение и внимание к людям, мужество, честь, правдивость. Соблюдение кодекса «уэркъ хабзэ» в полном объеме требовало от человека постоянных усилий в самосовершенствовании, сопряженных с различными ограничениями и борьбой с собственными слабостями. Недаром черкесы сравнивали путь

совершенствования в хабза с трудным, долгим подъемом в гору - «Уэркъыгъэр дэгъэзеигъуэ кIыхьщ» - «Рыцарство - долгий (трудный) подъем». Причем, как считали черкесы, пределов в совершенствовании не было. Народная пословица гласит: «Акъылым уасэ иIэкъым, гъэсэныгъэм гъунэ иIэкъым» - «Ум не имеет цены, а воспитанность пределов». Хотя рыцарский кодекс уорк хабза был очень требователен к своим носителям и соблюдение его было сопряжено со многими неудобствами, он гарантировал человеку защиту его чести, уважение окружающих и высокое положение в обществе. Недаром черкесы говорили: «Уэркъ бгы задэщ» - «Рыцарство - неприступная скала». Дворянин в черкесском обществе не столько должность, сколько образ жизни, причем образ жизни настолько привлекательный, что все остальные слои общества смотрели на него как на образец для подражания.

Черкесское общество было по своему характеру традиционалистского типа, то есть большая часть общественной жизни здесь регулировалась не государственными учреждениями и законами, а общественными институтами и обычаями. Этикет и обычаи регулировали все стороны жизни, успешно компенсируя отсутствие у черкесов развитых государственных институтов. На это обращали внимание многие европейские авторы, побывавшие в Черкесии. Англичанин Джеймс Белл сообщал в связи с этим: «Общественное мнение и установленные обычаи - вот что, кажется, является высшим законом в этой стране; в общем, я могу только поражаться тем порядком, который может проистекать из такого положения дел. Немногие страны, с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия, могут похвалиться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью - всем тем, что отличает этот народ в его повседневных взаимных сношениях» (25, 479).

Другие авторы, в частности, Теофил Лапинский также приводят аналогичные свидетельства. Последний не мог скрыть своего удивления от той крепкой и строгой социальной организации общества, которую он встретил в Черкесии, несмотря на отсутствие здесь централизованной государственной власти с ее атрибутами. «Когда вступаешь на землю свободной Абазии (В своей книге Лапинский часто называет Черкесию Абазией, а ее жителей абазами), то сначала не можешь понять,- писал он,- каким образом народ, у которого почти каждый ребенок носит оружие, который не имеет писаных законов, исполнительной власти... может не только существовать, но еще... и сохранить свою независимость.

Причина этому - крепкая социальная организация народа, опирающаяся на национальные традиции и обычаи, которая не только охраняет личность и имущество каждого, но также делает трудными и почти невозможными все физические и моральные попытки к покорению страны» (75, 76).

Черкесский этикет (адыгэ хабзэ) и созданный на его основе рыцарский кодекс «уэркъ хабзэ» мы считаем культурной моделью, созданной под сильным влиянием военизированного быта, характерного на протяжении длительного периода времени для общественно-политической жизни Черкесии. Часто в истории имеет место такой факт, когда несомненные достижения общества в какой-либо области материальной или духовной жизни могут сосуществовать с их упадком или отсутствием в других областях.

Черкесы, в силу особенностей исторического развития, не достигли большого прогресса во многих областях материальной и духовной культуры. В частности, у них не получили развития такие сферы, как письменность, литература, живопись, архитектура, градостроительство и некоторые другие. К тому же их общественный строй, застывший на стадии феодализма, отличался консервативностью и застойным характером. Тем не менее, черкесы создали свой этикет, который можно считать значительным культурным достижением.

Дореволюционный адыгский просветитель А. Г. Кешев отмечал это в одной из своих статей: «Условиями исторической своей жизни и географическим положением занимаемой ими страны все кавказские горцы призваны были развить исключительно начала военно-республиканских обществ, и все они, до известной степени, выполнили свою задачу. Но ни у одного из них военно-аристократические учреждения и воинственный дух не выработались в таких определенных чертах, не были доведены до такой полноты и совершенства, как у адыге. Племя это может быть названо по справедливости творцом и первым распространителем духа рыцарства среди прочих кавказских туземцев. Дух этот лег в основание его политического, общественного и домашнего быта. Им проникнуты насквозь его нравы и обычаи.

В этом отношении адыги далеко опередили другие кавказские племена, для которых имя храброго воина составляло конечную цель стремлений. Этим племенам недоставало величия и изящества, которыми запечатлен весь строй жизни адыгского общества. Их обычаи проще и патриархальнее адыгских, что нужно приписать отчасти демократическому устройству большей части этих племен. Политическая же организация

адыгского племени была по преимуществу аристократическая. Даже те отрасли его, которые не имели среди себя сословия князей, как, например, шапсуги и абазехи, по характеру общественного и домашнего своего устройства были почти такими же аристократами, как кабардинцы, темиргоевцы, бесленеевцы и пр.

В жизни большинства кавказских горцев мы не встречаем тех многосложных, в высшей степени щепетильных отношений, условных приличий - торжественности и принужденности, которыми опутано было общество адыгов. Так называемый черкесский дворянский обычай (уорк хабза) ни в чем не уступал известным десяти тысячам китайских церемоний.

Все это показывает ясно, что адыги не остановились, подобно своим соседям, на степени обыкновенного военного общества, но развили свои воинственные наклонности до идеальной тонкости, до настоящей виртуозности, воплотили принцип военно-аристократических свободных учреждений в живые, привлекательные формы и возвели их в целую, стройную систему» (55, 222-223).

Для созданной черкесами культурной модели были характерны определенная ограниченность и одностороннее развитие. Это нашло отражение и в такой области культуры, как песенный фольклор. А. Г. Кешев в связи с этим отмечал: «Если же песня их не пошла далее первоначальной формы эпоса, не сделалась лирической, сатирической, эротической, обрядовой и бытовой, то причину тому надо искать не в неподвижности самого народа, а скорее в слишком одностороннем развитии его военно-аристократического духа, в ущерб всем другим сторонам жизни, в гордом презрении ко всему, что не подходило под неизменный идеал наездника-героя. Занятая исключительно одними наездниками, черкесская песня обошла все, не входившее в круг их действий. Она как будто и не подозревала, что есть чувства, желания, стремления, страсти, заставляющие самые мужественные сердца волноваться не менее сильно, чем звон оружия, ржание коней и шум битвы. К самым законным, естественным влечениям души, к нежнейшим привязанностям сердца, к теснейшим узам крови и любви, словом, ко всему, что составляет для человека неисчерпаемый источник наслаждения и муки, песня отнеслась с суровым пренебрежением, потому что черкесские герои, вырубив, если можно так выразиться, оригинальную теорию о жизни и назначении человека, смотрели на все это, как на врожденные слабости человеческой природы, над которыми обязан восторжествовать всякий желающий именоваться настоящим мужчиной. Вот

почему в старых черкесских песнях не встречается ни одного куплета чисто любовного содержания.

Если внутренний мир души и неясные ощущения сердца не нашли себе таким образом достаточного отголоска в черкесской песне, то не более посчастливилось в ней и так называемому народному миросозерцанию. Черкес как будто инстинктивно сознавал опасность излишней чувствительности и наклонности к отвлеченным размышлениям для его сурового, воинственного призвания. Он как будто понимал, что, поддавшись однажды влечению сердца, сладкому обаянию нежных чувств, или дав полную волю пытливому уму, он не в состоянии уже был бы остаться тем, чем был и следовало ему быть, потому для избежания всякого соблазна он изгнал из своей жизни все, что грозило ослабить его крепкую натуру. «Кто раздумывает о последствиях, тот не храбр» - вот правило, руководившее действиями адыгов, и, как мне кажется, очень ясно характеризующее взгляд... на мышление, как на силу, притупляющую природную энергию и предприимчивость духа. Только таким взглядом можно и объяснить себе, что черкесы, одаренные вообще от природы ясным умом, не чуждым даже некоторого философического оттенка, нарочно избегали всякого рода рассуждений, считая их приличными только одним старикам. Герои черкесских песен не рассуждают, а только действуют» (55, 223, 232-234).

Говоря об определенной односторонности и ограниченности той системы, которая называлась «уэркъ хабзэ», исследователи должны, во-первых, учитывать принцип историзма, а во-вторых, иметь в виду, что любая система, претендующая на действенность и эффективность, изначально предполагает определенную ограниченность, заключающуюся в усилении отдельных элементов за счет других менее актуальных и функционально значимых в данный исторический промежуток времени.

Чтобы наши оценки культурных ценностей не были субъективны, они должны учитывать время и специфические условия существования того общества, в котором они создавались.

Глава II

КОНЬ И ЭКИПИРОВКА ВОИНА

§1. Конь и его снаряжение

Трудно переоценить роль лошади в жизни черкесов. Лошадь, как выразился Т. Лапинский, это другое «я» черкеса (75, 56). Описывая быт

Кабарды первой половины XIX в., немецкий путешественник К. Кох, сообщал: «Прежде всего любят лошадей, верных спутников черкесов на пути славы и чести» (67, 618). Говоря об этой любви, Д. А. Лонгворт свидетельствовал: «Черкесы обращаются с ними заботливо и даже с нежностью; я никогда не видел, чтобы черкес приласкал своего ребенка, зато лошадь он готов целовать и гладить; они заботятся о зимних запасах корма лошадей в не меньшей степени, чем для своих семей» (77, 558).

Хан-Гирей приводит следующий исторический пример из жизни черкесов, который подтверждает предыдущее свидетельство: «В то время, когда в 1833 г. на Кавказе свирепствовал ужасный голод, князь Пшекой Черченейский кормил любимых своих коней разного рода нежными зернами, тогда как его люди претерпевали страшный недостаток и в насущном хлебе, и об этом обстоятельстве во всех племенах Черкесии рассказывали, как о похвальном подвиге. Черкес, какого бы он звания ни был, скорее сам согласится быть голодным, чем лошадь свою допустит до этого. Сами князья собственными руками нередко обчищают копыта своих лошадей и моют их гривы мылом и куриными яйцами, хотя бы их окружала толпа слуг, готовых это исполнить» [136, 246].

Такое отношение становится понятным, если учесть, что адыгская феодальная аристократия большую часть своей жизни проводила в седле, в войнах и набегах. И здесь огромную роль играла лошадь и ее качества. Желание иметь хорошего коня в ту пору было продиктовано не только особой любовью к этим животным и соображениями престижа, а прежде всего жизненной необходимостью. От качества лошади зависела жизнь и смерть ее владельца. Поэтому черкесские наездники не жалели никакого имущества для приобретения хорошей лошади.

Описывая быт черкесов в начале XVI в., Д. Интериано сообщал: «...и часто случается, что отдают все свое состояние за коня, который им понравится, и нет у них ничего дороже хорошего коня» (51, 50).

Являясь древнейшим оседлым земледельческим народом Кавказа, черкесы создали собственную породу лошадей, которая предназначалась для войны и являлась прежде всего боевой лошадью. Адыги, не будучи кочевниками, стали, по существу, «конным» народом. Если не каждый черкес, то, как минимум, каждая семья держала несколько голов лошадей.

По свидетельству Т. Лапинского, у причерноморских черкесов на Северо-Западном Кавказе численность поголовья лошадей в ходе Русско-Кавказской войны резко сократилось, но несмотря на это, она оставалась довольно значительной.

«Прежде было много табунов лошадей во владении богатых жителей на Лабе и Малой Кубани, теперь мало семейств, которые имеют больше 12-15 лошадей. Но зато мало и таких, которые совсем не имеют лошадей. В общем, можно считать, что в среднем на каждый двор приходится 4 лошади, что составит для всей страны около 200 тысяч голов. На равнине число лошадей вдвое больше, чем в горах» (75, 58).

У живущих на равнинах и предгорьях темиргоевцев, бесленеевцев и особенно кабардинцев развитие коневодства имело большие масштабы, чем у остальных черкесов. В XVIII в. кабардинцы, занимавшие равнины и предгорья Центрального Кавказа, держали огромные табуны прекрасных верховых лошадей. В это время из всех кавказских народов они имели наибольшие мобилизационные возможности и могли выставить самую большую по численности и лучшую по качеству кавалерию. Об этом свидетельствовали многие русские военные чины, служившие на Кавказе и видевшие непосредственно в деле кабардинскую конницу. Вот как описывал русский военный историк В. А. Потто кабардинское ополчение из числа добровольцев, которое собрали в 1812 г., предполагая использовать в войне с Наполеоном. «Всем были известны превосходные боевые качества этой природной и, без сомнения, лучшей конницы в мире. Собравшиеся кабардинцы уже совсем были готовы к выступлению в поход. Красивые, стройные, одетые в железные кольчуги, блистая дорогим вооружением, они представляли собой красивое зрелище и, глядя на них, можно было без колебаний сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара в шашки» (111, Т. 1, 653).

Конь в жизни воина-черкеса играл столь значительную роль, что в метафорическом языке адыгских историко-героических песен спешиться (епсыхын) означает быть убитым, как и само слово пеший (лъэс) означает погибшего. Когда черкесы хотели спросить о внешности человека, они говорили: «ШыфэлIыфэкIэ сыт хуэдэ?» - «Каков вид коня-седока?» (Шы - лошадь, лIы - мужчина, фэ - вид).

В силу того, что наибольшего развития коневодство получило в Кабарде, выведенная черкесами порода лошадей стала известна как «кабардинская», хотя сами они ее называют «адыгэш» - «адыгская лошадь».

Уже в XVI в. по всему Кавказу, в России, Крыму, Иране и Турции были известны высокие качества кабардинских лошадей. Как отмечал В. К. Гарданов, покупка и вывоз верховых лошадей из Кабарды в Россию имели такие масштабы и были столь обычным явлением, что когда у соседнего

русского начальства (кизлярского коменданта, донского атамана или астраханского губернатора) не было какого-либо конкретного повода для посылки в Кабарду своих разведчиков, они часто делали это под предлогом (или, как тогда говорили, «под претекстом») покупки коней, зная, что такой предлог ни у кого в Кабарде не вызовет подозрения» (38, 87).

Постоянными покупателями кабардинских лошадей были аристократические верхи соседних народов Северного Кавказа (кумыки, осетины, чеченцы, ингуши и др.) В большом количестве кабардинских лошадей вывозили в Грузию, откуда они распространялись по всему Закавказью, а также в Иран и Турцию. В XVIII в. кабардинские лошади поступали на продажу в Крым, откуда их затем вывозили в Польшу, Литву, Молдавию и Венгрию. Причем, по свидетельству К. Пейсонеля, они в среднем стоили в 10-13 раз дороже крымской лошади (Обычная цена лошади была в то время в Крыму 15—20 пиастров, за черкесских лошадей платили до 200 пиастров).

Стоимость лошадей таких знаменитых подвидов кабардинской породы, как Шолох или Бечкан, могла колебаться в пределах от 500 до нескольких тысяч пиастров (В середине XVIII в. турецкий пиастр равнялся 75 русским копейкам), превышая стоимость средней крымской лошади минимум в 25 раз (38, 87).

Подробная характеристика качеств кабардинской лошади, сделанная И. Мердером, взята нами из книги Б. А. Калоева «Скотоводство народов Северного Кавказа» (57).

Вот как в ней описываются характерные особенности этой породы лошадей: «Горские лошади по свойству климата или от смешения двух пород: настоящих черкесских с лошадьми арабскими, сильны, резвы, полны огня, смелы, внимательны, в ногах крепки - качество, необходимое при путешествии по горам; они также весьма чутки, т. е. хорошо слышат, так что в самую темную ночь можно положиться на лошадь, что она, по каким бы скалам ни пробивалась, не споткнется и проберется по узкой тропинке осторожно. Сбившийся в пути ездок, вполне может поручить ей себя, она довезет по данному ей направлению к знакомому ей уже месту, и в это время она бывает неимоверно осторожна, беспрестанно водит ушами, прислушиваясь ко всему; если что-нибудь малейшее покажется ей сомнительным, она остановится для удостоверения, и если ошиблась, то без понуждения ее седоком тотчас сама тронется с места с такой же осторожностью, как и прежде. Горские лошади имеют необыкновенно

тонкий слух и обоняние; если поверить в ее чуткость и принудить идти в то место, куда она обратила внимание и упорствовала идти, наверно, окажется, что осторожность ее была не напрасна и что она не обманулась и чувствовала или хищного зверя, или притаившегося врага.

Горские лошади могут переносить различный климат так хорошо, что едва ли порода других лошадей может в этом случае выдержать с ними сравнение. По сродности же с местностью гор, состоящих преимущественно из камней, черкесская лошадь без подков несется во весь карьер по твердому грунту, не жалуется на ноги, в которых не чувствует от того боли... Горские лошади очень послушны; они скоро привыкают к ездокам и приноравливаются удобнее к желаниям и правилам их хозяев; они не имеют капризов, обыкновенных в породах других лошадей; выносят крайнюю нужду в продовольствии и как будто понимают невозможность доставления им оного, так что при самом крайнем недостатке в продовольствии горская лошадь нимало не изменит своей ретивости, останется такою же доброю, как и при хорошем корме, каждый день будет исполнять свое дело... разве только несколько спадет ее игривая веселость. Черкесская лошадь не любит застаиваться долго без употребления в работе. Если дать ей постоять одну неделю в стойле при хорошем корме, то верховая лошадь сама потребует у седока свободного повода, чтобы поиграть хотя бы несколько верст» (57, 68-69).

Качества, выработанные у кабардинской лошади, были обусловлены потребностью черкесов в верховом, боевом коне. Сочетание таких качеств, как высокая резвость и необыкновенная выносливость, делали эту лошадь идеальной для дальних походов и скоротечных набегов. В подтверждение этого можно привести свидетельство офицера русской армии Ф. Ф. Торнау. Описывая один эпизод из своей службы на Кавказе он, в частности, сообщает: «Сев на лошадей в десять часов утра, мы проехали, не оставляя седла, весь день и всю ночь... В четвертом часу утра мы были на месте, сделав в восемнадцать часов не менее ста шестидесяти верст; последние два или три часа мы скакали во весь опор, причем были принуждены силой удерживать лошадей, рвавшихся одна перед другою, несмотря на целый день езды без корма. Подобную силу и неутомимость можно найти только у добрых черкесских лошадей» (127, 1992,№ 3,42).

Спустя столетие свои лучшие качества кабардинские лошади подтвердили во время пробега, равному которому мало в истории коневодства. Зимой 1935 г. был совершен конный пробег на лошадях кабардинской породы вокруг Главного Кавказского хребта. Этот труднейший переход протяженностью более 3000 км с преодолением Сурамского и

Клухорского перевалов был пройден за 47 дней и увенчался большой победой кабардинских лошадей и их наездников (61,4).

Вскоре после этого участники этого пробега проделали 600-километровый скоростной марш Пятигорск - Ростов; это расстояние было пройдено за 5 суток (56, 28).

При подборе коня под седло и при культивировании породы, черкесы пользовались выработанными веками методами. Адыги вплоть до 20-х гг. XX столетия лошадей под упряжь не употребляли, среди же верховых ими различались походные (зекIуэш) и скаковые (шыгъажэш) лошади. По словам С. X . Мафедзева, для них обязательными считались следующие физические данные: сухая «змеиная» голова (блащхьэ), нос с горбинкой (пэкъуаншэ), длинная мускулистая шея, мощная грудь, тонкие челюстные кости (жьэкъупщхьэ) с достаточно широкими ганашами (жьэпхъэбгъу къупщхьэ), прямая спина, круп и холка на одном уровне, зад немного покатый, «собачий» (хьэпхэ), живые глаза, широкие ноздри (пэщхъыныхъу), сухие правильные конечности, острые торчком уши (тхьэк I умэ памц I э) и т. д. (87, 152).

Другой отличительной чертой кабардинских лошадей были крепкие ноги и особая форма копыт. Казаки и русские называли их «стаканчики». «У таких коней мышечная часть подошвы (адыгейск. - лъэгуцуабз, кабардинск. - лъэгудыгъуэ) залегала глубоко, как бы на дне перевернутого стакана, и она почти кругом обрастала роговым образованием, крепким, как кость» (87, 152). В идеале, по словам стариков, в его копыте должно было уместиться яйцо.

«Большое внимание обращали адыги также на постановку и длину так называемого лъэIэгъуэ, которым обозначали расстояние между сесамовидной костью путового сустава и копытом. Считалось, что чем прямее, т. е. вертикальнее по отношению к земле, лъэIэгъуэ, чем оно длиннее, тем более пригоден конь для верховой езды, для походной жизни, тем он выносливее, устойчивее на ногах, резвее и т. д. Если лъэIэгъуэ было поставлено недостаточно прямо, то во время похода на пересеченных местах лошадь могла поранить ноги. При этом требовалось, чтобы лъэIэгъуэ все же не было прямо перпендикулярно земле, потому что такая лошадь теряла амортизирующие свойства ног, из-за чего ее ход и особенно бег становились жесткими, тряскими. Определенное значение придавалось тому, чтобы лошадиный пах был узким, а икры крутыми, чтобы на тыльной стороне ног в области путового сустава было как можно

меньше волос, а главное, чтобы при движении лошадь задними ногами перешагивала след передних» (87, 152-153).

Черкесы считали предосудительным ездить на кобылах. Не ездили они и на жеребцах, которые использовались только как производители. С. Броневский в связи с этим сообщает: «Черкесы холостят жеребцов, не смея употреблять их в скрытые поиски, могущие от ржания их быть оглашены, но холостят лошадей и никогда не ездят на жеребцах; приучают меринов, чтобы они были сторожки» (29, 135).

Кроме того, у черкесов существовало множество примет и суеверий, связанных с мастью и внешним видом лошадей. Об некоторых из них нам рассказал Жырчаго Гиса (157). Если у лошади на трех ногах, кроме правой передней, есть чулки, она принесет удачу и счастье ее владельцу. Если у нее на лбу две звездочки (хъырзэ) одна возле другой, такая лошадь также считалась счастливой. Если же звездочки на лбу у нее стояли одна над другой - это несчастливая лошадь.

Не следует также приобретать лошадь, у которой лоб белый (натIэху), а ноги по диагонали (например, передняя левая и задняя правая) в чулках (лъэкъуэху).

Из лошадей всех мастей черкесы отдавали предпочтение гнедым (пцIэгъуэплъ).

У лошадей белой масти (пщIэгъуалэ) копыта были слабее.

Вороные (къарэ) сильны ночью, но днем они не такие. Рыжие кони (шыгъуэ) с белым пятном на лбу до самого носа не могут скакать долго против солнца. Гнедые одинаково хороши и днем и ночью. Совсем на кого не садились, так это на пестрых в пятнах лошадей (къуэлэн). Но это, по-видимому, было связано с эстетическими вкусами черкесов. Они не любили ничего пестрого, яркого, говоря: «Делэм къуэлэн и щIасэщ» - «Дураки любят пестрое» (157).

Кроме указанных выше, кабардинскую лошадь отличали и другие качества, которые были не столько врожденные, сколько являлись результатом особой выучки и содержания. Насколько черкесы нежно и заботливо ухаживали за лошадьми, настолько же их жестоко школили и тренировали, требуя от них порой, казалось, бы невозможного. Взять, к примеру, хотя бы такой прием черкесских наездников, о котором сообщает С. Броневский: «Смелые наездники в Кабарде приучают своих лошадей бросаться стремглав с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая

высоты оных. Сей отчаянный навык, подвергающий всякий раз жизнь седока вместе с лошадью видимой опасности, нередко спасает от опасности попасться в руки неприятеля при случае близкой погони» (29, 147).

Хорошая кабардинская лошадь, по словам стариков, не боялась броситься в бурную реку. При этом она держала корпус так высоко, что даже седло не замачивалось. Кроме того, она отличалась спокойным, смирным характером, ее не пугали шумные скопища людей, выстрелы (160).

Последнее обстоятельство, как свидетельствует Т. Лапинский, являлось результатом специальной выучки. «Лошади с раннего возраста подготавливаются к военной службе, для этого проводятся примерные сражения, их заставляют привыкать к ружейному огню и приучают повиноваться голосу своего хозяина, так что часто бывает удивительно, как быстро многочисленный отряд находит своих в беспорядке пасущихся лошадей и сидит уже на них, готовый к сражению» (75, 57).

Черкесы относились к воспитанию своих коней с таким же вниманием и ответственностью, с каким относились к воспитанию детей (87, 151).

Э. Спенсер даже выразил мнение, что «...ни в одной стране мира с лошадью не обращаются лучше, чем здесь; нет другого народа, который понимал бы лучше, как управлять ею. Великий секрет, кажется, в доброте; ее никогда не бьют; следовательно, ее дух остается несломленным и привязанность к своему хозяину неослабленной. Плавание, вместе со всеми партизанскими мероприятиями, в которых ей приходилось участвовать, является их достижением, и с течением времени лошадь становится такой же хитрой и искусной в уклонении бегством, как человек. Я часто видел ее лежащей у ног своего хозяина, когда в засаде, в совершенном покое... она без всякого сопротивления позволяет приспосабливать свою голову как опору для винтовки» (121, 93-94).

Во время военных походов черкесы использовали специально подготовленных для этого лошадей, называемых зек I уэш (походная лошадь). Как правило, это мерины не моложе 9 лет, так как, по словам Хан-Гирея «лошади хороших пород до девяти лет постепенно укрепляются в теле и достигают не прежде этого времени всех качеств, требуемых от доброй наездничьей лошади» (136, 245). До девяти лет лошадь содержалась в табуне, находясь на открытом воздухе круглый год. Это делалось для того, чтобы закалить ее, приучить к будущим невзгодам походной жизни. «Вообще должно заметить,- отмечал Хан-Гирей,- что у лошадей, которые первые годы пасутся на горах и берегах каменистых рек, копыта лучше образуются, и те из них, которые оставляемы бывают в

табуне на зиму, делаются весьма сносны к перенесению холода» (136, 245).

В четыре года молодых лошадей холостили. Приучение лошади к седлу происходило в несколько этапов. Первый раз ее брали из табуна в 3-4 года. Поездив недолго и не изнуряя ее снова, отпускали в табун. Это повторялось несколько раз в течение нескольких лет, пока зрелую верховую лошадь окончательно не забирали из табуна и не переводили на стойловое содержание. Вот как объясняли кабардинские коневоды необходимость такой меры: «Конь, побывавший первый раз под седлом, очень плохо переносит эту перемену в своей жизни. Он переживает, теряет аппетит, становится недоверчивым, беспокойным, худеет. А коня надо воспитывать добрым, воодушевленным, решительным, смелым (шыр гушхуауэ гъэсэн хуейщ). Поэтому его и отпускали в табун несколько раз. Оно так и выходило. Коня седлать начинали с трех-четырех лет, а по-настоящему регулярно на нем ездили только после семи - и чаще девятилетнего возраста» (87, 154).

После того как зрелую верховую лошадь окончательно забирали из табуна и переводили на стойловое содержание, уход за ней становился особенно тщательным. Его описание приводит Хан-Гирей: «Удивительно, с какою неутомимостью и тщанием черкесы содержат верховых лошадей: дважды в году они откармливают своих любимых коней: летом при наступлении жаров и зимою при наступлении стужи. Откармливаемую летом лошадь ставят в конюшню, со тщанием обмазанную глиною и темную, чтобы мухи не беспокоили лошадей, в ней содержимых. Однако ж эти конюшни не теплы в зимнее время, хотя черкесы и не употребляют попон для покрывания лошадей, также они не имеют для чистки их ни щеток, ни скребниц. Сначала дают понемногу овса, и эта дача продолжается таким образом с неделю; потом ставят перед лошадью бочку, которая стоит перед ней всегда наполненная овсом в продолжении трех или четырех недель. Каждое утро моют хвост, ноги, брюхо и вообще с тщанием чистят лошадь, что делается в день дважды. По прошествии же месяца или сорока дней начинают помаленьку ездить на раскормленной лошади, въезжая в день по нескольку раз в холодную воду, и в это время дают ей просо, а сначала кормят овсом или ячменем. Таким образом выдержанная лошадь, когда придет в такое состояние, что уже ей жир не будет причинять усталости, то наездники пускаются искать на ней опасностей, славы и добычи в удальстве» (136, 245-246).

Наряду с выведенной собственной породой лошадей черкесами было создано и свое конское снаряжение, в частности седельный набор.

Называемое черкесами адыгэ уанэ (черкесское седло), оно на Кавказе, среди горцев и казаков, было известно под тем же именем. В работе, посвященной изучению кустарных промыслов на Северном Кавказе, О. В. Маркграф писал: «Наибольшею славою на Северном Кавказе пользуются шорные изделия кабардинцев. Кабардинское или адыгейское племя, еще недавно самое многочисленное и могущественное среди прочих племен Кавказа, всегда производило оружие, седла и прочие принадлежности убранства всадника, служащие образцами для других туземцев. Образец седельного набора, занесенный из Кабарды, до сих пор господствует на Северном Кавказе между горским и казачьим населением и называется «кабардинским» или «черкесским» (84, 158).

В XVIII в. производство седел в Кабарде было так распространено, что в 1788 г. Шейх Мансур писал в Большую Кабарду о том, чтоб было сделано 20 000 седел и, по сведениям, дошедшим до Моздока, седла «изготовляютца» (32, 111).

Высокий отзыв о кабардинских седлах дал в 20-х гг. XVIII в. И. Г. Гербер. Он писал: «Лучшие седла и лошадиные верхние уборы изготовляются ими и продаются соседним татарам» (39, 154).

Кабардинское или черкесское седло относится к типу арчаков. Под словом «арчак» подразумевается деревянный остов седла, обтянутый кожей. Поверх арчака (уанэпхафэ) ложилась седельная подушка (уанэгу щхьэнтэ). Небольшое, легкое, довольно высокое черкесское седло опирается на спину коня двумя параллельными седельными полками. Узкая передняя лука (уанэ къуапэ) с закругленным верхом располагается перпендикулярно к седлу. Задняя, более широкая лука, также имеющая закругленный верх, плавно отогнута назад. Форма седла диктовалась военными целями - высокое седло придавало свободу посадке воина, а низкая задняя лука не мешала повороту в седле (15, 55).

Конструктивные особенности, а также легкость делали удобным черкесское седло и для лошади. Так как оно не касается ни ее позвоночника, ни ее загривка, оно никогда не причиняет ей боли. Черкесское седло не портит лошади, «хотя б оно по целым неделям оставалось на ее спине» (127, 1992, № 3, 16).

Все кто знакомились с ним на Кавказе, сразу же оценивали его по достоинству и старались приобрести. Удобство черкесского седла отмечал и Д. А. Лонгворт, который писал: «Через какое-то время я привык к нему и по достоинству оценил его преимущества как боевого седла. Черкесы поворачиваются в нем с величайшей легкостью и могут, подобно древним

парфянам, стрелять назад на полном скаку, а также, держась за передний деревянный выступ, могут перегнуться почти под брюхо своего скакуна и на полном карьере поднять все что угодно с земли. Их посадка на спине лошади по сравнению с тяжелым турецким или плоским европейским седлом кажется игрушечной: то же можно сказать и об их весе, который составляет половину первого и треть второго... во время утомительных походов и набегов, которые они совершают, несколько фунтов больше или меньше веса всадника и упряжи могут иметь серьезное значение» (77, 533).

Черкесы изготавливали несколько видов седел: детское, парадное и боевое (127, 1991, № 2, 12).

У всех седел была одинаковая конструкция. Различия же заключались в следующем: детское седло отличалось меньшими размерами. Парадное седло выделялось богатой отделкой серебром, золотым шитьем и тиснением, которые для боевого седла считались излишними. Кроме этого, седельные подушки боевых седел обычно были набиты оленьей или турьей шерстью. Они имели одно важное свойство: несмотря на попадание воды и сырость не прели, не гнили и не слеживались. Такие седельные подушки высоко ценились и раньше, по словам стариков, входили в часть платы «цены невесты» (нысэ уасэ) наряду со скотом и дорогим оружием.

Конструкция стремян на черкесских седлах также имела свою особенность. Они, как правило, плоские и узкие, из цельного куска металла, иногда удлиненной цилиндрической формы, так называемые «стаканчики». Некоторые наездники вставляли с обратной стороны таких стремян зеркальце, с тем чтобы пользоваться им для бритья в походных условиях.

Форма стремян определяла особую форму посадки всадника. Обычные стремена, в которые вставлялась вся ступня, предполагали наличие у всадника обуви с каблуками. С помощью каблука нога фиксировалась в стремени, не давая ей проскользнуть сквозь него. Черкесские стремена с плоским круглым основанием были обычно настолько узкими, что ступня целиком в них не помещалась. Если далже они были широкие, черкесы не вставляли в стремя всю ступню, а опирались на основание стремян только носками. Отсутствие каблуков на традиционной обуви черкесов также, по-видимому, связано с данным обстоятельством.

Не известны черкесам были и шпоры. Как сообщает Ф. Ф. Торнау: «Шпор черкесы не знают и погоняют лошадь тоненькою плетью, имеющею на

конце кусок кожи в виде лопаточки для того, чтобы не делать боли лошади, а пугать ее хлопаньем, так как, по мнению черкесов, боль, причиняемая лошади шпорами или тяжелою нагайкой, употребляемою калмыками и донскими казаками, утомляет ее совершенно без нужды» (127, 1992, № 3, 17).

Черкесские плети (щIопщ) пользовались большим спросом у соседних народов, в том числе у казаков и русских. Их производство и продажа были серьезной статьей доходов черкесских мастеров-шорников.

Шотландец Роберт Лайэлл сообщает, что, будучи в 1822 г. на Кавказе, близ Пятигорска, купил здесь «большое количество черкесских нагаек за четыре, десять и даже пятнадцать рублей». Причем «у самых дорогих нагаек в рукоятке имеется кинжал. Все они прекрасной работы...» (74, 326).

Кстати мастер, у которого Р. Лайэлл купил их, был известный адыгский просветитель Шора Ногмов.

Важной принадлежностью походного конского снаряжения были путы (лъахэ). Без них ни один наездник не пускался в дорогу. Обычно их приторачивали за седлом, продев под подхвостник (кIэрыщIэ). Путы, используемые черкесами, были треножные (щэлъахъэ). Черкесы, сообщает Ф. Ф. Торнау, «употребляли весьма простой и удобный способ спутывать лошадей треногами, отнимающими у них возможность далеко уходить и делать скорые прыжки. Тренога состоит из двух широких сыромятных ремней, одного длинного и другого короткого, связанных между собой в виде латинской Т; на концах этих ремней находятся петли из узких ремешков, застегиваемые на костяные чеки. Коротким ремнем спутываются обе передние ноги несколько выше копыта, а концом длинного ремня обвязывается одна из задних ног выше колена. Петли с чеками позволяют растреножить лошадь в одно мгновение, что имеет особую важность в быту горца, встречающего так часто надобность, в случае неожиданной тревоги, вскочить на лошадь, не теряя времени» (127, 1991, № 2, 23).

Предпочтение, которое черкесы отдавали треногам, отражена в пословице: «Ныкъуэ лъахъэр шы гъэкIуэдщ, щэлъахъэр гу гъэпсэхущ» - «От [двуножных] пут лошадь пропадает, от треножных пут сердцу покой».

§2. Вооружение и амуниция воинов

Оружие в экипировке черкесского воина было чрезвычайно многообразным, но несмотря на это, по свидетельству Ф. Ф. Торнау, «...одно оружие не мешает на нем другому, ничто не бренчит, благодаря хорошей пригонке, и это очень необходимо в ночной войне набегов и засад, какую обыкновенно ведут горцы» (127, 1992, № 3, 12).

Полный комплект вооружения черкесского воина состоял в следующем:

а) наступательное оружие

1. Лук и стрелы.

Лук (шабзэ) и стрелы (шабзэшэ) оставались на вооружении черкесов довольно долго, вплоть до середины XIX в. и продолжали соседствовать с широко распространившимся к тому времени огнестрельным оружием.

По свидетельству Хан-Гирея, черкесы сами луки производить не умели, но завозили их из Турции (136, 227).

«Применявшиеся в Черкесии луки принадлежат к типу сложных, т. е. склеенных из разных материалов: рога, дерева, вываренных сухожилий животных. Рог при натягивании тетивы оказывался на внутренней стороне лука и обеспечивал очень сильное его натяжение. Вдоль рога рыбьим клеем приклеивались вываренные сухожилия животных, которые придавали луку эластичность; тонкий слой дерева составлял внешнюю сторону лука. Концы лука, на которые надевалась тетива, делались из кости» (15, 39).

Стрелы производились самими черкесами, причем высокого качества. Производство стрел было одним из немногих занятий, которому представители черкесской знати предавались в свободное время. «Они сами каждодневно делают для себя стрелы,- писал Д. Интериано,- даже [находясь] на лошади, и делают превосходно, [так что] не многие стрелы можно найти, которые бы пролетали бы большее расстояние, чем ихние, с остриями или наконечниками, закаленными наилучшим образом» (51, 51).

Обычное количество стрел в колчане не превышало тридцати (1, Ф. 13454, Оп. 6, д. 73, л. 3 об.). При этом стрелы были двух видов: с оперением из белых орлиных перьев и с опереньем из перьев ворон и других хищных птиц (107, 197).

Стрелами с белым орлиным опереньем могли пользоваться только князья, все остальные: «Дворяне и простолюдины не имеют права украшать свои стрелы подобным образом под угрозой строгого наказания» (28, 65).

У «аристократических» подразделений черкесов употребление лука и стрел, как и ношение кольчуги, было привилегией дворянства. Я. Потоцкий отмечает этот факт относительно Кабарды в конце XVIII в. В частности, он писал: «Крестьяне совершенно не имеют права носить кольчугу, колчан и стрелы; на войну они отправляются в повозках и сражаются пешком» (112, 227).

Но при этом, как свидетельствовал Э. Челеби, крестьяне «все имеют ружья» (138, 59).

Если в XVII - XVIII вв. у черкесской аристократии использование метательного и огнестрельного оружия сочеталось, то в XIX в. употребление лука и стрел носило уже в основном парадный характер.

Князья и дворяне вооружались ими во время нанесения официальных визитов, а также в ходе различных состязаний, устраиваемых в связи с ритуальными обрядами (15, 39).

Кроме того, у Хан-Гирея, имеются сведения о сезонном характере использования этого вида оружия. Он, в частности, писал: «...и ныне знатнейшие князья и дворяне почитают приличным иметь сагайдак (Сагайдак - термин тюркского происхождения: в данном случае означает полный комплект: лук, налучье, колчан со стрелами.) в готовности и носят его весною и осенью, ибо летом от жаров лук становится слаб, а зимою от стужи слишком туг, так что в эти два времени года признается неудобным древнее это орудие» (136, 227-228).

Для ношения и предохранения лука и стрел от сырости и повреждений применялись специальные футляры: налучье (шабзэлъэ) и колчан (шалъэ, детч (Термин, видимо, также тюркского происхождения.). Эти предметы, а также тетива (шабзэпс) изготовлялись черкешенками и они, надо заметить, достигли в этом большого мастерства. По мнению Хан-Гирея, «...ни один народ, употреблявший это древнее оружие, не достиг до такой степени искусства в украшении его, как черкесы: серебряный прибор к колчану делается под чернью и позолотою. Чехол, на стрелы надеваемый, бывает шит серебром и золотом» (136, 227). Налучье и колчан шились из красного, черного и коричневого сафьяна. При этом они украшались тиснением, металлическими, оправленными в серебро бляшками, золотым и серебряным шитьем (15, 39).

2. Ружье (фоч).

Огнестрельное оружие распространилось на Кавказе в XVI - XVII вв. Ружья XVI - XVII вв. фитильные. В XVIII в. на Кавказ из Турции начинают поступать ружья с искровым кремниевым замком. Со временем местные мастера приступили к самостоятельному изготовлению оружия, используя турецкие ружья в качестве образцов (15, 10).

В I711 г. французский путешественник Абри де ла Мотрэ посетил Черкесию. «Что же касается огнестрельного оружия,- сообщает он о черкесах... то они научились подражать ему, если уже не превзошли то [огнестрельное оружие], которое купцы привозили к ним из Константинополя...» (90, 124).

Как считают специалисты, ружья, изготовленные на Кавказе в первой четверти XVIII в. имеют переходный характер, «они сочетают в себе черты турецкого ружья этого периода и специфически кавказского типа ружья более позднего времени - конца XVIII - XIX вв. Ружья второй половины XVIII - XIX вв. являются оригинальным оружием, обладающим характерными чертами, позволяющими дать им определение «кавказский тип ружья». Ему свойственны следующие черты: длинные, круглые или граненые, главным образом нарезные, стволы, украшенные у казны и дула золотой, реже серебрянной насечкой. Замки принадлежат к средиземноморскому типу кремниевого замка. Ложа у кавказского ружья тонкая, с длинным узким прикладом, заканчивающимся костяной пятой. Серебряные накладки и обоймицы украшены гравировкой и чернью, растительным, иногда с геометрическими элементами, орнаментом» (15, 10). Прицел турецкого типа, постоянный диоптрический; на стволе у казны имеется вертикальный выступ с маленьким отверстием, а на конце ствола мушка, в виде металлического шарика, небольших размеров (не больше спичечной головки). При прицеливании мушка на конце ствола (адыгейск. - пэкIэгъуаз) и отверстие на прицеле у казенной части ствола (адыгейск. - дакъэгъуаз) должны были совпадать. Ружья, имевшие нарезные стволы, назывались кабарадинцами «шэхъщын» (152, 23).

По свидетельству Т. Лапинского, в каждом черкесском селении «...имеется один или несколько оружейных мастеров, которые, правда, медленно, но искусно изготовляют новое оружие или переделывают и починяют старое» (75, 139).

Так как кремниевое ружье служит долго и может использоваться не менее ста лет, то происходило постепенное его накопление в стране. Хан-Гирей, например, сообщает о своем времени (30-е гг. XIX столетия): «Это

губительное оружие в настоящее время предпочитается всем другим, и каждый черкес, начиная от пастуха до князя, имеет исправное ружье» (136, 228). Аналогичное свидетельство приводит Д. Белл, который писал относительно натухайцев и шапсугов: «Сейчас каждый пастушок обладает или ружьем, или пистолетом, а иногда и тем, и другим» (25,499).

Ружья носились в специальных чехлах - «дохъутей». Материалами для изготовления чехлов служили войлок, козьи или барсучьи шкуры. Последние особенно ценились. Как чехол, так и само ружье имели ремень. Ружье в чехле носилось за спиной. После выстрела, если необходимо было тотчас обнажить шашку, его можно было не вкладывая обратно в чехол, перекинуть за спину с помощью имеющегося на самом ружье ремня. Как свидетельствовал Т. Лапинский: «Этот способ ношения ружья превосходен как для всадника, так и для пешехода, потому что ружье не только защищено от сырости и ржавчины, но, кроме того, не утомляет солдата и может быть с такой же легкостью вытащено из чехла, как сабля из ножен» (75, 139).

Для стрельбы из ружья спешенные черкесы использовали присошки (зэпэбаш). «Разборчивый вкус черкеса, не терпевший ничего тяжелого и неуклюжего,- отмечал Н. Дубровин,- положил свою печать и на присошки. Они имеют вид циркуля, иглы которого втыкаются в землю, а наверх кладется ружье» (47, 15-16).

«Место их - при ружейном чехле, к которому они пристегиваются очень просто и не мешают ни пешему, ни всаднику» (111, Т. 2. 333).

К огнестрельному оружию полагалось специальное снаряжение. Таковыми были прежде всего приспособления для ношения пороха: газыри (хьэзыр), пороховница (гынылъэ), натруска (гынжей тегъащхьэ). Газыри - патронные гильзы, представляющие собой круглые, полые внутри, деревянные или камышовые трубочки высотой 8-10 см. Газыри носились в газырницах (хьэзырылъэ) - специальных нагрудных кармашках, нашитых на черкеску. Их общее количество колебалось от 16 до 24 (по 8 или по 12 с каждой стороны).

Нижний конец газыря имел дно с небольшим круглым отверстием, в которое мог свободно войти шомпол (шэехух). Внутрь газыря до самого дна загонялся войлочный пыж (шэкудэ), затем в него засыпался отмеренный заряд пороха. Мерка пороха необходимого для производства одного выстрела зависела от калибра ствола и качества пороха. Пулей, обернутой в тряпочку, служащую вторым пыжом, затыкалось верхнее отверстие газыря.

При заряжении проводилась следующая операция: газырь вынимали из нагрудного кармашка, пулю обернутую в тряпочку, вытаскивали зубами, верхний конец газыря приставляли к стволу ружья и переворачивали, при этом в него высыпался порох. Затем доставали шомпол, вставляли в отверстие на дне газыря и загоняли в ствол пыж, находящийся в нем. Вслед за этим в ствол загонялась пуля, обернутая в тряпочку. Последняя удерживала пулю и обеспечивала плотную ее пригонку к каналу ствола. На рисунках Г. Г. Гагарина, прославившегося удивительной правдивостью своих произведений, горцы часто изображены с оборванными полами и рукавами черкесок. Х . Х . Яхтанигов находит объяснение этого в следующем. До появления патронов издавна существовала большая проблема - плотная подгонка пули к каналу ствола. Для того чтобы ликвидировать зазор между пулей и каналом и плотно засадить пулю в ствол, ее и обертывали в лоскуток материи. Без этого выстрел терял значительную часть своей силы. «Но а если в бою этот запас оказывался на исходе, то приходилось, в буквальном смысле этого слова, рвать на себе одежду, что и зафиксировано пытливым взором художника Г. Г. Гагарина» (152, 26).

Таким образом, газырь - это прообраз патрона. Само слово «газырь», возможно, и происходит от своего адыгкого названия «хьэзыр», означающего «готовый». Употребление газырей имело целый ряд преимуществ:

- это были готовые, отмеренные заряды пороха;

- в них в любую погоду порох оставался сухим;

- при их употреблении сокращалось время заряжания;

- с ними можно было заряжать ружья верхом, на полном скаку, что при обычном порядке заряжания без остановки сделать трудно.

Преимущества этого способа имел возможность оценить Н. Муравьев в 1817 г., во время его нахождения в Персии в составе русского посольства. Во время военного смотра в честь послов персидские воины показывали свое воинское искусство. В числе прочего они демонстрировали и стрельбу из пистолетов на скаку. Вслед за ними показали свое умение и кабардинцы, находившиеся там, в числе сопровождавших послов лиц.

Описывая это зрелище Н. Муравьев сообщал: «Надобно здесь заметить о непроворстве, с которым вообще заряжают свое оружие азиаты. Они не употребляют начиненных жестяных или деревянных патронов наподобие

черкес, но имеют кожаную порошницу при поясе, из коей высыпав заряд на ладонь, всыпают после оный в дуло; в ветреную погоду сдувает всегда у них порох с руки. Черкесы, напротив, заряжают весьма скоро. Я сам был свидетелем, как они успевали вынуть ружье из-за плеч и пять раз зарядить и выстрелить из оного на всем скаку на расстоянии полуверсты» (14, 14).

Основной походный запас пороха находился в большой пороховнице (гынылъэ).

«Эти пороховницы имели форму закрученного рога, делались же из дерева, а сверху оклеивались кожей. Они имели специальное приспособление для отмеривания дозы пороха, засыпаемого в ствол-мерку, которая прикреплялась к широкой части пороховницы, в которой имелось отверстие для отсыпки пороха. Пороховница опрокидывалась, порох отсыпался в мерку, а затем отверстие закрывалось специальной костяной пластинкой, задвигавшейся в пороховницу. Сверху мерка затыкалась деревянной пробкой» (15, 51).

В маленьких пороховницах-натрусках хранили высококачественный, затравочный порох (гынжей), который насыпали на полку ружья или пистолета. Натруски (гынжейтегъащхьэ) имели форму рожка, более редкой была круглая форма. Они делались из рога, кости, дерева, в более редких случаях целиком из серебра. Натруски оправлялись в серебро, которое украшалось гравировкой и чернью. Сбоку они имели устройство, представлявшее собой рычаг, верхнее плечо которого имело пружину. Пружина надавливала на плечо рычага, заканчивавшееся крышкой, закрывавшей отверстие натруски (15, 51).

Натруска хранилась в одном из двух нагрудных карманов (бгъэгущталъэ), располагавшихся ниже газырниц. Эти карманы на черкеске делались внутренними или нашивными.

У некоторых натрусок имелось кольцо, к которому прикреплялся шелковый шнурок, другой конец которого в виде петли надевался через голову на шею. Это делалось для избежания ее утери, особенно при заряжании и стрельбе на скаку.

Пули и пыжи хранились в специальном кожаном кисете (шалъэ), висевшем на поясе. Так как ружья изготавливались разных калибров, пули отливались вручную индивидуально для каждого ружья. Для этого существовали пулелейки, некоторые из них в форме двух пластинок, носимых на поясе (15, 51). В основном пули были свинцовые (бдзамцIэшэ), но в фольклоре есть упоминания и об оловянных (дзэхушэ), каменных

(мывэшэ) и даже самшитовых (чэшеишэ) пулях. Употребление последних двух происходило, по-видимому, в экстренных, крайних случаях, когда заканчивался запас обычных свинцовых пуль. В этом плане примечателен случай, имевший место в 1770 г. во время захвата Астрахани войсками Степана Разина. Вот как он описывается: «Астрахань была взята, но еще оборонялась одна из кремлевских башен, где засел Казан-бек с 12 черкесами из числа подвластных князя Каспулата (Кабардинские князья из фамилии Бековичей-Черкасских, представителем которой был и Каспулат, с XVI в. со своими дворянами находился на русской службе. Черкесы, оказавшиеся в это время в Астрахани, находились здесь, видимо, по служебным делам.). Они отказались сдаться, отбивали приступ за приступом и, когда не стало свинцу, заряжали ружья серебряными деньгами, но наконец вышли и деньги и порох. Тогда Казан-бек приказал растворить ворота, и черкесы с кинжалами в руках ворвались в толпы неприятеля... и все пали героями, не помышляя о сдаче» (110, 84).

Для ухода за ружьем инструментами служили отвертка, иголка для прочистки затравного отверстия, шомпол (шэехух), жирница (щалъэ). Шомпол представлял собой деревянный прут с металлическим наконечником и вставлялся в специальное отверстие в ложе ружья. Жирница - металлическая коробочка с гусиным жиром, носимая на поясе. Обычно они украшены серебром с чернью и гравировкой. Жир, находящийся в ней, использовался для смазки и чистки ружья. Иголку для прочистки затравного отверстия прикрепляли на серебряной цепочке у казенной части и вставляли в специально сделанное для нее отверстие у основания ложи.

«Одним из главных занятий черкесов,- сообщает И. Бларамберг,- является чистка и приведение в боевой порядок оружия; поэтому оружие у них всегда чистое и сверкающее» (28, 65).

Т. Лапинский в связи с этим отмечал: «Адыг любит свое оружие больше всего на свете и кладет на его сохранение больше забот, чем на свою собственную персону. Его оружие всегда находится в таком блестящем состоянии, что самый лучший европейский солдат может взять с него пример» (75, 141).

3. Пистолет (фочкIэщI).

Этот вид огнестрельного оружия также был широко распространен среди черкесов, особенно у представителей феодальной аристократии. «Высший класс всегда имеет при себе заряженный пистолет, и оружие это бывает часто виною смерти при случайных спорах»,- писал Хан-Гирей (136, 228).

Пистолеты, по мнению специалистов, пришли на Кавказ с Запада. К производству собственных пистолетов в Черкесии приступили не ранее XVIII в. (15,46).

По длине они такие же, что и европейские кавалерийские пистолеты, но намного легче (75, 140). Для них характерна тонкая деревянная ложа, оклеенная черной ослиной кожей, тонкие рукоятки заканчиваются костяным, несколько сплюснутым сверху и снизу шариком. К рукояти пистолета прикреплялся шнур (кIэрахъуэпс), который носился на шее, для щегольства. Эти шнуры изготовляли девушки для подарка молодым мужчинам (1 5, 49-50).

Часто носили по два пистолета: один в кобуре на левом боку рукоятью вперед, а другой за спиной, заткнутый за пояс. Кобура для пистолета (хъумпIырэ) изготавливалась девушками. Затвор у пистолетов был кремниевый, аналогичный ружейному, но меньших размеров, причем он устроен таким образом, «чтобы можно было выстрелить легче и удобнее левой рукой, чем правой» (75, 140).

По свидетельству Т. Лапинского дальнобойность и прицельность черкесского пистолета были очень посредственны, и поэтому он считался оружием ближнего боя. Черкес «пользуется пистолетом, из которого он стреляет левой рукой, в сражении только на близком расстоянии, когда он обнажил саблю или кама» (75, 140).

При широком распространении огнестрельного оружия и военном укладе жизни потребление пороха в Черкесии было «чрезвычайным» (136, 249).

Черкесы умели сами изготавливать порох и, как сообщает Т. Лапинский, «большое число семейств занимается исключительно изготовлением пороха и получает от этого значительную прибыль» (75, 61).

Количество производимого пороха никогда не покрывало потребности в нем, поэтому порох в большом количестве импортировался в Черкесию из Крыма и Турции (107, 194).

4. Шашка.

Описывая этот вид холодного оружия Ф. Ф. Торнау сообщает: «Это последнее, любимое и самое страшное черкесское оружие состоит из сабельной полосы, в деревянных, сафьяном обтянутых ножнах, с рукояткою без защиты для руки. Шашка черкеса остра, как бритва, и

употребляется им только для удара, а не для защиты; удары шашки большей частью бывают смертельны» (127, 1992, № 3, 16).

Шашка, представляющая собой разновидность сабли, сравнительно молодой вид оружия. Создателями шашки являются черкесы XVIII в. Само слово «шашка» происходит от ее черкесского названия «сэшхуэ», означающее большой нож (35, 874). Шашка имела ряд конструктивных особенностей, отличавших ее от своей предшественницы - черкесской сабли. Прежде всего, это меньший изгиб клинка, но, несмотря на это, как отмечал Хан-Гирей, «шашкою неудобно колоть, а только можно рубить» (136, 228). Возможно, как считают некоторые исследователи, это связано с тем, что у шашки отсутствует защитная крестовина на рукояти - гарда. «Этим смелым решением был уменьшен вес оружия на одну шестую, одну пятую части, кроме того, что немаловажно для рубящих клинков, данное изменение передвинуло центр тяжести вперед» (152, 30).

Шашка короче и легче сабли. Средняя длина клинка шашки - 72-76 см, средняя длина клинка черкесской сабли 95-106 см. Согласно кабардинской формуле, «шашка должна быть легкая, как перо, упругая, как лоза, острая, как бритва. Кто носит тяжелую шашку, тот не надеется на умение» (15, 30).

Шашку носили в деревянных обтянутых сафьяном ножнах на левом боку лезвием вверх, при этом она была утоплена в ножнах по самую головку рукояти. «Вероятно, - как считает X . X . Яхтанигов, - это подсказано желанием компактности, а возможно, и необходимостью сохранить дорогую обделку, подразумевавшую и некую конспиративность из-за блеска» (152, 30).

В изготовлении ножен принимали участие и женщины, украшавшие их накладками из кожи, серебряным и золотым галуном. Обоймицы делались металлические, оправленные в серебро с гравировкой и чернью (15, 34). Было два способа ношения шашки: на поясной и на плечевой портупее. К кожаной поясной или плечевой портупее делался набор из серебряных бляшек. Серебром украшалась также рукоять шашки. Если она была деревянная, то сверху ее обкладывали серебряными пластинами, украшенными чернью и гравировкой. Если же рукоять делалась из цельного куска черного рога, то серебро не применялось. Вообще, как отмечают специалисты, «серебро в черкесских шашках использовалось довольно экономно — на рукоять и две узкие обоймицы, а также бляшки портупеи» (15, 35).

Еще одной особенностью шашки является наличие сверху на головке рукояти клинообразного выреза, который разделяет ее на две половины - уши. Это так называемый раструб (адыгейск. - къэкIэбзэжь).

Боевые свойства шашки определялись, помимо конструктивных особенностей, качеством ее клинка. Клинки довольно высокого качества производились как местными мастерами, так и завозились из Европы (немецкие, итальянские, венгерские, польские). При этом некоторые изделия местных кавказских мастеров не только не уступали старым европейским клинкам, но даже превосходили их. В. А. Потто писал: «Восточное оружие издревле славилось в Европе, но с тех пор как русские начали войну на Кавказе, стали приобретать известность черкесские шашки, удары которых, нередко перерубавшие ружейные стволы и даже рассекавшие панцири, приводили всех в изумление» (111, Т. 4, 544).

Конечно, обладателем оружия такого высокого качества, как, например, «гурда» или знаменитые «волчки» (хьэдзэгъей) и в то время был довольно ограниченный круг лиц. В наше же время такие клинки стали предметом легенд, их нет даже в большинстве музеев (152, 31).

5. Сабля колчанная (джатэ).

Этот вид холодного оружия, по-видимому, не входил в число обязательных в экипировке черкесского воина. О ней упоминает Хан-Гирей: «Она носится при колчане, имеет ручку чешуйчатую и обыкновенно бывает оправлена в желтую медь, с искусством чеканенную. Эта сабля имеет то преимущество над шашкою, что ею можно рубить и колоть, между тем как шашкою можно только рубить» (I36, 228).

Так называемая «колчанная сабля» могла носиться не только при колчане, но и крепиться к седлу. Об этом сообщает Д. Кук, свидетельство которого относится к 40-м гг. XVIII в. «Когда они сидят на лошади,- писал он о кабардинцах, - у них к седлу прикреплена сабля под левым бедром, а другая висит у левого бока» (70, 178).

6. Кинжал (къамэ).

Кинжал является обязательным элементом, частью национального костюма черкесов. Хан-Гирей в связи с этим отмечал: «Это оружие можно, так сказать, причислить к верхней одежде черкеса, в особенности у лучших воинов высшего класса, ибо они только снимают с себя кинжал тогда, когда скидают верхнее платье. Черкес ест, пьет, говорит,

забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит, имея его под своим изголовьем, следственно, он вечно вооружен» (136. 228).

Г. Н. Прозрителев выделял два вида черкесских кинжалов: небольшой узкий кабардинский и короткий широкий шапсугский (15, 36).

Кинжал - чисто боевое оружие и он не применялся, как пишут об этом некоторые, для приема пищи (77, 535).

Для этого использовался специальный небольших размеров подкинжальный ножичек (къамэщIэгъысэ, къамэщIэлъысэ). Он хранился в углублении, карманчике, сделанном с внутренней стороны кинжальных ножен (146, 7).

Раньше черкесы носили сзади на правом боку так называемый «черкесский нож» (адыгэсэ). Его особенностью, кроме формы рукояти и лезвия, было то, что он, как и шашка, утапливался в ножнах вместе с рукоятью. В настоящее время ножи такого типа продолжают носить абхазские старики.

б) Оборонительное оружие

Черкесский защитный доспех состоял из шлема, кольчуги, налокотников, кольчужных перчаток или наручей.

1. Шлем.

Шлемы изготавливались двух видов: высокие (таж) и низкие (жыпхъэ или кIыпхъэ) (152, 35).

Таж представляет собой высокий конический железный шлем, склепанный из двух половинок. К верхушке шлема прикреплено кольцо, в котором закреплялся флажок из красного сафьяна, украшенный вышитым узором и галуном (шыкъу). К ободу шлема закреплена кольчужная сетка. Она закрывает половину лица и ниспадает на плечи поверх кольчуги, создавая дополнительную защиту. Спереди кольчужная сетка шлема застегивалась на крючок. Шлем украшался накладными серебряными пластинами с гравировкой и чернью (15, 52).

Второй вид шлема - жыпха или чыпха, отличался простотой устройства. Его основной корпус защищал темя, сетка защищала шею, височные части и щеки (152, 38).

«Особенностью черкесского шлема является отсутствие защитного приспособления для лица - носовой стрелки. Вместо нее используется кольчужная сетка, закрывающая половину лица. Бармица черкесских шлемов длинная, прикрывающая плечи. Под подбородком обе половины застегиваются на крючок» (1 5, 52).

2. Панцирь (афэ) и кольчуга (афэ джанэ).

«Кольчуга или панцирь - это защитный доспех, сплетенный из колец. В источниках нет твердого различия между понятиями кольчуга и панцирь. Однако исследователь защитного вооружения Н. В. Гордеев предлагает различать их по способу крепления кольца - в кольчуге «на гвоздь», в панцире «на шип». Крепление «на гвоздь» состоит в том, что расплющенные концы согнутого в колечко отрезка проволочки с пробитыми отверстиями соединяют гвоздиком, проходящим в оба отверстия, концы которого расклепывают по обе стороны кольца. Крепление «на тип» заключается в том, что в одно из отверстий укрепляют конической формы шип, на его острие накладывают отверстие второго конца проволочки и расплющивают шип.

При этой технике головка образуется лишь на одной стороне кольца, другая остается гладкой и на ней иногда видно место укрепления шипа. Благодаря тому, что одна сторона кольца гладкая, панцири меньше рвут надеваемую под них одежду, чем кольчуги. Все панцири одинарного плетения, то есть каждое кольцо захватывает четыре других. Кольца у панцирей меньшего размера, чем у кольчуг, и панцири легче их (15, 52). «Кольца всех черкесских панцирей клепаны «на шип» в горячем состоянии, так как в месте склепки видна сварка металла, вследствие чего кольца совершенно невозможно разъединить. Техника плетения и крепления колец, «по оценке Н. В. Гордеева, первоклассная» (15, 54).

Черкесские панцири легкие (от 3,390 до 4,920 кг) и удивительно прочные.

До появления нарезного оружия и патронов лучшие образцы черкесских кольчуг были непроницаемы для пуль.

Говоря о лучших образцах черкесских кольчуг, русский военный историк В. А. Потто писал: «Эти кольчуги представляют теперь археологическую редкость, их можно видеть только в музеях, и, кажется, самый секрет их бесподобной выделки утрачен навеки. Подобный трехкольчужный панцирь, представляющий собой мелкую сетку, легко укладывается весь на ладони и весит не больше пяти-шести фунтов, но надетый на голову и плечи, он образует как бы литую массу, которую можно было пробить

разве штыком или пикой, но никак не употребляющейся тогда круглой пулей. На Кавказе, впрочем, существовал особый сорт шашек, называемый гурда, закалка которых приспособлялась именно для рубки этих знаменитых панцирей, но зато же настоящая гурда - а их много было поддельных, - и ценилась на вес чистого золота» (111, Т. 1, 592).

Производство таких кольчуг было делом трудоемким и занимало много времени. По подсчетам специалистов, в кольчуге могло находиться до 25 тысяч колец. На изготовление одной кольчуги или панциря уходило до 6 000 тысяч часов труда мастера (152, 16).

Естественно, что такие кольчуги высокого качества стоили очень дорого. Хан-Гирей, например, упоминает кольчугу, за которую было уплачено 30 душ крепостных обоего пола (136, 231).

Кольчуги и панцири были непременной частью защитного вооружения знати. Д. Интериано писал в XV в. о черкесах, что их знать никогда не расстается со своими доспехами. «Они спят с так называемым ими панцирем, то есть кольчужной рубахой под головой, вместо подушки, и с оружием наготове и, пробудившись внезапно, тотчас надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными» (51, 49).

Как свидетельствуют источники и спустя 300 лет жизнь черкесов мало изменилась. Так, в «Описании кабардинского народа», сделанном в 1748 г., сообщается: «Да и все владельцы кабардинские один от другого всегда опасается убийства и для предосторожности от того и по ночам спят в панцирях» (54, Т. 2, 159).

По свидетельству многих авторов, при покупке кольчуги она проверялась на прочность. «Чтобы их испробовать, их кладут на теленка и стреляют из пистолета. Как правило, пули не пробивают их, лишь теленок после этого слегка пошатывается» - сообщает Г. Ю. Клапрот (65, 266).

Под кольчугу надевалась специальная одежда — подкольчужник (тэджэлей). Это достаточно плотная, стеганная на вате куртка. Говоря об ее предназначении, И. Бларамберг сообщает: «Во время военных действий они надевают под кольчугу ватную одежду, благодаря упругости которой пули отскакивают еще лучше» (28, 30).

Для носящих кольчугу воинов шилась специальная верхняя одежда типа кафтана. Она шилась из дорогих, обычно красного цвета, тканей. Такую одежду мы видим на офицере из лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона 26, изображенного на рисунке Г. Г. Гагарина.

Боевая куртка, надеваемая поверх кольчуги, согласно фольклорным данным, называлась «танжьедед» (131, 34)

Из всех областей Черкесии лучшие панцири производились в Кабарде, и кабардинцы лучше остальных были оснащены этим видом защитного вооружения (89,442).

Согласно историческим источникам, кабардинцы в XVIII в. могли выставить не менее 5 тысяч «панцирников». Так, в одном из них, датируемом за 1743 г., сообщается: «Ныне в Большой Кабарде на Баксане военных людей собраться может слишком 6 тысяч человек. А в Малой Кабарде у Татартюпа военных людей собраться может с небольшим три тысячи человек. А сабли и шашки припущенные у каждого кабардинца, да и панциря редкой человек не имеет» (54, Т. 2, 158).

В XVII в. русское правительство выписывало из Кабарды в Москву «черкас панцирного дела, сварщиков самых добрых мастеров» (54, Т. 1, 322).

Черкесские панцири ценились и в Персии, куда они вывозились кабардинскими князьями в качестве подарков Персидскому шаху. В 1595 г. шах Абасс, показывая русскому послу князю Андрею Звенигородскому разное оружие, сказал: «А пансыри добрые выходят к нам из Черкас» (15, 53).

В то же время известно, что в Черкесию в большом количестве завозились кольчуги из России, Дагестана, Турции, Персии и Абхазии. Возникает вопрос почему черкесы завозили панцири, если они могли их сами изготавливать, причем высокого качества? Дело в том, что черкесские панцири стоили дорого и производились в небольшом количестве. Основу военного и политического могущества князей составляли находящиеся в вассальной зависимости от них дворяне. При установлении вассальных отношений князья выдавали им так называемый «дворянский подарок» (уэркъ тын). По обычаю, панцирь входил в число обязательных предметов, составляющих уорк тын. Но материальные возможности князей не были безграничны, поэтому они стремились приобретать в других местах эти панцири, пусть и не такого высокого качества, но по меньшей стоимости. Кроме того, кольчуга входила в состав «цены невесты» (нысэ уасэ), уплачиваемой при женитьбе, а также «цены крови» (лъы уасэ) при выплате штрафов за убийство.

Секрет изготовления черкесской кольчуги был утерян, как считает Х . Х . Яхтанигов, еще в начале XVIII в. Поэтому ее более поздние образцы по качеству весьма далеки от предыдущих (152, 7).

3. Налокотники (еушэджий).

Налокотники предназначались для защиты рук от ударов клинка и закрывали их от кисти до локтя. «Черкесская принадлежность налокотников определяется их формой и украшением: главная пластина неглубока и прикрепляется к руке при помощи еще двух небольших пластинок, скрепленных «кольчужными колечками и застежками». Поверхность налокотников «иногда украшали гравировкой или позолотой с надписями, и по краям налокотников около запястья располагались серебряные накладки, поверхность которых покрывалась черновым и гравированным орнаментом и надписями» (15, 54).

4. Кольчужные перчатки (афэIэлъэ) и наручи (аэшIгелъ).

Продолжением налокотников являлись кольчужные перчатки или наручи. Последние были более распространены. Хан-Гирей называет их «наручники», подчеркивая их отличие от перчаток. Черкесские наручи - это кусок кожи определенной формы, на который нашита кольчужная сетка. Они накладывались кольчужной сеткой кверху на внешнюю сторону кисти и крепились со стороны ладони с помощью кожаных шнуров. Раструбы, как сообщает Хан-Гирей, заправлялись под налокотник (136, 229).

Таким образом, черкесские наручи защищали кисти рук и пальцы только с внешней стороны. Зато у них было перед настоящими кольчужными перчатками то преимущество, что их было легче снимать и надевать, а также то, что воин лучше «чувствовал» оружие и оно лучше «сидело» в его голой со стороны ладони руке.

Они изготавливались из красного или черного сафьяна. По краям обшивались галуном, вытканным из золотых или серебряных нитей. Посредине вышивали золотом или серебром закрученные рога или другой характерный для черкесского орнамента мотив. Изготавливали и вышивали наручи женщины (15, 54).

Хотя черкесов «...особенно интересует само качество оружия, они все же неравнодушны и к богатому украшению оружия. Их сабли (шашки), кинжалы, пистолеты, ружья, сбруя и т. д. покрыты украшениями из

серебра и золота превосходной работы. Седла и ножны шашки украшены галунами», - сообщает И. Бларамберг (28, 66).

В отделке и украшении оружия мастера серебряных дел старались удовлетворить своеобразному эстетическому вкусу черкесов, не терпевшему ничего пестрого, яркого, ценившего во всем чувство меры. Хан-Гирей отмечал: «Черкесы по справедливости должны быть причислены к тем необразованным народам, которых рукоделия заслуживают удивления. Оружейники, золотых дел мастера и ткачихи производят превосходные изделия, в которых видно особенное их искусство, во многом достигающее высокого совершенства. В Персии и Турции и в других местах Азии вы найдете оружия, более богатые, нежели в Черкесии, но с таким прекрасным вкусом обработанных там не увидите... Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова, и, что важнее всего, эта чернь и эта позолота почти никогда не сходят» (136, 248-249).

Основной фон черкесского оружия темный. Это, по мнению некоторых исследователей, не случайно. Густая чернь украшавшая оружие «помимо своего художественного назначения, была призвана иметь и самое практическое назначение - приглушать, дабы, как говорили запорожские казаки, «вражеское око на ясной сбруе не играло». Сами казаки для этой цели окунали ружья в воду, чтобы перед походом они покрылись ржавчиной» (152, 41).

Не прихоть руководила военными вкусами черкесов, но они складывались столетиями и вытекали из их образа жизни, особенностей быта. Хан-Гирей отмечал в связи с этим: «Всегдашняя военная жизнь черкесов усовершенствовала... искусство их во всем, что касается до оружия: вечная опасность, вечная война и военное тщеславие заставляют их всегда помышлять об устройстве, красоте, удобности и ловкости оружия. И действительно, они до этой цели достигли вполне. Всякое лучшего достоинства оружие черкеса, нужное для военной его жизни, носит особенную печать изящного вкуса, прочности, красоты, соединенной, с удобностию для употребления» (136, 250).

Кроме оружия, отправляющиеся на долгое время в поход наездники имели при себе массу других вещей, необходимых в дороге. Среди вещей, составляющих, по словам Хан-Гирея, «утварь лучших наездников», были следующие: седельный топорик (уанэ джыдэ), подседельный ящичек для соли (шыгъулъэ), аркан (шадз), маленькие железные наручники для

пленных (Iэхъулъэхъу), кляп в виде войлочного шарика с двумя шнурками, огниво (щтэ), кремень (щтэуч), трут (щтэмылэ), серные и восковые свечи (уэздыгъэшыхь), шило (дыд), запас ремней для починки сбруи (фэ кIапсэ), кожаный стакан для воды (сулукъ), походный котелок (лэгъуп), походный поднос (сыхьэн, Iэнлъэ), повязочные бинты, марли, пропитанные воском (шэхудэ), дезинфицированные тампоны для глубоких ран (лъыс), подзорная труба (нэрыплъэ), компас (къиблэм), походная фляжка (къыр-къыр), два надувных бурдюка (фэнд), переметная походная сумка (къэлътмакъ), игла (мастэ), нитки (Iуданэ), смена нижнего белья (щIагъщIэлъ), теплых носков (лъэпэд хуабэ), запасная обувь (лъэхъстэн вакъэ), целебные травы или лекарственные снадобья для заживления ран, погребальная рубашка (хьэдэ джанэ) и некоторые другие (165).

Компактность — актуальная проблема походной жизни, в снаряжении наездников была достаточно продумана. Все это хозяйство, сопровождавшее черкеса в походной жизни, было распределено в экипировке таким образом, что не создавало ему неудобств. Часть предметов была приторочена к седлу: седельный топорик, подседельный ящичек для соли, аркан, походная фляжка, бурка, переметная сумка с походным запасом пищи, а также походные надувные бурдюки с лежащими в них запасным комплектом нижнего белья, носков и обуви. Походный кожаный стакан хранили под седельной подушкой. Часть мелких вещей (иглы, нитки, просмоленные сухие щепки для разведения огня, лекарственные травы для ран и т. д.) хранились в нескольких газырях.

В экипировке воинов основная нагрузка ложилась на пояс. На поясе, кроме кинжала и двух пистолетов, висели в специальном кожаном кисете (щтэмылъэ) трут, огниво и кремень, стальная жирница, пороховница, пульница в виде кожаной сумочки.

Удобство и продуманность у черкесов многих элементов походной экипировки отмечал Ф. Ф. Торнау. В частности, он писал: «Каждый горец имеет при себе все, что необходимо для огня. Огниво, служащее также винтовою отверткою, кремень и трут в кожаной сумке висят... на поясе. В одном из деревянных патронов, помещенных у него на груди, берегутся серные нити и куски смолистого соснового дерева, дозволяющие быстро разводить огонь. Рукоять плети и конец шашки всегда обмотаны бумажною материей, пропитанною воском; скрученный фитилем, он заменяет тотчас свечу» (127, 1992, № 3, 7).

§ 3. Одежда

Если быть точным, черкесский костюм является не одеждой, а скорее военной формой, в которую была облачена вся мужская часть нации. У черкесов не принято говорить «адыгэ щыгъын» - «черкесская одежда», ими употребляется определение «адыгэ фащэ», что означает «черкесская форма».

Действительно, это была общенациональная военная форма. Удобство ее для войны и военных походов подчеркивали многие авторы. Венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс, совершивший в 1829 г. путешествие на Северный Кавказ, писал: «Одежда черкесов, перенятая в настоящее время всеми жителями Кавказа, легкая, элегантная и наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов» (27, 335).

Возможно в этом единообразии мужского костюма мы можем услышать отголоски эпохи так называемой «военной демократии», когда вся мужская часть нации представляла собой армию, а каждый свободный ее член был воином, когда не произошло еще разделения общества на классы. На то, что национальная форма черкесов носит какую-то символическую нагрузку, обратил внимание Д. Лонгворт, который писал: «Есть, однако, одно обстоятельство, которое особенно заслуживает внимания: это поразительное единообразие их костюма, не только в целом, но и в мельчайших деталях и нюансах, что, придавая им сходство как членам одной семьи, вместе с тем является внешним выражением родства их чувств и обычаев, которое в действительности делает их единой семьей» (77, 532).

Действительно, одежда, различаясь по качеству, была единообразной по форме для всех сословий и выдерживалась в строгом военном стиле, без каких-либо украшений и национальных орнаментов. «Заметим, что слишком пышно одеваться почитается у них не очень приличным, - сообщает Хан-Гирей о черкесах, - почему стараются более щеголять вкусом, нежели блеском; чистоту же и опрятность предпочитают пышности» (136, 227).

Европейцев, впервые оказывающихся среди черкесов, вышеуказанные обстоятельства приводили часто в замешательство. Это было связано с тем, что они, ввиду единообразия черкесских костюмов, не могли определить существовавшую между ними иерархию.

В частности, Э. Спенсер о своих впечатлениях при первом посещении им Черкесии, писал: «Напрасно я искал среди толпы глаза какого-то

начальника, чье присутствие сдерживало... воинов вокруг меня; никого не смог я обнаружить: они все казались из одинакового рода, одного ранга...» (121, 27).

Помимо всего прочего, черкесская форма, как отмечает С. Х . Мафедзев, «играла большую воспитательную роль, как бы символизируя принадлежность к числу мужчин-воинов. Ведь вместе с одеждой подросток получал кинжал, а вскоре также другое оружие и коня». (87, 161).

Полный комплект черкесской формы (адыгэ фащэ) состоял в следующем:

1. Черкеска (цей).

Черкеска, по определению Хан-Гирея, «главный кафтан, суконный..., длиною бывает по колено, свободен, без воротника и с длинными рукавами; имеет на груди от шестнадцати до двадцати четырех патронниц, которые обложены серебряным галуном, каковым нередко обкладываются кругом и полы кафтана. Ниже патронниц делаются два боковых кармана для натруски с порохом и еще таких два ниже талии. Это платье есть главнейшая и лучшая из всех их одежд» (136, 225-226).

Домотканые сукна из которых шились черкески в основном были естественных цветов шерсти: бурые, черные, серые, белые. Белые черкески служили парадной одеждой знати. В Кабарде на белую одежду (черкеску и бурку) для недворянских сословий существовал запрет. «Черкеска обычной длины была удобна для верховой езды, не стесняла движений при ходьбе, лазаний по скалам, переходе через ручьи и т. п.

В случае необходимости передние полы поднимали и затыкали сзади за пояс» (123, 77).

Удобство черкески для верховой езды было связано с особенностями ее покроя. Начиная с пояса до груди черкеска плотно облегала тело. При постоянной езде верхом и связанной с этим тряской, такая «затянутость» способствовала тому, что всадник меньше уставал и его меньше рас-трясало.

В то же время благодаря особенности кройки рукавов, движения рук оставались нестесненными и ими можно было свободно работать.

Нижняя часть благодаря системе клиньев, вшитых в полы черкески, не сковывала движения ног при ходьбе, беге, прыганьи или необходимости

высоко заносить ногу при посадке в седло. Будучи в седле, всадник затыкал полы черкески между внутренней стороной колен и седельной подушкой, защищая от холода колена и бедра в ненастную погоду.

Удобство черкески и вообще мужского горского костюма сразу же оценили терские казаки, перенявшие его полностью. Позже, в 40-х гг. XIX в., этот костюм был утвержден как воинская форма казачьих войск на Кавказе. (123, 91).

2. Бешмет (къэптал).

Бешмет Хан-Гирей характеризует как «второй кафтан под главным кафтаном» (т. е. черкеской). Его отличие от черкески заключается в отсутствии газырниц и наличии стоячего воротника. Они шились из шелковой или другой более легкой, чем сукно материи (136, 226). Бешметы были легкие и утепленные (стеганные на тонком слое шерсти или ваты).

Бешмет сочетал в себе функции нательной и верхней домашней одежды. Носить черкеску без бешмета не полагалось. В тоже время у черкесов вне дома было принято надевать черкеску поверх бешмета. (123, 76).

3. Рубаха (джанэ).

Рубаха являлась нательной одеждой и ее надевали под бешмет. Они шились обычно из холста и хлопчатобумажных тканей. По словам Хан-Гирея, у черкесов «мужчины никогда не носят пестрых рубах» (136, 226).

4. Штаны (гъуэншэдж).

Они, как сообщает Хан-Гирей, «суконные с лампасами из серебряных галунов. Их шьют наверху обыкновенно просторными, а внизу узкие, так что с виду они кажутся узкими, и между тем вовсе не мешают движенью ног. Под шароварами носят портища... из белой ткани. Зимою же носят шаровары на вате из бумажной ткани...» (136, 226). Такие штаны были очень удобны для езды верхом и не стесняли свободу движений при ходьбе, лазании, перепрыгивании через ручьи и других препятствий. К низу штанин пришивались штрипки, удерживающие их при натягивании ноговиц и надевании обуви (123, 77).

5. Ноговицы (лъей).

«Ноговицы можно считать специфической частью костюма горцев Северного Кавказа. Они были весьма удобны как для наездника, так и для

пешехода в условиях горного рельефа, лесных зарослей. Надевали ноговицы поверх штанов, и они плотно обтягивали ногу от щиколотки до колена, а часто и выше. Для удобства натягивания они были снабжены штрипками. Их шили из сукна, иногда из войлока, а парадные - чаще всего из сафьяна. Ниже колена ноговицы закрепляли при помощи подвязок, сделанных из тонкого войлока, шнурка или кожи» (123, 32).

Иногда это подвязки (лъэнкIэпс) в виде застегивающихся ремешков с металлическими, оправленными в серебро застежками.

Ноговицы защищали штаны от лошадиного пота, от цепляния за ветки и камни, предотвращали натирание икр ног стремянными ремнями. Кроме ноговиц, надевались специальные наколенники. Вместе с ноговицами они утепляли ноги и за счет их плотного облегания защищали коленные сочленения от расслабления при езде верхом на коротких стременах.

6. Обувь (вакъэ).

Описывая костюм черкесов, Д' Асколи писал: «Башмаки узкие, с одним швом спереди, ... и никоим образом не могут ни растягиваться, ни распускаться, они точно приклеены к ногам и придают изящество походке» (7, 64). Процедуру, в результате которой достигалось плотное прилегание обуви к ноге, описал Ф. Ф. Торнау. Вот что он об этом сообщает: «...чувяки, обувь без подошвы, на которую знатные черкесы обращают главное внимание в своем наряде. Они шьются обыкновенно меньше ноги, при надевании размачиваются в воде, натираются внутри мылом и натягиваются на ноги подобно перчаткам. После того надевший новые чувяки должен лежа выждать пока они, высохнув, примут форму ноги. Под чувяки впоследствии подшивается самая легкая и мягкая подошва» (127, 1991, № 2, 40).

Обувь, которую шили из сафьяна, называлась «лъахъстэн вакъэ».

Литературные источники XVIII - первой половины XIX в. сообщают, что у черкесов цвет обуви отражал социальное положение ее владельцев. Так, К. Кох писал о кабардинцах: «Туфли - красного цвета у князей, желтые - у дворян и из простой кожи - у простых черкесов...» (67, 600).

Во время стычек кабардинцев с другими народами, эта особенность учитывалась их противниками. Стреляя в воина в красной обуви, они знали, что могут поразить одного из предводителей (123, 106).

7. Шапка (пыIэ).

Шапки или, как их еще называют, папахи в XVIII - первой половине XIX в. были разнообразны по материалу и по форме. Они могли быть сшиты целиком из меха или же сделаны из материала с меховым околышком. Форма шапок на протяжении столетия (с первой половины XVIII до первой половины XIX в.) менялась несколько раз. Так, в XVIII - первой четверти XIX в. для черкесов были характерны низкие папахи с очень выпуклым, почти в виде валика, меховым околышем и плоским дном, иногда перекрещенным галуном (123, 36).

В середине XIX в. у черкесов были уже распространены высокие папахи из меха, с выпуклым матерчатым верхом. По поводу этих шапок Т. Лапинский сообщает: «Головной убор состоит из высокой барашковой шапки на толстой подкладке, которая может выдержать сильный сабельный удар»(75, 113)

Последнее обстоятельство следует пояснить. Папаха не была рассчитана на сильный сабельный удар, но некоторые наездники, не носившие шлема с кольчугой, подшивали под подкладкой шапки кольчужную сетку. Папаха - у кавказцев, в том числе и у черкесов, обязательный элемент костюма мужчины. Головной убор снимался только тогда, когда ложились спать.

8. Пояс (дыжьын бгырыпх).

Как и папаха, пояс - обязательный атрибут мужской одежды. Без пояса имели право ходить только маленькие дети и глубокие старики. При черкеске обязательно ношение кинжала, который крепился на поясе, с помощью кожаной петли.

В экипировке воина пояс нес основную нагрузку. Помимо кинжала, на нем висели пистолет, пороховница, пульница, жирница и некоторые другие необходимые вещи.

Пояса обычно узкие, кожаные с серебряным набором. Пряжки, наконечник, бляшки и другие серебряные элементы пояса покрыты гравировкой с чернью. В старину, как нам сообщил Шопаров Мухамед, по поясу можно было определить социальный статус его владельца. В частности, у дворян на поясе висела только одна серебряная бляшка. Последнее может служить косвенным доказательством того, что первоначально вместо этой висячей серебряной бляшки на поясе носили каменный оселок для заточки оружия. Кстати, это отразилось в названии этих висячих на поясе серебряных бляшек — «мывэупцІэ» (оселок). Подтверждением этого служит и то, что среди отдельных экземпляров

поясов встречаются и такие, у которых с обратной стороны висячих бляшек закреплены каменные точильные пластинки (164).

9. Бурка (щIакIуэ).

Бурка - это войлочный плащ, с подкроенными и сшитыми плечами с вырезом для шеи (123, 82).

Бурка и башлык - походные элементы одежды. Без них ни один наездник не пускался в дорогу.

«Эти обе вещи необходимы для наездника; они, так сказать, заменяют ему жилище и защищают его от вьюг и свирепых непогод»,- писал Хан-Гирей (136, 227).

Действительно, бурка была универсальна по своему назначению.

Мотивируя причины заимствования терскими казаками одежды горцев, И. Д. Попко об этом элементе их одежды писал: «Способная к накидке и назад, и вперед, и на бок, она ограждала всадника, с какой бы стороны ни била на него непогода, прикрывала и предохраняла от дождевой мокроты лук, колчан со стрелами, огнестрельное оружие, сумы в тороке и руку, державшую поводья, она же, будучи войлоком, представляла упругую защиту и против сабельных ударов, и против уколов пики, стрелы; а при горячем отступлении или наступлении, когда уже не думают о препятствиях, если было нужно броситься с кручи в реку, не выходя из седла, она мгновенно накидывалась на глаза коню. Вот сколько заслуг за такой простой вещью» (109, 110—111).

Во время ночлега бурка служила одновременно подстилкой и одеялом.

На привале, в непогоду из бурок, наброшенных на воткнутые в землю колья, делали палатку.

Все эти полезные качества способствовали их популярности и широкому распространению не только на Кавказе, но и за его пределами.

По сведениям К. Пейсонеля, относительно экспортной торговли Черкесии в XVIII в., ежегодно 200 тысяч бурок вывозилось отсюда в Крым, Молдавию, Польшу, Турцию, Валахию и Россию (107, 195-196).

Бурки различались по качеству (плотность, легкость, длина ворса, водонепроницаемость). На Северном Кавказе, по свидетельству Е. Н.

Студенецкой, особенно ценились кабардинские бурки - легкие и плотные (123, 83-84).

10. Башлык (шъхъарыхъон — адыгейск.).

«Башлык представляет собой капюшон с длинными закругленными на концах лопастями. Его шили из сложенного вдвое куска материи. Шов проходил сзади. Передние концы опускались в виде широких и длинных лопастей» (123, 120).

«Особенностью покроя башлыка были длинные лопасти, которые позволяли замотать ими шею, не защищенную ничем, кроме стоячего воротника бешмета... Этими же лопастями можно было прикрыть лицо от ветра, холода (или при желании быть неузнанным)» (123, 123).

«На Северном Кавказе башлыки носили на шапку, а не прямо на голову, как в Западной Грузии и частично в Абхазии. Надевали его во время дождя внакидку.

При езде верхом концы обматывали вокруг шеи, спустив назад. В дороге при хорошей погоде башлык висел на плечах, на шнурке, спущенный капюшоном и лопастями назад. Башлык иногда носили на плечах, скрестив концы на груди и заткнув за пояс» (123, 120).

Еще одна особенность, отмеченная В. А. Потто, это то, что «у черкесов башлык всегда был белого цвета, а у абазин и абхазов - черный или коричневый» (111, Т. 2, 632).

§4. Походная пища

Существование у черкесов специального термина, означающего походную пищу - «гъуэмылэ», свидетельствует о том, что военные походы занимали в их жизни значительное место. Для обозначения обычной пищи у черкесов были другие термины - «ерыскъы», «шхын».

В качестве походной пищи черкесами использовались такие ее виды, как «къуэгъул», «хьэкъурт», «лыгъур», «кхъуейплъыжь» и некоторые другие.

О первом (къуэгъул) Хан-Гирей сообщает: «Хголиль — пища, приготовляемая из просяной муки с медом и сохраняемая весьма долгое время, лет по десяти - двадцати и более; этого рода кушанье исключительно служит походною или, лучше сказать, наездническою пищею. Князья и уздени гордятся тем, что имеют такие старые хголили,

которые едят, запивая водою, и, находясь в наездах, употребляют весьма умеренно» (136, 223).

В фольклоре часто упоминается и другой вид походной пищи, так называемый походный хлеб «тхъурымбей». Вот что нам сообщил об этой пище и способе ее приготовления знаток и исследователь адыгской кухни Кубатиев Борис: тхурымбей изготавливают следующим образом: молоко, сметана, масло, яйца, соль вместе хорошо сбивают. Затем этим замешивают пшеничную муку. Из полученного теста делают небольшие катыши по 25-30 грамм, смазав руки маслом. Затем их бросают в горячее масло и жарят. Эту пищу брали в походы, так как она долго не портилась» (159).

Для приготовления другого вида походной пищи - хакурта (хьэкъурт) использовали смолотую в муку прожаренную кукурузу, замешанную на меду.

В походы брали также сушеное мясо (лыгъур), имевшее свойство не портиться. Обычно это баранина или козлятина. Для их приготовления мясо хорошо просаливалось и высушивалось (зимой над очагом, летом на солнце). Иногда его дополнительно коптили.

Кислое молоко (шху), любимый повседневный напиток черкесов, также брали с собой в дорогу. Если дорога недальняя, то его брали в натуральном жидком виде. Если же это дальний поход, его брали в виде концентрата (шхуз), представлявшего из себя порошок или катыши белого цвета. Шхуз получали путем обезвоживания и процеживания кислого молока. При необходимости такой порошок разбавляли в воде, взбалтывали и употребляли в жидком виде.

Многие авторы свидетельствовали о том, что черкесы во время походов были необычайно воздержаны в пище. И. Бларамберг, в частности, сообщает: «Когда черкес отправляется в набег, он берет с собой в кожаном мешочке провизию, которая состоит из просяной муки и нескольких кусков копченой козлятины или баранины... провизии этой хватает черкесу на две-три недели; для сравнения скажем, что такого количества провизии русскому солдату едва ли хватило бы на 2-3 дня» (28, 69).

Кроме основного дорожного запаса, хранимого в притороченном к седлу кожаном мешочке, у наездников был еще один, особый запас провизии. Это был неприкосновенный запас, который употреблялся в самом крайнем, экстренном случае. По словам стариков, его хранили в одном из

газырей. Воину он был нужен вот зачем. К примеру, он остался один, тяжелораненый, без лошади, где-нибудь в лесу. Питаясь понемногу этим запасом и запивая водой, он мог поддерживать свои силы в течение нескольких дней. А за это время мог найтись какой-нибудь выход из создавшегося положения (49, 8).

Этот неприкосновенный запас провизии представлял собой высококалорийную смесь из различных продуктов: в ее состав входили мелкоизмельченная, перемолотые сушеная козлятина, прожаренные просяная, кукурузная мука, мед и другие компоненты.

Таким образом, можно сказать, что оружие, одежда, походное снаряжение черкесского наездника были хорошо приспособлены к природно-географическим, климатическим условиям Кавказа, а также к особенностям военного образа жизни черкесов. Говоря о военном быте черкесов, В. А. Потто писал: «...их боевые обычаи и вооружение были результатом векового опыта, и потому всякий, кто хотел поравняться с ними, должен был поспешить заимствовать от них все: и сбрую, и оружие, и способы управлять конем, и все сноровки и ухватки этого воинственного племени. Так именно и сделали линейные казаки» (111, Т. 2, 515).

Глава III

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ К ВОИНСКОЙ ЖИЗНИ

§ 1. Общественная идеология и быт

Черкесы, можно без преувеличения сказать, были в прошлом нацией воинов. Весь их образ жизни, воспитание, природные данные, особенности общественно-политического устройства и геополитическая ситуация способствовали развитию у них в значительной степени военных задатков. При этом, необходимо заметить, что воинственность и милитаризированный быт феодальной Черкесии были во многом производными от непреходящей в течение столетий внешнеполитической напряженности.

Немаловажное значение для воинских качеств имело природное, физическое совершенство черкесов. Этот факт отмечали все авторы, ученые, путешественники, побывавшие в разное время на Кавказе. Французский путешественник Абри де ла Мотрэ сообщал, что был при первом знакомстве с черкесами поражен их физической красотой и

совершенством. По его словам, среди них «не было ни одного мужчины или женщины, которых можно было бы назвать некрасивыми. Их стан один из самых лучших и великолепно соответствует красоте лица» (90, 130).

Русский академик Г. Ю. Клапрот, посетивший Кабарду в 1808 г., писал: «В общем, черкесов можно назвать красивой нацией, особенно красиво выделяются мужчины своим высоким ростом и красивым сложением, так как они делают все возможное, чтобы сохранить свою стройную талию. Они обычно среднего роста, очень сильные, мускулистые, но не жирные. Их плечи и грудь широки, таз всегда очень узкий, обычно у них каштановые волосы и карие глаза, удлиненная голова и узкий прямой нос» (65, 265).

Аналогичное свидетельство о западных черкесах приводит Д. Белл, который сообщает: «Меня поразило количество красивых людей среди собравшихся. Их отличительные черты - это высокий рост, широкая грудь, могучие плечи, узкие бедра, небольшая нога и пронзительные живые глаза» (25,465).

Черкесы, как отмечает С. Броневский, «толстоту почитают за порок и следствие невоздержанной жизни» (29, 101).

Помимо активного образа жизни, причинами прекрасных физических качеств черкесов многие авторы считали такие, как благоприятные климатические условия Кавказа, достаточно богатая и разнообразная пища, умеренность в еде и употреблении алкогольных напитков.

По свидетельству Т. Лапинского, пища черкесов была «... лучше и обильнее, чем у крестьян большей части Европы...» (75, 111).

Все авторы, описывавшие черкесов, единодушны в том, что они умеренны в еде и трезвенники. Хотя черкесами изготовлялись спиртные напитки, их потребление было весьма ограничено. Употребление национальных напитков (махсыма, сано) во время торжественных застолий и пиров носило сакральный характер. Пить во время этих пиров не возбранялось, но считалось большим позором, если человек опьянел или злоупотреблял напитками.

Действительно, еще в 30-40 гг. XX столетия, по свидетельству многих информаторов, в черкесских селах можно было по пальцам пересчитать людей пьющих, которые были при этом объектом всеобщего осуждения.

Воспитание детей с самого рождения было направлено к тому, чтобы подготовить их к будущей, полной лишений военной жизни. «Закаляемые в том, что мы называем лишениями, с младенчества и практикуя воздержание в высокой степени, которое считается здесь добродетелью, они переносят все превратности войны не только без сетования, но с бодростью»,- сообщает Э. Спенсер (114, 43).

Д. Интериано, в частности, описывал следующий спартанский обычай, бытовавший у черкесов в XV в.: «Женщины у них разрешаются от бремени на соломе, желая, чтобы она служила первым ложем новорожденному, и затем несут его к реке и там купают, не обращая внимания на мороз и холод, весьма обычные в тех краях» (51, 47).

Начатое таким образом воспитание продолжалось в таком же духе и в дальнейшем. Детей приучали без жалоб переносить холод, жару, усталость. При этом, как свидетельствует Т. Лапинский, «дети воспитываются очень разумно. Ребенка никогда не бьют и даже не ругают» (75, 111).

Ставка в деле воспитания делалась не на чувство страха и наказания, а на убеждение, создание привлекательного примера. Важное значение придавалось развитию в ребенке таких качеств, как смелость, умение преодолевать страх. Для того чтобы он не вырос робким и замкнутым, нельзя было его запугивать и слишком часто наказывать. Было не принято родителям и воспитателям слишком опекать его. Когда дети вступали в конфликты со своими сверстниками, родители никогда в это не вмешивались. В то же время старшие братья должны были вступаться за своих младших братьев и сестер.

Своеобразной школой воспитания воли и характера, по словам С. Х . Мафедзева, были групповые стычки между ребятами - жителями верхней и нижней частей селения. Все начиналось с дразнилок, которые затем переходили в стычки. «Не принять участия в них означало бы проявить трусость, и таких ребят дразнили трусишками (шынэкъэрабгъэ)» (87, 193).

В групповых играх вместе участвовали дети крестьян, князей и дворян одного селения. В курс «черкесского» воспитания входило следующее обыкновение, о котором сообщает Д. Белл. «Прошлую ночь,- пишет он,- младший сын моего хозяина, десяти лет, провел в горах, где он стерег лошадей: это составляет как бы предмет воспитания, так как здесь, кажется, много слуг. Мальчик был уже на войне, так же как и его брат, четырнадцати лет...» (25,471).

Действительно, черкесы в очень раннем возрасте приобщали детей к военному делу. Во время войн на своей территории десятилетние мальчики помогали своим отцам и братьям, выполняя различные вспомогательные функции: стерегли лошадей, были посыльными, раскладывали и поджигали, сигнальные костры и т. д. В 12-15-летнем возрасте они уже принимали непосредственное участие в сражениях.

Описывая военную тактику черкесов, Т. Лапинский, в частности, сообщает: «Всадники оставляют своих лошадей под надзором мальчиков, большое количество которых всегда прибывает на поле сражения со своими отцами и старшими братьями. Многие мальчики даже принимают участие в сражении и приучаются таким образом с ранних лет к военному делу» (75, 169).

Принимать участие в набегах за пределами родины юноши, как правило, начинали с 15-16 лет.

Огромное значение в воспитании молодежи в духе господствовавших в черкесском обществе идеологических представлений и ценностей играла песня и песенный фольклор. Черкесская песня, прославлявшая воина-наездника и его подвиги, сопровождала его от рождения до смерти.

Как только в семье знатного черкеса рождался ребенок, аталык, за определенную плату, поручал народным певцам-джегуако сложить в честь его воспитанника колыбельную песню. О характере и содержании этих песен Хан-Гирей писал: «В песнях этого разряда упоминают о знатности и подвигах предков и родственников воспитанника и предрекают будущую его славу. Тут же посылают его в наезды и делят его добычи воспитателям и служителям. Младенец-воспитанник, приходя постепенно в юность, узнает ему предреченные деяния почти прежде имен родителей; а между тем, войдя в лета возмужалости, старается оправдать сколько возможно предреченные ему подвиги.

После этого можно ли удивляться, что... черкес от колыбели до гроба гоняется за славою храброго воина» (136, 112-113).

Песня сопровождала черкесских наездников и во время дальних походов. В походах принимали участие дружинные джегуако, которые исполнением старинных песен воодушевляли воинов. Кроме того, их задачей было правдивое отражение событий, очевидцами которых они становились. Так как профессия джегуако для князей и дворян была предосудительной, последние, как правило, были выходцами из крестьянских сословий. Тем не менее, некоторые представители высших

сословий не пренебрегали песнетворчеством. Известный наездник и предводитель, кабардинский князь Атажукин Магомет Криворукий (ХьэтIохъущокъуэ Мыхьэмэт Iэшэ) был неплохим поэтом и импровизатором песен. По словам Гукемуха Абубекира, 1905 г. р., в старину некоторые наездники постоянно, даже во время дальних походов, возили с собой шичепшину - черкесский музыкальный инструмент, под аккомпанемент которых исполнялись песни (154). Знание историко-героических песен входило в обязанности знатной черкесской молодежи.

Анализируя характер и значение черкесских песен, А. Г. Кешев писал: «Песня дорога для адыгов не только потому, что она единственный памятник его прошедшего, наследие отцов, но еще и потому, что она служила всегда неиссякаемым источником его воинственного энтузиазма» (55, 228).

О том, какое влияние оказывала песня на воинов, рассказывает следующий случай, описанный А. Г. Кешевым: «Около тысячи человек отборных кабардинских наездников, возвращаясь из удачного похода... были настигнуты превосходными силами неприятеля. Преследуемые по пятам, осыпаемые картечью и ракетами, они мало-помалу пришли в расстройство, начали бросать захваченную добычу и спасаться в одиночку. В эту-то минуту всеобщего смятения, когда ни увещевания, ни угрозы влиятельнейших предводителей не могли восстановить порядка в упавшей духом партии, бывшему в отряде джегуако пришла счастливая мысль — стать ногами в седло и пропеть... известную песню Кашка-тау, описывающую битву кабардинцев с крымцами. Голос певца, напомнив об одном из эпизодов героической борьбы предков с иноплеменниками, мгновенно наэлектризовал расстроенную партию наездников. Точно по команде военачальника, она тотчас же собралась в кучу, сложила оставшуюся у нее добычу и, смявши дружным натиском нападавшего неприятеля, отбила у него охоту к дальнейшему преследованию» (55, 229).

Присутствие джегуако во время сражений было у черкесов обычным явлением. От сознания того, что в войске присутствуют (или наблюдают сражение) джегуако, возрастала боеспособность воинов. Ведь джегуако, наблюдавшие за сражением, могли не только воспеть храбрецов, но и высмеять трусов.

Этот обычай сохранялся у черкесов долгое время и на чужбине, после окончания Русско-Кавказской войны и выселения в Турцию. Вот что сообщил Дугуж Фуад, 1940 г. р., черкес-репатриант из Сирии: «Во время

черкесско-друзской войны (80-е г. XIX в.), как рассказывали старшие мне, впереди черкесской конницы, во время боя, верхом, играя на шичепшине воодушевлял воинов джегуако Кумук Маша из с. Хышней на Голанских высотах» (156).

Не только сражения, но и любое другое значительное событие (свадьба, похороны, поминки, прием гостя и т. д.) не обходилось без присутствия джегуако. Роль джегуако в адыгском обществе была огромна. Они играли одновременно роль историков и поэтов. Благодаря им история нации, отраженная в героических песнях, передавалась из поколения в поколение, а имена народных героев обретали бессмертие. Э. Спенсер писал: «Эти странствующие барды занимают высокое положение в обществе: каждый дом по всей стране открыт, чтобы принять их. Их нежные мелодии подбадривают любой праздничный стол; их военные песни воодушевляют героя и в лагере, и на поле боя, исполняя свои легендарные баллады, они увековечивают историю страны с незапамятных времен, и, связывая мимолетные события дня, не только воспевают подвиги храброго, упрекают предателя и труса, разоблачают преступления того, кто нарушает законы общества, но доносят до удаленных племен известия, которые иначе никогда невозможно было бы передать в стране без литературы или любого другого средства сообщения, всеобщего для цивилизованных стран. Нельзя поэтому удивляться тому, что к этим странствующим поэтам везде относятся с величайшим интересом и благоговением. Это чувство является настолько всеобщим, что прибегая в одну из деревушек, я часто видел жителей, спорящих с добродушной энергией о том, кто окажет любимцу гостеприимство, и горе тому, кто будет насмехаться или плохо обращаться с беззащитным музыкантом. Исключительно величайшим наслаждением черкеса является слушание в течение часов, во время зимних вечеров, сказок или песен» (121, 74, 80).

Народный, в том числе песенный фольклор, играл огромную роль в идеологическом воспитании молодежи. Поэтому черкесы не запрещали детям и юношам присутствовать вместе со взрослыми в кунацких, где они, слушая народных певцов и беседы старших, узнавали историю, традиции и обычаи своего народа. Говоря об этой роли песенного фольклора, А. Г. Кешев писал: «Рисуя заманчивыми красками подвиги славных мужей старины, получающей всегда в глазах позднейшего поколения какой-то розовый колорит, песня служила для черкесской молодежи школой для воспитания. Она разжигала восприимчивые умы, воспламеняла воображение пылких юношей и освежительно действовала на угасающие силы старика.

Ее могучая, вдохновляющая энергия возбуждала постоянно во всех классах черкесского общества и неослабно поддерживала в них воинственный дух, ненасытную жажду славы и подвигов» (55, 228-229).

Говоря о системе подготовки к воинской жизни и тех идеалах, которые царили в черкесском обществе, нельзя не сказать о том, какую роль играла в этом женщина. Черкесы, будучи свободолюбивым народом, понимали, что в обществе, в котором женщина-мать находится в угнетенном состоянии и не пользуется уважением, трудно воспитать достойных мужчин, ставящих превыше всего достоинство и личную свободу.

Э. Спенсер был поражен тем уважением и рыцарским отношением, которыми окружали черкесы своих женщин. «Храбрые рыцари прежних времен никогда не оказывали более уважительной галантности к прекрасному полу, чем эти простые горцы...»,- писал он (121, 117).

Положению женщины в черкесском обществе Хан-Гирей посвятил одну главу своей работы. Он, в частности, писал: «Все те, которые судят о домашнем быте черкесов по образу жизни прочих азиатских народов, исповедующих магометанскую веру, о том имеют ложное понятие. Рыцарское честолюбие много прекрасного ввело в их обычай. К числу прекрасных черт можно отнести и величайшее уважение к женщинам, которого прекрасный, но слабый сей пол достоин вполне: убийца, преследуемый уже вооруженными мстителями, вверив себя покровительству женщин, спасается от явной близкой гибели: преследовавшие преступника, останавливаются у порога дома, где тот скрылся, и, укротив мщение приличием, отступают; между тем покровительница доставляет удобный случай покровительствуемому удалиться в безопасное место. Достойно замечания, что и если бы муж ее был в числе преследователей преступника, который мог бы быть даже убийца ее родного брата, отца или мужа, то и тогда он нередко может найти защиту в ее доме; его проведут в безопасное место, а потом предоставляется мстителям преследовать его по своему произволу. Примеры столь великодушного и удивительного обыкновения весьма часты. Преступившие этот закон уважения к прекрасному полу делаются предметом презрения.

Женщине, желающей помогать бедным и утесненным, стоит только от имени своего послать просить помощи, и тотчас явятся князья и дворяне, которые исполнят великодушные ее желания; бедного, нуждающегося в хлебе насущном, по ее просьбе немедленно князь снабдит, послав своего служителя по аулам для собрания нужного количества хлеба от жителей,

которые обыкновенно в таких случаях не отказывают; утесненному же и обиженному доставит защиту и удовлетворение.

У черкес жена в совершенной зависимости от воли мужа, но из этого не следует заключать, что они у них рабыни. Напротив того, обхождение мужа с женою также основывается на строгих правилах приличия. Когда муж ударит или осыплет бранными словами жену, то он делается предметом посмеяния, точно так, как когда бы он, имея способы, не одевает ее соответственно его состоянию. К этому присовокупить можно и то, не менее важное обстоятельство, что жена-красавица всегда владеет сердцем мужа, и, несмотря на обыкновение, которое предписывает жене безусловное повиновение мужу, она часто повелевает им. Жена молодая, не имевшая еще детей, некоторое время соблюдает особенную стыдливость. Но женщина в летах, мать семейства, свободна более в своем обращении. Мужчины той деревни, из которой выдана замуж девушка, приехав в ту деревню, в которой она живет, имеют право ее посетить и обходиться с нею по-братски. Молодые же мужчины вежливо шутят с девицами, проводящими время у жены знатного человека их аула. Словом, женщины у черкесов пользуются свободой» (136, 273-275).

То, что женщина играла значительную роль как в семейной, так и общественной жизни черкесов, нашло отражение в народной пословице: «Жылэм ягъэпуда лIыр фызым къыдехыжыфри, фызым игъэпуда лIыр жылэм къыдахыжыфыркъым» - «Обществом подорванный авторитет мужчины восстановит женщина, но женщиной подорванный престиж мужчины не может восстановить и общество» (87, 202).

Девушек у черкесов не скрывали, они свободно общались с молодыми людьми, ездили в гости, сами принимали гостей, участвовали в различных торжествах, народных праздниках, играх, танцах. Юноши, желающие познакомиться и имеющие намерение жениться, могли свободно посещать и общаться с девушкой в доме ее родителей. Для этого у незамужней девушки должна была быть своя, отдельная комната. При таких посещениях приличие требовало, чтобы юноша был со своим другом, а с девушкой находилась ее подруга или сестра. Молодые наездники, поклонники какой-нибудь девушки, беспрестанно делали ей подарки в виде дорогих тканей, драгоценных украшений, лошадей, быков, в общем, всего того, что добывалось ими в походах. Таким образом, известная своим умом и обаянием девушка, могла стать еще до замужества обладательницей значительного личного состояния. Каждый рыцарь-наездник готов был выполнить ее просьбу и часто, как писал А. Г. Кешев,

«похвала женщины подстрекала мужчину к отважным предприятиям...» (55, 233).

К. Кох, говоря об особенностях семейной и общественной жизни черкесов, писал: «Эта большая свобода девушек и общительная жизнь молодых людей является причиной того, что браки черкесов непохожи на браки других восточных народов. Так же, как женщина самостоятельна в выборе мужа, так же и молодым людям, по крайней мере, молча, разрешается иметь свой голос при выборе будущей супруги. Юноше делает честь, когда он меньше принимает во внимание в таком случае богатство и красоту, а больше - обходительность и ум.

Так же, как мужчина восхищается прекрасными качествами своей возлюбленной и отдает им предпочтение перед красотой и богатством, так и девушка, прежде всего, ценит в своем возлюбленном смелость, мужество и рыцарскую натуру.

Мужчина, который никогда не был в бою и не участвовал в набегах, напрасно будет добиваться благосклонности черкесской девушки» (67, 611-612).

Последнее обстоятельство имело огромное моральное влияние на жизнь общества и воспитание молодежи. На это также обращал внимание К. О. Сталь, который писал: «Черкешенки любят славу и доблесть: молодость мужчины, его красота и богатство ничто не значат в глазах черкешенки, если ищущий ее руки не имеет храбрости, красноречия и громкого имени. Я считаю излишним писать, какое значение имеет эта любовь женщин к славе на характер народа и дух юношества» (122, 123-124).

Этот дух своеобразного рыцарства, который жил в черкесских женщинах, нашел отражение во многих историко-героических и эпических преданиях черкесов.

Так, в одном из преданий о братьях Озырмесе и Темиркане Ешаноковых, сообщается, как их мать, отправляя сыновей на битву и зная об их предстоящей гибели, дала каждому из братьев наставление: Озырмесу - падая на поле битвы, подмять под себя хотя бы одного врага, Темиркану - когда получит смертельную рану, живым дойти до дому. Оба сражались геройски и выполнили ее наказ. Мать, узнав об этом, сплясала торжественный танец (94, 50).

Провожая своих сыновей, братьев и мужей на войну, черкешенки ждали их возвращения с победой и если этого не происходило, то они холодно

встречали их, еле разговаривали с ними до тех пор, пока они новой победой не реабилитировали себя в их глазах. Т. Мариньи писал в связи с этим, что черкешенки «любят славу, и у них вызывает гордость слава их мужей, добытая в боях» (83, 310).

Нравы черкесских женщин того времени отражает случай, описанный Хан-Гиреем. В одном из сражений Махошевский князь Яхбоко Багарсоко особо отличился: «В то же время другой князь другого колена оказал слабость духа, что разнеслось по всей Черкесии еще до возвращения сего последнего в свое владение. Прибыв же домой, в тот же день послал к жене взять ремень, называемый кулак, который пристегивается к обоим концам шелковой тетивы из лука.

Княгиня отвечала, что нет требуемого ремня, князь вторично послал, однако ж и сей раз тот же был ответ. Огорченный муж послал в третий раз и велел сказать, чтобы она нашла требуемый ремень или удалилась из его дома. Княгиня с сердцем бросила ремень посланному, сказала: «Не сыну Бехгорса (фамилия сказанного храброго князя) к чему нужна тетива?», тем показывая, что ей не мило быть женою воина, не отличившего себя подвигами храбрости» (136, 216).

§ 2. Институт аталычества

Важное, ключевое место в системе подготовки к воинской жизни занимал институт аталычества. Помимо указанной - он выполнял и другие важные функции, но их рассмотрение не входит в задачи этого исследования.

В период феодализма аталычество бытовало в основном в среде княжеских и дворянских фамилий, в которых дети, как правило, получали воспитание в чужих семьях. Детей обычно отдавали в семьи, стоявшие в социальной иерархии на порядок ниже, чем семья воспитанника. Князья могли отдавать своих детей на воспитание дворянам или старшинам из числа свободных общинников, но сами могли брать на воспитание только детей из княжескогосословия (47, 157).

Желающих взять на воспитание детей княжеских и знатных дворянских фамилий было обычно так много, что между претендентами часто возникали споры. Родителям было неприлично вмешиваться в них и отдавать кому-либо предпочтение. Претенденты на роль воспитателя должны были сами договориться между собой и решить, кому быть воспитателем. Часто эти споры заканчивались тем, что они решали по очереди воспитывать ребенка: пробыв некоторое время у одного аталыка,

кан (воспитанник) переходил ко второму, а иногда и к третьему. Так, например, Асланбек, сын Темиргоевского князя Джембулата Болотокова имел трех аталыков. Первым был кабардинский дворянин первой степени Куденетов, после, по взаимному согласию родителей и Куденетова, Асланбек был передан абадзехскому старшине Аджи-Аджимокову. У этого последнего убыхский дворянин Хаджи-Берзек выкрал воспитанника и воспитывал его у себя. Это привело к кровавой вражде между Аджимоковым и Берзеком, которая продолжалась до тех пор, пока их конфликт не был урегулирован третейским судом. Молодой Асланбек был отнят у Берзека и возвращен Аджимокову с тем, чтобы через несколько лет быть снова переданным Берзеку, у которого он и окончил свое воспитание (47, 153).

Человек получавший на воспитание ребенка, получал все права кровного родства. Вот почему всегда было много желающих породниться таким образом с влиятельной княжеской или дворянской фамилией. В то же время сами родители были в не меньшей степени заинтересованы в такой связи, особенно при воспитании их детей в соседних обществах и народах. Согласно черкесским адатам, связь по аталычеству считалась священной. Не только семейство аталыка становилось родным своему воспитаннику, но часто жители целого селения, общества или народа считали себя аталыками воспитанного между ними ребенка из знатной фамилии. Так, все медовеевцы считали себя аталыками кабардинского князя Карамурзина, а все абадзехи - аталыками темиргоевского владетельного князя Джембулата Айтекова (47, 153). Будучи уже взрослым, воспитанник всегда мог рассчитывать на поддержку, в том числе и военную, не только семьи и родственников своих воспитателей, но и всего народа или общества, в котором он воспитывался.

Так, например, Карабатыр, сын натухайского владетеля Сефербея Заноко, во время своих набегов часто привлекал отряды убыхов, у которых он воспитывался (33, 189-190).

Аталык не мог иметь более одного воспитанника, иначе он мог вызвать неудовольствие со стороны родителей первого питомца. Знатный же воспитанник мог иметь несколько аталыков, в том числе правами аталыка пользовался и тот, кто в первый раз брил молодому князю или дворянину голову и хранил его волосы (136, 262-263)

Человек избранный в воспитатели, еще до рождения ребенка посылал в дом родителей повивальную бабку и заготавливал все необходимое для пиршества. Как только приходило известие о рождении ребенка, будущий

воспитатель пировал два-три дня с друзьями и родственниками, затем отправлялся за ребенком. В доме родителей ребенка также устраивался воспитателем пир, после чего он с новорожденным возвращался к себе. Если жена аталыка в это время кормила грудью, то она становилась и кормилицей воспитанника. В другом же случае, аталык подыскивал для младенца кормилицу.

Таким образом, на правах «молочного родства», кормилица (дагъыза) и вся ее семья также становились близкими к воспитаннику людьми.

Термины «аталык» и_«кан», означающие воспитателя и воспитанника, тюркского происхождения. Ими пользовались в основном кабардинцы, в то время как у других черкесов бытовали свои, адыгского происхождения, термины.

Так, воспитатель у бесленеевцев обозначался словом «быф», а воспитательница (жена аталыка) - «быфокъуэанэ». Соответственно воспитанник обозначался термином «быфыкъуэ» (87, 36).

У западных черкесов для обозначения воспитанника употреблялся также термин «п Iур ».

Обычно взятый на воспитание ребенок находился в семье аталыка до совершеннолетия - 15-16 лет. До этого времени отец не имел права видеть своего ребенка. Со стороны родителей было предосудительным справляться о своем сыне в течение всего времени нахождения его у аталыка. По черкесскому этикету, которого особо строго придерживались князья и дворяне, в присутствии посторонних отец не мог находиться вместе со своими детьми до их совершеннолетия. Считалась верхом неприличия справляться у кого-либо о жене и детях.

По мнению Адыль-Гирея, одной из причин существования аталычества было то, что «воинственные черкесы боятся избаловать своих детей, воспитывая их у себя, а потому охотно отдают их на воспитание в чужие семейства» (11, 57).

Отданные в младенчестве на воспитание дети, только в юношеском возрасте впервые видели своих отцов. Стоические нравы черкесов ярко характеризует случай, который описывает Султан Крым-Гирей (Инатов). В своих путевых заметках о посещении в 1862 г. Натухая, он, в частности, сообщает: «В Атекае жил один старик, дворянин, с прескверным характером. Между рассказами о нем, которые мне приходилось слышать, заслуживает полного внимания одно обстоятельство, вполне

характеризующее старосветских горских узденей, князей и султанов. Обстоятельство это следующее. Герой рассказа никогда не видал своих детей и не позволял никому, кто принадлежал к его семье, показываться на глаза ему при посторонних. Между прочим, у него был сын, красивый и ловкий парень. В одной битве горцев... старик начальствовал первым. Эти потерпели поражение и, подобрав свои трупы, бежали в дальние горы. Не имея за собою погони, горцы расположились для отдыха на прекрасной поляне у опушки леса, где протекал журчавший ручей... Начальник партии сел под деревом, а около него расположили на траве трупы. Один из них отличался редкой красотой и возбудил в уздене любопытство узнать, кто он был.

- Чей это труп? - спросил он черкесов.

- Это труп вашего сына, — отвечали те.

- Унесите его отсюда,- продолжал уздень с невозмутимым хладнокровием, - я никогда не любил сообщества с моими детьми. Труп унесли» (124, 383—384).

Говоря о такой специфике взаимоотношений родителей и детей, И. Бларамберг писал: «Вообще, создается впечатление, что черкес старается избегать всего, что говорит о его привязанностях или радостях, видя в этом проявление слабости; считается даже неприличным говорить с ним о его детях, особенно, когда они маленькие. Только с возрастом можно позволить себе забыть об этом стоицизме; старик, который проявил свое мужество в молодости, может в кругу своей семьи проявлять сентиментальность» (28, 105).

Воспитание у аталыка преследовало, прежде всего, получение воспитанником военно-физической подготовки, а также обучение черкесскому этикету и народным обычаям. О содержании такого воспитания Т. Мариньи сообщает: «Оно состоит из всякого рода упражнений для тела, чтобы сделать его сильным и ловким; из обучения верховой езде, борьбе, стрельбе из лука, ружья, пистолета и т. д.; ребенка обучают искусству руководить набегом, ловкости в кражах и умению переносить голод и усталость; стараются также развить в них красноречие и способность к рассуждению, с тем, чтобы они могли иметь влияние на собраниях» (83, 301). Обучение науке наездничества было одной из основных целей воспитания у аталыка. В «Описании закубанских народов» сообщается: «Дети богатых людей отдаются на воспитание в чужие руки и преимущество таким людям, которые прославились удачными набегами и разбоями» (2, ф. 13454, Оп. 6, д. ИЗО, л. 12 об.).

Верховой езде и стрельбе детей обучали начиная с 5-6 лет. В результате к 9-10 годам они могли хорошо управлять конем и метко стрелять. В 1837 г., во время нахождения Д. Белла в Черкесии, вместе с ним в семье, в которой он жил, находились на воспитании двое мальчиков. Об одном из них, девяти лет, Д. Белл сообщает: «...он скромен и услужлив, прекрасный наездник и, как говорят, один из лучших стрелков в долине...» (25, 462).

Для того чтобы воспитанник мог с раннего возраста развить соответствующие навыки, аталык дарил ему лошадь и так называемое «детское» оружие. Детское оружие, как и оружие взрослых, было боевым, только меньших размеров. Свидетельства о существовании детского оружия встречаются в письменных источниках у нескольких авторов. Из них, в частности, Т. Лапинский, сообщает: «Адыг...с детства привык владеть оружием. В состоятельных семействах мальчики имеют маленькие ружья, пистолеты, сабли и кама; десятилетние мальчики смело гоняют лошадей, попадают уже часто в цель и так привыкают к оружию, что позднее не могут уже жить без него» (75, 141).

В фондах Государственного Исторического музея есть несколько экземпляров черкесского детского оружия. Детское оружие (шашка и кинжал) мы видим на рисунке Г. Г. Гагарина, изображающего юного абхазского князя и его воспитателя убыха.

Искусству наездничества молодые воспитанники начинали обучаться непосредственно под присмотром своих аталыков, совершая небольшие кражи лошадей и скота в близлежащих окрестностях. Ближе к совершеннолетию, как свидетельствует Хан-Гирей, «аталыки ездят с ними в отдаленные племена, чтобы приобресть вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомых» (136, 261-262).

Под руководством опытных и бывалых наездников воспитанник начинал принимать участие в дальних походах. При этом большая часть приобретенной в набегах добычи принадлежала, по обычаю, его воспитателю. Первый самостоятельный крупный набег, совершенный под руководством молодого воспитанника, являлся своеобразным экзаменом и свидетельством того, что его воспитание у аталыка завершено. Этот обычай в Кабарде был известен как «къангъэунэху» (испытание воспитанника) (118, 100).

Когда аталык считал воспитание оконченным, сообщал об этом родителям воспитанника и просил разрешения вернуть его. После окончания праздничной церемонии «возвращения воспитанника» (къантешэ, пIуришэж джэгу) аталык и его семья считались полноправными членами

семьи своего воспитанника. Последний всю свою жизнь сохранял чувство глубокой привязанности к своему воспитателю и зачастую уважал его не меньше, чем своих родителей. Известны случаи, когда в спорах родителей и аталыка, воспитанник принимал сторону последнего.

«Вообще удивительно,- сообщает в связи с этим Хан-Гирей, - как сильна бывает привязанность воспитателей к воспитанным ими детям и тех к своим воспитателям» (137, 160).

Нередко бывали случаи, когда аталык женил своего кана, беря на себя все связанные с этим расходы. В случае же его гибели, в знак глубочайшей печали, аталык обрезал себе кончики ушей и держал траур в течение года. Часто в величальных (поминальных) песнях, сложенных в честь погибших героев, упоминают фамилии их воспитателей. Так, из песни мы узнаем, что один из героев средневекового кабардинского эпоса Ешаноков Темиркан воспитывался в семье Хабекировых.

В одном из куплетов величальной песни говорится:

«Повернули назад Дударуковцы в этот роковой день. Грустная весть доходит до аталыков Хабекировых: ваш дорогой питомец - кан, словно месяц-солнце закатился!» (130, 196).

Обычай аталычества способствовал ранней социализации молодежи, особенно представителей господствующих сословий. В предании об Андемиркане, записанном адыгским просветителем XIX в. Кази Атажукиным, сообщается: «Андемиркан был из рода князей Мударовых... Будучи еще пятнадцати лет, он стал просить партию, собравшуюся в набег, взять и его с собою. По возрасту он, конечно, не годился еще для набегов, и другой, не княжеского рода его сверстник, не возымел бы даже мысли просить о подобном. Но известно, что князья потому и князья, что не похожи на других простых людей и что «самый малютка княжеский похож на взрослого». И старшие, находившиеся в партии, не сочли поэтому нужным препятствовать желанию Айдемиркана: они охотно взяли его с собою» (16, 166). Приведенную выше адыгскую поговорку, К. Атажукин комментировал следующим образом: «Выражение это употребляется в том смысле, что малютке княжескому следует воздавать почести, предписываемые обычаем, так же точно, как и взрослому. Но и мнение, для определения которого оно здесь употреблено, также очень распространено и имеет основанием факт, действительно существующий. Княжеские дети, находясь большею частью в кунацких своих родителей, где собираются постоянно не только лучшие люди аула, но и всего народа, а также, будучи отданы на воспитание наиболее достойным

узденям, скорее, чем дети простых людей, развиваются, т. е. лучше знают обычаи, подходящие к каждому случаю, не говоря о том, что они приобретают самые лучшие манеры, имея в этом образцом для подражания наиболее элегантных людей своего народа» (16, 176).

В системе воинской подготовки у черкесов в прошлом существовал еще один институт, призванный совершенствовать первоначальное воспитание, полученное у аталыка. Этот институт обозначался адыгским термином «гъусэ» (спутник). Смысл его заключался в следующем: юноша искал опытного, составившего себе имя наездника и просил взять его в ученики.

Помимо функций телохранителей и оруженосцев, они имели в военном быту и другие обязанности: смотрели за лошадьми, готовили в поле обед, прислуживали во время застолий.

Как сообщает В. Швецов, таких оруженосцев имели почти все так называемые панцирники. «Каждый из них имел помощника, избранного из отважных товарищей, обязанного защищать господина своего во время военное до последней возможности. Редко были случаи, чтобы избранный в это почетное звание пережил своего рыцаря: оба они должны были пасть один подле другого, или оставшегося в живых ожидает посрамление не только в его лице, но и на все его потомство» (141, 34).

К отбору таких оруженосцев подходили строго, наблюдая за ними, устраивая испытания, а порою и провокации (87, 147). Причинами такого отношения к выбору «гъусэ» служили следующие обстоятельства. В фольклоре часто описываются случаи, когда юноша, становясь оруженосцем у прославленного наездника и войдя к нему в доверие, убивал его при первом удобном случае. Таким образом, если другие способы были невозможны, исполнялся долг кровомщенья.

Кроме того, во время нахождения у знаменитого наездника в качестве «гъусэ», юноша становился обладателем таких знаний, которые считались секретными и скрывались наездниками. Только очень близкому человеку, каким обыкновенно являлся «гъусэ», опытный воин мог поведать сведения об астрологии, народных приметах, связанных с природой, индивидуальных военных приемах и других, необходимых в наезднической жизни знаниях.

§ 3. Военно-физическая подготовка

Воинское обучение, пройденное у аталыка, на этом не заканчивалась. Практически до зрелых лет черкесы значительную часть времени посвящали различного рода упражнениям, развивающим физическую силу, ловкость, военные навыки. Обычно эти упражнения входили в программу состязаний, сопровождающих различные календарные и семейно-бытовые обряды.

Но еще чаще молодежь предавалась им при всяком удобном случае, просто так, ради забавы, во время каких-либо сборов, народных собраний, даже на коротких остановках во время военных походов и путешествий.

Д. Лонгворт, присутствовавший на одном из народных собраний шапсугов и натухайцев, описывал времяпровождение черкесской молодежи следующим образом: «Однако пока коллективная мудрость страны собиралась в тени, на соседнем лугу происходили не менее интересные, хотя и другого рода, споры; речь идет о воинских и конных соревнованиях, которые не могли не начаться, учитывая, что здесь собралась молодежь из разных уголков страны и, особенно из соседних районов...» (77, 548).

«С одной стороны можно было видеть старших членов совета, занятых мирными дискуссиями; тогда как в другом конце молодые люди с удовольствием продолжали свои занятия спортом. Главным из видов спорта была гонка, а скорее даже охота, когда одного всадника на полном скаку преследовали несколько других всадников, а тот стремился увернуться от них, используя для этого не только скоростные качества своего скакуна, но и различного рода хитрости, уловки, а также неровности местности. Чтобы доказать талант хорошего стрелка, они упражняются в стрельбе на длинную дистанцию, стреляя с подпорки, а также ведут стрельбу на полном скаку, сбивая на землю шапку, причем искусство состоит в том, чтобы моментально выхватить ружье, висящее за спиной в фетровом чехле, то же самое упражнение проделывается и с пистолетом. Стрельба из лука, хотя она и не в такой моде, как ружейная стрельба, также имеет своих любителей. Мишень укрепляется на шесте на высоте около пятидесяти ярдов, и они стреляют в нее из седла, полностью разворачиваясь в нем, чтобы прицелиться, когда они скачут мимо. К этим упражнениям следует добавить борьбу и толкание больших камней» (77, 550).

Упражнения для всадника были довольно многочисленны и разнообразны. Многие из них были популярны и входили в программу состязаний на игрищах, свадьбах, народных праздниках еще в 30-40-е гг. нашего столетия. Большой полевой материал, посвященный комплексу конно-спортивных игр и упражнений, был собран и описан Б. Х . Бгажноковым в работе «Черкесское игрище» (22), а также в ряде его статей (23).

Среди упражнений для всадника были следующие:

- ЩIакIуэелъэ - два человека натягивали и держали на уровне груди скатанную бурку. Всадники перепрыгивали через нее, при этом высота препятствия могла регулироваться по их желанию.

- Шыкъелъэ - на полном скаку спрыгивали, а затем снова запрыгивали в седло.

- ШуеIэбых - на полном скаку поднимали с земли различные мелкие предметы (серебряный рубль, платок, шапка и т. д.). Говорят, что житель селения Большой Кичмай (ШахэкIеишхуэ) в Причерноморской Шапсугии Хушт Ахмед был особенно искусен в этом упражнении. Он на полном скаку снимал положенную на стоящий ребром спичечный коробок десятикопеечную монету. При этом спичечный коробок оставался на месте. Еще более искусен в этом виде упражнений, по словам старших, был уроженец селения Верхний Курп (Инаркъуей) КБР Техежев Хажумар. Для него с интервалом в два метра втыкали ребром в землю монеты, которые он затем на полном скаку хватал и клал себе в карман (23, 1590, № 2, 4).

- Шу дэкI - во время игрищ присутствующие становились в два ряда, лицом друг к другу, делая «дорогу» длиною от 30 до 100 метров. Проход между рядами был шириной около 1,5 метра. Всадники должны были на полном скаку пройти между рядами. Проскакав в один конец, необходимо было плавно осадить лошадь, так, чтобы она остановилась всеми четырьмя ногами, не вставая на дыбы. Затем надо было развернуться и снова пройти на полном скаку между рядами. Некоторые всадники, желающие заслужить похвалу, делали следующее: на полном скаку выхватывали из ряда красивую девушку и сажали ее в седло. На обратном же пути, замедлив шаг лошади, аккуратно ставили на свое место. Говорят, что таким мастером был Жаде Башир из шапсугского селения Банэхэс.

- ШыныбэгущIэпщ - всадник на полном скаку свешивался с седла, пролезал под брюхом лошади и снова садился в седло. По словам

старших, уроженец с. Кенже (Къуэшыркъуей) КБР Кештов Папыта был искусен в этом виде упражнения.

100-летний Алалов Мус, житель селения Куйбышевка Лазаревского района г. Сочи, в молодости часто проделывал это упражнение. Кроме этого, по словам односельчан, он выполнял и другие упражнения. Например, такое: на полном скаку вместе с лошадью падал на землю, при этом она лежала неподвижно до тех пор, пока он не подавал ей сигнал, вставая только по его команде. Очевидно, что этот прием, которым владел Алалов Мус, мог иметь непосредственное военно-прикладное значение (22, 124-129).

- Псагъэеуэ - это упражнение заключалось в стрельбе в мишень на полном скаку. Во время этого упражнения некоторые наездники хватали на полном скаку девушку, сажали в седло и потом уже стреляли в цель. Т. Лапинский в 50-е гг. прошлого столетия был свидетелем такого рода упражнения. Вот как он описывал это упражнение, увиденное им на одной из черкесских свадеб. «После танца начинаются скачки. Вне двора ставится доска для цели, мимо которой, стреляя, проносятся бешеным галопом всадники. Наиболее смелые подлетают к группе девушек, хватают одну из них поперек туловища, поднимают с быстротой молнии на лошадь и с этой дорогой ношей проносятся мимо доски, стреляя в цель. Кто таким образом попадет в цель, получает премию как память о невесте» (75, 132).

Очевидно, что это упражнение имитирует обычную для наездника ситуацию: похищение людей и стрельба в преследователей. В другом виде этого упражнения роль мишени (нэщэнэ) выполняли куриное яйцо или же наперсток, подвешенные на нитке выше уровня головы всадника. «Проскакивая под подвязанным куриным яйцом или наперстком, нужно было моментально опрокинуться навзничь в седле и выстрелом разбить яйцо» (117, 244).

Некоторые виды стрельбы в мишень были обязательными элементами различного рода обрядовых мероприятий. Так, например, обязательной принадлежностью обряда больших поминок была стрельба из лука в «къэбакъ». Так называлась мишень, в качестве которой использовалась круглая небольших размеров деревянная мишень, укрепленная на конце высокого шеста; соответственно и само это упражнение называлось кабак. Всадник стрелял в мишень, когда лошадь проносилась на полном скаку мимо шеста. При этом он должен был развернуться в седле и свеситься с одной стороны коня, так, чтобы его голова и корпус находились ниже

гривы коня. Особо ценились выстрелы, после которых стрела, вонзившись в мишень, разбивала ее. Такой выстрел свидетельствовал не только о меткости всадника, но и о его силе. Это упражнение также имело военно-прикладное значение и часто использовалось черкесскими воинами. Во время погони преследуемый всадник свешивался с одной стороны коня, имитируя, что он убит. Когда противник, введенный таким образом в заблуждение приближался на необходимое расстояние, всадник стрелял в него из этого неудобного положения.

Стрельба в кабак была также неотъемлемой принадлежностью обряда окончания пахоты «вакIуэ ихьэж». В данном случае мишень была подвижная. Ее устанавливали на длинном шесте в центре арбы возвращающиеся с поля пахари. Кабак представлял собой крестовину, на четырех концах которой прикреплялись вырезанные из дерева фигурки животных (лошади, кабана, собаки и т. д.) В старину в кабак стреляли из луков, а позднее из ружей (142, 18-19). Другой вид стрельбы в мишень, называемый «джэдыкIэеуэ», был связан со свадебным обрядом. По дороге за невестой свадебный поезд (фызышэ) встречал препятствие. По обочине дороги выставлялись с интервалом в несколько метров около дюжины яиц. Пока они не были бы разбиты выстрелами из ружей всадниками из свадебного кортежа, он не мог двигаться дальше. Стрельба, как и в предыдущих упражнениях, велась на полном скаку. Когда отправляли делегацию за невестой, в нее обязательно включали метких стрелков (20, 30-31).

По словам Гедгаговой Лизы, 1929 г. р., с. Урожайное (Абей къуажэ) Терского р-на КБР, ее отца, Марзей Казбулата, в юности часто брали в «фызышэ» по этой причине.

Меткость в стрельбе и ловкость в верховой езде достигались путем постоянной тренировки. Стрельба по мишеням, по свидетельству Т. Лапинского, была повседневным обыденным занятием черкесов. По этому поводу он писал: «Адыги - хорошие стрелки; это происходит оттого, что они не упускают случая для упражнения в стрельбе; обыкновенно держатся маленькие пари, которые проигрывающий выполняет с большой пунктуальностью. Каждый раз, когда видишь группу всадников, слышишь беспрерывно стрельбу, то кто-нибудь бросает свою шапку на землю и держит пари на несколько патронов пороха на то, чтобы поднять ее на полном скаку лошади или попасть в нее на дальнем расстоянии из ружья или пистолета; то выбирается для цели дерево, а всадники упражняются в том, чтобы попасть в него на полном скаку. Стрельба, пение, щелканье бичом и бешеная езда взад и вперед - приятнейшее времяпрепровождение

для всех. Даже глубокие старики, которые в этой стране сохраняют удивительную бодрость, не пренебрегают стрельбой или скачкой на пари» (75, 141-142).

Среди мастеров стрельбы в шапку, называемой «пыІэеуэ», были такие, которые выполняли более сложный вариант этого упражнения.

Например, всадник подбрасывал высоко шапку, выхватывал ружье из чехла, делал выстрел и, не дав ей упасть на землю, подхватывал на лету (23, 1990, № 2, 5).

- Шыбгъэрыуэ - двое всадников, сходились и ударяли друг друга грудью своих скакунов. Победителем считался тот, кто выбивал из седла своего соперника, валил коня или сбивал его вбок. Это упражнение также имело военно-прикладное значение: во время кавалерийской схватки всадник, сбитый вбок попадал в очень уязвимое положение.

- Чы упщІатэ - рубка ореховых прутьев. Тонкие прутья втыкались в землю в два ряда с интервалами в несколько метров. Всадник должен был на полном скаку, не пропуская ни одного прута, разрубить их шашкой. Существовали и другие виды рубки, например, рубка глиняного чучела. Жырчаго Гиса сообщил нам, что во время его службы в черкесском кавалерийском полку в Сирии, среди его сослуживцев было много таких, кто в совершенстве владел рубкой. Например, черкес Локман мог на полном скаку отрубить «голову» глиняному чучелу так, что «голова» при этом оставалась на месте. Бочкар Хамид разрубал на лету платок, а также рубил без брызг платок, лежащий на воде. Другой его сослуживец Кушба Баракат (абхаз) разрубал горящие свечи так, что они при этом не падали и не гасли (157).

- Шухьэзыр (готовый всадник) - (шу - всадник, хьэзыр - готовый). Это сложная, включающая в себя целый комплекс разнообразных упражнений как для всадника, так и для его лошади, конно-спортивная игра. Ее описание приведено в книге С. Х . Мафедзева (87, 158-160).

«Ее обычно проводили после летнего откармливания верховых лошадей, «для дальних и быстрых походов». Участниками игры могли быть все, кто имел верховую лошадь, жители соседних селений и даже случайные проезжие. К игре допускали обученных под седло меринов (алащэ), которые до старта тщательно осматривались судьями. Особое внимание при этом обращалось на конское убранство: подпруги, нагрудники, подхвостники, потники, скатанные и привязанные к седлам бурки, арканы, походные переметные сумы, уздечки, плетки и т. д. Все это вместе

входило в понятие «готовый к походу верховой конь». От всадников также требовалось, чтобы они были одеты по-походному: рубаха, шаровары, папаха, ноговицы, обувь из сыромятной кожи, пояса с кинжалами; вероятно, в прошлом всадники облачались и в военные доспехи.

До старта всех участников знакомили с условиями игры. Им объясняли, что они должны проделать на каждом промежуточном этапе, составлявшем 500-1000 метров. Так, на первом этапе всадники на скаку отвязывали от седла арканы и бросали на землю, на втором - оставляли бурки, на третьем - походные сумки, на четвертом - седла, а на пятом - потники. Для выполнения любого задания соревнующиеся имели право останавливать лошадей и даже спешиваться. Однако этим правом пользовались редко, потому что на остановки уходило много времени. Если участник игры почему-либо не успевал выполнить то или иное упражнение на одном из этапов, то он должен был вернуться назад и повторить упражнение. К последнему, шестому, этапу всадники мчались на неоседланных лошадях. Здесь они разворачивались и на обратном пути каждый подбирал свои вещи. При этом, чтобы поднять потники и седла, обычно спешивались, а сумки, бурки и арканы подхватывали на всем скаку и привязывали к седлам также, как это было до старта. Если что-либо не удавалось, полагалось повернуть коня обратно или остановиться, чтобы выполнить упражнение по всем правилам.

По возвращении у всадников сразу забирали лошадей и отводили их к коновязи или в загон. Это делалось для того, чтобы всадники не могли заняться дальнейшим приведением в порядок убранства коня. Как только последний участник игры пересекал финишную линию, судьи, как и до старта, тщательно проверяли убранство лошадей: подтянуты ли, как нужно, подпруги, завязан ли нагрудник, заправлен ли подхвостник, правильно ли прилажены сумка, бурка и аркан. Победителей определяли по точности выполнения всех этих требований и по тому, каким по счету всадник закончил скачки. Призовыми считались первые три места» (87, 158-160).

В жизни черкесов каждое более-менее значительное событие, как-то: свадьба, поминки, возвращение воспитанника в родительский дом, а также различные календарные праздники сопровождались обрядовыми игрищами, носящими часто военный характер.

Как и военно-спортивные упражнения, о которых говорилось выше, эти обрядовые игры являлись не только формой демонстрации военной

выучки, но и способствовали отработке в игровой форме техники и тактики боевых действий. Многие авторы, писавшие о черкесах, обращали внимание на то, что «увеселения этого народа, даже танцы, имеют военный характер...» (121, 72). «Черкесские танцы, - писал в связи с этим А. Г. Кешев, - устраиваемые под открытым небом, сопровождаемые залпами выстрелов, окруженные толпами вооруженных всадников, с шашками и пистолетами на танцующих мужчинах, походили скорее на шумное празднование победы в военном лагере, чем на мирное проявление обыкновенного веселья» (55, 234).

В свадебном обряде эта воинственная черта выступала еще ярче. «Героиня торжества, невеста,- по мнению А. Г. Кешева,- играла здесь пассивную роль победного трофея, несмотря на весь почет и рыцарское уважение, которым ее окружали» (55, 234).

В составе свадебных игрищ важное место занимала игра-сражение под названием «шурылъэс», которое переводится как «конные-пешие». Свадебный кортеж, возвращающийся с невестой в дом жениха, ожидало множество препятствий. Для того чтобы ввести невесту в дом, всадникам, сопровождающим невесту, необходимо было «проложить дорогу». Первым препятствием к этому служил огромный костер из соломы, разложенный около ворот усадьбы. Всадники должны были на полном скаку перепрыгнуть через этот костер, а затем уже и через ворота. Если хотя бы один из всадников перепрыгивал через ворота или в крайнем случае выламывал их грудью коня, то дорога считалась открытой и невесту вводили в дом.

После этого начиналась непосредственно игра «шурылъэс». Она заключалась в следующем. Всадники должны были в целости довести до дома находящуюся в свадебном поезде арбу, покрытую красным покрывалом. Жители села, вооруженные длинными палками, в свою очередь, стремились не допустить этого. Их целью было сорвать покрывало, отпрячь лошадей и вкатить арбу во двор руками. Всадникам разрешалось врываться в толпу, прокладывая грудью коней дорогу, топтать пеших копытами своих скакунов, а если последние хватались за уздечки, то и хлестать их плетьми. Пешие имели право колотить всадников палками без всякой пощады по ногам, голове, спине, при этом бить лошадей по голове не дозволялось. Сражение заканчивалось победой одной стороны, если же оно слишком затягивалось, то его прекращали старики, которые тут же находились в качестве зрителей. На протяжении всей свадьбы сражение конных и пеших повторялось много раз. Обычно новое сражение провоцировали всадники, стремившиеся захватить

плясовой круг. Последние в танцах участия не принимали, а только наблюдали за ними, сидя верхом, расположившись вокруг танцевального круга. Пехота, вооруженная длинными палками, отделяла танцующих от всадников, которые периодически стремились въехать верхом на лошадях в танцевальный круг. Описывая черкесские свадьбы и танцы, их сопровождающие, Д. Белл отмечал: «...даже к такому, казалось бы, мирному развлечению, должно всегда здесь примешиваться нечто воинственное; так ежеминутно раздавались выстрелы из пистолетов над кругом танцующих, и непрестанно этот круг находился под угрозой быть прорванным под натиском всадников... которых, однако, сдерживает кучка молодых пеших людей, старающихся визгом и ударами ветвей пугать коней» (25, 48I).

Периодически такое противостояние выливалось в сражение. Вот как описывал его Хан-Гирей: «Пешие толпы, вооруженные огромными кольями, теснят конных наездников, готовых вступить в бой, чтобы показать проворство своих бегунов и собственную ловкость. Пешие бросаются на них густыми толпами с криком и бьют как их, так и лошадей, без пощады. Наездники также, со своей стороны, не жалеют пеших, топчут их своими скакунами, бесстрашно бросаясь в середину толпы, безжалостно их поражающей. Нередко конные преодолевают пеших, разгоняют их под защиту стен домов, даже и в самые дома, причем разгоряченные удальцы на лихих бегунах иногда перепрыгивают удивительно легко высокие заборы, разбивая грудью лошади слабые строения. Такие атаки продолжаются, пока одна сторона не победит другую. Дело иногда доходит с обеих сторон до исступления, и тогда старики, вступая в посредничество, прекращают столь опасную потешную битву» (137, 167-168). Действительно, это была очень опасная и жесткая игра и здесь, по свидетельству Хан-Гирея, несчастные случаи были «почти неизбежны». Травмы, переломы конечностей, даже гибель лошадей и людей были нередки. Игра «шурылъэс» была хорошей школой для наездников; в ней отрабатывалась реальная боевая ситуация встречи кавалерии с пехотой. Лошади, приученные не бояться шумной толпы, выстрелов, умеющие перепрыгивать заборы, плетни и другие препятствия, были незаменимы во время сражений в населенных пунктах. Еще большее значение имела психологическая подготовка самих наездников. Недаром черкесы говорили: «Кому не страшно в день такой игры, тот не устрашится и в битве» (137, 168).

Заслуживает внимания и другая игра под названием «шузэбэн» - «борьба всадников». Ее описание, сделанное со слов лабинских кабардинцев (Потомки так называемых «беглых кабардинцев», переселившихся за

Кубань из Кабарды в 20-х гг. XIX в., во время Русско-Кавказской войны. В настоящее время это часть адыгского населения КЧР, а также жители трех аулов в Республике Адыгея: Блечепсин, Ходз и Кошехабль.), приводит Б. Х . Бгажноков. Игра представляла собой групповое или командное состязание. «Прежде всего выбирали какую-нибудь очень красивую девушку и сажали в седло к ее брату или к другому ее родственнику. Затем ...тхамада игрища объявлял: - Эта девушка принадлежит витязям, которые победят в схватке всадников.

Тем временем всадники разделялись на два отряда (по кварталам или по аулам) и готовились к битве. По сигналу... они сходились, и начиналась схватка. Все стремились выбить своих противников из седла. Чтобы достичь этой цели, кроме всего прочего, разрезали подпруги коня и затем сталкивали всадника наземь. Чтобы упавший всадник не мог вновь вступить в бой, его коня отгоняли далеко прочь. Побеждала та сторона, которая вышибала из седла большее число всадников. Теперь они могли взять себе завоеванную в схватке красавицу. Кто-либо из числа победителей пересаживал девушку в свое седло, и весь отряд гарцевал перед восторженными зрителями» (22, 140).

Многие коллективные игры-состязания были связаны с календарными обрядами. К числу таких игр относится и та, описание которой приводит Хан-Гирей. Вот что он о ней сообщает: «Из всех народных игр, ныне почти забытых, примечательнее прочих та, которую называют «Диор» и которая, весьма вероятно, осталась от тех времен, в которые смешались обряды язычества и христианства, в прежнем исповедании этого народа (диора значит на наречии кабардинском крест).

Игра эта состояла в том, что при наступлении весны жители (мужчины) аулов разделялись на две партии: верховую и низовую. Обитатели восточной части назывались верховьями, а западной - низовьями, какое разделение и теперь существует в больших и продолговато расположенных аулах (къуажапщэ - верховья, къуажэкIэ - низовья; къуажэ - село, пщэ - верхи, кIэ - низы - А. М.). Каждый имел в руках по длинному шесту, наверху которого прикрепленная корзина набивалась сухим сеном или соломою. Таким образом, вооруженные партии, выступая одна против другой, зажигали свои корзинки и с этими огромными факелами нападали одна сторона на другую, крича из всей силы: «диора» «диора», и как игра обыкновенно всегда начиналась с наступлением ночной темноты, то вид мелькающих во мраке огней производил весьма занимательное зрелище. Партии взаимно одна на другую нападая, по мере возможности захватывали пленников, которых со связанными руками приводили в

гостиные дома старшин, куда уже по окончании борьбы каждая партия отдельно собиралась. Тут вели переговоры между собою, обменивали пленных, а затем оставшихся каждая партия выкупала или обыкновенно отпускала на волю, взяв с них обещание доставить назначенный за них выкуп, состоящий обыкновенно из съестных припасов. Таким образом собранные продукты поручали одному старшине из партии, который, приготовив пиршество, звал старшин аула или к себе, или в гостиный дом одного из них, куда приносили столы с яствами и напитки, и там праздновали целый день или вечер, проводя время в полной радости беззаботного торжества.

Игру обыкновенно начинали с обеих сторон молодежь с пламенниками, но к ним, как на тревогу, сбегались и пожилые люди, да и старцы приходили туда частию, чтобы взглянуть на веселящихся и вздохнуть, вспомнив прошедшие годы молодости; частию и для того, чтобы предпринимать меры предосторожности от пожара, который легко могли причинять пламенники, в безумии веселья с быстротою носимыми с одного угла в другой. Молодежь и старцы попадались в плен, тем более, что последние, будучи немощны, не были в состоянии противиться сильным молодым борцам, налагавшим на них ременные оковы. Впрочем, эти пленники - старцы, дорого обходились их победителям, а равно и той партии, у которой похищены были: для примирения с ними надлежало удовлетворить их за то, что, не уважая их седины, увлекли в плен, и в этом случае виновная партия приготовляла яства и напитки и торжествовала таким образом, как выше описано» (136, 263-264).

Такие игры могли быть не связаны с какими-то календарными обрядами и часто проводились от случая к случаю, в любое время года. Такого рода игра также была описана Хан-Гиреем. Она по-своему характеру аналогична игре «диор», но имеет некоторые особенности. Время ее проведения не связано с календарными обрядами, она проходит без факельщиков, в ней участвуют не только жители села, но и гости, и наконец, участники игры делятся на две группы по сословному принципу, а не по тому, что в игре «диор» (верх села - низ села). Хан-Гирей описывает ее следующим образом: «Когда бывает в большом ауле съезд и много молодых князей и дворян соберутся, то нередко забавляются таким образом: молодежь высшего класса, т. е. князья и дворяне, составляют одну партию, молодежь же вольных земледельцев - другую, и обе партии вступают в борьбу. Первая партия, сколько захватит пленников из второй партии, приводит со связанными руками в гостиный дом одного из дворянских старшин того аула. Вторая же приводит своих пленников в гостиную одного из своих старшин. Эта игра начинается обыкновенно

также молодежью, но, однако ж, всегда доходит и до старцев. Партия высшего класса захватывает старшин простого класса в их домах, а эти также нападают, в свою очередь, на старшин высшего класса и уводят их нередко без всякой пощады и осторожности в плен. Потом начинаются переговоры, обменивают пленных или выпускают на условиях. Дворяне дают выкуп за своих собратьев разные вещи, а земледельцы обязываются доставить овса для лошадей благородных юношей и тому подобные потребности, нужные в настоящем месте их пребывания. Далее же следуют другие удовлетворения, как-то: избирают посторонних, не участвовавших в игре «старшин» которые приговаривают удовлетворения. Обыкновенно эти приговоры заключаются тем, что партия простых, приготовив множество кушанья и напитков, является с покорною головою в гостиный дом старшего князя или дворянина, где все собираются и пируют, а князья и дворяне делают подарки старцам, которых они, не уважая их седины, брали в плен, и тем мир водворяется» (136, 265).

Следует заметить, что не только в этой, но и в большинстве других коллективных игр вместе принимала участие молодежь высших и зависимых сословий. При этом, отмечает Хан-Гирей, «в играх и забавах не оказывают большого чинопочитания, и если бы кто вздумал этим огорчаться, то подвергнулся бы оскорбительным насмешкам» (136, 278).

Все вышеизложенное охватывает только часть тех военно-спортивных игр и упражнений, которые бытовали у черкесов в прошлом. Комплекс многочисленных и разнообразных игр и упражнений способствовал развитию физической силы, ловкости, смелости и других, необходимых для воина качеств. Они занимали настолько большое место в повседневной и обрядовой жизни черкесов, что дали право Хан-Гирею сказать: «Словом, вся жизнь черкеса-воина проходит в забавах и упражнениях, более или менее воинственных» (136, 270).

Высокий уровень боевой подготовки черкесских воинов был результатом взаимодействия нескольких факторов. Среди них следует прежде всего отметить такие, как особенности внутри и внешнеполитического развития (частые междоусобные войны и войны с внешними врагами), а также налаженная черкесами эффективная система военной подготовки. В последней, ключевое место занимали такие институты черкесского общества, как наездничество и аталычество. Для функционирования этой системы немаловажное значение имела благоприятная идеологическая обстановка, поддерживаемая в обществе. Система этических, обычно-правовых, этикетных норм адыга хабза и

созданный на его основе рыцарский кодекс уорк хабза на уровне общественных отношений превозносили воинскую славу, честь, свободолюбие. Важную роль при этом играли народные барды-джегуако, которые в своих песнях окружали ореолом рыцарской доблести не только участие в освободительных войнах, но и в грабительских набегах и феодальных междоусобных войнах. С этой же целью использовался и древний нартовский эпос, в котором воспевались набеги и войны эпохи «военной демократии». «Современный черкес,- писал К. О. Сталь - хочет подражать громким подвигам своих народных нартов... и тлехупхов (рыцарей), о хищничестве которых гласит ему народное предание и народные песни» (122, 122).

Глава IV
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И КУЛЬТЫ, СВЯЗАННЫЕ С НАЕЗДНИЧЕСТВОМ

§1. Отношение к смерти, похороны и тризна

Жизнь черкесского дворянина была с самого начала предрешена - это цепь сражений, заканчивающаяся гибелью, достойной рыцаря. Для представителей высших сословий жить долго вообще считалось неприличным. Согласно преданиям, бесланеевские князья Каноко любили повторять: «Дэ гъащIэу зыхуэдгъэувыжыр илъэс тIощIрэ тхурэщ» - «Мы [Каноковы] планируем жить не более двадцати пяти лет» (21, 102). В этой связи примечательно сообщение Хапанцева Жамбота, 1898 г. р. с. Заюково КЧР. Он рассказывал: будучи ребенком, помню как я в детстве видел князя Атажукина Бекмурзу (ХъэтIохъущыкъуэ Бэчмырзэ): он уже был старик с белыми как снег усами. В это время матери моего отца было около ста двадцати лет. Хотов Исмаил (Хъуэт Исмэхьил) рассказывал мне, как однажды Атажукин Бекмурза пришел к нам домой и спросил моего отца. Когда он узнал, что отца нет дома, он развернулся и ушел. Моя бабушка спросила: кто этот седобородый? Атажукин Бекмурза - ответил Исмаил. Тогда бабушка в удивлении воскликнула: Тоба яраби, мне уже скоро сто двадцать лет, но до сегодняшнего дня я не видела седобородого адыгского князя» (146, № 11, 6).

В данном случае женщина высказала не только свое удивление, но и осуждение и даже насмешку, намекая на то, что если бы князь был мужественный и вел соответствующий его рангу образ жизни, то он не дожил бы до седых волос.

Подобные настроения были широко распространены в среде народа. В Кабарде, например, с большим почтением говорили о князьях из рода Талостан: «Талъостэнхэ лIы закъуэ лъэпкъщ» - «В роду Талостан мужчин единицы». Здесь имеется в виду тот факт, что мужчины этого рода были храбры, рано и в большом количестве погибали в сражениях (21, 102). То, что народные предания правдиво отражают реальную историческую действительность феодальной Черкесии, подтверждают исторические документы и источники. Достаточно обратиться к родословным двух княжеских кабардинских родов Казыевых и Шолоховых (Талостановых) (В русских исторических источниках XVI - XVII вв. княжеская кабардинская фамилия Талостановых фигурирует по имени одного из своих видных представителей (Шолоха Тепсеруковича) как Шолоховы.) составленных в XVII в. Вот что в них, в частности, сообщается: «А у Тлаопшоки-мурзы 3 сына: 1 сын Шеганука-мурза умер своей смертью, 2 сын Казый-мурза, дородной, славной, убили ево татаровя Болыпаго Нагаю, как на их кабаки (Кабак - деревня, село.) приходили весь Большой Нагай, а поднимал их Хорошай, Шолохов сын; 3 сын Темрюк-мурза, бездетен, убили ево кумыченя.

А у Сланбека-мурзы 5 сынов: I сын Ливан-мурза умер своею смертью, бездетен, 2 сын Янхот-мурза, 3 сын Дудары-ка-мурза, бездетен, убили ево братья Янсохова да Канукины дети, 4 сын Татархан-мурза, бездетен, убили ево беслейцы, 5 сын Инармас-мурза, бездетен, убили ево с Козыем вместе таторовя Большого Ногаю, ...

А у Янсохи-князя 7 сынов: I сын Сортман, бездетен, убили ево беслейцы, 2 сын Докчука, бездетен, убили ево нагайцы Большого Нагаю, 3 сын Кочкан-мурза, бездетен, убил брат ево двоюродной Татархан, 4 сын Клыч, убили ево под Шолоховыми кабаками, 5 сын Ель-Мурза, живет в бегах от Алегуки в Ондрееве деревне, а Алегука у нево убил дву сынов, а он поднимал на Алегуку большова Нагаю мурз и татар, 6 сын Ураскан-мурза, ныне живет с Ельмурзою в Ондрееве деревне..., 7 сын Чюжей-мурза, бездетен, убил ево Хотокжука-мурза Казыев сын...» (52, Т. 1, 385-386).

Часто князья погибали не только в ходе междоусобиц, но и во время занятия своим обычным промыслом - наездничеством. Так, например, в тех же родословных сообщается, что «Кайтука..., утонул на Кубане реке, как в добычу ездил под абазинцов ...Хакего ...убили ...в Шолоховых Кобаках козлары 33, Хатовых кабаков уздени, ездили красть ночью ... Лорсана убили в козларском кабаке в Хатовых ночью на краже не за веды» (54, Т. 1, 384-387)(По нормам обычного права кабардинцев жизнь князей была неприкосновенна для представителей других сословий. Так

как кража в данном случае совершалась в «козларском кабаке», т. е. в селении тлякотлеша, где не было представителей княжеского сословия, дворяне не имели право покушаться на жизнь князя. Но так как князья скрывали свои лица, то их часто убивали «не за веды», т. е. не зная, что они князья. В противном случае их могли только просить вернуть похищенное.).

Каждый черкесский уорк жаждал достойной рыцаря смерти. Умереть дома от старости или от болезней - это не лучшее, что может уготовить судьба достойному мужу. «Ныбжьырей хъуэн нэхърэ зы махуэ гъащ I э» - «Чем долгая бесславная жизнь, лучше один день славной жизни»,— гласит адыгская пословица.

Такое отношение к жизни, славе и смерти отражено в черкесском предании, записанном А. М. Гадагатлем со слов Сиюхова Сафарбия, 1887 г. р., из аула Джамбачий Адыгеи. «Как-то раз,- повествовал он,- к мужественным нартам Бог прислал маленькую ласточку». «Хотите ли вы, чтобы были хорошие, малочисленные, мало жили, но много славы имели, о славе вашей много рассказывали и мужество ваше служило примером в веках?» - спросила их ласточка.

- Или же вы хотите, чтобы вас стало много, количественно умножились бы, ели б, пили б и жили долго без обид и славы?

Тогда, не созывая Хасэ и долго не думая, нарты ответили:

- Мы не хотим, как скот, много размножаться. Мы хотим жить, имея человеческое достоинство.

Если жизнь наша коротка

Пусть слава о нас будет велика!

Так они выбрали быть малочисленными, жить мало, но совершать много мужества. И с этим ответом отослали ласточку маленькую к Богу. Их слава навечно осталась среди людей» (36, 362-363).

В свете всего вышесказанного примечателен реальный исторический случай, о котором рассказывает Ф. Ф. Торнау в своих воспоминаниях. В августе 1836 г. Ф. Ф. Торнау вместе с кабардинскими князьями Тембулатом и Бием Карамурзиными посетил Вознесенское укрепление. Со слов коменданта крепости Левашова он и описывает этот случай. «Два дня перед нашим приездом,- сообщает он,- ему дали знать, что к

укреплению подъехал на богато оседланной, прекрасной лошади старик-черкес, вооруженный одним кинжалом, и желает с ним переговорить о каком-то важном деле. ... Левашов предпочел выйти за ворота и не взял с собою оружия, считая приехавшего горца лазутчиком, присланным к нему с линии с каким-нибудь известием. Увидав перед собою седого старика, далеко за семьдесят лет, Левашов подошел к нему, ничего не опасаясь, и заговорил с ним по-татарски. После первых слов старик бросился на него с обнаженным кинжалом, отрезав ему обратный путь в укрепление. Увертываясь от удара, Левашов сделал прыжок в сторону, потом в другую; черкес следил за каждым его движением, хватая его за руку и приноравливаясь ударить его прямо в грудь. Видя, что от старика не так легко можно увернуться и в укрепление нет дороги, Левашов бросился бежать в поле. Черкес погнался за ним, за черкесом бежала его послушная лошадь, а за ними тремя гнались солдаты, не решавшиеся стрелять, опасаясь убить своего капитана. Наконец Левашов, у которого ноги были помоложе, далеко опередил своего врага. Тогда солдаты открыли огонь и убили черкеса... Левашов решительно не понимал, за что хотел убить его, видимо, жертвуя самим собою, человек, которого он никогда не встречал прежде того и поэтому не мог иметь его своим врагом. Тело не было еще похоронено. Нам его показали, и Бий скоро узнал в убитом черкесе хаджи княжеской фамилии Хамурзиных, но так же не мог себе дать отчета, почему именно он намеревался убить коменданта...

Позже мы узнали загадку этого происшествия. Старик хаджи был в своей молодости отличный и храбрый наездник... но уже несколько лет перестал ездить на воровство и принимать участие в военных делах. В черкесском собрании его кто-то упрекнул в том, что он более ни к чему не годен и способен только лежать на постели да беречь свои старые кости. Эти слова до того оскорбили старика, что он немедленно оседлал лошадь и стремглав прискакал к Вознесенскому укреплению... с целью убить начальника их и, пожертвовав самим собою, пристыдить своих насмешников» (127, 1992, №3, 14).

Многие авторы и очевидцы отмечали характерное для воинов-адыгов презрение к смерти - эту, как писал В. А. Потто, «мощную черту черкесского наездничества» (111, Т. 2, 340). Описывая сопротивление, оказываемое черкесами и убыхами царским войскам на Западном Кавказе, С. Эсадзе писал, что их «ожесточение и смелость... превосходили всякое вероятие: даже в числе нескольких человек они кидались с шашками в руках в середину пехоты и погибали от штыков его» (149, 47). Подобный героизм и пренебрежение к смерти проявлялись не только при защите родины, но и при нападениях, разбойничьих набегах на чужие земли. В. А.

Потто писал: «Отважен и дерзок был черкес в набеге, но он умел смело и прямо посмотреть и в открытые очи смерти. Набег обещал торжество и славу, но он же грозил гибелью. И нет ничего поразительнее той гордой отваги, с которой черкес умирал» (11, Т. 2, 339-340).

Отправляясь в поход, наездники брали с собой так называемую «погребальную рубашку» (хьэдэ джанэ), а с принятием ислама саван (джэбын). Описывая походное снаряжение черкесского наездника, Хан-Гирей сообщает: «Даже отчаяннейшие головорезы имеют нередко при себе готовую погребальную одежду - род савана, что доказывает решительную их готовность умереть во всякую пору» (136, 230).

Такое отношение к смерти невозможно понять, без рассмотрения этикетных, религиозных воззрений, этнических установок, связанных с этим.

Жизнь адыгского общества всегда регулировалась тем сводом традиций, обычаев и нравственных принципов, называемых адыга хабза. В этом отношении ни христианство, ни позже ислам не смогли полностью подменить их систему моральных, этнических ценностей. По этому поводу у черкесов есть поговорка: «Диныр хыхьэхэкIщ, узыхэмыкIыфынур уи лъэпкъщ» - «Религию можно поменять, нельзя поменять нацию» (157). То есть черкесы всегда высоко ценили свои традиционные, национальные ценности, которые не могли вытеснить никакие нормы религиозной морали. Впрочем, надо заметить, такой проблемы и не было, так как традиционные, моральные этнические ценности и новые религиозные (исламские) в основном совпадали, так что уже в XIX в. черкесы стали их отождествлять (адыгэ хабзэ и дин хабзэ). В основе системы адыга хабза лежало такое понятие как «напэ» (лицо, совесть, честь). «Следственно,- отмечал Хан-Гирей,- все законы у черкесов основываются на чистоте совести, не говоря о преимуществах, присвоенных достоинством различных родов, которые суть неминуемые следы феодализма» (136, 141). У черкесов не было ни тюрем, ни телесных наказаний, ни пыток. Вместо них использовались система штрафов и, как крайняя мера, смертная казнь или изгнание из общества. Но в черкесском обществе, где традиции и общественное мнение имели определяющее значение, самым страшным наказанием для человека было «потерять лицо», а значит, и уважение общества. Здесь ни материальное благосостояние, ни социальное происхождение не давали сами по себе высокого общественного положения. Его достижение было возможным только при условии безупречного соблюдения принятых в обществе обычаев и традиций. Их нарушение вело, как говорили черкесы, «к потере

лица» (напэтех), что считалось страшнее смерти. «ЛІэныгъэм нэхърэ емыкІум фІэлІыкІ» -«Больше смерти опасайся позора»,- гласит адыгская пословица. Черкесов, в силу их национального менталитета, мало интересовало, что их ждет в загробной жизни, а больше всего они думали о жизни земной. Любопытно, что в их дохристианских и доисламских верованиях хотя и существует понятие загробного мира (хьэщт, хьэдрыхэ), совершенно отсутствует понятие ада или рая. Можно сказать, что рай для них олицетворялся земной славой, которую можно было заслужить среди людей достойной жизнью, а страшнее смерти и ада каждый черкес боялся позора. Даже когда человек умирал, его прежде всего беспокоила перспектива встречи с душами своих предков, родных и друзей. Это обстоятельство породило благопожелание: «Тхьэм напэ хужкІэ дунейм ехыжахэм дахуигъазэ» - «Дай Бог с чистым лицом (совестью) встретиться с теми, кто ушел в иной мир».

В этой связи примечателен случай, описываемый А. Берже. Вот, что он сообщает: «- Еще не так давно был случай в одном из княжеских семейств, члены которого с большею или меньшею набожностью исполняли обряды ислама и, гордясь этим, презирали своих земляков, оставшихся в вере предков. Только один дряхлый старик, глава этого семейства, упорно отказывался от принятия мусульманской веры,- как вдруг случилось ему заболеть; старик был при смерти.- Родственники его уже привели муллу и стали уговаривать его принять ислам, чтобы открыть себе путь в Мухаммедов рай, столь цветисто описываемый муллою. Старик долго слушал проповедника и молчал, но наконец, махнув рукою, сказал: - лучшие годы моей жизни я провел с людьми, теперь уже покойниками; они и не думали о мусульманской вере, но были благороднее, храбрее и простодушнее людей нынешних; не хочу я вашего рая: куда они пошли, туда и я пойду, - мне лучше быть с ними» (26, 287).

Слава, в понимании черкесов, давала человеку земное бессмертие, вот почему каждый черкес мечтал о высшей награде в адыгском обществе - быть прославленным в песне народными бардами-джегуако.

«Мывэ сыныр мэкІуэдыж, мыкІуэдыжыр уэрэдщ» - «Надгробный камень разрушится, а песня останется» - гласит народная поговорка.

В статье «Характер адыгских песен» А. Г. Кешев в связи с этим отмечал: «Не боясь нисколько впасть в преувеличение, мы утверждаем, что ни учение ислама, просветившее адыгские племена новым миросозерцанием, ни попытки Шамиля вдохнуть в них пламенный дух газавата не имели в совокупности и половины той подстрекающей силы, какую в состоянии

производить на адыгов одна хорошая старинная песня. И в этом нет ничего странного. Религиозная проповедь сулила адыгам одни загробные награды, тогда как ему по свойству его характера гораздо заманчивее казалось приобрести земную славу. Первая занимала его лишь настолько, насколько она смягчала перспективу предстоящих за пределами жизни мучений ада; слава же привлекала его в той мере, в какой он желал бы видеть себя в своей сфере, окруженным всеобщим удивлением и почетом. К тому же при односторонне понятом им учении ислама, черкесу казалось легче достигнуть небесной награды - так как для этого, по его мнению, достаточно пасть в борьбе с гяурами,- чем добиться репутации хорошего наездника.

Впрочем, мы не хотим сказать этим, что умирать для черкеса легче, чем для всякого другого; мы только желаем показать, что при твердой уверенности в неизбежности смерти и решительном предпочтении сложить голову в бою, нежели умереть спокойно в постели, условие, предписываемое религией для получения мученического венца, не представляло для него особенной трудности» (55, 229-230).

С этим утверждением согласуется сообщение нашего информатора Жырчаго Гисы, который говорил: «На войне мне приходилось быть свидетелем такой картины. Если кто-то хотел бежать с поля боя, то увещевания такого рода: разве ты не мусульманин, вернись! - никогда не действовали. Но стоило только сказать: разве ты не черкес? - то не было случая, чтобы человек не остановился и не вернулся на поле сражения» (157).

Действительно, религиозная ортодоксальность была совершенно не свойственна черкесам. Этот факт отмечали все, кто более или менее близко были знакомы с характером и общественным бытом черкесов. Даже в разгар Русско-Кавказской войны пропаганда среди черкесов крайних и ортодоксальных течений ислама не нашла здесь благодатной почвы.

Надо заметить, что ускоренная исламизация западных черкесов в ходе Русско-Кавказской войны была во многом обусловлена и являлась реакцией на проводимую в отношении их колониальную политику царской России. Но и в этих условиях национально-освободительная борьба не приняла у них религиозной политической окраски.

Говоря о деятельности по распространению мюридизма Магомет-Амина (Магомет-Амин - третий по счету посланник Шамиля на Западном Кавказе. Десять лет (1849-1859) занимался распространением ислама и

идей мюридизма среди черкесов Западного Кавказа. Однако его влияние распространялось только на абадзехов; у шапсугов, натухайцев и убыхов его деятельность не нашла поддержки.), командующий войсками Кубанской области генерал-адъютант. Н. И. Евдокимов в своем письме от 23 ноября I86I г. писал следующее: «Религиозного фанатизма он не успел возбудить в закубанских черкесах в той степени, в какой он мог бы угрожать нам единодушным взрывом мусульманского населения и, кажется, потому еще, что такой фанатизм совершенно не сроден черкесам...» (12, 949).

Традиционная воинственность черкесов, их отношение к смерти и этнические установки, ценившие жертвенность, были обусловлены не столько какими-либо религиозными воззрениями, сколько стремлением к независимости и сохранению традиционных ценностей. Обычаи возносили честь, славу и свободолюбие в войне с агрессором выше жизни. Не менее важное значение в военном быту черкесов имела морально-этическая сторона обычаев. Военные обычаи черкесов не допускали возможности сдачи в плен. Запрещалось бросать на поле боя тела убитых и раненых.

Считалось позором оставить поле боя и покинуть своих товарищей с целью сохранения жизни. Во время войны дабы не заслужить названия труса, часто предпочитали быть убитыми (77, 53).

«ДыIуохьэри даукI, дыIуокIри дауб» - «Наступаем - убивают, отступаем - осудят» - говорили кабардинцы, участники Первой Мировой войны из состава Кавказской кавалерийской дивизии (т. н. «Дикая дивизия»).

Военные правила черкесов признавали только ложное бегство, как тактический прием или же организованное отступление. Описывая один эпизод из военных действий царских войск против черкесов и убыхов на Западном Кавказе в I839 г., С. Эсадзе сообщает: «Поражаемые с трех сторон горцы, однако, не бежали, но медленно начали отступать по равнине, прикрываясь двойной цепью; новые толпы их, выходя из лесистого ущелья, уносили или заменяли убитых и раненых» (149, 52).

«На равнине же генерал Кашутин и полковник Полтинин с авангардом и головою правого прикрытия продолжали отважно наседать на неприятеля, отступавшего чрезвычайно медленно, с большим спокойствием. Каждый картечный выстрел был действителен на таком близком расстоянии. К своим убитым и раненым горцы сбегались и дрались после этого еще с большим ожесточением, которое и нам стоило много крови» (149, 53).

На отношение черкесов к войне и смерти определенное влияние оказывала вера в судьбу, связанная с их доисламскими религиозными воззрениями. Л. Я. Люлье, исследовавший языческие верования и обряды причерноморских черкесов, отмечал: «Между ними существуют также фатализм древних греков,- убеждение, что никто не может избегнуть судьбы своей» (80, 336). Согласно этим представлениям, выражаясь словами одного информатора, «если пули будут сыпаться часто, как дождь, но человеку не суждено погибнуть, с ним ничего не случится».

«Не смерти,- отмечает С. Эсадзе, - но бесславной жизни побоялся черкес и смело шел на врага. Зато останки погибших на поле битвы были для адыгского народа священны» (149, 21).

Пользовавшиеся при жизни особым уважением, после смерти черкесские воины удостаивались особых почестей. Про воина, убитого на войне не говорили, что он убит, заменяя это выражение этикетной метафорой «он [навеки] спешился», или же «на конных носилках нашел покой» (105, 61). Последнее связано с военным обычаем черкесов: погибших воинов товарищи привозили из похода на специальных конных носилках - «шыкхъаблэ».

По свидетельству Д. Белла, похороны воинов, в зависимости от обстоятельств их смерти, имели свои особенности. «Если кто-либо умирает своей смертью дома,- писал он,- его тело сейчас же моют, завертывают в новую белую бумажную или льняную простыню и хоронят не позднее, чем через три, четыре часа... Если это убитый в бою, но не в набеге ради добычи (определенная черта проводится между тем и другим), его хоронят в одежде, в которой он был убит, и не подвергают омовению, так как предполагается, что он без промедления будет принят в рай как павший, защищая свою родину. Но если воин проживет несколько дней после своего ранения, то считается, что он успел за это время согрешить (быть может, сожалея о ранении или выразив нетерпение по поводу раны) и поэтому должен быть омыт и одет для своего путешествия в вечность» (25,488).

«Здесь,- сообщает также Д. Белл,- существует непререкаемое соглашение - не оплакивать тех, кто пал в бою за свою родину...» (25,471).

Таким образом, как мы видим, наименьшие почести оказывались воинам, умершим своей смертью. Среди тех же, кто погиб в бою, наибольших почестей удостаивались погибшие в войнах за свободу родины. При этом здесь имеются в виду и те, кто погиб в набегах и походах, являвшихся частью таких войн. При обороне своей территории черкесы

придерживались наступательной тактики. Те, кто погиб во время набегов ради добычи или на «воровстве», удостаивались меньших почестей.

В старину, как сообщает Хату Мынчак, 1912 г. р., с. Вольный Аул КБР, если погибал знаменитый, известный воин, на высоком шесте над его домом вывешивался черный флаг (бэракъ ф I ыц I э). Такой флаг было видно издалека и путники, проезжавшие мимо, увидев его, считали своим долгом заехать во двор погибшего. Выразив соболезнование родственникам и сделав дуа (поминальная молитва), они могли продолжить свой путь. Этот флаг вывешивали на три дня (24, 7).

В XVIII - перв. половине XIX в. единства в похоронном обряде как у различных подразделений черкесов, так и внутри каждого из них не было. Похороны, поминки и связанные с этим обряды могли проходить в трех видах: по древним обычаям, по мусульманскому обряду и с сочетанием элементов тех и других. Надо отметить, что религиозный синкретизм был характерен для черкесов и в более ранний период. В доисламских древних обрядах черкесов, в том числе и в похоронном обряде, наблюдается сочетание языческих и христианских элементов.

Согласно источникам первой половины XIX в., похороны, поминки и связанные с ними обряды выглядели следующим образом. Погибших в бою хоронили через много дней, так как для торжественной церемонии должна быть проведена соответствующая подготовка. С меньшей торжественностью хоронили умерших от ран. Покойника, если он погиб в сражении за родину, клали в той же одежде, в которой он был убит, посреди жилища на циновку. Если же он умер дома от ран, то его сначала омывали, а потом надевали на него самую лучшую его одежду. Остальную, принадлежавшую ему одежду складывали на подушках сбоку от покойника. Его оружие развешивалось тут же в комнате или же перед входом в дом (67, 622).

В комнате, где лежал покойник, находились женщины, в том числе и ближайшие родственницы покойного (мать, сестры, дочери, жена). Женщины оплакивали погибшего, при этом экспромтом складывались причитания (адыгейск. - хииш, кабард. - бжэ). Ближайшие родственники-мужчины находились вне дома во дворе. Слезы, рыдания как средство выражения горя для отца, братьев и сыновей погибшего были не приняты. Они не считались предосудительными для ближайших друзей погибшего, а также его аталыка.

Люди, приехавшие для выражения соболезнования спешивались, не доезжая до двора. По мере приближения к дому, начинали плакать, а

некоторые наносили себе удары по голове треногой или плетью. В таком случае их встречали и удерживали от ударов, наносимых себе. Если посетители не имели в руках плети, то их не встречали, а они сами тихо продвигались в сторону дома. У входа в дом с них снимали и принимали оружие и они шли в дом. Войдя в комнату с покойником, они начинали плакать, закрыв лицо руками. Выйдя из дому, находясь во дворе, посетители выражали соболезнование мужчинам (отцу, братьям, сыновьям), но уже без плача (137, 180).

Старики и люди пожилого возраста меньше поддаются эмоциям и «увещевают близких покойника не слишком предаваться скорби, быть твердыми, покорными Богу...» (1 36, 294, 296).

Говоря о религиозных представлениях и похоронных обрядах черкесов, Т. Лапинский сообщает: «Внешнее выражение горя у адыга... гораздо значительнее, чем действительно испытываемая им печаль; обычно смерть даже ближайших родственников принимается им с большим спокойствием, почти равнодушием. Они верят в будущую лучшую и вечную жизнь (в награду, но не в наказание) после смерти и представляют ее совершенно сходной с земной, с той только разницей, что она будет лучше и приятнее и не прекратится смертью» (75, 1 36).

На четвертый день покойника, одетого и полностью вооруженного, клали на специальные похоронные носилки (кхъаблэ) и несли на кладбище. В похоронной процессии участвовали только мужчины. По пути от дома до кладбища исполнялась специально сочиненная для этого песня оплакивания. Как правило, создателями таких песен (гъыбзэ) были профессиональные певцы - джегуако. Но нередко сами соратники погибшего слагали их, когда возвращались из похода, сопровождая тело убитого товарища. Нередко бывало и так, что сложенные женой или другими близкими родственницами причитания (бжэ) после обработки джегуако становились песней оплакивания (94, 18-19).

В день похорон для приготовления могилы на кладбище отправлялось с раннего утра необходимое количество людей. Приготовление могилы считается у черкесов почетной обязанностью и поэтому от нее никто не отказывался. Наем же рабочих для рытья могил за плату им был совершенно неизвестен (136, 295).

Подойдя к могиле, труп клали возле погребальной ямы и один из старших в фамилии произносил надгробную речь, в которой обращался к Богу с просьбой об успокоении души покойного и принятии ее в иной, лучший

мир (хьэдрыхэ). После этого ближайшие наследники покойного снимали с него оружие и стреляли из ружей и пистолетов в могилу (75, 135).

Один из них вынимал из ножен шашку покойного и трижды взмахивал ею над ним. Любимую лошадь покойника трижды обводили вокруг могилы и часто в качестве жертвоприношения или в память об этом дне обрубали шашкой уши (67, 622).

Возможно, этот обычай является рудиментом более древнего похоронного обряда, когда лошадей приносили в жертву и хоронили вместе с покойным.

После совершения всех вышеперечисленных церемоний покойника опускали в могилу и засыпали землей. В этом по очереди принимали участие все присутствующие, при этом, по обычаю, нельзя было передавать лопату из рук в руки, а необходимо было класть и брать ее с земли.

В эпоху средневековья над могилами князей и знаменитых рыцарей насыпали курганы, а их оружие клалось с ними в могилу. Но в интересующее нас время (конец XVIII - начала XIX в.) эти обычаи уже, как правило, не соблюдались. Одно из поздних упоминаний о соблюдении этого обычая в Кабарде мы встречаем в русской исторической хронике. В 1746 г. верховный князь Кабарды Аслан-бек Кайтукин, будучи в поле, упал с лошади и умер. Его похоронили на месте гибели (около современного города Мин-Воды) и насыпали большой курган. Последнее обстоятельство связано с древним черкесским обычаем, согласно которому князей хоронили на месте их гибели. «Пщы щехуэх и мащэщ» — «Где князь упал, там и его могила» — гласила адыгская поговорка.

На могилах погибших рыцарей устанавливали высокие шесты с железными трезубцами на конце и с развевающимися на них матерчатыми флажками. На этих флажках с обеих сторон находились вышитые или выкрашенные родовые тамги погибших. Эти древки с флажками, как считает Х . Х . Яхтанигов, выполняли двоякую функцию. С одной стороны, они заменяли собой надгробные памятники, а с другой, это была одна из форм почитания молодых рыцарей-патриотов. Так как стяг являлся непосредственным атрибутом военно-походной жизни, то его ставили на могилу не каждого, а только погибшего воина (151, 61).

В прошлом это явление было распространено широко, особенно в период Русско-Кавказской войны. Древние средневековые курганы и многочисленные кладбища более позднего времени имели, по словам

очевидцев, внушительный вид: «Множество украшающих могилы надгробных флагов, обыкновенно белого, красного или голубого цвета, трепещущих на высоких шестах, напоминают собою фаланги рыцарей, вооруженных копьями с висящими на них разноцветными флюгерами» (111, Т. 2. 320). По словам автора этого описания, эти надгробные флаги были посвящены лучшим и храбрейшим воинам Черкесии, погибшим в долгой и отчаянной борьбе за свободу их родины (111, Т. 2, 320). Надмогильные флажки с появлением каменных надгробий не исчезли, а продолжали еще долгое время сосуществовать с ними, как это имеет место и сегодня в некоторых селах Малой Кабарды (Терский р-н КБР) и Чечне. Кстати, эти флажки посвящаются не всем, а лишь только тем, кто погиб в расцвете сил. Правда, это теперь небольшие, около двух метров древки с развевающимися на них полосками материи. Изображение тамги на них отсутствует. Очевидно, это связано с тем, что они перекочевали с флажков на каменные надгробные плиты. Это явление, как считает Х . Х . Яхтанигов, не что иное, как рудимент древнего обычая, когда на могилах погибших воинов устанавливались высокие древки с развевающимися стягами с изображенными на них родовыми тамгами (151, 59-61).

Могилы погибших на войне воинов были для черкесов священны и составляли предмет глубокого почитания и забот. (111, Т. 2,320).

Путники, проезжавшие мимо, увидев издали флажок развевающийся на высоком шесте, считали своим долгом остановиться возле могилы погибшего воина и совершить поминальную молитву. Особенно почитались могилы прославившихся своим мужеством князей. «Черкесы,- писал В. А. Потто,- питают суеверное благоговение к могилам своих усопших князей, к какому бы политическому лагерю они ни принадлежали» (111, Т. 5, 288).

Последнее обстоятельство породило у черкесов обычай, называемый кабардинцами «кхъащхьэдэсэ ласкIэ». По словам старожилов, он заключался в том, что от надгробных плит погибших героев, и особенно князей, откалывали кусочки камня. По поверью, если держать эти осколки в доме, это помогало скорейшему выздоровлению больных (48, 5).

В старинной кабардинской песне о Дамалее сообщается, что разрушение надгробного камня народного героя произошло от того, что заболевшие малярией приходили и откалывали от могильного камня кусочки, которые они носили как талисман (18, 123).

Симпатическими свойствами обладала, по мнению народа, и земля на могиле павших героев. В одном из повествовательных текстов о

Бзиюкской битве (Бзыикъуэ зауэ - В 1792 г. в Шапсугии вспыхнуло восстание против местной феодальной аристократии, шапсугское дворянство бежало и нашло пристанище у бжедугов. В 1796 г. произошла знаменитая в истории адыгов Бзиюкская битва, в которой народное ополчение шапсугов, абадзехов и натухайцев встретилось с дворянским войском во главе с владетельным бжедугским князем Батчерием. В этом сражении победу одержало бжедугское войско, но во время сражения погиб их предводитель князь Батчерий.) рассказывается, как на могилу бжедугского князя Батчерия приходил заболевший малярией и обращался к нему со словами: «Дай в долг земли». После этого больной брал горсть земли, заворачивал ее в тряпку, прятал за пазуху и уходил. По выздоровлении землю обратно относил на могилу, клал ее на то же самое место, откуда брал, а тряпку вешал на дерево. (1 8, 11 8).

Кроме того, применялся и другой способ, о котором сообщает И. Бларамберг: «Для излечения некоторых видов лихорадки, больного отправляют спать в течение нескольких ночей к развалинам античных монументов и на древние могилы, так как верят в их исцеляющую силу» (28, 96). Бытовало также поверье, что сон, приснившийся в ночь, проведенную на кургане какого-нибудь древнего героя, оказывается вещим. У черкесов было принято возле древних курганов назначать встречи для поединков и делить добычу и трофеи.

Из всех обрядов, связанных со смертью воина долгое время продолжал сохранять свой древний языческий характер обряд больших (годовых) поминок.

В течение года после смерти воина близкие родственники держали по нему траур, избегали увеселений и сохраняли «печальный вид» (136, 297). Все это время аталык не брился и не стригся, а жена не ложилась на мягкую постель. В продолжение года постель покойного оставалась застлана, а вокруг нее развешано его оружие, правда в обратном, чем обычно, порядке. У кровати стояла его обувь, а на маленьком столике положены были хлеб, соль и поставлена в подсвечнике свеча - символ угасшей жизни (47, 166). Все это время лошадь покойного не покидала стойло и ее хорошо кормили. Его оружие время от времени чистили и клали на то же самое место (67, 623).

В отличие от первых (на седьмой день) и вторых (на сороковой день) поминок, проходивших по мусульманским обрядам с участием духовенства, большие поминки или тризна, как их называет Хан-Гирей, проходили по древним черкесским обычаям. По существу, это было

языческое торжество. По этой причине мусульманское духовенство неохотно посещало их, а впоследствии стало бороться с ними, вернее, с теми языческими обрядами, которые в них присутствовали.

Большие поминки или тризна проходили, по словам Хан-Гирея, следующим образом. В течение года проводились приготовления к проведению этого мероприятия. Обычно не раньше этого времени могли состояться поминки знатного человека, особенно князя, так как это было связано с большими материальными расходами и требовало времени для соответствующей подготовки. Ко дню тризны заготавливалось большое количество яств и напитков. По обычаю, родственники и друзья помогали в таком случае семье покойного, привозя с собой готовые кушанья, напитки и пригоняя на убой крупный и мелкий рогатый скот. Для приглашения народа заранее в соседние села рассылались гонцы. К почетнейшим людям родственники ездили сами, чтобы лично просить их удостоить тризну своим присутствием или же посылали уважаемых людей, которые от их имени делали приглашение. Для увековечивания памяти погибшего заказывалась величальная или же, по классификации Хан-Гирея, жизнеописательная песня. В. Кусиков, непосредственно слышавший и восхищавшийся изяществом и правдивостью адыгских народных песен, о том, как они слагались, сообщал следующее: «Как только герой пал на поле брани, его ближайшие родственники сзывают со всех сторон самых знаменитых певцов и, поместив их в ближайшем лесу, продерживают их до тех пор, пока не сложат песни в честь героя. Интересно знать, как эти певцы общими силами сочиняют песню. Утром они оставляют общее жилище, бредут в разные стороны и в глуши леса каждый сочинял «отдельно» на одну и ту же тему. По вечерам, сходясь вместе, представляют на общий суд все, придуманное каждым порознь. Здесь они выбирают из представленных стихов те, которые отличаются изяществом, красотою и правдивостью. Таким образом, случается, что целый месяц певцы просиживают в лесу. Наконец песня готова. Все подвиги героя воспеты. Тогда по данному знаку в ауле готовится пир, где во всеуслышание распевается новая песня. Если она заслуживает одобрения, то сочинители ее, получив большие подарки, возвращаются восвояси. Эти певцы разносят везде новую песню, все с жаром затверживают ее. Вот таким образом каждая вновь составленная песня у черкесов делается достоянием всего народа. Так были сочиняемы все песни, в которых воспеваются подвиги славных героев черкесских» (11,4).

Часто гости, приехавшие на поминки, были так многочисленны, что не хватало места для их размещения и они останавливались в соседних селениях. Торжество тризны открывалось скачкой. Еще до рассвета

всадники, желающие принять в них участие, отправлялись на место старта. Там же находился уважаемый, почтенный человек, который выстроив их в ряд, отпускал одновременно по команде. Специальные конные наблюдатели (шыуплъакIо, шыупэгъокI) во время скачек вели контроль за правильностью прохождения трассы (22, 187). Призовыми считались первые три места. В качестве призов могли быть назначены конская сбруя, куски дорогих тканей, оружие, лошади, рабы и даже кольчуга (27, 345). Иногда и последним пришедшему всаднику давали в насмешку какую-нибудь незначительную вещь.

По окончании скачек почетнейших гостей собирали в гостиной, все остальные размещались на открытом воздухе, во дворе, под навесами, около строений. Напитки и столы с яствами разносились всем без исключения, чтобы никто не остался ненакормленным и ненапоенным. Напитки для народа ставились на открытом воздухе в бочках под присмотром одного человека. Хлеб, пироги, сладости разносились в бурках и раздавались. Перед началом пиршества мулла, если такой присутствовал, читал молитву и часто сразу же покидал его. «Надобно заметить,- писал Хан-Гирей,- что духовенство, почитая такие поминки, в котором одно игрище другим заменяется и весь народ в торжестве, противными религии, не всегда посещает их» (136, 298).

Все путники, проезжавшие мимо, должны были, дабы не обидеть семью покойного, принять участие в пиршестве. Для соблюдения порядка среди народа находились специально назначенные люди. Они следили, чтобы старики и гости были прилично угощены, чтобы никто не опьянел и не нарушал общественных приличий. Так как молодежь и подростки также присутствовали здесь, «блюстители порядка имеют в руках палки, которыми нередко потчуют молодых шалунов» (136, 298-299).

Во время пиршества народные барды исполняли сочиненную ими величальную песню в честь погибшего.

За пиршеством следовал следующий акт тризны - «посвящение коней». Он проходил возле могилы и заключался в следующем: каждой посвященной лошади отрубали кончики ушей и покрывали цветной богатой тканью (кабард. шыджанэ, бжед. шытехъо). Хан-Гирей сообщает, «что посвящаемых таким образом памяти покойника лошадей приводят с собой князья и дворяне, посещающие торжество тризны; в старину значительные лица, которые, по обстоятельствам, лично не могли присутствовать на тризне, присылали лошадей на посвящение, чтобы

почтить память покойника и оказать должное уважение его родственникам» (137, 60).

После этого наездники делились на две группы: те, кто сидели на посвященных конях, становились объектом преследования со стороны других наездников, называемых Хан-Гиреем «вершниками». Последние старались настичь первых и сорвать с их лошадей покрывало. Если это им удавалось, то они сами становились объектом преследования. Гонки, борьба и преследование продолжались до тех пор, пока кому-нибудь из них не удавалось далеко оторваться от погони. В таком случае этот наездник бросал в толпы народа покрывало, которое тут же разрывалось на мелкие кусочки.

Как только заканчивалась эта игра, начиналась другая, называемая «дэфэзехьэ шыгъажэ». На этот раз объектом преследования становилась группа наездников, одетых в «ореховые доспехи». Все эти предметы до начала игрищ изготавливались в большом количестве девушками: лесные орехи (фундук) нанизывали на нитку, собирая таким образом предметы различной формы (кольчуги - «дэджанэ», шлемы - «дэпыIэ», плети - «дэщIопщ», знамена - «дэбэракъ»). Всадники, облаченные в такие «доспехи», пускали своих коней в поле, другие же наездники устраивали за ними погоню и пытались овладеть этими «трофеями». Те, кому удавалось уйти от погони, подъезжали к народу и бросали им эти, иммитирующие трофеи предметы. Теперь уже здесь начиналась борьба, во время которой эти «ореховые доспехи» разрывались и все стремились набрать побольше орехов и набить ими свои карманы.

Вслед за окончанием этих игр начинались состязания в стрельбе. Пешие стреляли из ружей в мишени на расстоянии 200-300 шагов. Конные стреляли на полном скаку мимо цели из ружей и пистолетов. Самые ловкие наездники состязались в стрельбе из лука в кабак. Ввиду сложности этого упражнения в нем принимало небольшое число отборных наездников. Стрельба в кабак являлась обрядовым состязанием, входящим в тризну, и в других случаях не употреблялась. Вот как ее описывает Хан-Гирей: «В другом месте открывается зрелище удивительное: поставлен весьма длинный шест, к верхнему концу которого прибита круглая небольшая доска, и ловкие наездники, имея лук и стрелы наготове, летят на лихих скакунах один за другим, чтобы лошадь заднего скакала за лошадью передового прямо, ибо он уже не управляет поводьями и только левая нога его остается на седле, а весь его корпус держится ниже гривы лошади: в таком трудном положении, несясь как вихрь мимо шеста (кебек), он в то мгновение, когда лошадь на всем скаку сравняется с

шестом, спускает лук и пернатая стрела вонзается в доску, наверху шеста прикрепленную, а иногда, разбив его, падает к ногам изумленных зрителей. Эта игра, забава или, лучше сказать, этот опыт необыкновенно ловкого наездничества принадлежит высшему классу» (136, 299-300).

Для победителей состязаний, проходивших на тризне, назначались различного рода призы: одежда, конская сбруя, оружие, куски дорогих тканей, украшенные золотой вышивкой и галуном, пистолетные кобуры и другие.

Часть этих предметов принадлежала покойному, другая часть была изготовлена или внесена родственниками. Отличившегося в состязаниях наездника старики могли удостоить особо почетной награды - преподнести «богатырский кубок» (батырыбжьэ). Обычно это был рог, оправленный в серебро или же позолоченная чаша, наполненная хмельным напитком (махсыма или сано). В старину эту чашу молодым наездникам подносили самые знатные и красивые девушки, что еще больше стимулировало атмосферу соперничества на таких игрищах. Хотя танцы во время поминальных игрищ не были приняты, на них тем не менее царило праздничное, веселое настроение. На тризне всегда присутствовали молодые незамужние девушки, которые, стоя на возвышенностях, наблюдали за состязаниями наездников. Присутствие дам, подстегивало честолюбие черкесских рыцарей, желающих отличиться в их глазах. На состязаниях во время тризны, как свидетельствует Жан Шарль де Бесс, «... проявляется известная галантность по отношению к прекрасному полу со стороны тех, кто оспаривает призы, с тем, чтобы презентовать свой приз даме как дань ее красоте» (27, 345).

Описывая атмосферу праздника и острой конкуренции, царившие на поминальных игрищах, Хан-Гирей сообщает:

«Игры, стрельба, скачки по всему пространству аула продолжаются целый день. Пестрые толпы несутся с одного конца в другой, тут один другого срывает с коня, валит на землю... Легко себе представить, что нередко жизнь наездников подвергается опасности, когда они, несясь по оврагам и рытвинам поля, понуждают лошадей перепрыгивать через плетни и ограды в ауле. Нередки примеры несчастий, случающихся от такого излишнего веселия, но зато ловких наездников вознаграждают одобрительные улыбки красавиц» (136, 300).

Подобные поминки требовали больших материальных затрат, размеры которых зависели от состояния и обширности родственных связей семьи

покойного. В отличие от княжеских, поминки менее знатных людей проводились намного скромнее. Одним из последних князей, чьи поминки прошли по всем древним черкесским обычаям, был Темиргоевский князь Мисоуст Болотоков. Его поминки прошли, по свидетельству некоторых авторов, относительно скромно. Тем не менее «во время тризны в его честь были посвящены 280 лошадей, которым отрубили кончики ушей. На угощение было зарезано четыре быка и пятьсот баранов; певцам, сложившим в честь Мисоуста Болотокова величальную песню, сыновья покойного подарили одиннадцать душ крестьян» (47, 166).

Хан-Гирей, говоря о своем времени (30-е гг. XIX столетия), свидетельствовал: «...заметим, что эти обряды со дня на день уменьшаются в Черкесии, и в иных племенах вовсе прекратились со времени усиления исламизма через старание духовенства» (136, 301).

Несмотря на оппозицию духовенства, еще долгое время черкесы продолжали соблюдать, хотя и не в полном объеме, древние обычаи, связанные с тризной. В этой связи весьма любопытны свидетельства о существовании отдельных элементов этих обрядов в довольно позднее время - первой четверти XX в.

Так, например, Борова Хани Блятовна, 1910 г. р. с. Урожайное Терского р-на КБР, сообщила нам следующее: «Мне было около 15 лет, это было, когда еще не организовали колхозы (приблизительно 1925 г. - А. М.), когда в честь нашего односельчанина делали поминки. Это называлось «игъуэджэкъутэ», т. е. погибший не своей смертью, в расцвете сил. Это делалось не во время похорон, а во время поминок и было приурочено к окончанию уразы, спустя несколько дней.

Всадники, одетые в «ореховые рубахи» и с «ореховыми плетьми» в руках гонялись друг за другом, а люди подбирали осыпавшиеся во время борьбы орехи. Все это происходило на поляне возле кладбища. Старшие говорили, что это «псапэ» (т. е. богоугодное и в то же время полезное для покойника дело), если в его честь друзья дадут вспотеть своим лошадям» (163).

Другое свидетельство, что отдельные элементы древнего обряда тризны сохранялись у кабардинцев еще в начале XX в., мы получили от Гусейновой Муазин Нартшуевны, 1907 г. р., с. Урух, Урванского р-на КБР. Она сообщила следующее: «Во время Гражданской войны в 1918 г. белогвардейский отряд Кибирова зашел в наше село. Мы все (моя мать, отец, дед, дети и другие родственники) скрылись в лесу на горе Культимас, что около нашего села. Спустя некоторое время брат моей

матери с группой всадников приехал и сказал, чтобы мы выходили и возвращались в село. Хотя само село освободили, но бой еще продолжался. Только мы вышли из леса, нас осыпали из пулемета. Многих людей убило и ранило. Мой дедушка, в чьей бричке я сидела, тоже был ранен. Его привезли к сельской мечети и находящиеся здесь медсестры его перевязали. Пуля разбив рукоять кинжала, попала ему в пах. Мой отец подошел к дедушке и спросил, какой «уэсят» (завещание) он ему оставляет и чем его удовлетворить. На что дедушка ему сказал следующее: «На мои сорокодневные поминки опаши курган, где стоит памятник Хажи-Тали и сделай скачки». Когда сорокодневные поминки приблизились, мой отец послал вестников (хъыбарегъащIэ) пригласить друзей и родственников из Осетии, а также из Большой и Малой Кабарды (С. Урух (Къуэгъулъкъуей), как и ряд других сел современного Урванского р-на КБР входило в прошлом в удел князей из рода Талостан. Соответственно этот исторический район Кабарды назывался «Талъостэней». Малую Кабарду (современный Терский р-н КБР) называли Джылэхъстэней, а Большую Кабарду - Къэбэрдей.). Вокруг этого кургана он вспахал землю в несколько саженей. Мой отец приготовил также призы: черкесскую форму (фащэ), бурку, башлык, седло в серебре. Призовыми были первые три места. На скачках первой пришла наша лошадь, но отец не взял приза, а раздал все призы тем, кто пришел следом» (155). Таким образом, как мы видим, еще в первой четверти XX в. сохранялись отдельные элементы (скачки, обрядовое состязание всадников - «дэфэзехьэ шыгъажэ») древнего обряда тризны. В народном сознании сохранились отголоски того, что раньше тризна посвящалась погибшим воинам. Только теперь поминки, с некоторыми элементами древней тризны, устраивались необязательно в честь людей, погибших именно во время войны. Это могла быть смерть, наступившая в результате несчастного случая или по какой-нибудь другой причине, но не естественная смерть, наступившая от старости или болезней.

Как правило, в большинстве случаев, погибшие - молодые или в зрелом возрасте люди, в расцвете сил. Отсюда и обряд этот иногда именуют «игъуэджэкъутэ» (игъуэ - пора расцвета, зрелости человека, къутэ - ломка, разрушение).

Обряд торжественных поминок по погибшим воинам (тризна) - древнейший дохристианский и доисламский народный праздник, выполнявший определенные функции. Одна из его задач - путем многочисленных жертвоприношений и поминальной молитвы, обращенной к Богу (тхьэлъэIу), обеспечить погибшему достойное место в потустороннем мире. В то же время «поминовение,- как отмечает А. Я.

Гуревич,- сопровождающееся совместной трапезой или возлиянием, воспринималось как акт духовно-физического общения с поминаемым. Для средневекового человека память - это почти буквальное возрождение былого» (44, 300).

Если смерть давала человеку небесное бессмертие, то земное бессмертие, по мнению черкесов, человеку давала людская память. Возможно, поминки старались сделать торжественнее для того, чтобы они как можно дольше остались в памяти людей. С подобной мотивацией мог быть связан обычай раздачи доспехов и личных вещей покойного - с тем, чтобы люди, пользовавшиеся вещами покойного, каждый раз вспоминали о нем. Этот обычай сохранился и до сих пор бытует у черкесов. Кабардинцы называют его «щыгъын гуэшыж» (раздача вещей).

Поминки, являясь праздничным мероприятием, выполняли еще одну функцию, о которой пишет Б. Х . Бгажноков. В своем исследовании, анализируя структуру и содержание адыгского поминального игрища, он отмечает следующие его особенности. Для мировоззрения черкесов было характерно присутствие архетипа единства горя и радости, «убеждение в том, что нет и не должно быть ни беспросветного горя, ни беспросветной радости. Постоянная радость считается такой же аномалией, как и постоянное горе. Когда в момент какого-либо праздника неожиданно обрушивается какая-либо беда, кабардинцы с философским спокойствием изрекают: «Сыт мыгъуэ пщIэн, гуфIэгъуэри нэщхъеягъуэри зэпытщ жыхуаIэращ» - «Что же поделаешь, радость и беда едины, как говорится». Универсальное общеадыгское пожелание родственникам умершего: «Иужьыр махуэ Тхьэм фхуищI» - «После этого счастье вам Бог да пошлет». Если разобраться, то это пожелания, призванные поддержать «правильное» естественное чередование горя и радости и не допустить такого положения, когда горе нарастает, беда беду родит.

Самым действенным способом восстановления этих правильных, гармоничных жизненных отношений является игрище. Оно разрушает порочную связь, восстанавливает, решительно вторгаясь в полосу неудач, нарушенный порядок. Это активное действие, сопряженное с верой в то, что человек все же не игрушка в руках судьбы, что он может отвоевать у нее удачу.

Особенно показательны в этом отношении поминальные игрища... Они символизируют и готовят удачу как реакцию на неудачу (смерть), они возвращают жизнь в русло правильных связей и чередования горя и радости. Мысль о непреложной связи смерти и жизни, угасания и пробуж-

дения, о том, что эти моменты не существуют и не могут существовать друг без друга, наложила мощный отпечаток на духовную жизнь человечества. Жизнь рассматривается как обратная сторона смерти, а смерть - как реакция на жизнь» (20, 41-42).

Есть множество указаний, что в прошлом не только у черкесов, но и у многих других народов похоронные обряды совмещали в себе печаль и радость. Например, русские скоморохи являлись на похороны, чтобы веселить народ» (20,42).

Поминальное игрище являлось «универсальным защитным механизмом, механизмом подъема физических и душевных сил, формирования и поддержания Надежды» (20, 42).

Видимо поэтому, несмотря на оппозицию мусульманского духовенства, народ продолжал сохранять еще долгое время свои древние обычаи и обряды, связанные с поминками. Хан-Гирей в связи с этим писал: «Нельзя жителей Черкесии не упрекать в безрассудном фанатизме свое духовенство, которое старается истребить все древние обычаи предков, как будто бы наружное смирение истребляет губительные страсти души» (136, 301).

Поминальное игрище было не только механизмом снятия стрессов, психической напряженности (коллективной и индивидуальной), но устанавливало также диалог с потусторонним миром, с духами предков, диалог, в котором группа набиралась сил в борьбе за свое существование. Во время обрядовых игр, в ритуальной борьбе, люди добывавшие клочки тканей с «посвященных» коней или же «ореховые доспехи», «приобщались таким образом к могучим силам, которыми, по понятиям, идущим из глубины веков, обладали души умерших героев» (22, 138-139).

§2. Ритуалы, обычаи, религиозные представления, народные приметы

Карл Кох, желая подчеркнуть огромную роль наездничества в жизни черкесов, писал, что у них «набеги на чужую землю стали религиозным убеждением» (67, 615).

Неудивительно, что в адыгском языческом пантеоне был и Бог наездничества ЗекIуэтхьэ (зекIуэ - поход, Тхьэ - Бог), который покровительствовал наездникам. Некоторые боги из языческого пантеона черкесов, помимо своих основных функций, имели функции сопутствующие, в числе которых было и покровительство наездникам. Так, например, народные сказители Причерноморской Шапсугии 117-

летний Кобле Пакож и 90-летний Хагур Наныу свидетельствовали, что Бог домашнего очага Созыреш (Сэузырэщ) у адыгов считался покровителем всадников, находящихся в походе и вообще всех путешественников (36, 212).

Согласно фольклорным данным, воину, отправляющемуся в поход, содействовали Бог кузнечного ремесла Тлепш (Лъэпщ) и христианский святой, покровитель охотников Святой Георгий (Аущыджэрдж). В старинной кабардинской песне об Андемиркане говорится:

И джатэ Іэпшэри

Лъэпщыр зи къан... хуехузыр

И жанырыбэт, Аущыджэрджэм Іэ делъэ

«Его меча рукоять Тлепш - любимец выковал, его острорежущий [клинок], Аушыджерджи рукой погладил [благословил]» (94, 84, 86).

Тлепш, по представлениям черкесов, способствовал скорейшему выздоровлению раненых воинов.

Воинам во время сражений и попавшим в беду путникам покровительствовали сестры-богини семейного очага Тхашерипх (Тхьэщэрыпхъу) (6, 367).

Относительно причерноморских черкесов Э. Спенсер сообщал: «Черкесы также почитают, с более чем обычной привязанностью, трех сестер, которые осуществляют контроль и помогают счастью семейной жизни, товариществу и гармонии с их соседями. Предполагают, что эти божества также хранят воина, в битве под своим спасительным крылом и охраняют путешественника; следовательно, коренные жители не принимают участия в поездке, даже перемене местожительства без того, чтобы сделать умилостивлительное жертвоприношение этим прекрасным святым» (121, 109).

Для того чтобы уберечься от дурного глаза, черкесы-мусульмане носили сами и привязывали к уздам своих лошадей специальные амулеты - дуа.

Обычно это стихи из Корана, зашитые в кожаные футляры трех или четырехугольной формы. Специальные амулеты, оберегающие от пуль, назывались «Шэтемыгъахуэ дыуэ». Черкесы-язычники использовали в качестве амулетов кусочки священных деревьев, в которые ударила мол-

ния. Люди и деревья, пораженные молнией, считались избранниками бога грома Шибле (82, 339).

Отправляясь в поход, предводитель наездников делал жертвоприношение (резал барана или козла) и производил гадание на кости. «Если гадание было благоприятным - партия выступала; если нет, то ожидала лучших предсказаний» (47, 234). Гадание на кости было двух видов - по бараньей лопатке (блэпкъ) и по бараньему альчику (чэн) (47, 75-76).

В поход выезжали, как правило, ночью в определенные, считавшиеся у черкесов счастливыми, дни - пятницу (мэрем) и воскресенье (тхьэмахуэ), несчастливыми днями считались вторник (гъубж) и среда (бэрыжьей).

Когда шел снег, называемый черкесами «Шыцуэс», отправляться в поход было нежелательно. Такой снег, который идет мелкими зернами, предвещает стужу и гололедицу. Это обстоятельство нашло отражение в народной примете и поговорке, которая гласила: «Шыцуэс къесу узэрысым уимыкI» - «Шиц - снег если идет, из дома, где сидишь, не уезжай» (9, 116). Наездники должны были знать, что свет ночью видно на очень большом расстоянии, и он создает иллюзию близости, в то время как слышимость звука имеет достаточно (по сравнению со светом) ограниченные пределы. Это нашло отражение в поговорке: «МафIэ нэхур «благъэщ» жыпIэу, умыкIуэ, хьэ банэ макъыр «жыжьэщ» жыпIэу къыумыгъанэ» - «Сказав, собачий лай далеко, не отказывайся ехать, подумав, что ночной огонь близок, не отправляйся» (9, 103).

После выезда всадников их близким запрещалось подметать или выносить из дома сор, пока они не переедут речку (142, 161). Не разрешалось окликать или произносить имена уехавших. Нельзя было вслед выехавшим чихнуть (143, 126). Было много примет, при которых желательно было отложить поездку. Если, например, при выезде из дому у лошади отлетела подкова, если лошадь споткнулась, если дорогу перешла женщина, если лошадь начала храпеть или ржать (142, 161-163).

Считалось также дурным предзнаменованием ночью, в дороге говорить об умершем или вытряхивать бурку. Плохой приметой считалось, выехав из дому, возвращаться обратно (142, 175).

Чтобы поход закончился благополучно, мать или жена наездника должна была сделать кIэлъыгъэхуабэ (след подогревающий), т. е. жертвоприношение. Для этого закалывали барана, домашнюю птицу и приглашали на вечерню самых близких родственников уехавшего. Отъезд

от посторонних лиц держали в строжайшем секрете, чтобы недобрые и завистливые люди заранее не «околдовали» дороги (143, 126).

Уезжавшим в поход наездникам старики произносили тост (хъуэхъу), который носил сакральный характер и адресовался не столько присутствующим, сколько богу.

До принятия ислама это был верховный языческий бог - Тхьэшхуэ, а позднее Аллах (143, 127).

«Я Алыхъ!

Ди щIалэ жанхэр

Насыпым хуэшэсхэу

ГуфIэгъуэм хуепсыххэу

Шуупэ хуэпхъэхэу

ЗыхущIэкъу псори къейхъулIэу

ЛIэныгъэм къыпимыгуэхэу...

ЗыхуаунэтIым я Iыхъэ къыпахыу,

Зыхыхъэм я цIэфI къыщанэу,

ЯлI къыщанэу къыщIэмыпхъуэжу,

Пхъэрыр къыщысым трагъэувыIэу,

УIэгъэ къыщащIым яхуэмыубыду,

Удыну ядзыр гущхъэм и лъысу,

КъакIэлъыс псори ирагъэпсыхыу,

ХуарапцIэ нэсхэр яIэдэжу,

ФIыгъуэкIэ къытхуэхъыжхэ

О Аллах (господи),

Чтоб наши юноши удалые

В седло садились к счастью,

Спешились - к празднику,

Стремились быть впереди,

Добивались цели,

Смерти не боялись,

Без добычи не возвращались,

Везде чтоб их доброе имя звучало,

Убитых и раненых чтоб не бросали,

Пустившихся в погоню останавливали,

Несмотря на раны, были неудержимы,

Удар их чтоб разил в самое сердце.

Всех недругов чтоб с седла сбивали

Гнедых коней заводных приводили,

С удачей чтоб счастливо вернулись»

(23, № 5, 5).

Перед отъездом уезжавшим говорили пожелание «уанэ махуэ тувылъхьэ» (на счастье чтоб седлали коней). После чего произносили специальный тост, посвященный коню:

Шыуэ фызытесыр жэрым хуэнахуэу

НэбдзыпэщIэплъхэу

Хъэджафэ псыгъуэхэу,

Я нэр зытеплъэр яIэщIэмыкIыу,

Псы икIыгъуэм хуэбжэнбланэпкъыу,

Къумым ихъэмэ, къызэфIэмылIэу,

Шыуэ ятесхэр къытхуагъэгушхуэу,

ШхуэIуу япщIыхэлъхэр ямыгъэхуадэу,

Я лъэр быдэрэ мылъэпэрапэу,

Ялыхъ, гъуэгуанэ дахэ кърахьэлIауэ

КъегъэкIуэлIэжхэ.

Кони, на которых вы сидите, чтоб блистали

резвостью,

(Чтобы) смотрели (зорко) из под ресниц, как

гончие - бег имели,

Глазом замеченные (чтобы) не уходили от них,

Реки (чтобы) удало переплывали,

В пустынях (чтобы) не уставали,

Всадников своих (чтобы) мужеством пополняли,

Крепкие (чтобы) ноги были, не спотыкались,

О Аллах, счастливый (им) путь пройти (и вернуться).

(143, 127)

Во время походов наездниками исполнялись специальные походные песни (зекIуэ уэрэд), призванные приносить удачу в походе и бою. Походной могла стать величальная или же очистительная песня, если только она была «счастливой». Хан-Гирей, например, причисляет к наездническим песню о Хатхе, сыне Мыхамата (137, 112). «Согласно преданиям, назначением этой песни было очистить оклеветанную золовкой женщину перед мужем и побудить его взять безвинную жену обратно в свой дом. Песня выполнила эту функцию. Поскольку песня доказала на деле, что может приносить счастье, она могла быть и походной» (94, 13). По словам Хан-Гирея, походные песни оказывали на наездников огромное психологическое влияние. Среди популярных походных песен Хан-Гирей упоминает древнюю песню Кайсин. «Надобно видеть наездников- черкесов,- писал Хан-Гирей,- поющих Кайсин, и тогда поймете всю силу

влияния черкесских песен. Пропевши один куплет, певцы снимают с себя шапки и преклоняются на гриву лошади. При пении песни Кайсин, которую почитают счастливой, ... ни один из горцев не удержится, чтобы не погарцевать на своей лошади, а иногда, и нередко, заблестит и голая шашка в руках наездника» (137, 112).

Обычай склонять обнаженные головы к гривам коней мог иметь, по мнению А. Т. Шортанова, культовый характер. В адыгской мифологии гриве коня приписывались магические свойства. Очень часто герои нартского эпоса в критические минуты совершают магические действия с сжиганием волос из гривы или хвоста коня, которые призваны выручить их из беды» (143, 116).

В честь Бога наездничества Зекотха по возвращении из похода делались жертвоприношения. Для этого отправлялись в священные рощи (тхьэшIагъ мэз) (130, 216). Здесь жрецы (дишур, гуэныхьэпщ) резали, с соблюдением особых ритуалов, жертвенных баранов или козлов. Мясо варилось и тут же раздавалось присутствующим, а головы жертвенных животных прикреплялись к деревьям. Лучшую часть трофеев посвящали богу наездничества, для чего их вешали на деревьях или лее каменных крестах, которые, со времени проникновения на Западный Кавказ христианства, являлись объектом почитания. Джиовани Лукка, монах-миссионер Доминиканского ордена, сообщал о черкесах в XVII в.: «В их стране встречаются святилища, т. е. посвященные места, на которых валяется множество бараньих черепов, оставшихся от жертвоприношений, совершенных здесь. На деревьях, растущих на этих местах, вешают по обету луки, стрелы, мечи и благоговение к этим святым местам так велико, что величайшие воры не прикасаются к ним» (79, 315).

Обычай этот, по свидетельству Тебу де Мариньи, бытовал у причерноморских черкесов еще в первой половине XIX в. (83, 3I5).

Таким образом, как мы видим, институт наездничества в черкесском обществе, был не только освящен нормами обычного права, но имел также собственный культ бога наездничества Зекотха, обставленный определенными религиозными обрядами и ритуалами. Это еще одно свидетельство древности этого обычая, бытовавшего у черкесов в прошлом, а также о том значительном месте, которое он занимал в их жизни.

Традиционное отношение к смерти, этнические установки, высоко ценившие жертвенность, были, как уже отмечалось, связаны не только с определенными религиозными представлениями, но и в значительной степени с выработанными в течение долгого времени этикетными

ценностями, ставившими честь и соблюдение обычаев (в том числе военных) превыше жизни. Возможно, что в таком отношении содержалась определенная доля рационализма и целесообразности. Очевидно, что воин, спокойно относящийся к смерти, а так же видящий в ней дело чести, в бою имеет все преимущества перед воином, у которого такая мотивировка отсутствует и которого подавляют естественные человеческие эмоции - чувство страха и инстинкт самосохранения. Альтруизм и вкус к самоограничению, которые предписывались каждому воину рыцарским кодексом уорк хабза, а также подобное отношение к смерти, давали возможность черкесскому обществу выстоять в борьбе за свое существование и сохранять свой традиционный уклад жизни. Джеймс Фрэзер писал: «...сила родового и индивидуального характера состоит преимущественно в способности жертвовать настоящим ради будущего, в пренебрежении соблазнами эфемерного удовольствия ради более отдаленного и устойчивого удовлетворения.

Чем более упражняют в себе эту способность, тем возвышеннее и сильнее становится характер; высший же героизм достигается теми, кто ради сохранения или завоевания свободы и истины для других, возможно далеких эпох, отказывается от жизненных удовольствий и далее от самой жизни» (134, 138).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт наездничества «зекIуэ» занимал большое место в жизни черкесского этноса на протяжении длительного периода времени. Несомненно, что этот институт был порождением эпохи так называемой «военной демократии», сохранение которого характерно в период феодализма, именно на ранних его стадиях. Если рассмотреть историю средневековой Европы - это тоже была история непрекращающихся феодальных войн и междоусобиц. Средневековое европейское рыцарство, точно так же, как и адыгская феодальная знать, не видело ничего зазорного в отнятии чужого добра и нередко похвалялось своими грабительскими наклонностями и подвигами. Любой поход, даже если он прикрывался благочестивыми лозунгами, влек за собой грабежи (44, 262). Но если этот институт в Западной Европе, в связи с развитием феодального государства, исчез довольно рано, то у адыгов, в силу особенностей их исторического развития, он сохранялся вплоть до середины XIX в. Однако, как считают отечественные исследователи, авторы коллективной монографии «История первобытного общества. Период классообразования», отдельные пережитки родоплеменного строя, преимущественно те из них, которые легко подвергаются классовому

превращению, могут сохраняться и в развитых классовых обществах, не только феодальных, но даже капиталистических. В качествереститутов они могут приобретать самостоятельную жизнь и даже на определенных, часто длительных отрезках времени - укрепляться. Следственно, о затухании остатков первобытнообщинного строя в классовых обществах можно говорить, лишь имея в виду очень широкую историческую перспективу, а также и непрямолинейность подобного затухания» (53,501).

Феодальные отношения у адыгов утверждались под прикрытием старых общественных институтов периода родо-племенного строя, эпохи так называемой «военной демократии». Эти институты хорошо маскировали, позволяли утвердиться новым классовым общественным отношениям, но они же и препятствовали быстрому углублению, развитию этих отношений. Сами же эти институты (гостеприимство, покровительство, наездничество, аталычество, куначество и др.) были феодализированы и не являлись пережитками родоплеменного строя в прямом смысле этого слова, будучи институтами, регулирующими совершенно другие отношения, а именно - феодального общества.

Говоря об общественно-социальной сути наездничества, отражающей ее феодальный, классовый характер, необходимо отметить следующие особенности:

- занятие наездничеством было обязательной, неотъемлемой частью социального статуса адыгской феодальной знати (князей и дворян);

- среди представителей крестьянских сословий оно хотя и не запрещалось, но и не имело широкого распространения;

- организация «ШупщыIэ», являвшаяся одной из форм функционирования института «ЗекIуэ», носила классовый характер. Членство в этой организации - исключительная прерогатива князей и дворян. Представителям крестьянских сословий доступ в нее был закрыт;

- в сезон наездничества объектами для захвата и продажи в рабство могли быть только крепостные крестьяне и рабы;

- некоторые признаки (тайный характер, закрытость, террор по отношению к другим членам общества, не имеющим доступа в нее) позволяют предположить, что организация «ШупщыIэ» связана с древнейшими мужскими союзами периода родоплеменного строя. Но в условиях феодализма она трансформировалась и стала носить классовый характер.

Консервация тех или иных институтов или же их сохранение в трансформированном виде зачастую зависели от особенностей исторического развития того или иного общества. Для черкесов длительный период времени были характерны такие условия исторического развития, как постоянная, не теряющая своей остроты внешнеполитическая напряженность, политическая раздробленность, отсутствие централизованного государства с единой армией и другими атрибутами, феодальные междоусобицы и некоторые другие, делавшие их быт военным в прямом смысле этого слова. Чрезвычайно военизированный быт диктовал необходимость воспитания всех членов общества в соответствующем духе. И здесь нельзя не согласиться с мнением К. О. Сталя, что набеги и наездничество «считаются занятиями почетными ... уважаются горцами, потому что питают воинственный дух народа и развивают в нем все качества, необходимые для того, чтобы сохранить его независимость» (122, 100).

Набеги, как таковые, способствовали не только и даже не столько обогащению князей, сколько приобретению авторитета среди населения (в том числе, и среди крестьянства) (20, 80).

Отечественными этнографами выдвинута теория о трех основных путях институализации власти: I) военно-иерархический, связанный с эпохой так называемой «военной демократии» и вырастающий из нее; 2) аристократический и 3) плутократический (53, 230-231).

Строго говоря, все эти формы не существуют в чистом виде и встречаются в большей или меньшей степени у всех народов. Если придерживаться этой теории, то можно сказать, что у адыгов процесс классообразования носил ярко выраженный военно-иерархический характер. Общества такого типа шли к политической организации через военно-демократические, а затем военно-иерархические формы власти.

Важной функцией, связанной со статусом адыгского князя, была функция военного руководства, защиты своих подданных.

Профессионализм и превосходство в военной сфере лежали в основе высокого положения в адыгском обществе князей и возглавляемого ими дворянства. Это обстоятельство нашло отражение в народной поговорке: «Пщыгъэ къэзыхьыр джатэщ» - «Звание и место князя приносит меч».

Князья и дворяне считались гарантами политической независимости общества, и с этим было связано признание их привилегий.

Об этом свидетельствует следующее замечание К. О. Сталя, относящееся к 40-м гг. XIX столетия: «Народ, потеряв свою независимость, видя, что русский пристав имеет больше силы, чем их князь, перестает уважать своего князя, и нередко в народе доходит до толков на сходках, нужен ли князь тому народу, который покорился нашему правительству. В настоящее время на Кавказе общества нередко завязывают споры в платеже ясака князьям, на том основании, что, покорившись России, они не нуждаются в вооруженной защите своих владельцев» (122, 148). Он же сообщает, что «на народном собрании (зауча) князь занимает первое место... и имеет решительное влияние на решения собрания, а иногда и полновластен. Но для этого нужно, чтобы князь был рыцарь, тлехуп... Черкесы терпеливы и много переносят, если князь их храбр и воинственен» (122, 147).

Обычай наездничества, наряду с аталычеством, входящий в особую систему воинской подготовки, выполнял функцию поддержания высокой военной мобильности общества. Поэтому он культивировался в черкесском обществе и был освящен нормами обычного права. Как любое историческое явление, он нес в себе положительное и отрицательное начала. С одной стороны, как отмечает Б. X . Бгажноков, «...система воспитания в этом духе сковывала ум, препятствовала развитию общественного сознания, задерживала темпы социального и экономического развития общества» (21, 83).

Но с другой стороны, она воспитывала в черкесах такие качества, как воинственность, мужество, владение в совершенстве воинскими навыками, умение переносить невзгоды и другие, помогавшие им в течение столетий отстаивать свою независимость.

Как справедливо заметил итальянский исследователь Франко Кардини, «военным общество является не потому, что существует благодаря войне, или во имя войны. В таком случае сюда можно было бы зачислить и шайки пиратов, но оно является таким потому, что существует в войне и исходя из этого вырабатывает собственные, соответствующие условия быта, идеологические представления и идеалы» (59, 128).

Наездничество в большей или меньшей степени было характерным явлением для большинства народов Кавказа, о чем свидетельствует бытование у них специальных терминов, обозначающих это явление (абхазы - ачыку-лара, осетины - балц, балкарцы - жортуул, карачаевцы - джортуул, даргинцы - чабкъин, аварцы - чабкъен, лезгины - чапхун, кумыки - чапкъун, чеченцы и ингуши -гяр).

У всех народов, в зависимости от особенностей общественно-экономического развития, социального устройства, природно-географических условий, оно имело свою специфику.

У многих наездничество и набеги, помимо выполнения функции поддержания высокой военной мобильности, в не меньшей степени имели под собой экономические мотивы. Больше всего это было характерно для горских обществ, где в неблагоприятных климатических условиях высокогорья, недостатка пахотных и пастбищных земель, население вынуждено было, из-за бедности, заниматься этим промыслом.

Что касается адыгов, то у них экономические причины существования этого института играли значительно меньшую роль. Несмотря на то, что в общественно-политической жизни наездничество было широко распространенным явлением, в экономике Черкесии оно не играло значительной роли. В основе хозяйственного, экономического благосостояния Черкесии лежали благоприятные природно-географические, климатические условия и производительный труд крестьянства - основной массы населения. Немаловажное значение имели и такие факторы, как большая территория, выход к морю и значительная по размерам внешняя торговля. Потенциальные возможности экономики, а также особенности общественного устройства (обычаи взаимопомощи, куначества и др.), обеспечивали большинству населения достаточно высокий уровень жизни. Только постоянная внешнеполитическая напряженность препятствовала повышению этого уровня. Разумный в таких условиях аскетизм, неприятие духа накопительства и стяжательства были в целом характерны для народа, включая и представителей знати. Несмотря на свое богатство, адыгская аристократия вела достаточно скромный образ жизни, схожий, в плане бытовых условий с образом жизни большинства населения.

Совершенно очевидно, что не бедность и не добыча как средство к существованию были определяющими мотивами черкесского наездничества.

Ключ к пониманию этого явления невозможно найти, если искать его только в сфере материального интереса, без учета других факторов, находящихся скорее в области этикетных ценностей, господствовавших в черкесском обществе. Два качества у адыгов давали мужчине-рыцарю вес и уважение, возможность прославиться - храбрость и щедрость. Захватывая добычу, наездник имел возможность проявить свою доблесть; раздавая ее - свою безграничную щедрость. Отсюда и двойственное отношение к добыче: с одной стороны - жажда ее приобретения, так как

она является символом, знаком воинской доблести, а с другой - полное к ней пренебрежение.

Зарождение института «зекIуэ» у черкесов относится к эпохе классообразования, условно называемой иногда «военной демократией». Именно в это время развитие производительных сил породило естественную потребность общества в захвате новых территорий, имущества и пленных. Но, как справедливо отмечает А. Керашев, «очевидно, что наездничество имеет свойство перерастать архаические рамки базиса, в котором рождается, преодолевать переходный характер своей сущности» (60).

В эпоху феодализма наездничество значительно трансформировалось, приобретя черты классового явления. При этом, надо заметить, что если условия, породившие этот институт в эпоху классообразования, лежали в сфере базиса, то причины его длительного существования и консервации в эпоху феодализма надо искать в области надстройки адыгского общества.

При изучении этого явления необходимо принять во внимание такие факторы внешнего и внутреннего развития адыгского этноса, как политическая раздробленность, отсутствие централизованного государства, феодальные междоусобицы; постоянная внешнеполитическая напряженность и необходимость поддержания в обществе высокой военной мобильности; огромная роль во внутриполитической жизни воинской славы и существование принципа - власть авторитета, а не авторитет власти; особенности традиционных установок в сфере этикета, прославляющих скромность и щедрость, порицающих стяжательство и роскошь; потенциальные возможности экономики и обычаи взаимопомощи, обеспечивающие социальную стабильность и отсутствие значительной имущественной поляризации в обществе и некоторые другие.

Чтобы наши оценки исследуемого явления носили объективный характер, необходимо его комплексное и всестороннее изучение, с учетом различных факторов. Только такой подход может способствовать пониманию сути и цели черкесского наездничества.

Тематический словарь

I. Адыгэ уанэ - черкесское седло.

2. Адыгэ хабзэ - «черкесский обычай», включает в себя обычно-правовые, этикетные, этические нормы.

3. АкIэ - длинный пучок волос, отращиваемый на макушке головы, символ воинской жизни.

4. Атэлыкъ (тюрк.) - воспитатель.

5. Афэ - панцирь.

6. Афэ джанэ - кольчуга.

7. Афэ Iэлъэ - кольчужные перчатки.

8. Батырыбжъэ - «богатырский кубок», рог, оправленный в серебро или же позолоченная чаша, наполненная хмельным напитком. Преподносили наездникам, отличившимся в рыцарских состязаниях или совершившим какой-нибудь подвиг.

9. Бгъэгущталъэ - два нагрудных кармана на черкеске, располагающиеся под газырницами. Предназначались для хранения натруски с затравочным порохом, кремня, огнива и других мелких вещей.

I0. Бэракъ - знамя.

II. Бэракъзехъэ - знаменосец.

I2. Бэракъ фIыцIэ - черный флаг, вывешивался на высоком шесте над домом погибшего известного наездника. Вывешивался на три дня во время похорон.

I3. Беслъэн уэркъ - княжеские дворяне второй степени.

I4. Быф - воспитатель.

I5. Быфокъуэанэ - воспитательница, жена аталыка.

I6. Гуп - отряд наездников, обычно от нескольких десятков до ста человек.

I7. Гупзешэ - предводитель отряда наездников.

I8. Гын - порох.

I9. Гынжъей — затравочный порох.

20. Тыиылъэ - пороховница.

2I. Гынжъейтегъащхъэ - натруска.

22. Гъуазэ - а) мушка-прицел, б) путеводитель, в) предводитель, лидер.

23 ГъуазэпщIэ - специальная доля из добычи, выделяемая предводителю наездников.

24. Гъуэмылэ - походная пища.

25. Гъэр - пленник.

26. Дэгызэ - кормилица, женщина нанимаемая аталыком для своего воспитанника.

27. Детч, шалъэ - колчан для стрел.

28. Дохъутеи - ружейный чехол.

29. Дохъутейтех - вид поединка.

30. Дыжъын бгырыпх - мужской серебряный наборный пояс.

3I. Дыжьыныгъуэ - сословие первостепенных дворян. Имели право жить отдельно от князя со своими подвластными в своих селах и содержать на службе собственных дворян из сословия «щауэлIыгъусэ». В отличие от сословия первостепенных дворян «лIакъуэлIэш» оно не было замкнутым, к нему, например, причислялись князья, лишенные княжеского звания.

32. Джатэ - сабля.

33. Дзэ - войско.

34. Дзэгъуэлъ - привал для войска.

35. ДзэкIэ - арьергард войска.

36. Дзэпэ - авангард войска.

37. Дзэпкъ - клинок холодного оружия.

38. Дзэпщ - командующий войском, полководец.

39. Еуэ - боевой клич черкесов.

40. Еущэджий - налокотники.

4I. ЖаныпщIэ - подарок, в качестве поощрения даваемый старшими молодому человеку или подростку за проявленную смелость или смекалку.

42. Жэщтеуэ - ночное нападение, набег.

43. Жыгыщхъэрыс - дозорные на деревьях.

44. Жыпхъэ, кIыпхъэ - малый шлем, мисюрка.

45. Зауэ зэIущIэ - военный совет.

46. Зауэ къэрар - военная клятва, присяга, принимаемая всеми воинами перед походом или решительным сражением.

47. Зэпэбаш - а) ружейные присошки, б) обряд военной присяги, когда воинов пропускают по одному между двух человек, держащими на уровне груди ружейные присошки.

48. ЗэщIэузэдауэ - полностью вооруженный и экипированный воин.

49. ЗекIуэ - военный поход за пределы малой родины с целью приобретения добычи и славы.

50. ЗекIуэлI - наездник.

5I. ЗекIуэ хэщIапIэ - места для ночлега и привала, выбираемые заранее по маршруту движения во время военных походов. Когда наездники часто ездили по одной дороге, то они останавливались постоянно в этих, выбранных ими местах.

52. ЗекIуэтхъэ — бог наездничества в языческом пантеоне черкесов.

53. ЗекIуэш - походная лошадь.

54. ИкIыгъуэ - место переправы через реку.

55. Ищхъэрэвагъуэ, Темыркъэзакъ - Полярная звезда, служила ориентиром наездникам в ночное время.

56. Кулакъ - кожаные ремешки с помощью которых тетива крепилась к обоим концам лука.

57. КIашэ - командир арьергарда в небольшом отряде воинов из 100 и более человек.

58. КIэс - а) пленный, привезенный из похода на крупе коня, б) человек, сидящий сзади наездника на крупе коня.

59. КIэрахъуэпс - плетеный шелковый шнур, один конец которого крепился к рукояти пистолета, а другой в виде петли надевался на шею.

60. Къамэ - обоюдоострый, прямой кавказский кинжал.

6I. КъамэщIэгъысэ, къамэщIэлъысэ — подкинжальный ножичек, хранился с обратной стороны ножен в специальном кармашке. Употреблялся для приема пищи.

62. Къан (тюрк.) - воспитанник.

63. Къантешэ - обряд возвращения воспитанника в родительский дом.

64. Къэптал - одежда, носимая под черкеской. Похожа на черкеску, только имеет стоячий воротник, а также отсутствуют газырницы. Сочетает в себе функции нательной и верхней домашней одежды.

65. Къэрабгъэ джанэ - «рубашка труса», выполняла функцию общественного осуждения проявивших малодушие воинов.

66. Къэлътмакъ - походная переметная сумка.

67. Къиблэм - компас.

68. Къуэгъул - вид походной пищи.

69. Къуентхъ - трофеи.

70. Къыр-къыр - походная фляжка для воды.

7I. КхъащхъэдасэласкIэ - обычай, когда от надгробных камней прославившихся своим мужеством князей, откалывали кусочки и носили их как талисман. Считалось, что они обладают магической силой и способствуют скорейшему выздоровлению больных.

72. Лыгъавэ - мясовар, должность при дворе князя, занимаемая крестьянами-вольноотпущенниками. Возможно, что они сопровождали князя и находились в войске во время больших походов.

73. Лъахъэ - путы.

74. Лэгъуп - походный маленький котелок.

75. Лъэсыдзэ - пешее войско.

76. Лъэс гуп - пеший отряд.

77. Лъахъстэн вакъэ - обувь без каблуков сшитая из сафьяна точно по форме ноги.

78. Лъей - ноговицы, чулки из кожи или войлока, защищающие и плотно прилегающие к ногам от щиколоток до колен.

79. Лыс - продезинфицированный тампон (турунда) для глубоких ран.

80. Лъхукъуэщауэ - незнатный рыцарь из сословия свободных крестьян, ведущий наезднический образ жизни.

8I. ЛIакъуэлIэш - сословие первостепенных дворян, носящее замкнутый характер. В Кабарде, например, в него входило только три фамилии: Куденетовы, Анзоровы и Тамбиевы. По сравнению с другими дворянами пользовались рядом особых привилегий.

82. ЛIыпэ, лIыщхъэ - командиры небольших подразделений, входящих в состав войска.

83. Маржа - боевой клич черкесов.

84. Нагъыщэ псалъэ - секретное слово, пароль.

85. Нэрыплъэ - подзорная труба.

86. Нэщанэ - мишень.

87. Пашэ - а) предводитель отряда в целом, б) командир авангарда.

88. ПэтIысыпIэ - засада.

89. ПлъакIуэ, плъыр - дозорный.

90. Пхъэр - погоня.

9I. Пхъэрпэрыщэ - предводитель погони.

92. Пхъэидзэ - вид дележа добычи по жребию.

93. ПхъэупщIэгъуабэ - засека.

94. ПщафIэ - повара, готовившие наездникам в лагере во время их ежегодных осенних и весенних сборов.

95. ПщыкIэу - сословие, выполнявшее функции оруженосцев и личных телохранителей князя.

96. ПщыIэ - шалаш.

97. ПщыIэхъумэ - человек, оставляемый для охраны лагеря или места стоянки наездников во время их отсутствия.

98. пIур - обозначение воспитанника, употреблявшееся западными черкесами.

99. пIуришэж - обряд возвращения воспитанника в родительский дом.

100. пIынэ - войлочный конусообразный колпак, надеваемый матерью или женой воина, проявившего трусость.

I0I. Саугъэ - наездник, возвращающийся из похода, должен был, по обычаю, одарить чем-нибудь из добычи каждого встречного путника, произнесшего это слово.

I02. Сэнджакъ - стяг.

I03. СэнджакъщIэт - стяговник.

I04. Сэшхуэ - шашка.

I05. Сыхъэн, Iэнлъэ - походный поднос (столик), представляющий собой плоскую, небольших размеров дощечку, на которой раскладывалась пища.

I06. Сулукъ - кожаный стакан для воды, хранимый под седельной подушкой.

I07. Таж - большой шлем.

I08. Танжъедед - распашная куртка из легкой материи, обычно красного цвета, надеваемая поверх кольчуги.

I09. Тэджэлей - плотная, стеганная на вате куртка, надеваемая под кольчугу.

II0. Теуэ - нападение, набег.

III. Теуэгъуэ - расстояние проходимое без остановки за день всадником.

II2. ТхъэлъэIу - обряд обращения к Богу с молитвами и просьбами, сопровождаемый жертвоприношениями.

II3. Тхъэмадэ - а) старший по возрасту, б) глава семейства, в) предводитель отряда наездников.

II4. Тхьэрыкъуэф Iэнэ - походный стол из листьев лопуха.

II5. Тхъурымбей - походный хлеб.

II6. Тыхъ - жертвоприношение, заключающееся в заклании домашней птицы, баранов, коз или быков.

II7. ТIасхъэ - разведка.

II8. ТIасхъэщIэх - лазутчик, разведчик.

II9. Уанэ джыдэ - седельный походный топорик.

I20. Увыгъэ - позиция воина в поединке.

I2I. УвыIэпIэ - стоянка для отдыха и ночлега во время похода.

I22. Уэздыгъэшыхъ - ленточная свеча.

I23. Уэркъ - рыцарь, дворянин.

I24. Уэркъыдзэ - дворянское войско, панцирники.

I25. Уэркъ хабзэ - рыцарский кодекс чести черкесского дворянина.

I26. Уэркъ щауэлIыгъусэ - дворяне дворян. Находились на службе у дворян тлякотлешей и дижинуго. В отличие от других сословий дворянства, для них не считалось зазорным заниматься некоторыми

видами сельскохозяйственных работ (косить сено, ездить за дровами, пахать и т. д.).

I27. Фэнд - походный надувной бурдюк.

I28. Фоч - ружье.

I29. ФочкIэщI - пистолет.

I30. Фочыпс - ружейный ремень.

I3I. Хъэдэ джанэ - погребальная рубашка.

I32. Хъэзыр - газыри, деревянные полые трубочки для хранения готовых зарядов пороха. Носились на груди, в пришитых к черкеске специальных кармашках - газырницах.

I33. Хьэзырылъэ - газырницы, кармашки на черкеске для хранения газырей.

I34. ХъумпIырэ - пистолетная кобура.

I35. ХъунщIэ - грабеж.

I36. Цей - черкеска.

I37. Шабзэ - лук.

I38. Шабзэпс - тетива.

I39. Шабзэкъу - лук без тетивы.

I40. Шабзэлъэ - налучье.

I4I. Шабзэшэ - стрелы.

I42. Шабзий - наконечник стрелы.

I43. ШапсыхъыкI - оперение стрелы.

I44. Шалъэ - а) колчан для стрел, б) кисет для ношения пуль.

I45. Шэехух - ружейный шомпол.

I46. Шэкудэ - пыж, кусочек войлока или материи.

I47. Щэмыуэхъу - люди, стреляющие из ружья без промаха.

I48. Щэпхъуэт - осадные подвижные щиты на колесах, защищающие от пуль.

I49. Шэтемыгъахуэ дыуэ - талисман предохраняющий их владельца от пуль.

I50. Шэхъшын - ружье с нарезным стволом.

I5I. Шэхудэ - марлевые, пропитанные воском бинты, для перевязки ран.

I52. ШендаIул, шамтаул - набег.

I53. Шыкъу - а) плетеное с кисточкой навершие на башлыке, б) навершие на шлеме в виде двух листообразных, бархатных лопаточек, украшенных золотым шитьем.

I54. Шыпхъаблэ, шыкхъаблэ - конные носилки, на которых привозили домой убитых в походе воинов.

I55. Шъхарыхъон (адыгейск.) - башлык.

I56. Шыхулъагъуэ - созвездие Млечный Путь, по которому ориентировались в походах наездники.

I57. Шыхугъуазэ - «вожак гона лошадей, наездник, увлекающий за собой поднятый табун лошадей и направляющий его в нужное место. Так как табуны угоняли обычно ночью, «гъуазэ» (вожаку) необходимо было хорошо знать местность и уметь ориентироваться в ночных условиях.

I58. ШыщIэш - функция наездников, в задачу которых входило отогнать табун лошадей. Кроме вожака (шыхугъуазэ), в этом участвовали еще несколько наездников, в задачу которых входило выстрелами и шумом спугнуть косяк, с тем, чтобы он последовал за вожаком.

I59. Шыуан - большой котел, их брали в поход при сборе большого войска.

I60. Шу гуп - конный отряд.

I6I. Шу гъусэ - конный спутник, оруженосец, телохранитель.

I62. Шу джакIуэ - конные пригласители, рассылаемые к известным наездникам с предложением принять участие в набеге.

I63. Шуудзэ - конное войско.

I64. ШукIапсэ - военный прием черкесских наездников, заключающийся в том, чтобы путем ложного бегства вытянуть преследователей в одну линию, а затем, неожиданно бросившись им навстречу, расправиться с ними поодиночке.

I65. Шуупэ - авангард конного отряда.

I66. Шуупэгъуазэ - а) командир конного отряда в целом, б) командир авангарда.

I67. Шуупэхутэ - передовой конный разведывательный дозор, высылаемый от авангарда.

I68. ШуукIэ - арьергард конного отряда.

I69. ШуукIэалэ - командир арьергарда конного отряда.

I70. ШуукIэхутэ - конный разведывательный дозор, высылаемый от арьергарда, кроме разведки поддерживал связь между авангардом и арьергардом.

I7I. Шу пщыIэ - стан, лагерь наездников.

I72. Шухьатий - дежурные по войску, назначаемые предводителем из числа опытных, уважаемых воинов.

I73. ЩакIуэбзэ - тайный язык наездников.

I74. Щалъэ - жирница, металлическая коробочка с птичьим жиром для чистки и смазки оружия.

I75. Щэдз - волосяной, из конского волоса аркан.

I76. Щэлъахъэ - тренога для спутывания лошадей.

I77. ЩэхупIэ - место укрытия, стоянки.

I78. Щтэ - огниво.

I79. Щтауч - кремень.

I80. Щтэмылэ - трут.

I8I. ЩхьэкIуэ - вестник горя, сообщавший родственникам о смерти воина.

I82. ЩIакIуэ - бурка.

I83. ЩIакIуэкIапэ - вид поединка.

I84. ЩIопщ - плеть.

I85. Iэзэ - лекарь, имели знания и практику излечения колото-резаных, а также пулевых ран. В больших походах находились в войске.

I86. IэпщэщIэзауэ - рукопашная схватка.

I87. Iэрубыд - пленный.

I88. Iэхъу-лъэхъу - кандалы (наручники) для пленных.

I89. Iэщэ - фащэ - доспехи .

I 90. IэщIтелъ, Iэпщэбыхъу - наручи, в отличие от кольчужных перчаток, защищали кисти рук только с внешней стороны.

I9I. Iуащхъэ пIалъэ - «встреча на кургане», вызов на поединок.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

1. ЦГВИА РФ

2. ЦГА КБР

3. Архив КБИГИ

Литература

4. Абдоков А. И. Откуда пошло название «Кабарда»? // Мир культуры. Нальчик, I990. Вып. I. С. I40-I45.

5. Абрамов Я. Кавказские горцы // СПб.: Дело, I884. № I.

6. Адаб Баксанского культурного движения. Разыскал, исследовал и подготовил к печати 3. М. Налоев. Нальчик, I99I.

7. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX вв. (Далее АБКИЕА). / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В. К. Гарданова. Нальчик, I974.

8. Адыгэ IуэрыIуатэхэр. Нальчик, I969, Т. 2.

9. Адыгэ псалъэжьхэр. Налшык, I994.

10. Адыгэ хъыбарыжьхэр. Зыгъэхьэзырар Кармокъуэ Хьэмидщ. Налшык, I989.

11. Адылъ Гирей. Черкесы // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, I980. С. 49-66.

12. АКАК. Т. 7. Т. I2. Ч. 2.

13. Александров Н.А. Степи и горы. Кавказ. Северный Кавказ. Черкесы и кабардинцы. М., 1901.

14. Андреева А. Из глубины далеких лет // Нарты. Общеадыгская газета. Нальчик, I996. Март - апрель. С. I4.

15. Аствацатурян Э. Оружие народов Кавказа. История оружия. Москва-Нальчик: Хобикнига, Эль-Фа, I995.

16. Атажукин К. Избранное. Нальчик, I99I.

17. Аталиков В. М. Северный Кавказ в XIII - XV вв. // Живая старина: Журнал по проблемам краеведения КБР. Нальчик. I993. № 3. С. 22-49.

18. Аутлева С. Ш . Адыгские историко-героические песни. Нальчик, I973.

19. Бгажноков Б. Х . Адыгский этикет. Нальчик, I978.

20. Бгажноков Б. Х . Логос игрища // Мир культуры. Нальчик, I990. Вып. I. С. 5-44.

21. Бгажноков Б. Х . Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, I983.

22. Бгажноков Б. Х . Черкесское игрище. Нальчик, I99I.

23. Бгъэжънокъуэ Бэрэсбии. Шыр лIым и гъуджэщ // ШДэнгъуазэ. Налшык, I990. № I. Июнь. С. 4; № 2. Июль. С. 4-5; № 4. Сентябрь. 5; № 5, Сентябрь. С. 5.

24. Бгъэжънокъуэ Бэрэсбии. Ди нэхъыжьхэм къаIуа-тэ // ЩIэнгъуазэ. Налшык, I992, № I. Январь. С. 7.

25. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение I837, I838 гг. // АБКИЕА. С. 458-630.

26. Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь, I858. Отд. 3. С. 267-3I2.

27. Бесс де Ж. III . Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в I829 и I830 гг. // АБКИЕА. С. 329-352.

28. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставропольское книжное изд-во, I992.

29. Броневскии С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., I823.

30. Бэрдзэдж Н. Изгнания черкесов (причины и последствия). Майкоп,I996.

31. Васюков С. Очерки Кавказского черноморского побережья //Вестник знания. М., I894.

32. Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, I977.

33. Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX-начала XX в.) // КЭС. I989. Вып. 9. С. I59-2I5.

34. Першиц А. И., Семенов Ю. Л., Шнирелъман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М., I994. Т. I-2.

35. Военный энциклопедический словарь. М., I984.

36. Гадагатлъ А. М. Героический эпос. Нарты и его генезис. Краснодарское книжное изд-во, I967.

37. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII - перв. пол. XIX в.) М., I967.

38. Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // УЗ КЕНИИ. I965. Т. 23. С. 78-III.

39. Гербер И. Г. Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в I728 г. // АБКИЕА. С. I5I-I55.

40. Гирей. Замечания на статью «Законы и обычаи кабардинцев» // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, I980. С. II0-II7.

41. Главани К. Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана, в Бахчисарае 20 января I724 г. // АБКИЕА. С. I56-I73.

42. Грабовский Н. Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // ССоКГ. I870. Вып. 4. Отд. I. С. I-78.

43. Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССоКГ. I876. Вып. 9. Отд. I. С. II2-2I2.

44. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., I984.

45. Ди нэхъыжьхэм къаIуатэ // ПИэнгъуазэ. Налшык, I99I. № II. Ноябрь. С. 6.

46. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // КС. I877. Т. 2. С. 387-457.

47. Дубровин Н. Черкесы (адыге) // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, I99I. С. I3-249.

48. Думэн Хъэсэн. ЦЦэнгъуазэм и псалъалъэ // ПЦэнгъуазэ. Налшык, I99I. № I. Январь. С. 5.

49. Жылау Нурбии. Ди фащэхэм ехьэлIауэ Гуэхугъуэ-хэр // ППэнгъуазэ. Налшык, I992. № 4. Апрель. С. 8.

50. Инал-Ипа Щ. Д. Садзы: Историко-этнографическйй очерк. М., I995.

51. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКИЕА. С. 43-52.

52. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., I988.

53. История первобытного общества. Эпоха классообра-зования. М., I988.

54. Кабардино-русские отношения в XVI - XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах. М., I952. Т. I-2.

55. Каламбий (Адылъ-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик, I987.

56. Калинин П. И. Кабардинская лошадь // Коневодство Кабарды. Нальчик, I952.

57. Калоев Д. Д. Скотоводство народов Северного Кавказа. М., I993.

58. Карданов Ч. Э. Аграрное движение в Кабарде и Балкарии. Нальчик, I963.

59. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., I987.\

60. Керашев А. Черкесское наездничество и Кавказская война // Майкоп. Эхо. I99I. Июнь.

61. Керефов К. Н. Коневодство Кабарды // Коневодство Кабарды. Нальчик, I952. С. 3-I9.

62. Кешев А. Г. Избранные произведения. Нальчик, I976.

63. Кешев А. Г. На холме // Шаги к рассвету. Адыгские писатели XIX в. Избранные произведения: Краснодарское кн. изд-во, I986. С. 2I4-266.

64. Кешев А. Г. Чучело // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX в. Избранные произведения. Краснодарское кн. изд-во, I986. С. 267-304.

65. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в I807-I808 гг. // АБКИЕА. С. 235-280.

66. Клинген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., I897.

67. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // АБКИЕА. С. 585-628.

68. Къалмыкъ Ибрэхъим. Вагъуэхэмрэ адыгэхэмрэ // Адыгэ хэку. Налшык, I992. № I. С. 38-4I.

69. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, I9I3.

70. Кук Дж. Путешествия и странствования по Российскому государству, Татарии и по части Персидского Королевства // АБКИЕА. С. I74-I78.

71. Кусиков В. О поэзии черкесов // Ставропольские губернские ведомости. Ставрополь, I86I, № I.

72. Кушхабиев А. В. Черкесы в Сирии. Нальчик, I993.

73. Кушхабиев А. В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX - XX вв.). Нальчик, I997.

74. Лайэлл Р. Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию // АБКИЕА. С. 322-329.

75. Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа». I995.

76. Личков Л. Очерки из прошлого и настоящего черноморского побережья Кавказа // Киевская старина I903. № 6. С. 456-486; № 7-8. С. I32-I72; № I0, С. 92-I27; № II. С. 338-388; № I2. С. 540-624.

77. Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов // АБКИЕА, С. 53I-584.

78. Лопатинский Л. Г. Заметка о народе адыге и кабардинцах в частности // СМОМПК. I89I. Вып . I2. Отд . I. С . I-I0.

79 . Лукка Дж . Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люкка, монаха Доминиканского ордена (I625) // АБКИЕА. С. 68-72.

80. Люлъе Л. Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, I99I. Вып. I. С. 3I7-325.

81. Люлъе Л. Я. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, I99I. Вып. I. С. 34I-354.

82. Люлъе Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, I99I. Вып. I. С. 326-340.

83. Мариньи де Т. Путешествия в Черкесию //АБКИЕА. С. 29I-327.

84. Маркграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., I882.

85. Марцелин А. История // Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, I990. С. I59-I64.

86. Материалы Я. М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой пол. XIX в. / Сост. введ. и примеч. Х . М. Думанова, Нальчик, I986.

87. Мафедзев С. Х . Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX-начале XX в. Нальчик, I99I.

88. Мемуары декабристов. М., I988.

89. Монпере де Ф. Д. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и Крым // АБКИЕА. С. 435-457.

90. Мотре А. Путешествия господина А. де ля Мотре в Европу, Азию и Африку // АБКИЕА. С. II9-I47.

91. Мусукаев А. И., Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, I992.

92. Налоева Е. Дж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, I980, С. 5-27.

93. Налоев 3. М. О придворном джегуако // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, I980. С. I2I-I42.

94. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / Под ред. Е. В. Гиппиуса. Сост. В. Х . Барагунов, 3. П. Кардангушев. М., I986. Т. 3. Ч. I.

95. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М., I996. Т. 3. Ч. 2.

96. Нарты. Адыгский героический эпос. М., I974.

97. Нарты. Кабардинский эпос. М., I95I.

98. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV - первая половина XVI в. М., I990.

99. Немировская Л. 3. Культурология. История и теория культуры. М., I992.

I00. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Интербук, I990.

I0I. Ногмов Ш. Б. История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, I994.

I02. Олеарии А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // АБКИЕА. С. 82-85.

I03. Орбелиани Г. Путешествие мое от Тифлиса до Петербурга (О Кабарде I83I г.) // Археографический сборник. Нальчик, I974.

I04. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., I987.

I05. Панеш Э. Х . Холодное оружие адыгов (к вопросу об эволюции): Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа // СМАЭ. Л., I989. С. 6I-7I.

I06. Пассмор Дж. Культурные универсалии // Философские науки. М., I990. № II.

I07. Пеисонелъ К. Трактат о торговле на Черном море // АБКИЕА. С. I79-203.

I08. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII -перв. пол. XIX в. Краснодар, I989.

I09. Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. СПб., I880.

II0. Потто В. А. Два века Терского казачества (I577-I80I). Ставрополь, I99I. Т. I.

III. Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь, I994. Т. I-5.

II2. Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА. С. 225-234.

II3. Предания о Жабаги. Нальчик, I985.

II4. Привилегированные сословия кабардинского округа // ССоКГ, I870. Вып. 3. Отд. I. С. I-II.

II5. Рахимов Р. Р. Мужские дома в традиционной культуре таджиков. Л., I990.

II6. Рейннегс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа // АБКИЕА. С. 209-2I3.

II7. Сиюхов С. Черкесы // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Избранные произведения. Нальчик, I99I. С. 234-270.

II8. Сокъур Валерэ. Бэчмырзэ и къуэ Бэтокъуэ и уэ-лиигъуэр // Iуащхьэмахуэ. I997. № 6. С. 94-I04.

II9. Скасси Р. Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в I8I6 г. // АБКИЕА. С. 28I-285.

I20. Смирнов Я. С. Военная демократия в нартском эпосе // Са I959. № 6.

I2I. Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию. Майкоп, I994.

I22. Сталь К. О. Этнографический очерк черкесского народа. // КС. I900. Т. 2I. Отд. 2. С. 53-I73.

I23. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. М., I989.

I24. Султан Крым-Гирей (Инатов). Путевые заметки /,/ Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX в. Краснодарское кн. изд-во, I986. С. 372-390.

I25. Тавернье Ж. Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет. С особыми заметками об особенностях религии, управлении, обычаях, торговле каждой из этих стран вместе с мерами, весами и стоимостью обращающихся денег // АБКИЕА. С. 73-8I.

I26. Тацит К. О. О происхождении германцев и местоположении Германии // Сочинения. Л., I969. Т. I.

I27. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик, I99I. № I. С. 5-60; № 2, С. 3-55; I992, № 3. С. 3-60; № 4, С. 3-43.

I28. Унарокова Р. Б. Предметное иносказание в системе опосредованных форм общения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, I988. Вып. 7. С. 40-48.

I29. Унежев К. Х . Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, I997.

I30. Фольклор адыгов. Нальчик, I979.

I3I. Фольклор адыгов. Нальчик, I988.

I32. Фонвилъ А. Последний год войны Черкесии за независимость I863-I864 гг. Из записок участника-иностранца // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, I99I. Вып. I, С. 355-407.

I33. Фролов Б. Е. Организация обороны Черноморской кордонной линии в конце XVIII -первой трети XIX в. // Кавказская война. Уроки истории и современность: Материалы научной конференции, Краснодар, I6-I8 мая I994 г. Краснодар, I995. С. I0I-II0.

I34. Фрэзер Дж. Д. Золотая ветвь. М., I984.

I35. Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик. Изд. центр «Эль-Фа». I994.

I36. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, I992.

I37. Хан Гирей. Черкесские предания. Нальчик, I989.

I38. Челеби Э. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., I979. Вып. 2.

I39. Шарданов Б. Б. Черкесы и их прошлое // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Нальчик, I99I. С. 75-90.

I40. Шафиев Н. А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV - XVI вв). Нальчик, I968.

I4I. Швецов В. Очерк о кавказских горных племенах. М., I856.

I42. Щоджэн Х ., Къардэнгъущ I 3. Адыгэ хабзэу щыIахэр. Налшык. I995.

I43. Шортанов А. Т. Адыгские культы. Нальчик, I992.

I44. ППэнгъуазэ. Нальчик, I990. № I. Июнь.

I45. ШДэнгъуазэ. Налшык, I990. № 6. Декабрь.

I46. ПЦэнгъуазэ. Налшык, I99I. № I2. Декабрь.

I47. Энгельс Ф. Горная война прежде и теперь // Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., I958. С. 95-I0I.

I48. Эпиграфические памятники Северного Кавказа (на арабском, персидском и турецких языках). Издание текстов, пер., комм., ст. и прил. Л. И. Лаврова. М., I968. Ч. 2.

I49. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп: Меоты, I993.

I50. Якубович А. Отрывки о Кавказе (Из походных записок) // Живая старина. Нальчик, I993. № 3. С. 78-8I.

I5I. Яхтанигов Х . Х . Северокавказские тамги. Нальчик, I993.

I52. Яхтанигов Х . Х . Экспонаты повествуют. Нальчик, I984.

Список информаторов

I. Гедгагова Лиза Казбулатовна, I929 г. р., сел. Урожайное Терского р-на КБР.

2. Гукемух Абубекир Махмудович, I905 г. р., сел. Большой Зеленчук КЧР.

3. Гусейнова Муазин Нартшуевна, I907 г. р., сел. Урух Урванского р-на КБР.

4. Дугуж Фуад Яхья, I940 г. р., сел. Сальманея, Сирия.

5. Жырчаго Гиса Аюбович, I9I9 г. р., сел. Мударея, Сирия.

6. Кардангушев Зарамук Патурович, I9I8 г. р., сел. Псы-гансу, Урванского р-на КБР.

7. Кубатиев Борис Хазретович, I939 г. р., сел. Куба, Баксанского р-на КБР.

8. Мамрешев Парика Шаралукович, I905 г. р., сел. Лечинкай Чегемского р-на КБР.

9. Мирзоев Кальмыхан Казбулатович, I926 г. р., сел. Урожайное Терского р-на КБР.

I0. Сасык Тахсин Батырхан, I934 г. р., сел. Кырк-Пынар, Пинарбаши, Турция.

II. Борова Хани Блятовна, I9I0 г. р., сел. Урожайное Терского р-на КБР.

I2. Шопаров Мухамад Кучукович, I952 г. р., ст-ца Зеленчукская Ставропольского края.

I3. Яхтанигов Хасан Хабасович, I943 г. р., сел. Вольный Аул КБР.

Список сокращений

АБКИЕА - Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX вв. / Сост., ред. переводов и вступ. ст. к текстам В. К. Гарданова, Нальчик: Эльбрус, I974.

АКАК - Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.

КБИГИ - Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований.

КС - Кавказский сборник. Тифлис.

КЭС - Кавказский этнографический сборник. Москва.

СМАЭ - Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград.

СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

ССоКГ - Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

СЭ - Советская этнография.

УЗКБНИИ - Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик.

ЦГВИА - Центральный государственный военно-исторический архив.

ААО - Адыгейская автономная область.

РА - Республика Адыгея.

КБР - Кабардино-Балкарская Республика.

КЧР - Карачаево-Черкесская Республика.

адыгейск. - адыгейский диалект

бжед. - бжедуги

кабардин. - кабардинцы, кабардинский диалект

тюрк. - термины тюркского происхождения.